

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
(Новосибирский государственный университет, НГУ)

На правах рукописи

Попов Дмитрий Константинович

**Дипломатические практики Российского государства в отношениях с кочевыми
народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.:
посольства, дарообмен, церемониал**

Специальность – 5.6.1. Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А. С. Зув

Новосибирск – 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Русские посольства к кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.	53
1.1. Социальные параметры посольств: чины руководителей и состав	53
1.2. Дипломатические ранги русских представителей	79
1.3. Полномочия послов и статус дипломатических миссий	97
Глава 2. Дипломатический дарообмен в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками в XVII – начале XVIII в.	123
2.1. Номинация дипломатических даров: принципы и семантика	123
2.2. Функционирование дарообмена в дипломатических отношениях	146
2.3. Роль дарообмена	173
Глава 3. Дипломатический церемониал в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками	202
3.1. Прием русских дипломатов в ставках кочевников	202
3.2. Прием посольств от кочевников в сибирских городах	229
3.3. Прием посольств от кочевников в Москве	254
Заключение	289
Список источников	296
Список литературы	303
Список сокращений	351
Приложение	352

Введение

Актуальность темы исследования

Современная международная ситуация не только активизировала азиатское направление внешнеполитической деятельности России, но и актуализировала анализ исторического опыта взаимодействия с различными государствами Азии в разные хронологические периоды, что является необходимым для выработки современных дипломатических практик и стратегий, направленных на выстраивание корректного, конструктивного и перспективного межгосударственного диалога. Использование дипломатии в отношениях с азиатскими народами подразумевает выстраивание коммуникации с учетом различного рода правил и условностей, которые в современной дипломатической практике задает дипломатический протокол. Его основные нормы определены международными и внутригосударственными правовыми актами, выстроенными на основании международной практики и национальных традиций, формирование которых происходило в течение длительного времени.

Россия исторически имеет большое количество дипломатических партнеров среди азиатских государств. В XVII в. в число контрагентов российского монарха вошли светские и религиозные (буддийские) лидеры кочевых народов, обитавших на севере Центральной Азии. На протяжении XVII – начала XVIII в. были установлены реальные дипломатические отношения, контролируемые органами центральной и местной (воеводской) российской власти, с тюркоязычными енисейскими киргизами, алтайскими телеутами, орчаками (тувинцами), а также с монголоязычными ойратами (торгоутами, джунгарами, хошоутами, дербетами), хотогойтами, халхасцами (халха-монголами). Главное содержание политического курса Российского государства на протяжении всего XVII в. в отношении большинства лидеров кочевых объединений севера Центральной Азии заключалось в стремлении установить подданнические (по отношению к русскому царю) или, в лучшем случае, протекторатно-вассальные отношения. Однако в действительности эти намерения не достигались (или достигались, но на непродолжительное время), и кочевники оставались самостоятельными участниками политической коммуникации.

Взаимоотношения Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. носили относительно устойчивый и

системный характер, в отличие от отношений с казаками, которые были длительное время эпизодическими и начали активизироваться лишь в конце XVII в. Коммуникация с Кучумовичами – потомками сибирского хана Кучума – выстраивалась в целом по тем нормам, которые сложились в ходе взаимодействия Российского государства с постордынскими образованиями. С учетом обозначенных обстоятельств взаимодействие российской власти с кочевыми народами, обитавшими на севере Центральной Азии, следует рассматривать отдельно.

Коммуникация Российского государства с лидерами тюрко- и монголоязычных кочевников в XVII – начале XVIII в. предполагала использование конкретных дипломатических практик. Эти практики служили индикаторами отношений между российским монархом и его контрагентами: с их помощью российская власть в понятных для себя символах определяла место дипломатического партнера в политической системе координат, конструировала собственный образ, транслировала в иноземную среду свои политико-мировоззренческие нормативы. Подробный анализ функционирования этих элементов русской дипломатической культуры позволит определить базовые параметры самопрезентации российского монарха при взаимодействии с иностранными контрагентами на центральноазиатском направлении, которыми в XVII – начале XVIII в. являлись лидеры тюрко- и монголоязычных кочевников, поддерживавшие коммуникацию со своим «северным соседом». В свою очередь, это расширит представление о коммуникационных процессах, проходивших между Россией и государственными или протогосударственными образованиями, имевшими разные культурно-цивилизационные парадигмы. Кроме того, анализ дипломатических практик необходим и для более глубокого понимания механизмов формирования этнической политики, осуществляемой в отношении подчиненных или зависимых от российской власти народов в разные хронологические периоды.

Историографический обзор

В исторической науке теме взаимоотношений Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. посвящено значительное количество публикаций. Начиная с середины XVIII в., данная тематика в той или иной степени затрагивалась как в трудах, посвященных процессу присоединения Сибири к России, интеграции ее территорий и народов в российское социально-политическое пространство, так и в исследованиях, специально посвященных дипломатической

коммуникации (в том числе отдельным ее фрагментам) российской власти с кочевым населением, обитавшим вдоль приграничного пространства сибирского региона.

Впервые в российской исторической науке *имперского периода* к теме отношений российской власти с тюрко- и монголоязычными кочевниками севера Центральной Азии обратились в XVIII в. Г. Ф. Миллер и И. Э. Фишер¹. Оба исследователя в своих трудах при изложении фактов присоединения новых территорий и установления там российской власти, предприняли попытку анализа взаимодействия Российского государства с аборигенным населением Сибири, в том числе и с теми народами, которые обитали вдоль границ – енисейскими киргизами, алтайскими телеутами, ойратами (калмыками) и монголами (хотогойтами)². Г. Ф. Миллер обратил внимание на роль дарообмена в российско-кочевнических дипломатических отношениях, связав его ключевое значение в развитии коммуникации с мировоззренческими установками номадов³. И. Э. Фишер отметил, что русские дипломаты, ездившие в ставки кочевников, требовали исполнение церемониала по русским правилам, а также указал на незнание русскими посланниками обычаев своих контрагентов⁴.

В первой половине XIX в. написал свое «Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени» Н. Я. Бичурин (о. Иакинф), в котором затронул факты дипломатических отношений Российского государства с ойратами, енисейскими киргизами, телеутами и хотогойтами, а также указал на роль дипломатического дарообмена в развитии коммуникации, связав его доминирование в отношениях с мировоззренческими установками и цивилизационными различиями между русскими и монголоязычными номадами⁵.

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. 1. М., 1999. 630 с.; *Он же*. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 2. М., 2000. 796 с.; *Он же*. История Сибири. Т. 3. М., 2005. 598 с.; Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 631 с.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 309–311, 318; *Он же*. История Сибири. Т. 2. С. 61, 69–71, 73, 107, 108, 110–113, 118–121, 126–134; *Он же*. История Сибири. Т. 3. С. 9–11, 13, 15–30, 32–33, 35–36; Фишер И. Э. Сибирская история... С. 182, 210–213, 239, 246–249, 253–265, 298, 317–323, 329–331, 416–417, 418, 435–443, 446–448, 449–455, 462–467, 470–472, 475, 479, 481, 484–526, 553–556, 562–563.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 13, 15, 17–18. Г. Ф. Миллер обратил внимание и на роль подарков при попытках установить власть над отдельными сибирскими народами (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 57). См. также: Фишер И. Э. Сибирская история... С. 440–441, 469.

⁴ Фишер И. Э. Сибирская история... С. 465, 488, 490–492, 501, 505, 510.

⁵ Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834. С. 30–59.

Специально тематике дипломатических отношений российской власти с монгольскими правителями посвятил свою статью Н. Н. Оглоблин, в которой изложил дипломатическую деятельность отдельных русских посланников, побывавших в улусах монголоязычных кочевников¹. Автор сконцентрировал внимание на посольской деятельности сибирских служилых людей, отметив их значительный вклад в развитие коммуникации с кочевыми народами: «все мирные завоевания порубежных земель путем посольских переговоров – все это было делом этих непатентованных дипломатов, отбывавших “посольское дело” наряду со всяким другим “государевым делом”»². Он же, составляя «Обозрение» документации Сибирского приказа, выделил источники, имеющие отношение к дипломатической деятельности воевод и русских посланников³. Н. Н. Оглоблин также обратил внимание на отдельные аспекты дипломатической культуры во время приема представителями российской власти монгольских посланников в Сибири в 1684 г., указав на то, что применяемый для встречи монгольской делегации дипломатический церемониал был миниатюрной копией тех приемов, которые использовались в Москве⁴.

В целом в период с конца XVIII в. и до начала XX в. в российской исторической науке были опубликованы работы, авторы которых затрагивали (в основном лишь в общих чертах), взаимодействие российской власти с кочевыми народами Центральной Азии. С разной степенью детализации в своих публикациях исследователи обращали внимание на фактическое изложение дипломатического диалога, который, впрочем, даже не всегда называли дипломатическим⁵. Одновременно в этот период исследователи

¹ Оглоблин Н. Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. 1891. Т. 46. № 10. С. 156–171.

² Там же С. 157.

³ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895. С. 214–215; *Он же*. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральным. М., 1900. С. 38–39, 43.

⁴ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. С. 213.

⁵ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. СПб., 1799. Ч. 3. С. 3–5; Левишин А. И. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 139–140; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886. С. 30–31, 36, 38–40, 52–53, 69–71, 98, 111–113, 126–129; Андриевич В. К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. С. 43, 78–79, 82, 103–106, 109–110, 112, 118–134; *Он же*. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 2. С. 39, 41–42, 48, 49; *Он же*. Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года. М., 2013. С. 30–31, 33, 35–36, 64–66;

начали фокусироваться на развитии русско-китайских отношений, в контексте которых обращали внимание и на взаимодействие российской власти с монгольскими кочевниками¹.

Таким образом, в российской исторической науке имперского периода тематика дипломатических отношений Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии если и становилась предметом исследования, то, как правило, в контексте присоединения Сибири и подчинения российской власти отдельных (южносибирских) племен или в контексте истории конкретного этноса (народа). Специальные публикации, посвященные дипломатической деятельности России на азиатском направлении, в основном охватывали взаимодействие российской власти не столько с номадами, сколько с китайцами (маньчжурами). Следует отметить и ограниченность источниковой базы, характерную для научных публикаций имперского периода. Исторические источники лишь начали вводиться в оборот, что было связано с деятельностью Археографической комиссии в XIX в.² Однако появление работ, в той или иной степени затрагивающих аспекты русско-кочевнического взаимодействия в Центральной Азии, свидетельствует о том, что у историков начинает проявляться интерес и к данной тематике. Кроме того, исследователи, анализируя коммуникацию российской власти с кочевыми народами в контексте рассмотрения другой научной проблемы (присоединения Сибири или русско-китайских отношений), заложили основы системного

Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1: Введение. История до-русской Сибири. Иркутск, 1920. С. 245, 247; *Веселовский Н. И.* Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Т. 3. 1888. СПб., 1889. С. 365–370; *Кузнецов-Красноярский И. П.* Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии. Томск, 1902. 38 с.; *Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII веке: этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913. 212 с.; *Козьмин Н. Н.* Князь Иренак. Эпизод сибирской истории // Сибирские записки. 1916. С. 41–58.

¹ *Арсеньев Ю. В.* Очерки сношений России с Китаем через Сибирь и Монголию до 1675 года // [Спафарий Н. Г.] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.: Дорожный дневник Спафария. СПб., 1882. С. 9–18; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год: Сост. по документам, хранящимся в моск. арх. Гос. коллегии иностр. дел, в 1792–1803 гг. Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882. С. 9, 10, 12, 13, 54–55, 57, 59; *Покровский Ф. И.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Лычева в 1567 году). СПб., 1914. 48 с.

² См. подробнее об Археографической комиссии: *Чирков С. В.* Археографическая комиссия в XIX–XX веках: организационные формы и развитие научных методов // Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М., 2017. С. 22–37.

подхода при рассмотрении международных отношений в Центрально-Азиатском регионе.

В советской историографии тематика развития отношений Российского государства с тюрко- и монголоязычными народами в XVII в. получала дальнейшее развитие. В первые десятилетия советской власти свои труды опубликовали В. Л. Котвич¹, Н. Н. Козьмин², В. В. Бартольд³, Г. Е. Грумм-Гржимайло⁴, М. Н. Богданов⁵, А. П. Окладников⁶, С. В. Бахрушин⁷, И. И. Тыжнов⁸. С различной степенью детализации и концептуализации они в общих чертах обрисовали взаимодействие России с кочевниками в XVII–XVIII вв., указав на различные методы и попытки (военные и дипломатические) подчинить жителей степи власти российского монарха. Большинство названных исследователей концентрировало внимание на развитии коммуникации с отдельными азиатскими народами, не рассматривая российско-кочевнические отношения в широком диапазоне.

Исключением является лишь И. И. Тыжнов, который в своей монографии, изданной, однако, первый раз только в 2013 г., сфокусировал внимание на взаимодействии российской власти с енисейскими киргизами, алтайскими телеутами и хотогойтами⁹. Как отметил В. П. Зиновьев, монография И. И. Тыжнова написана в

¹ Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. I) // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия. Пг., [1921]. С. 791–822; *Он же*. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. II) // Там же. С. 1071–1092; *Он же*. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. III) // Там же. С. 1199–1214.

² Козьмин Н. Н. Хакасы: Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925. 185 с.

³ Бартольд В. В. Киргизы: [исторический очерк]. Фрунзе, 1927. 57 с.; *Он же*. Очерк истории Семиречья // Бартольд В. В. Сочинения: [В 9 т.]. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 23–108.

⁴ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. С. 642, 704–708.

⁵ Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926. 229 с.

⁶ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. 427 с.

⁷ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 39–44; *Он же*. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 176–224.

⁸ Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. 256 с.

⁹ Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири... С. 72–75, 82–84, 90, 92, 102, 104, 106–121, 123–125, 128–130, 139–142, 147, 157–158, 163–166. Об И. И. Тыжнове и его публикациях, на которые исследователи длительное время не обращали внимание, см.: Зиновьев В. П. И. И. Тыжнов и его исследования по истории Сибири // Мир Евразии. 2014. № 1(24). С. 28–33.

позитивистском стиле, подразумевавшим строгое и последовательное изложение фактического материала¹. Это, впрочем, не отменяет наличие в ней фактических ошибок и отдельных неточностей.

Особо отметим статьи В. Л. Котвича, в которых автор, анализируя комплекс источников, относящихся к истории ойратов, обратил внимание на отдельные дипломатические практики (отправка русских посольств, прием дипломатов от калмыков в Сибири и Москве, переписка с кочевниками), а также на управленческие вопросы, связанные с посольскими отношениями².

В середине – второй половине XX в. научно-исследовательская литература пополнилась монографиями, статьями и тезисами, авторы которых анализировали историю взаимоотношений российской власти с отдельными тюрко- и монголоязычными народами севера Центральной Азии. Среди исследователей, которые касались данной темы, были: Л. П. Потапов³, К. Г. Копкоев⁴, М. П. Хабаев⁵, Н. П. Шастина⁶,

¹ См.: *Зиновьев В. П.* И.И. Тыжнов о характере отношений Джунгарии и России в XVII–XVIII вв. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: матер. XII международной научной конференции, г. Ховд, Монголия, 18–21 сентября 2015 г. Т. 2: Гуманитарные и социальные науки. Томск, 2015. С. 77.

² *Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. I). С. 814–818; *Он же.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. II). С. 1080–1092; *Он же.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. III). С. 1199–1207.

³ *Потапов Л. П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов. XVII–XIX вв. Абакан, 1952. 218 с.; *Он же.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 444 с.; *Он же.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.

⁴ *Копкоев К. Г.* Добровольное присоединение Хакасии // 250 лет вместе с великим русским народом: [Сборник статей]. Абакан, 1959. С. 19–37; *Он же.* Об уgone «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века // Ученые записки / Хакас. НИИ яз., лит. и истории. Абакан, 1965. Вып. 11. С. 65–85; *Он же.* Хакасско-русские посольские связи в XVII – начале XVIII веков // Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей. 1969. № 2. С. 90–95.

⁵ *Хабаев М. П.* Из истории русско-монгольских отношений конца 17 и первой четверти 18 века // Ученые записки Бурят-Монгольского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова / ред. М. П. Хабаев. Улан-Удэ, 1958. Вып. 14. С. 51–78.

⁶ *Шастина Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. Л., 1949. № 6. С. 383–395; *Она же.* Письма Лубсан-Тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в. // Филология и история монгольских народов: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова: [Сборник статей]. М., 1958. С. 275–278; *Она же.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. 182 с.; *Рерих Ю. Н., Шастина Н. П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения. 1960. №. 4. С. 140–150.

А. П. Уманский¹, Е. М. Залкинд², А. А. Арзыматов³, А. Абдыкалыков⁴, Н. С. Модоров⁵, Г. П. Самаев⁶, Л. Р. Кызласов⁷, Г. Ф. Быконя⁸. Названные авторы анализировали политические отношения между сторонами, попутно обращая внимание на русские посольства, ездившие в ставки кочевников.

В наиболее концентрированном виде развитие русско-монгольских отношений в XVII в. изложено в статьях и монографии Н. П. Шестиной⁹. Исследовательница обстоятельно проанализировала дипломатическую коммуникацию между российской властью и политическими образованиями хотогойтов и халха-монголов, выделив периодизацию и изложив фактическую сторону диалога. Она же ввела в научный оборот значительное количество архивных источников, необходимых для раскрытия различных аспектов русско-монгольских отношений в XVII в. Н. П. Шестина отметила основные императивы российской внешней политики, направленные на то, чтобы мирными методами установить контроль над монгольскими улусами: «московское правительство, пытавшееся договорным путем присоединить к своим сибирским землям владения алтын-хана, не смогло добиться успеха, хотя и использовало для этого удобный момент, когда он сам попросил помощи и покровительства»¹⁰. Исследовательница отметила, что

¹ Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. 296 с.

² Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. 320 с.

³ Арзыматов А. А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. [Фрунзе], 1966. 92 с.

⁴ Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в.: (исторический очерк). Фрунзе, 1968. 138 с.

⁵ Модоров Н. С. Из истории русско-алтайских посольских связей в 40–90 годах XVII века // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 8. Барнаул, 1969. С. 63–69; *Он же*. Из истории официальных отношений сибирских воевод в XVII веке с алтайскими князьями // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 9. Барнаул, 1970. С. 94–100; *Он же*. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. 400 с.

⁶ Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. 256 с.

⁷ Кызласов Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан, 1996. 64 с.

⁸ Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. 248 с.

⁹ Шестина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. Л., 1949. № 6. С. 383–395; *Она же*. Письма Лубсан-Тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в. // Филология и история монгольских народов: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова: [Сборник статей]. М., 1958. С. 275–278; *Она же*. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. 182 с.; *Рерих Ю. Н., Шестина Н. П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения. 1960. №. 4. С. 140–150.

¹⁰ Шестина Н. П. Русско-монгольские посольские... С. 56.

кочевники на протяжении всего периода иначе, чем русские, воспринимали присягу-шерт и стремились установить союзные отношения и нередко демонстрировали себя как равные российскому монарху партнеры¹. Кроме того, Н. П. Шастина, описывая развитие российско-монгольских отношений, обратила внимание и церемониальный аспект².

Подробно отношения с кочевниками, в том числе дипломатическую коммуникацию российской власти с тюркоязычными алтайскими телеутами, проанализировал А. П. Уманский³. В его исследовательском фокусе оказались и русско-джунгарские отношения⁴. А. П. Уманский, концентрируя внимание на политических событиях, отметил роль дарообмена в русско-телеутских отношениях, указал на отдельные дипломатические практики российской власти во время приезда телеутских посланцев в 1658–1659 гг. в Москву, а также на исполнение ритуалов и церемониалов во время поездок русских посольств в Телеутскую землю и Джунгарию⁵.

Отталкиваясь от парадигмы добровольного вхождения Хакасии в состав России, на дипломатические отношения российской власти с енисейскими киргизами (хакасами) обратил внимание К. Г. Копкоев. Но он фрагментарно описал отдельные компоненты

¹ Там же. С. 24, 25, 36, 39–40, 80, 90, 101, 102, 158.

² Там же. С. 24, 37, 48–49, 54, 72, 92, 96, 114, 122, 130.

³ Уманский А. П. Посольство телеутских князей в Москву (1658–1659 гг.) // Алтай. 1968. № 2(45). С. 115–125; *Он же*. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 11–186; *Он же*. 350 лет со времени шертоприводного посольства Петра Сабанского к телеутским князьям // Страницы истории Алтая. 1996 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1995. С. 84–88; *Он же*. 300 лет со времени посольства Н. Прокофьева к телеутскому князю Табуну Кокину // Страницы истории Алтая. 1996 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1995. С. 89–93; *Он же*. 340 лет со времени послования И. Петрова у телеутских князей Коки Абакова и Мачика Койшебунова // Страницы истории Алтая. 1997 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1996. С. 76–79; *Он же*. 340 лет со времени посольства Д. Вяткина и Д. Копылова в Телеутскую землю // Страницы истории Алтая. 1998 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1997. С. 53–55.

⁴ Уманский А. П. О посольстве Кульвинского в Джунгарию в 1667 году // Первые Востоковедческие чтения, посвященные памяти С. Г. Лившица: (тезисы докладов и сообщений, 7 мая 1996 г.). Барнаул, 1996. С. 47–53; *Он же*. Посольство Василия Литасова в Джунгарию в 1664–1665 гг. // Россия, Сибирь, государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): материалы региональной конференции, 14 октября 1997 г. Барнаул, 1997. С. 64–70; *Он же*. Миссия В. Бубенного в Джунгарию в 1665–1666 гг. // Вторые Востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица: (тезисы докладов и сообщений, 21 апреля 1998 г.). Барнаул, 1998. С. 11–14.

⁵ Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 14, 20, 22, 74, 80, 90–91, 94–95, 103–104, 108, 110, 134, 135, 160, 163, 168; *Он же*. Посольство телеутских князей в Москву (1658–1659 гг.). С. 115–125; *Он же*. Посольство Василия Литасова в Джунгарию в 1664–1665 гг. С. 66–68; *Он же*. О посольстве Кульвинского в Джунгарию в 1667 году. С. 48, 49; *Он же*. Миссия В. Бубенного в Джунгарию в 1665–1666 гг. С. 11.

церемониала при анализе русско-киргизских отношений, не давая им никакой интерпретации¹.

Более обстоятельную попытку проанализировать дипломатические практики и церемониал в русско-телеутских отношениях предпринял Н. С. Модоров. Используя сравнительный метод, он выявил отличия русских посольств, ездивших в европейские государства, от тех, которые ездили к алтайским телеутам. К отличительным чертам в дипломатических практиках, по мнению исследователя, относятся следующие: во-первых, формирование русских миссий на воеводском уровне; во-вторых, статусные характеристики посольств – положение глав миссий в социуме, численность свиты; в-третьих, соблюдение сторонами отдельных ритуалов; в-четвертых, количество и ценность «государева жалованья», направляемого в телеутские улусы². Н. С. Модоров весьма справедливо отметил, что дипломатические отношения между двумя сторонами развивались «по давно сложившемуся посольскому обычаю», который с определенной периодичностью соблюдался обеими сторонами³. Исследователь предпринял попытку реконструировать последовательность компонентов дипломатического церемониала⁴. «Добиваясь приведения алтайских правителей в зависимость от русского престола, – резюмирует Н. С. Модоров, – послы между тем следили за неукоснительным соблюдением первыми правил посольской этикета, нарушение которого настораживало местные власти и служило своеобразным предупреждением о возможной опасности. В силу этого они и добивались соблюдения и выполнения представителями алтайской родоплеменной знати правил посольского церемониала»⁵.

Попытки комплексно рассмотреть систему международных отношений в Центрально-Азиатском регионе были предприняты Ш. Б. Чимитдоржиевым⁶,

¹ *Копкоев К. Г.* Добровольное присоединение Хакасии. С. 24–25; *Он же.* Хакасско-русские посольские связи в XVII – начале XVIII веков. С. 91–92, 94.

² *Модоров Н. С.* Россия и Горный Алтай... С. 73–75; *Он же.* Из истории официальных отношений сибирских воевод в XVII веке с алтайскими князьями. С. 94–97.

³ *Модоров Н. С.* Россия и Горный Алтай... С. 74, 76.

⁴ Там же. С. 74–76, 78, 79.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978. 216 с.; *Он же.* Россия и Монголия. М., 1987. 233 с.

Б. П. Гуревичем¹, В. А. Александровым², П. Т. Яковлевой³. При этом историки фокусировались прежде всего на отношениях с монголоязычными народами, а также с маньчжурами, не обращая внимание на коммуникацию с тюркоязычными кочевниками.

Ш. Б. Чимитдоржиев, анализируя события русско-ойратских отношений фрагментарно описал церемонии приема дипломатов обеими сторонами⁴. Излагая ход русско-джунгарского взаимодействия в 1670-х гг., исследователь констатировал, что «в Русском государстве в то время существовали сложные правила приема и сопровождения иностранных послов. В пути с послами никто не должен был ни говорить, ни рассматривать их. Но одно из правил ритуала часто вызывало недоумение иностранцев, а иногда и портило все дело: пока послы не были приняты царем или высокими сановниками, их содержали в специально отведенном месте и ставили сильный караул»⁵. Такие правила, по его мнению, вызывали недоумение и жалобы со стороны джунгарских дипломатов⁶. Он же отметил важную роль подарков в развитии коммуникации с ойратами, а также указал на практику «запросов» (просьб прислать кочевникам конкретные вещи)⁷. В целом Ш. Б. Чимитдоржиев пришел к заключению, что «восточная политика Русского государства (и по отношению к ойратам) осуществлялась не только силой оружия, но и дипломатическим путем», отметив, что «в истории русско-ойратских отношений в XVII в. основным средством разрешения спорных проблем в большинстве случаев являлись переговоры, посольские и торговые связи»⁸.

Б. П. Гуревич лишь констатировал факты посольской деятельности русской и кочевой сторон, а также указал на то, что российская власть подарками стремилась «задобрить» халхаских правителей⁹. В. А. Александров, анализируя русско-монгольские

¹ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. 2-е изд., доп. М., 1983. 309 с.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. 303 с.; Он же. Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII в.). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1984. 271 с.

³ Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. 235 с.

⁴ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России... С. 19–20, 56–57, 77; Он же. Россия и Монголия. С. 25, 39–40, 51–52.

⁵ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России... С. 111. См. также: Он же. Россия и Монголия. С. 64.

⁶ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России... С. 111.

⁷ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России... С. 42–43; Он же. Россия и Монголия. С. 32.

⁸ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России... С. 25.

⁹ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии... С. 31–37.

отношения, в частности прием русскими властями в Сибири в 1684 г. посланников от халхаского Очиры Саин-хана (тушету-хана Чихунь Доржи), заключил, что «церемония встречи была копией в миниатюре московских дипломатических приемов»¹. Торжественность и вежливость в совокупности с «непреклонным тоном» представителей российской власти, по его мнению, произвели впечатление на халхаского правителя². В остальных случаях, описывая развитие отношений Российского государства с Джунгарией и Северной Монголией, В. А. Александров лишь констатировал факты дипломатической деятельности сторон³. Аналогично исследователь констатировал факты посольской коммуникации и в русско-киргизских отношениях в течение XVII в.⁴

И. Я. Златкин, посвятив свои научные труды истории Джунгарии и Монголии, анализируя становление и развитие системы внешнеполитической деятельности политических образований кочевников, ограничился только упоминанием эпизодов посольской коммуникации, которая осуществлялась между русскими, с одной стороны, и джунгарами, хошоутами, халхасцами – с другой⁵.

Дипломатическая деятельность представителей российской власти кратко рассмотрена в публикации А. Г. Банникова, которого интересовали прежде всего географические и этнографические сведения, зафиксированные в статейных списках посольств В. Тюменца, И. Петлина, Ф. Байкова⁶. Фрагментарно и поверхностно русско-джунгарские отношения рассмотрены в биографическом труде Е. И. Кычанова, написанном в научно-популярном стиле и посвященном джунгарскому Галдану Бошокту-хану⁷.

Резюмируя, отметим, что в историографии советского периода исследователи ввели значительное количество эмпирического материала, подробно проанализировали

¹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII в.). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1984. С. 133.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 60–75, 120, 123, 132–136, 141, 143, 144, 151, 159, 160–161, 163, 166, 172, 173, 183–184, 196–197.

⁴ Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 44, 47, 51, 56, 58.

⁵ Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957. С. 36, 39–47, 49–51, 55–56, 61–64; Он же. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М., 1983. С. 79–81, 86–91, 93–97, 109, 112, 116–118, 120–126, 132–133, 136, 138, 140–146, 151, 159–164, 187–188.

⁶ Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай: Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков. 2-е изд. М., 1954. 55 с.

⁷ Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980. 190 с.

фактическую сторону переговорного процесса. Научно-исследовательская литература этого периода отмечается многочисленностью, что позволяет утверждать о выделении тематики отношений Российского государства с номадами севера Центральной Азии в отдельное исследовательское направление. Некоторые авторы обратили внимание на дипломатические практики, используемые российской властью в коммуникации с кочевыми народами Центрально-Азиатского региона. Но все же эти аспекты взаимоотношений сторон не стали предметом специальных научных исследований.

В *постсоветской* и *современной* историографии было продолжено изучение дипломатических отношений России с центральноазиатскими кочевниками в XVII в. Так, в публикациях М. И. Гольмана и Г. И. Слесарчук, выход в свет которых пришелся на вторую половину XX – начало XXI в., т. е. охватил несколько периодов развития исторической науки, обстоятельно проанализирована фактическая сторона взаимоотношений российской власти с центральноазиатскими номадами. Исследователи, характеризуя источниковую базу прежде всего русско-монгольских отношений, обобщили тематику переговоров между двумя сторонами¹. М. И. Гольман и Г. И. Слесарчук отметили заинтересованность кочевников в получении «государева жалованья» (царских подарков), предположили, что «дань», которую «уплачивали» степняки, была подарками. Они же, анализируя русско-хотогойтские отношения, указали,

¹ Гольман М. И., Слесарчук Г. И. Русские архивные материалы о взаимоотношениях России и Монголии в 30–50 годах XVII в. // Краткие сообщения Института народов Азии: [сборник статей]. Вып. 76. Материалы к хронике советского востоковедения. История Монголии и Китая. М., 1965. С. 166–181; Гольман М. И. Русские архивные документы по истории Монголии в середине 50-х – 80-е годы XVII века // *Mongolica*: [Сб. ст.]: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова, 1884–1931. М., 1986. С. 137–149; *Он же*. Русские архивные документы по истории Монголии XVII в. // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России: Доклады научной конференции / Подг. И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова. СПб., 2000. С. 94–101; *Он же*. Русско-монгольские отношения во второй половине XVII в. // Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 54–67; Слесарчук Г. И. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в. // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 8–14; *Она же*. Русские архивные материалы о хошоутских тайджи Аблае и Очирту Цепен-хане // Там же. С. 87–93; *Она же*. О поездке тобольского сына боярского Ф.Е. Михалевского и подьячего Г. Шешукова в монгольские улусы // Там же. С. 94–102; *Она же*. Русско-монгольские отношения в период нерчинских переговоров // Там же. С. 103–109; *Она же*. Из истории посольских отношений России с северо-монгольскими ханами в 60–70-е годы XVII века // Там же. С. 127–133; *Она же*. Русские архивные документы о белых калмыках-теленгутах в XVII в. // Там же. С. 134–141; *Она же*. Русские архивные материалы о подданстве джунгарского тайджи Сенге // Там же. С. 178–185; *Она же*. Тайджи Сенге и его связи с Русским государством // Там же. С. 200–203; *Она же*. Русские архивы о Цепен-хане Шолое // Там же. С. 204–208; *Она же*. Из истории русско-джунгарских отношений в начале XVIII века // Там же. С. 209–212.

что «интерес представляет перечисление предметов, которые алтын-хан просил себе в жалованье: одни, как видно, из чистого любопытства – посмотреть и послушать, а другие скорей всего с практической целью»¹. Прочие дипломатические практики, в частности церемониал, подробно не анализировались исследователями. Они ограничились лишь кратким описанием их².

В. А. Моисеев проанализировал русско-джунгарские отношения в XVIII в., при этом не оставляя без внимания события конца XVII в.³ В соавторстве с Р. А. Кушнерик он провел сопоставление дипломатических практик России и цинского Китая, которые применялись государствами в коммуникации с джунгарами и казахами. Исследователи отметили, что российское «дипломатическое искусство» носило «универсальный характер», который подразумевал выстраивание отношений с центральноазиатскими государствами на принципах «взаимного уважения суверенитета в лице олицетворявшего государства правителей»⁴. По мнению Р. А. Кушнерик и В. А. Моисеева, церемонии приема центральноазиатских дипломатов в России не носили унижительного характера, а отдельные ритуалы (допуск или недопуск посланников «к руке» монарха) свидетельствовали лишь об отношении к самим представителям контрагента. Исследователи отметили, что российская власть стремилась продемонстрировать прибывшим дипломатам пышность и богатство, одаривала их богатыми подарками, подчеркивая тем самым свое могущество. По мнению авторов, Москва никогда не атрибутировала привозимые кочевниками подарки как дань⁵.

В своих публикациях Р. А. Кушнерик провела анализ не только переговорного процесса между русскими и джунгарами в XVII–XVIII вв., но и обратила внимание на дипломатические практики, используемые обеими сторонами во время диалога⁶. Как

¹ Гольман М. И., Слесарчук Г. И. Русские архивные материалы о взаимоотношениях России и Монголии в 30–50 годах XVII в. С. 176, 180.

² См., например: Слесарчук Г. И. О поездке тобольского сына боярского Ф.Е. Михалевского и подьячего Г. Шешукова в монгольские улусы // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет. С. 94–102.

³ Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. 174 с.

⁴ Кушнерик Р. А., Моисеев В. А. Дипломатия Китая и России в Центральной Азии: сходства и различия (XVII–XVIII вв.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: материалы VI Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2006. С. 323.

⁵ Там же. С. 323–324.

⁶ Кушнерик Р. А. Некоторые особенности дипломатического искусства ойратов (на примере русско-джунгарских отношений) // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч.

отмечает исследовательница, российские монархи специально демонстрировали роскошь и пышность аудиенций, акцентировали внимание джунгарских дипломатов на военном богатстве и могуществе – все это делалось с целью заставить кочевников соглашаться на те условия, которые им выдвигали представители российской власти во время переговоров¹. Р. А. Кушнерик, оперируя фактами, относящимися прежде всего к XVIII в., обратила внимание на то, что из России в Джунгарию направлялись лица незнатного происхождения – военные в ранге посланников. Не приводя конкретных доказательств, она указала на то, что в состав российских миссий входили казаки и представители местного нерусского населения². Исследовательница отметила, что посольства, прибывшие в Россию из Джунгарии, поступали полностью на казенное обеспечение. Русские и джунгарские дипломатические миссии, по мнению Р. А. Кушнерик, ездили совместно: из Джунгарии посланники посылались вместе с русскими дипломатами и наоборот³. Кроме того, исследовательница отметила, что подарки в русско-ойратских отношениях играли значительную роль, а щедрость, проявляемая российской властью, была направлена на то, чтобы склонить кочевников принять российское подданство⁴.

Что касается дипломатического церемониала, который использовала российская власть в отношениях с ойратами, то он, как заметила Р. А. Кушнерик, «принципиально не отличался от приема посланников других восточных государств. Однако в XVII столетии статус джунгарских правителей котиrowался в Москве намного ниже, чем персидских шахов и даже бухарских ханов»⁵. Дипломатический этикет во время приема русских посланников в улусах джунгаров не всегда соблюдался кочевниками, что было обусловлено характером отношений двух сторон в каждый конкретный момент времени⁶.

статей. Вып. 5. Барнаул, 2006. С. 7–16; *Она же*. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): монография. Барнаул, 2008. 267 с.; *Она же*. Дипломатическое искусство России и Джунгарского ханства (XVII–XVIII вв.) // Мир Евразии. 2014. № 3 (26). С. 49–55.

¹ Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.). С. 166.

² Там же. С. 166, 167, 180, 197.

³ Там же. С. 169, 194.

⁴ Там же. С. 203–204.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ Там же. С. 175, 221.

Развитие, ход и тематику русско-хотогойтских дипломатических отношений в XVII в. проанализировала Л. Ш. Чимитдоржиева¹. Она отметила, что обмен дипломатическими миссиями был основной формой коммуникации между монголами и русскими. Организаторами русских посольств были местные власти, которым Москвой были предоставлены широкие полномочия. Исследовательница указала на отличия в составе посольств, ездивших в западные государства, от тех миссий, которые направлялись к монголам-хотогойтам: они формировались не из числа придворных, а из местного служилого населения. Она же отметила (не приводя при этом никакой конкретики) и то, что в состав русских посольств включались представители местного сибирского населения. Возглавляли такие миссии, по мнению Л. Ш. Чимитдоржиевой, дети боярские². Исследовательница также отметила значительную роль дарообмена в развитии русско-хотогойтских отношениях, и указала на ошибочное восприятие российской властью подарков от алтын-ханов³.

Подробному анализу подверглись и русско-киргизские отношения в XVII – начале XVIII в.⁴ Однако исследователи сконцентрировали внимание именно на политическом аспекте взаимодействия сторон, отодвинув на задний план дипломатический диалог и тем более дипломатические практики.

Кроме обозначенных выше работ в первой четверти XXI в. научно-исследовательская литература пополнилась рядом публикаций, которые посвящены отдельным аспектам взаимодействия российской власти с кочевым миром севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. Однако исследователи если и затрагивали

¹ Чимитдоржиева Л. Ш. Проблема шерти на русско-алтан-хановских переговорах // ОЛОН УЛС СУДЛАЛ. 2004. № 4. С. 97–105; Она же. Основные вопросы, обсуждавшиеся на русско-алтан-хановских переговорах // Historia Mongolarum. 2005. № 4. С. 115–125; Она же. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. 154 с.; Она же. Архивные документы о развитии русско-бурят-монгольских отношений в XVII–XIX вв. // Россия – Монголия: 100 лет вместе: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений, Иркутск, 20 мая 2021 г. Иркутск, 2021. С. 7–14.

² Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. С. 25–26.

³ Там же. С. 56, 94–97.

⁴ Чаптыкова Н. Н. Борьба вокруг «Киргизской земли» в XVII веке. СПб., 1999. 22 с.; Бутанаев В. Я. Сказания о великом хакасском князе Еренаке. Абакан, 2006. 154 с.; Он же. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. 295 с.; Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан, 2007. 334 с.

дипломатические отношения, то лишь при анализе проблемы двоеданства¹, процесса присоединения отдельных районов Сибири², роли отдельных лиц и социальных категорий в развитии российско-кочевнической коммуникации³, разрешения приграничных (локальных) споров и формирования границы⁴, отдельных эпизодов российско-кочевнического взаимодействия⁵, правовых традиций кочевых государств,

¹ *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири XVII–60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. 217 с.; *Дацышен В. Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005. 250 с.

² *Тубчинов С. Д.* Монгольские роды Южного Забайкалья и их отношения с русскими в XVII – нач. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 21 с.; *Модоров Н. С.* Русско-телеутский договор 1609 года – начало политического, хозяйственно-экономического и социокультурного сотрудничества с русским государством // *Мир Евразии*. 2014. № 3 (26). С. 61–66; *Малахова-Полякова О. В., Модоров Н. С.* Закрепление Русского государства в Верхнем Приобье в XVII – первой половине XVIII века // *Мир Евразии*. 2012. № 2–4. С. 116–126; *Базаров Б. В.* Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв. // *Российская история*. 2017. № 1. С. 49–55; *Базаров Б. В., Гомбожапов А. Д.* Цин и Россия в XVII в.: геополитический передел монгольского мира // *Восток (Oriens)*. 2016. № 6. С. 98–104; *Терентьев В. И.* Бремя юбилея: почему российско-монгольские дипломатические отношения официально насчитывают только 100 лет? // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2021. Вып. 14. С. 171–177.

³ *Ананьев Д. А.* Участие сибирских служилых людей в установлении и развитии русско-ойратских дипломатических отношений в первой половине XVII в. // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2017. №4. С. 93–97; *Каменецкий И. П.* Посольство дворянина Я. Тухачевского к Алтын-хану: старое и новое в русской посольской практике XVII в. // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2018. № 1(14). С. 165–172; *Он же.* «Посольские дела» томского казака Емельяна Вершинина в 1630–1640-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 483. С. 108–113.

⁴ *Ананьев Д. А.* Русско-джунгарские пограничные споры в первой половине XVIII в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 3. Вып. 2. С. 18–23; *Он же.* Взаимоотношения России и Джунгарии в XVII–XVIII вв. в оценках отечественной и зарубежной историографии // *Азиатская Россия и сопредельные государства: [сборник научных трудов]*. Новосибирск, 2013. С. 17–27; *Соколовский И. Р.* Чингис-городок: Караканское Порубежье XVII века на евразийской исторической сцене. Новосибирск, 2021. 314 с.; *Бобров Д. С., Соболева Т. Н.* Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 3–2 (87). С. 34–41; *Бобров Д. С.* Тенденции формирования российской границы на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // 350 лет со дня рождения Петра I (Барнаул, 22 мая 2022 г.): Материалы регионального научного симпозиума с международным участием. Барнаул, 2023. С. 6–12; *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. 415 с.; *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Картография Среднего и Верхнего Прииртышья в контексте российской колонизации региона (XVII – первая треть XVIII в.): документальная монография. Барнаул, 2024. 324 с.

⁵ См., например: *Пузанов В. Д.* Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2010. № 2 (76). С. 64–76; *Он же.* Русские и ойраты на юге Сибири в XVII в. // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции, г. Курган, 22–23 апреля 2011 года*. Курган, 2011. С. 118–121; *Он же.* Русское государство, тюркское население и ойраты в Западной Сибири в первой трети

зафиксированных в русских источниках¹. Поверхностно взаимодействие российской власти, в том числе дипломатическими методами, затронуто в краеведческой и популярной литературе².

Вместе с тем отдельные аспекты отношений Российского государства с населением севера Центральной Азии анализировались (и продолжают анализироваться) исследователями в контексте выработки политико-правовых механизмов и практик, применяемых российской властью в процессе подчинения кочевников, формирования полиэтничной Российской империи в XVI–XVIII вв., а также выработки нормативов «этнической» политики. Среди авторов, рассматривавших обозначенные вопросы,

XVII в. // Сибирский сборник: Сборник статей. Вып. 3. Курган, 2015. С. 121–135; Санчилов В. П. Русские посланцы в ставке калмыцкого тайши Далай-Батыра во втором десятилетии XVII в. // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2011. Вып. 1. С. 9–15; Милюков А. Н. Русско-монгольские дипломатические отношения 1607–1679 гг. как фактор присоединения Сибири // Молодой ученый. 2011. № 5 (28). Т. 2. С. 79–80; Он же. Историографическая и источниковая база в проблеме изучения русско-монгольских дипломатических отношений XVII в. // Молодой ученый. 2011. № 7 (30). Т. 2. С. 41–44; Он же. Посольство московского дворянина Якова Тухачевского в 1634 году // Молодой ученый. 2011. № 9 (32). С. 167–170; Он же. Специфика русско-монгольских отношений во второй половине XVII в. // История и археология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–23 ноября 2012 г.). СПб., 2012. С. 16–21; Тепкеев В. Т. Русско-ойратские отношения в 1607–1608 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 8–15; Цюрюмов А. В. Русско-калмыцкие отношения во второй четверти XVII века // Вестник калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2007. Т. 2. № 2 (15). С. 118–125; Бобровский А. Ю. «Осада» Кузнецка 18–25 сентября 1700 г. // Из кузнецкой старины. Вып. 3. Новокузнецк, 2012. С. 45–65; и др.

¹ Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников. Монголия XVII – начала XX века. М., 2021. 334 с.

² См., например: Голодяев К. А. Телеутская межа (история неизвестной столетней войны) // Развитие территорий. 2017. № 3 (9). С. 13–20; Он же. Русско-телеутские отношения на территории Верхнего Приобья в XVII – начале XVIII в. // Востокведные исследования на Алтае. Вып. 13. Барнаул, 2019. С. 7–12; Козодой В. И. Князь сибирских кыргызов Эренек. Новосибирск, 2023. 160 с.

следует назвать А. С. Зуева и В. А. Слугину¹, В. В. Трепавлова², А. В. Белякова³, Л. И. Шерстову⁴, П. С. Шаблей⁵. В контексте развития международных правовых отношений российско-кочевнические контакты рассмотрели М. О. Акишин⁶, Р. Ю. Почекаев⁷.

Максимально кратко, сжато и поверхностно рассмотрены отношения между Россией и монголоязычными политическими образованиями в обобщающих работах, вышедших в течение XX – начала XXI в. и посвященных истории Монголии, Бурятии,

¹ Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. 444 с.; Зуев А. С., Слугина В. А. Шерти-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследование и материалы. Новосибирск, 2023. 560 с.

² Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв.: монография. СПб., 2018. 320 с.; Он же. Дипломатия взаимного узнавания: общение администрации и «инородцев» в восточных регионах России // Российская история. 2018. № 2. С. 3–12; Он же. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.

³ Беляков А. В. Русское государство и тюркские политико-правовые традиции в системе организации власти // Летопись тюркской цивилизации. Т. 2. Тюркский мир в XIII–XVII вв.: коллективная монография. Барнаул, 2025. С. 436–444.

⁴ Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. 311 с.; Она же. Русское государство и государственные образования Северной Евразии // Летопись тюркской цивилизации. Т. 2. Тюркский мир в XIII–XVII вв.: коллективная монография. Барнаул, 2025. С. 412–436.

⁵ Шаблей П. С. Подданство в азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 99–122.

⁶ Акишин М. О. Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем в XVII веке // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 2 (19). С. 13–20.

⁷ Почекаев Р. Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб., 2017. С. 45–50; Он же. Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений в XVII в.) // Studia Culturae. 2013. № 18. С. 85–93.

Хакасии, Калмыкии¹, истории Сибири и Дальнего Востока², а также в различных тематических энциклопедиях³.

Таким образом, начиная с 1990-х гг. в российской исторической науке появилось значительное количество публикаций, посвященных тематике отношений Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии. При этом значительно расширилась проблематика исследований, которые стали затрагивать не только фактологическую сторону диалога, но и отдельные вопросы взаимоотношений, в том числе с акцентом на культурные аспекты коммуникационных процессов.

Вопросы коммуникации Российского государства с кочевым населением севера Центральной Азии рассматривались и в *зарубежной научной литературе*. Взаимодействие российской власти с монголоязычными кочевниками рассмотрел Дж. Бэддли, опубликовавший в своей монографии переводы русских документов на английский язык⁴. Комплексно международные отношения в Центральной Азии в XVII в. проанализировал Ф. У. Берхгольц⁵. Кроме того, отдельные авторы, анализируя вопросы русской экспансии, русско-маньчжурских отношений, политического устройства Центральной Азии, фрагментарно и поверхностно затронули отдельные эпизоды русско-монгольского диалога в XVII в.⁶

¹ См., например: История Бурят-Монгольской АССР: В 2 т. Т. I. Улан-Удэ, 1954. 496 с.; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. 479 с.; История Монгольской Народной Республики. М., 1983. 661 с.; История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. 523 с.; История Тувы: [В 2 т.] Т. 1. Новосибирск, 2001. 363 с.; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1. 845 с.; История Бурятии. В 3 т. Т. 2. XVII – начало XX в. Улан-Удэ, 2011. 624 с.

² См., например: История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. 538 с.; Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1: с конца XVI до 1917 г. М., 1973. 323 с.; История Сибири: в 4 т. Т. 3. Новое время (конец XVI – начало XX века). Новосибирск, 2023. 812 с.

³ Монгольская историческая энциклопедия. Улан-Удэ, 2015. 687 с.; Российско-монгольские отношения. XVII – первая четверть XXI века: энциклопедический словарь. В 3-х т. Т. 1: А–З. М., 2024. 367 с.

⁴ *Baddeley J. F.* Russia, Mongolia, China: Being Some Record of the Relations between them from the Beginning of the 17th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. London, 1919. Vol. 1. CCCLXVIII p.; Vol. 2. 445 p.

⁵ *Bergholz F. W.* The partition of the steppe: the struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for empire in Central Asia, 1619–1758: a study in power politics. New York, 1993. 522 p.

⁶ См., например: *Cahen G.* Les relations de la Russie avec la Chine et les peuplades limitrophes a la fin du XVIIe siècle et dans le premier quart du XVIIIe // *Revue Historique*. 1907. Т. 94. pp. 45–62; *Courant M.* La Sibirie colonie Russe, jusqu'a la construction du Transsibérien // *Revue Historique*. 1919. Т. 130. pp. 209–251; *Miyawaki J.* The Birth of the Oyirad Khanship // *Central Asiatic Journal*. 1997. Vol. 41. No. 1. pp. 38–75.

Отдельные дипломатические практики Российского государства в отношениях с кочевым миром севера Центральной Азии рассмотрела казахская исследовательница К. Ш. Хафизова. Однако она не ставила перед собой в качестве цели полный и детальный анализ российской дипломатии, поскольку в фокусе ее исследования было взаимодействие китайской и маньчжурской властей с центральноазиатскими народами. Тем не менее внимание исследовательницы привлекли такие практики как: содержание иностранных дипломатов за счет русской казны во время их пребывания в России, совместные поездки (в качестве сопровождения) русских и иностранных (кочевых) миссий в улусы номадов, церемониалы и ритуалы (принятие подарков и грамот, снятие головных уборов), дарообмен, а также попытки использовать институт аманатства в русско-монгольских отношениях¹. По мнению К. Ш. Хафизовой, подарки стимулировали развитие даннических отношений между алтын-ханами и российской властью². Что касается русского дипломатического церемониала, то он, как заключает исследовательница, «представлял собой сочетание элементов церемоний, оставшихся от пышностей византийских василевсов, монгольских ханств, а затем и стран Западной Европы. Действие его во владениях Центральной Азии не всегда было успешным. Такой церемониал создавал определенные трудности в достижении поставленных задач, часто ставили послов в безвыходное положение. В связи с этим приходилось идти на некоторые уступки, на понимание необходимости этих уступок»³. Кроме того, К. Ш. Хафизова отметила, что азиатские правители в целом могли нарушать сложившиеся дипломатические правила и нормы, что было распространенным явлением в «восточной» дипломатии⁴.

¹ Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы, 1995. С. 82–85, 87–88, 94–97, 99–100, 134–135, 166.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 90, 91.

Взаимодействие российской власти с кочевыми народами и попытки их подчинения становились предметом исследований М. Ходарковского¹ и Р. Вульпиус². М. Ходарковский провел анализ дипломатических практик, инструментов и технологий, используемых российской властью при взаимодействии с кочевыми народами, обитавшими на южных и восточных рубежах (крымскими татарами, ногайцами, калмыками). В центре внимания исследователя оказались: дарообмен, шерть, трибутарные технологии, а также переводческая практика (переводы писем от кочевых правителей на русский язык). Он же обратил внимание и на дипломатический церемониал³. М. Ходарковский пришел к заключению о негибкости российской дипломатии во взаимодействии с кочевым миром (в частности при коммуникации с чингизидами)⁴. Он же отметил, что при помощи подарков российская власть стремилась обеспечить нейтралитет кочевников. Практика дарообмена была настолько действенной, что российская власть стала использовать ее в коммуникации с кавказскими народами, калмыками и казаками в XVII–XVIII вв.⁵ Проанализировав дипломатические отношения между Российским государством и Калмыцким ханством (политическим образованием поволжских калмыков), М. Ходарковский отметил, что «церемонии, подарки, сроки их пребывания на месте – все тщательно взвешивалось как свидетельство степени оказанной чести, уважения, и все приобретало важный политический смысл»⁶. Анализируя политический статус поволжских калмыков, исследователь заключил, что «символы подчиненного статуса были также важны (для российской власти. – Д. П.), как и конкретные примеры, подтверждающие этот статус»⁷. К таким символам М. Ходарковский отнес требования снимать головной убор и «здравствовать»

¹ *Khodarkovsky M. Where two Worlds met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; L., 1992, 278 p. (рус. изд.: Ходарковский М. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста, 2022. 374 с.); Id. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington and Indianapolis, 2004 (рус. изд.: Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. 349 с.); Id. The white Tsar and his “unfaithful” subjects: intercultural diplomacies on Russia’s Asian frontier // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 1. С. 68–90.*

² *Vulpius R. Die Geburt des Russländischen Imperiums: Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert. Köln, 2020. 610 p. (рус. изд.: Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке. М., 2023. 712 с.)*

³ *Ходарковский М. И встретились два мира. С. 88–92, 99–100.*

⁴ *Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 70.*

⁵ Там же. С. 103, 106.

⁶ *Ходарковский М. И встретились два мира. С. 87–88.*

⁷ Там же. С. 99.

калмыцкими правителями русского царя во время аудиенций в улусах номадов, использование для грамот бумаги невысокого качества («меньшая александрийская бумага») и «воротной» / «кормленной» печати, которая прикладывалась к русским документам и обычно применялась во внутригосударственной практике, а также передача калмыкам знаков власти¹. М. Ходарковский, ссылаясь на сведения подъячего Посольского приказа Г. К. Котошихина, отметил, что дипломатические миссии к поволжским калмыкам возглавляли дворяне «средних родов» и подьячие. Однако, как указал исследователь, «в особых случаях, когда была настоятельная необходимость заручиться поддержкой кочевников, такие посольства возглавлял уже чиновник высокого ранга»².

Р. Вульпиус подробно рассмотрела инструменты, при помощи которых российская власть пыталась добиться подчинения азиатских народов. Среди них она выделила дарообменные технологии, связав их с концептом «государевой милости»³. Этот концепт, как справедливо отметила Р. Вульпиус, был связан с политической культурой, которая была «фактически ориентированная на критерий милости или немилости правителя»⁴. При помощи подарков, как установила Р. Вульпиус, российская власть пыталась добиться лояльность элиты различных этносоциумов, в том числе кочевых⁵.

Таким образом, в зарубежной исторической науке отдельными исследователями фокусировалось внимание на смысловом наполнении дипломатических практик Российского государства в отношении с теми народами, которые находились в сфере влияния российской власти. Причем даже были достигнуты значительные результаты в вопросе связи этих дипломатических практик с развитием российской политической культуры XVII–XVIII вв.

Отметим, что взаимодействие Российского государства, в том числе дипломатическими методами, с прочими кочевыми народами (ногайцами, башкирами, татарами, казахами), обитавшими на его юго-восточных рубежах, а также попытки подчинения (или реальное подчинение) этих народов также подверглось детальному

¹ Там же. С. 99–101.

² Там же. С. 101.

³ Вульпиус Р. Рождение Российской империи... С. 162, 176, 588, 589.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Там же. С. 591, 599–600, 606–607.

анализу в исторической науке¹. Кроме того, в научно-исследовательской литературе имеются публикации, посвященные развитию отношений Российского государства и Калмыцкого ханства – политического образования калмыков (торгоутов и дербетов), откочевавших из центральноазиатских степей в Поволжье. Исследователи, анализируя русско-калмыцкие отношения затрагивают и тот период, когда эти группировки этих кочевников обитали вдоль южносибирских рубежей и контактировали с сибирскими воеводами в первые десятилетия 1600-х гг.²

Вместе с тем дипломатические практики Российского государства весьма плодотворно проанализированы на материале отношений с европейскими и некоторыми азиатскими государствами. Исследователи выявили их происхождение, функционирование и смысловое наполнение, а также связь с политическими традициями и обычаями, сложившимися в коммуникации с тем или иным контрагентом. Детальный анализ дипломатических практик позволил историкам реконструировать «посольский

¹ См., например: *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000. 344 с.; *Коллманн Н. Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801. СПб., 2023. 783 с.; *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. 333 с.; *Моисеев М. В.* Взаимоотношения России и Ногайской Орды: 1489–1563 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 27 с.; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 2016. 764 с.; *Почекаев Р. Ю.* Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб., 2017. 413 с.; *Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2017. 396 с.; *Сень Д. В.* Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 2. С. 109–119; *Гундова О. Е.* Практики взаимодействия Российской империи и казахской политической элиты: 30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2025. 224 с.; и т. д.

² См., например: *Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // *Исторические записки*. 1939. № 5. С. 48–101; *Эрднеев У. Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985. С. 31–35; *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. С. 40–44; *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х кн. Элиста, 1993. С. 23–31; *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста, 2002. С. 227–230.

обычай» Российского государства XVI–XVII вв.¹, а также дипломатический протокол XVIII в.²

Проведенный анализ научно-исследовательской литературы позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в исторической науке дипломатические отношения Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии рассматривались исследователями, как правило, по-отдельности, т. е. с каждым конкретным народом (например, ойратами, хотогойтами) или же с группой народов, объединенных по этнолингвистическому признаку (тюрко- или монголоязычные номады). Однако это не означает, что при анализе отношений с тем или иным кочевым военно-политическим объединением исследователи не уделяли внимания коммуникации с прочими народами. Внимание уделялось, но лишь в контексте раскрытия заявленной автором исследования тематики.

¹ См., например: *Веселовский Н. И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. 19 с.; *Он же.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал министерства народного просвещения. Ч. ССXXXIV. 1884. № 7. С. 68–105; *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. 408 с.; *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988. 214 с.; *Он же.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2011. 340 с.; *Виноградов А. В.* Посольский обычай в русско-крымских отношениях второй половины XVI в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб., 2010. С. 53–57; *Лисейцев Д. В.* Российский посольский обычай в начале XVII века по материалам делопроизводства Посольского приказа // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей. М., 2004. С. 216–251; *Кундакбаева Ж. Б.* «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 520–532; *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 196–208; *Моисеев М. В.* Московские послы в Бахчисараев и Сарайчуке: между требованиями русского протокола и реальностью (эпоха Ивана Грозного) // Церемония и ритуал в европейской истории: Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции (Москва, 14–15 мая 2019 г.). 2019. С. 143–153; *Он же.* Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. 2011. № 4. С. 192–201; *Семенов И. Н.* Российский дипломатический протокол: история и современность. М., 2011. 240 с.; *Кочегаров К. А.* Свидетельства польских дипломатов о России в 80-е годы XVII века: посольский обычай, внутренняя политика, бытовые особенности // *Славяноведение*. 2014. № 2. С. 47–61.

² См., например: *Агеева О. Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. 891 с.

Во-вторых, исследователи ввели в научный оборот значительное количество архивных документов. Это позволило им детально изучить переговорный процесс: ход, организацию, вопросы, стоявшие на повестке дня.

В-третьих, не все исследователи и не всегда обращали внимание на «внешнюю» часть дипломатического диалога. Однако наличие в научной литературе публикаций, в которых проводился анализ дипломатических практик, свидетельствует о том, что данные вопросы все же представляли интерес для историков. Вместе с тем плодотворное изучение дипломатической культуры Российского государства на других направлениях его внешнеполитической деятельности дает основания утверждать, что данная проблематика остается актуальной и популярной в исторической науке.

В целом, анализ научной литературы позволяет констатировать, что дипломатические практики Российского государства, используемые в отношениях с кочевниками севера Центральной Азии, анализировались фрагментарно и неравномерно и в большинстве случаев находились вне исследовательского ракурса. В историографии, посвященной взаимодействию российской власти с центральноазиатскими кочевниками в XVII – начале XVIII в., не предпринималась попытка комплексного анализа российских дипломатических практик, направленных на самопрезентацию российского монарха, а также на отражение уровня восприятия кочевников как контрагентов. Так, в частности, вне исследовательского фокуса остались вопросы, связанные с тем, какой смысл вкладывала российская дипломатия в те или иные ритуалы, церемониалы или традиции, какую роль они играли и каким образом функционировали в российско-кочевнической коммуникации в Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

Цель исследования заключается в выявлении роли, смыслового наполнения и функционирования дипломатических практик Российского государства в отношениях с кочевыми народами, обитавшими на севере Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

Для достижения поставленной цели в настоящем исследовании решаются следующие **задачи**, которые направлены на:

- *установление* социального (чиновного) статуса русских дипломатов, а также их дипломатического ранга,
- *определение* полномочий, которыми наделялись русские посланники, статуса дипломатических миссий,

– *выявление* лексики, используемой в российском дискурсе для обозначения подарков, *установление* ее смыслового наполнения и связи с политическими целями российской власти,

– *определение* практического применения дарообмена в российско-кочевнических отношениях, и *выявление* функций и роли дипломатического дарообмена,

– *реконструкцию* дипломатического церемониала, *установление* его вариаций и смысловой нагрузки.

Объект исследования – дипломатические практики, используемые Российским государством в отношениях с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., в частности русские посольства, дарообмен и дипломатический церемониал.

Выделение дарообмена в качестве самостоятельного объекта исследования обусловлено тем, что обмен подарками мог использоваться участниками коммуникации не только как часть комплексного дипломатического церемониала, но и как самостоятельный, отдельный, ритуал.

Предметом исследования являются роль, смысловое наполнение и процесс функционирования российских дипломатических практик (посольств, дарообмена, церемониала).

Территориальные рамки исследования – север Центральной Азии – определены местом расселения кочевых тюрко- и монголоязычных народов, с которыми российская власть на протяжении XVII – начале XVIII в. поддерживала активные дипломатические отношения. К этим народам относятся: алтайские телеуты и орчаки, енисейские киргизы, хотогойты, халхасцы (халха-монголы), ойраты. Географически их место расселения находилось в пределах степных и горных пространств северо-восточной и западной Монголии, Алтае-Саянской горной системы (включая Алтай, Хакасию и Туву), Семиречья, Джунгарской равнины и Джунгарского Алатау, что соответствует северной части Центрально-Азиатского региона¹.

Отношения с казахами, обитавшими в Центральной Азии, остаются за рамками настоящего исследования, поскольку в течение XVII в. они не имели постоянный и системный характер. Для раскрытия отдельных аспектов, имеющих отношение к

¹ Географический энциклопедический словарь: Географические названия / гл. ред. А. Ф. Трешников. М., 1989. С. 153, 429, 533; Чибилёв А. А. Степная Евразия: региональный обзор природного разнообразия. М.; Оренбург, 2016. С. 37–38, 204–208.

дипломатическим практикам, в настоящей работе предпринимаются экскурсы в дипломатические отношения Российского государства с европейскими и азиатскими государствами.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII – начало XVIII в. Нижняя граница определена началом XVII в. – временем, когда были последовательно установлены первые дипломатические контакты с тюрко- и монголоязычными кочевниками, обитавшими на севере Центральной Азии.

Верхняя граница определена началом XVIII в., что обусловлено рядом факторов. Во-первых, к началу XVIII в. кардинально поменялась военно-политическая обстановка в Центрально-Азиатском регионе: Хотогойтское ханство было разгромлено джунгарами и фактически перестало быть самостоятельным политическим образованием; экспансия маньчжуров привела к установлению их контроля над значительной частью монгольских народов; тюркоязычные кочевники – енисейские киргизы и алтайские телеуты были подчинены джунгарам. В результате в начале XVIII в. основными участниками международной коммуникации в Центральной Азии стали Россия, цинский Китай и Джунгария, а спустя некоторое время к ним добавились еще и казахские жузы. Во-вторых, модернизация и вестернизация, начатые Петром I, привели к изменениям в организации дипломатической службы России, которая стала наполняться новыми смысловыми концептами.

Источниковая база исследования

Настоящее диссертационное исследование базируется на письменных источниках, которые, согласно принятой в источниковедении классификации, подразделяются на **документальные и нарративные (повествовательные)**¹. К **документальным источникам** относятся *делопроизводственные, актовые, справочные*. Из **нарративных (повествовательных) источников** в работе использовались *эпистолярные источники*, а также *документально-художественное произведение* подъячего Посольского приказа Г. К. Котошихина.

Комплекс источников в значительной части опубликован в различных сборниках документов², а также в приложениях к трудам Г. Ф. Миллера, В. Я. Бутанаева,

¹ О классификации источников см.: *Пушкарёв Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 188–268.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. 4: 1645–1676. СПб., 1842. 565 с.; АИ. Т. 5: 1676–1700. СПб., 1842. 539 с.; Дополнения к актам

В. К. Чертыкова, А. П. Уманского, П. Н. Бараховича, В. Н. Добжанского¹. Для освещения отдельных эпизодов российской дипломатии использовались документы, опубликованные в тематических сборниках, посвященных отношениям с европейскими и азиатскими государствами².

историческим, собранные и изданные археографической комиссией (далее – ДАИ). Т. 3. СПб., 1848. 574 с.; ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. 448 с.; Т. 7. СПб., 1859. 398 с.; ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. 372 с.; ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. 516 с.; ДАИ. Т. 11. СПб., 1869. 328 с.; Сборник князя Хилкова: [документы по истории России XVI–XVII вв.]. СПб., 1879. 580 с.; Памятники Сибирской истории XVIII века (далее – ПСИ). Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. 551 с.; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией [в 40 т.] (далее – РИБ). Т. 8. СПб., 1884. 1292 с.; Исторические акты XVII столетия: материалы для истории Сибири. Вып. 1: 1633–1699 гг. Томск, 1890. 111 с.; Исторические акты XVII столетия: материалы для истории Сибири. Вып. 2: 1630–1699 гг. Томск, 1897. 100 с.; Русско-монгольские отношения (далее – РМО). 1607–1636. Сборник документов. М., 1959. 352 с.; РМО. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974. 469 с.; РМО. 1654–1685. Сборник документов. М., 1996. 559 с.; РМО. 1685–1691. Сборник документов. М., 2000. 488 с.; Сборник документов по истории Бурятии (далее – СДИБ). Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 493 с.; Русско-китайские отношения (далее – РКО) в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. Т. 1: 1608–1683. М., 1969. 613 с.; РКО в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. Т. 2: 1686–1691. М., 1972. 835 с.; РКО в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. 703 с.; Международные отношения в Центральной Азии (далее – МОЦА). XVII–XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989. 373 с.; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. 258 с.; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.): документы и извлечения. Барнаул, 2006. 359 с.; Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX в.: Сб. документов. Новосибирск, 2010. 276 с.; Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: Документы и материалы. Иркутск, 2014. 783 с.; Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы: документы, изд. с предисл. и примеч. д. чл. Н. И. Веселовского. СПб., 1887. 277 с.; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подг. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Т. 1. Новосибирск, 1993. 250 с.; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подг. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Т. 2. Новосибирск, 1995. 305 с.

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999–2005. Т. 1–3; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007; Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан, 2007; Уманский А. П. Некоторые документы о «затейке» томского воеводы Ильи Бунакова против воеводы князя Осипа Щербатова в 1649 году // Алтайский сборник / отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул, 1997. С. 159–177; Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.; Добжанский В. Н. Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Вып. 7. Новокузнецк, 2017. С. 114–137.

² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД). Ч. 4. М., 1828. 656 с.; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее – ПДС). Т. 2. СПб., 1852. 1542 стб.; ПДС. Т. 3. СПб., 1854. 1248 стб.; ПДС. Т. 10. СПб., 1871. 1850 стб.; Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в

Опубликованные источники дополнены документами – материалами дел, выявленными в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА): ф. 113 – Зюнгорские (контайшинские) дела, ф. 119 – Калмыцкие дела, ф. 126 – Монгольские дела, ф. 199 – Портфели Г. Ф. Миллера, ф. 214 – Сибирский приказ, ф. 1121 – Иркутская приказная изба, ф. 210 – Разрядный приказ, а также в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – НИА СПбИИ РАН): ф. 96 – Нерчинская воеводская изба.

Делопроизводственные источники, используемые в работе, подразделяются на группы: нормативно-распорядительные, отчетные, справочные, учетные, просительные.

Документы нормативно-распорядительной группы.

– *Указы, боярские приговоры, грамоты центральных органов управления* – приказов Казанского дворца, Посольского и Сибирского¹. Эти документы были адресованы сибирским воеводам и содержали различного рода предписания, которые определяли действия представителей власти в отношениях с кочевыми народами севера Центральной Азии. Грамоты из центральных органов власти зачастую содержат пересказы отписок воевод, краткие сведения о состоявшихся дипломатических миссиях, упоминания о церемониях, дарообменных практиках.

Московском главном архиве Министерства иностранных дел Ф. Лашкова. Симферополь, 1891. 206 с.; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. Царствование Михаила Федоровича (продолжение). СПб., 1898. 731 с.; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.). М., 1918. 328 с.; Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1918. 421 с.; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л., 1932. 504 с.; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. 491 с.; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. 478 с.; Русско-индийские отношения в XVII веке: сборник документов. М., 1958. 452 с.; и др.

¹ См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 1–12; РМО. 1607–1636. С. 22–23, 24–28, 37–40, 43–44, 110–111, 188–190, 191–192, 192–196; РМО. 1636–1654. С. 23–25, 69–71, 202–203; и т. д.

Отдельные исследователи относят указы и боярские приговоры к законодательным источникам (Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 5-е изд., испр. М., 2012. С. 68; Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. М., 2015. С. 160). Однако мы, вслед за М. Н. Тихомировым, считаем эти источники разновидностью делопроизводственной документации (Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР: Учеб. пособие. Вып. 1: С древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962. С. 210–211; Он же. Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 363–364).

Отметим, что указы являлись выражением воли «великого государя» и поэтому в источниковедении они относятся к законодательству¹. Однако применительно к реалиям XVII в. указы не составлялись самим монархом, а подготавливались в конкретном приказе. Еще М. Н. Тихомиров в свое время утверждал, что «указ – это, собственно говоря, бумага, написанная от имени государя в каком-нибудь приказе или другом учреждении, близком к царю, но не от самого царя»². Зачастую эти «бумаги» готовились по конкретным случаям, требовавшим оформление распоряжения в виде указа. Такие распоряжения не содержат законодательных норм и являются распоряжением по частному вопросу, что позволяет относить их к делопроизводственной документации нормативно-распорядительной группы.

– *Наказные памяти (наказы)*, выдаваемые сибирскими воеводами, а также великим и полномочным послом Ф. А. Головиным, русским дипломатам перед отправкой их в улусы кочевников³. Памяти содержали информацию о задачах дипломатической миссии, с которыми направлялось посольство, а также могли включать сведения о предполагаемом поведении русских посланников во время переговоров, в том числе о порядке исполнения компонентов церемониала. Эти же документы позволяют выявить полномочия дипломатов.

– *Наказные (указные) памяти, памяти* центральных органов власти⁴, содержащие сведения о материальном обеспечении дипломатических миссий кочевников, пребывавших в Москву, привезенных подарках, а также о передаче прибывших дипломатов из ведомства одного приказа в другой.

– *Проезжие грамоты и указные памяти*, выдаваемые как представителями центральной, так и местной властей, делегациям от кочевников и сопровождавшим их

¹ См., например: Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 5-е изд., испр. М., 2012. С. 68; Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. М., 2015. С. 160. Однако М. Н. Тихомиров относил эти к актовым документам (Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР: Учеб. пособие. Вып. 1: С древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962. С. 210–211; Он же. Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 363–364).

² Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 363.

³ См., например: НИА СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–4; РМО. 1636–1654. С. 219–220; РКО в XVII в. Т. 2. С. 377–382; МОЦА. С. 224–229; и т. д.

⁴ См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 39; 1673 г. Д. 2. Л. 29, 30, 42; РМО. 1654–1685. С. 85, 128–129, 161; и т. д.

приставам с российской стороны¹. Эти документы содержат сведения о материальном обеспечении дипломатических миссий кочевников, которые ехали из Сибири в столицу или возвращались из Москвы в сибирский город, а также информацию о пути следования, порядке уведомления властей о подъезжавшем посольстве, и т. д.

Делопроизводственные документы отчетной группы.

– *Статейные списки, доезды, сказки и расспросные речи русских посланников*².

В данных источниках с различной степенью детализации содержатся сведения о свершившихся русских посольствах, в частности о переговорном процессе, происходившем в ставках кочевников, последовательности действий русских дипломатов при исполнении ими церемониальных (ритуальных) действий и реакция контрагентов на эти действия, аргументация, используемая представителями российской власти для обоснования церемониала. Содержащаяся информация позволяет установить полномочия, которыми наделялись русские дипломаты, а также их правомочность решать отдельные вопросы. Отметим, что авторы документов могли сознательно упускать какие-то сведения о нарушении дипломатического церемониала (как ими самими, так и контрагентами), а также вовсе не упоминать об исполнении церемониала во время аудиенции у контрагентов. В связи с этим особую ценность представляют дискуссии, зафиксированные в источниках, по поводу дипломатического церемониала.

– *Статейные списки переговоров сибирских воевод, приказчиков и уполномоченных лиц с посланниками, прибывшими из улусов центральноазиатских номадов*³. В этих документах, кроме информации о самих переговорах, содержатся сведения о дипломатическом церемониале, который представители российской власти исполняли во время встреч посольств и проведения аудиенций.

– *Отписки разрядных и уездных воевод, адресованные в органы центрального управления, вышестоящему по статусу воеводе (уездный – разрядному),*

¹ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 163–165; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 182, 184, 185.

² См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 1–4, 5–10; ПСИ. Кн. 1. С. 174–186; МОЦА. С. 215–218; РМО. 1607–1636. С. 55–58, 59–66, 168–171, 203–214, 215–227; РМО. 1636–1654. С. 31–50, 50–64, 103–133, 134–148, 215–217, 304–210, 272–276, 282–287, 329–332, 252–253; РМО. 1685–1691. С. 318–322; и т. д.

³ См., например: РКО в XVII в. Т. 2. С. 308–310, 364–371; РМО. 1607–1636. С. 178–183, 253–266; и т. д.

равностатусному воеводе (уездный – уездному)¹. В этих документах с различной степенью детализации содержатся сведения о статусе русских посланников и их полномочиях, о совершившихся поездках русских миссий и приездах послов кочевников, о раздаче «государева жалованья», а также описание подарков, адресованных царю и воеводам.

– *Записи приемов* кочевников в органах центральной власти (в Посольском, Сибирском приказах, Коллегии иностранных дел), а также записи приемов русскими царями². В этих источниках указаны ценные сведения об организации дипломатического церемониала во время приема посольств в Москве, лицах, задействованных во время исполнения церемониала, количестве выданного «жалованья». К сожалению, не все документы этой категории оказались в нашем распоряжении. Однако имеющиеся сведения позволяют реконструировать церемониал приема дипломатических представителей от центральноазиатских кочевников в Москве.

Делопроизводственные документы справочной группы.

– *Выписки (выписи) в доклад, справки*³, составленные в центральных органах власти на основе отчетной документации, поступившей из сибирских городов и хранящейся в приказах. Эти источники содержат в сжатой форме сведения о российско-кочевнических отношениях, обмене посольствами, фактах дарообмена, и т. д.

– *Записные книги*⁴, которые составлялись в Тобольске и содержали краткие сведения о взаимоотношениях с кочевыми народами Центрально-Азиатского региона прежде всего калмыками.

Делопроизводственная документация учетной группы.

¹ См., например: О том, как чествовать на Тюмени калмыцких послов. Письмо тобольского воеводы Ивана Андреевича Хилкова тюменскому воеводе Андрею Васиьевичу Кафтыреву 1659 г. / Сообщ. Словцов П. А. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 7. Тобольск, 1897. С. 79–80; РМО. 1607–1636. С. 31–32, 32–33, 69, 100–101, 111–112, 112–113, 113–114, 129–130, 141–144, 185–187; РМО. 1636–1654. С. 25–30, 90–91, 149–154, 217–219, 228–230, 233–235, 236–241, 248–250, 345–347, 380–386, 393–397; и т. д.

² См., например: РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 9–12; Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 21–27; МОЦА. С. 53–55; РМО. 1607–1636. С. 67, 72–74, 91–92, 92–93; Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы: документы, изд. с предисл. и примеч. д. чл. Н. И. Веселовского. СПб., 1887. С. VIII–IX; XXVIII–XXX; и т. д.

³ См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 26–27; РМО. 1607–1636. С. 74–75, 134–141; РМО. 1636–1654. С. 64–66, 367–368, 375–376; и т. д.

⁴ См., например: РМО. 1607–1636. С. 134–141; РМО. 1636–1654. С. 174–175, 195.

– *Росписи, ценовые росписи «государева жалованья»*¹, посланного в улусы или выданного кочевникам в Москве либо в Сибири, и подарков, преподнесенных контрагентами представителям российской власти.

– *Окладные книги жалованья, расходные книги, именные книги*², включающие сведения о чинах служилых людей. Данные документы играют вспомогательную роль и необходимы для уточнения чиновного статуса («чина») конкретных людей, подробная информация о которых отсутствует в прочей делопроизводственной документации, а также в научно-исследовательской литературе.

Делопроизводственная документация просительной группы.

– *Челобитные*, которые подавали сибирские служилые люди (индивидуально или коллективно) в вышестоящие органы власти³. В этих челобитных содержатся краткие сведения об исполнении служилыми людьми дипломатических поручений, вверенных им представителями местной (воеводской) власти.

Актные источники представлены *жалованными грамотами*⁴. Эти грамоты, помимо информации политико-правового характера о параметрах подданства и «службы» контрагентов российскому монарху, включают сведения о функционировании дарообмена, в частности содержат перечни «государева жалованья», посланного в улусы по «запросу» кочевого правителя или по инициативе самих русских властей.

Использовались также и **справочные источники** – *описи копийных книг Г. Ф. Миллера*, которые, как справедливо отметили исследователи, сами по себе являются

¹ См., например: РМО. 1636–1654. С. 21–22, 189–190; РМО. 1654–1685. С. 24–25, 476, 485–486; РМО. 1685–1691. С. 300.

² Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886. С. 45–47; Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. [СПб., 1911?]. С. 31–34; Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города, 30-х гг. XVII в. / сост. В. А. Есипов. Томск, 2005. С. 55–93.

³ См., например: *Добжанский В. Н.* Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2017. Вып. 7. С. 124–126; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии... С. 133–135; РКО в XVII в. Т. 1. С. 52–53. О классификации частно-публичных документов см.: Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: Учебное пособие. М., 1998. С. 256.

⁴ См., например: РМО. 1607–1636. С. 75, 99, 196–199, 295–298; РМО. 1636–1654. С. 97–102, 269–270; РМО. 1654–1685. С. 88–89, 362–363, 372–373.

«ценным историческим документом»¹. Описи играют вспомогательную роль и позволяют прежде всего восполнить недостающую информацию о дипломатических миссиях и прочих аспектах российско-кочевнического взаимодействия в XVII в.

Из **нарративных (повествовательных) источников** нами использовались **эпистолярные источники** – *письма* монгольских правителей и служителей буддийского культа, которые были адресованы российскому монарху². Эпистолярное наследие кочевников Евразии уже становилось предметом научного исследования. В частности, И. В. Ерофеева убедительно доказала, что письма казахских ханов и султанов, во-первых, по внешним признакам относятся к источникам личного происхождения и, во-вторых, одновременно являются официальными обращениями правителя к другому правителю³. Письма от монголов-кочевников, привлекаемые нами для исследования, также являются документами официально-личного характера: они были адресованы российскому монарху как официальные послания, но выражали прежде всего личные интересы кочевого правителя, буддийского служителя или отдельных представителей кочевой элиты.

Нами были задействованы переводы данных писем, выполненные представителями российской власти. Данные переводы, безусловно, не являются точными, поскольку они зачастую переводились с «речи»: представитель от кочевников зачитывал вслух содержание письма, а присутствующий при этом толмач переводил на русский язык. Этот перевод записывался и нередко оформлялся в виде челобитной, т. е. и структурно (формулярно), и текстуально подгонялся под российский политический дискурс. Тем не менее даже в таких переводах писем сохранялась суть обращения к

¹ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подг. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 8. Об использовании описей как исторических источников при изучении проблем регионального управления см.: Гурьянова Н. С. Описи копийных книг сибирских архивов, составленные под руководством Г. Ф. Миллера, как источник по истории России // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. / отв. ред. С. Г. Петров; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2023. С. 76–86.

² См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 1–2; РМО. 1607–1636. С. 80, 241; РМО. 1636–1654. С. 73, 75–77, 235–236, 247–248, 334, 374, 419; РМО. 1654–1685. С. 125–126.

³ Ерофеева И. В. Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в. как исторический источник // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.: сборник исторических документов в 2 т. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / Сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы, 2014. С. 15–16.

российскому монарху, которая нередко сводилась к просьбам («запросам») представителей кочевой элиты прислать к ним конкретные вещи, оружие и даже людей.

Кроме того, в настоящем исследовании использовано *сочинение документально-художественного характера* «О России в царствование Алексея Михайловича»¹, написанное подьячим Посольского приказа Г. К. Котошихиным во время его нахождения в Швеции в 1666–1667 гг. В нем содержатся сведения о «посольском обычае» Российского государства середины XVII в.² Ценность этого источника заключается в том, что он был составлен непосредственным работником дипломатической службы, знавшим все тонкости и нюансы «посольского обычая». Сведения, имеющиеся в сочинении Г. К. Котошихина, в настоящем исследовании используются для сравнения дипломатических практик с теми, что использовались в коммуникации с европейскими и некоторыми азиатскими монархами.

Таким образом, обозначенный комплекс источников позволяет выявить роль, проследить функционирование российских дипломатических практик, установить их смысловое наполнение.

Методология и методы исследования

Диссертационное исследование выполнено в рамках *новой дипломатической истории*. В центре внимания этого методологического направления является анализ восприятия участниками и современниками событий дипломатических практик, символов, ритуалов и церемоний, их роль в отношениях между правителями, а также вербальная и невербальная коммуникация, механизмы выстраивания официальных и неофициальных связей, и т. д.³

¹ [Котошихин Г. К.] О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. 196 с. Исследователи определяют сочинение Г. К. Котошихина то как произведение документально-художественного характера (Шунков А. В. Литературные приемы в документальном тексте переходного периода (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича») // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 245–248), то как источник литературно-публицистического характера (Костюхина Л. М. Литературные и публицистические памятники (XI–XVII вв.) // Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд. М., 1981. С. 150).

² См.: Смирнов И. П. Котошихин Григорий Карпов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3: XVII век. Ч. 2. С. 186–190.

³ См.: Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // Вес. Нац. акад. наук Буларусі. Сер. гуманіт. Навук. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292; Закржевская Ю. П. Новая дипломатическая история: истоки и перспективы // Средние века. 2024. № 85. С. 166–184; Sowerby T. A. Early Modern Diplomatic History // History Compass. 2016. Vol. 14/9. pp. 441–456; Watkins J. Toward a new diplomatic history of medieval and early modern Europe // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2008. Vol. 38.

Применение данного методологического подхода в настоящем исследовании проявляется в:

- концентрации внимания на лицах, исполнявших дипломатические поручения в коммуникации с центральноазиатскими номадами. Это, в свою очередь, расширяет содержательное поле понятия «дипломат», которое вполне правомерно применять к тем лицам, которые ездили в улусы тюрко- и монголоязычных кочевников;
- рассмотрении дарообмена, его функционирования, смыслового наполнения, связи с политическим дискурсом, роли в развитии дипломатических отношений;
- реконструкции дипломатического церемониала, установлении его различных вариантов, применяемых в ставках кочевников, сибирских городах и в Москве.

Методологическим основанием исследования являются теоретические положения о знаках, символах и семиосфере, сформулированные Ю. М. Лотманом. Согласно его концепции, семиосфера (семиотическое пространство) – это совокупность отдельных языков, «континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями»¹. «Пространство семиосферы, – заключает Ю. М. Лотман, – носит абстрактный характер»².

Ю. М. Лотман также обозначил, что понятие «текст» является обширным и его вполне правомерно использовать как для обозначения каких-либо культурных элементов, так и культуры в целом: «можно сказать, что культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст»³. Кроме того, исследователь в своей статье совместно с Б. А. Успенским заключил, что «весь мир может представлять как некоторый текст, состоящий из знаков разного порядка, где содержание обусловлено заранее, а необходимо лишь знать язык, т. е. знать соотношение элементов выражения и содержания»⁴.

pp. 1–14; Windler C. Diplomatic History as a Field for Cultural Analysis: Muslim-Christian Relations in Tunis, 1700–1840 // *The Historical Journal*. 2001, Vol. 44, No. 1. pp. 79–106; Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016. 297 p.

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 163–164; Он же. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 12.

² Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 12.

³ Лотман Ю. М., Пятигорский А. М. Текст и функция // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 135. См. также: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 3. С. 333.

⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 3. С. 332.

Обозначенные теоретические положения позволяют в настоящем исследовании рассматривать «посольский обычай» Российского государства XVII – начала XVIII вв. как семиосферу (семиотическое пространство), наполненную различными знаками – символами, атрибутами, ритуалами, которые, являясь по сути «текстом», несли в себе определенную смысловую нагрузку, закодированную и понятную современникам информацию. Эти знаки можно расшифровать и прочесть и, тем самым, интерпретировать.

В работе используются основные достижения исследователей в области анализа коммуникационных процессов, позволяющие рассматривать дипломатические отношения с позиции межкультурной коммуникации – информационного обмена, в котором принимают участие представители разных культур¹. Кроме того, коммуникационные теории позволяют расширенно понимать коммуникационный процесс, который осуществлялся не только вербальными, но и прочими способами (невербальными, знаковыми, и т. д.)². Коммуникация, как отметил А. П. Садохин, среди прочих своих функций выполняет еще и трансляционную функцию³. В контексте настоящего исследования, дипломатическая коммуникация осуществлялась в форме вербальной, материально-символической и визуальной. И если вербальная коммуникация осуществлялась путем обмена дипломатическими миссиями, то материально-символическая достигалась путем обмена подарками, а визуальная в ходе исполнения дипломатического церемониала. Во всех случаях происходила трансляция элементов русской политической культуры в кочевую культурную среду.

В настоящей работе применялись и теоретические наработки исследователей в сфере дипломатической коммуникации и дипломатического дискурса. Так, Т. А. Волкова выделила стратегии дипломатической коммуникации, среди которых числится «прагматическая стратегия самопрезентации», заключающаяся «в формировании международного имиджа государства»⁴. С помощью языка конструируется определенное

¹ Гузикова М. О., Фофанова П. Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015. С. 8; Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М., 2014. С. 54.

² Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. С. 56.

³ Там же. С. 56.

⁴ Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. С. 17, 19.

видение межгосударственных отношений¹. В контексте анализа дипломатических практик Российского государства с центральноазиатскими номадами данные положения применимы при рассмотрении дарообменной лексики, используемой представителями российской власти для обозначения даров, циркулирующих в процессе коммуникации. Это позволит установить, во-первых, самопрезентацию российской власти, информация о которой была закодирована в дарообменной лексике, во-вторых, установить отношение властей к кочевым правителям.

Кроме того, при анализе дарообменных практик в настоящем исследовании использовались теоретические выводы о сущности обмена подарками, выработанные французскими антропологами М. Моссом и П. Бурдьё².

Теоретические положения потестарной имагологии, предметом изучения которой является анализ процесса формирования, механизмы, инструменты, семантика и функционирование «образов власти», были использованы в настоящем исследовании при анализе дипломатического церемониала³. «Любые религиозные или “политические” процессии, – пишет М. А. Бойцов, – предъявляют, визуализируют и пропагандируют определенные идеи (преклонения перед божеством или земным правителем, послушания ему, моления о заступничестве и снисхождении и т. п.)»⁴. Церемониал, как известно, выполнял функцию репрезентации и легитимацию власти, что отчетливо проявлялась в дипломатическом церемониале XVII в.

В работе применяются *общенаучные, общеисторические, специальные, междисциплинарные* методы. К *общенаучным методам* относятся *анализ, синтез, описание, индукция, обобщение, абстрагирование*.

Общеисторическим методом, используемым в настоящем исследовании, является *принцип историзма*, подразумевающий анализ событий с учетом исторических и социокультурных обстоятельств их возникновения и развития. Использование данного

¹ Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (022). 2010. С. 49.

² Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 83–222; Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. 256 с.

³ Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 5–37.

⁴ Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? С. 19. См. также: Он же. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начала XVI в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Москва, 2010. С. 2; Андреев И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века и Новое время. М., 2008. С. 254–274.

метода позволяет не допустить модернизацию рассматриваемых событий и трансляцию современных реалий на события прошлого¹.

Среди специальных методов использовались *историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный*². *Историко-типологический и историко-сравнительный методы* позволяют: во-первых, выявить общие и отличительные черты дипломатических практик, используемых российской властью в отношениях с центральноазиатскими номадами; во-вторых, провести сравнения с теми практиками, которые использовались российской властью на других направлениях внешней политики; в-третьих, выявить их специфику. При помощи *историко-системного метода* дипломатические практики и в целом дипломатические отношения с тюрко- и монголоязычными кочевниками, рассматриваются как целостная система.

Метод систематизации данных применялся в исследовании при агрегации сведений о русских посольствах, ездивших в улусы кочевников, для составления хронологической таблицы. *Статистический метод* использовался при анализе сведений о посольствах и дарообмене, вычислении абсолютных и средних показателей, необходимых для объяснения функционирования дипломатических практик³.

Из *междисциплинарных методов* использовался метод исторической лексикологии – *лексико-семантический анализ*, который применялся для выявления смыслового наполнения слов, используемых в российском политическом дискурсе для номинации даров⁴.

Терминология, применяемая в настоящем исследовании, является общепринятой и активно используется в различных научных публикациях. Однако для облегчения понимания обозначим ряд ключевых понятий и поясним их значение.

Базовое понятие *дипломатическая практика* в диссертации используется в значении комплекса методов, приемов, традиций, ритуалов, сложившихся в течение длительного периода развития дипломатии и использовавшихся российской властью во

¹ Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учебное пособие. М., 2008. С. 154–159.

² См. подробнее: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2010. С. 404–430, 455–476.

³ См.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. С. 251–252, 261–263, 512–521.

⁴ См.: Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В. В. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. М., 1999. С. 5–38.

время коммуникации с иностранными государствами, в том числе с центральноазиатскими кочевыми народами.

Термин *посольство* в современной дипломатии означает дипломатическое представительство, которое возглавляет посол. Миссией же называют представительство, возглавляемое посланником или поверенным в делах¹. Однако в XVII – начале XVIII в. российская дипломатия не имела своих представительств в государствах Центральной Азии, поскольку данный институт только начинал зарождаться в российской дипломатической практике. Отношения между сторонами носили ситуативный характер: при возникновении конкретного случая, служившего поводом для двустороннего обсуждения, по указанию властей направлялись ответственные лица, уполномоченные действовать от лица российского монарха. В связи с этим под *посольством* в настоящем исследовании подразумевается прежде всего конкретное лицо (или группа лиц), наделенное на определенное время специальными полномочиями осуществлять переговоры от имени российской власти и выступать ее представителем (представителями). Отметим, что иногда под посольством подразумевается и собственно поручение (задание), вверенное лицу (дипломату). Оба значения (лицо / группа лиц и поручение / задание), используемые в настоящем исследовании, применялись и в XVI–XVII вв.² Для избегания текстуальных повторов в работе используются понятия *дипломатическая миссия* и *делегация*, которые выступают синонимами понятию *посольство*.

Понятие *дипломатический ранг* в современной дипломатии означает служебное звание, которое присваивается дипломатическим служащим, в том числе дипломатическим представителям за границей. Для обозначения дипломатических представителей в соответствии с уровнем возглавляемых ими дипломатических представительств в современной практике используется понятие класса дипломатических представителей³. В настоящем исследовании под дипломатическим рангом понимается то служебное «звание», которым наделялся дипломат при исполнении возложенных на него обязанностей.

¹ Дипломатический словарь. В 3-х т. Изд. 4-е. / Под ред. А. А. Громыко. Т. I: А–И. М., 1985. С. 329.

² См.: *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971. С. 46–52.

³ Дипломатический словарь. В 3-х т. Изд. 4-е. / Под ред. А. А. Громыко. Т. 1: А–И. М., 1985. С. 310.

Понятие *посланник*, используемое в лексиконе XVII в. для номинации дипломатических представителей, отличавшихся от *послов* статусом и силой полномочий, в настоящем исследовании используется в качестве синонима понятию *дипломат*, кроме специально оговоренных случаях, когда речь будет идти о конкретных дипломатических рангах.

Синонимом посланнику и дипломату в исследовании выступает понятие *дипломатический представитель*. Данное понятие используется для обозначения дипломатов обеих сторон – российской и кочевой.

Понятие *дипломатический церемониал* в научно-исследовательской литературе, несмотря на большую частоту использования, не имеет четкого определения. Так, теоретики дипломатического протокола Дж. Вуд и Ж. Серре определяют церемониал как «строгое соблюдение определенных формальностей»¹. О. Г. Агеева тоже не дает четкого определения, отмечая, что «под дипломатическим церемониалом также подразумевается совокупность правил поведения и обстановки, составляющих форму дипломатических сношений»². Она же отметила, что понятия церемониал и протокол могут использоваться как синонимы³. По мнению М. И. Лазарева, «церемониал больше связан с внешней, ритуальной частью дипломатических отношений, он относится к протоколу как форма к содержанию и в определенной мере как частное к общему»⁴. Соглашаясь в целом с этим заключением, отметим, что в целях настоящего исследования под дипломатическим церемониалом будет пониматься совокупность ритуалов, торжественных (парадных) действий (церемоний), используемых принимающей посольство стороной во время дипломатических переговоров и направленных на выполнение коммуникативной, репрезентативной функций и на оказание почета иностранной делегации.

Компонентами церемониала являются *ритуалы*, под которыми в настоящем исследовании подразумеваются формы поведения, являющиеся знаковыми и не имеющие обычно практического применения, кроме случаев, когда они могут использоваться в практических целях (например, в коммуникации)⁵.

¹ Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. С. 17.

² Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Лазарев М. И. Вступительная статья // Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. М., 1976. С. 12.

⁵ Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981. № 2. С. 97.

Понятие *дипломатический протокол* является современным и в XVII в. отсутствовало. Вместо него использовалось другое – «посольский обычай». В современной научно-исследовательской литературе под дипломатическим протоколом понимается «совокупность общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел, дипломатическими представительствами и официальными лицами в международном общении»¹. Отталкиваясь от данного определения, а также от реалий дипломатической практики XVII в., в настоящем исследовании будем, во-первых, считать синонимами понятия протокол и «посольский обычай», и, во-вторых, подразумевать под ними совокупность правил и традиций, выработанных дипломатической практикой в процессе коммуникации и соблюдаемых участниками диалога. Синонимичным понятием в настоящем исследовании будет являться понятие *дипломатическая культура*.

Понятия *дипломатическая коммуникация*, *дипломатические отношения*, *дипломатические контакты* используются в качестве синонимов и означают процесс взаимодействия российской власти с главами военно-политических объединений кочевников, который осуществлялся при помощи дипломатии.

Понятие *чиновный статус* применительно к реалиям Российского государства XVII в. выступает синонимичным понятию *социальный статус*. Это обусловлено тем, что слово «чин» в социально-политическом дискурсе XVI–XVII вв. использовалось для номинации социальных групп российского общества².

Для обозначения кочевого населения, проживавшего на севере Центральной Азии, используются термины *кочевники* и *номады*, под которыми в настоящем исследовании понимаются этносы (этнические группы), отличающиеся от земледельческого (оседлого) населения экономическими и социокультурными характеристиками. Нередко оба термина употребляются совместно с географической привязкой – *центральноазиатские кочевники / номады*. При этом в понятие *центральноазиатские кочевники / номады* в данной работе мы не включаем казахов, отношения с которыми остаются вне рамок нашего исследовательского ракурса.

¹ Дипломатический словарь. В 3-х т. Изд. 4-е. / Под ред. А. А. Громыко. Т. 2: К–Р. М., 1985. С. 433. См. также: Молочков Ф. Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М., 1977. С. 6.

² См. подробнее: Лисейцев Д. В. Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI–XVII вв. // Российская история. 2021. № 1. С. 157–163.

Для обозначения конкретных народов в настоящем исследовании используются общепринятые в историко-этнографических исследованиях этнонимы: *алтайские телеуты, енисейские киргизы, орчаки (тувинцы), хотогойты, халхасцы (халха-монголы)*. Этноним *ойраты* применяется как обобщающее наименование западно-монгольских племен – *торгоутов, хошоутов, джунгаров (чоросов), дербетов*. Синонимом понятию ойраты выступает этноним *калмыки*¹. Для номинации той группы калмыков (торгоутов, дербетов), которая с 1620-х гг. начала миграцию в поволжские степи, используется наименование *поволжские калмыки*. Понятие *джунгары* используется для обозначения той группы ойратов, которая осталась на родовых кочевьях и стала ядром для созданного ими Джунгарского государства. Иногда в исследовании используются принятые в XVII в. лексемы «белые» *калмыки*, под которыми подразумеваются алтайские телеуты, и «черные» *калмыки* – джунгары. Обобщающими терминами выступают и этнолингвистические лексемы *тюркоязычные (тюрки)* и *монголоязычные (монголы) кочевники*.

Для номинации объединений кочевников в работе используются термины *разноформатные военно-политические объединения, этносоциумы, улусы*. Под ними подразумеваются те этнополитические объединения кочевых сообществ, которые существовали в рассматриваемый период у тюрко- и монголоязычных племен.

Для номинации титулов и званий кочевых правителей, представителей властной элиты и служителей буддийского культа, принимавших участие в диалоге с Россией, используется русифицированные варианты – *алтын-хан, тушету-хан, цэцэн-хан, дзасакту-хан, сэцэн-хан, хунтайджи, тайджи, тайша, князец, зайсан, шуленга, лама, хутухта, гичул*. Эти варианты активно используются в научно-исследовательской литературе². Обратим внимание, что титулы *тайджи* и *тайша* по военно-административному статусу были равны, но различались по происхождению их

¹ Об этнонимах «ойраты» и «калмыки» см.: Кушнерик Р. А. Первые русско-ойратские официальные контакты и их особенности (конец XVI–XVII вв.) // Мир Евразии. 2009. № 2 (5). С. 17.

² Написание титулатуры кочевых правителей мы используем в том виде, в котором она применяется в исследовании Б. У. Китинова. См.: Китинов Б. У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов: в 2 т. Т. 1. М., 2021.

носителей. Тайшами называли тех, кто не имел отношение к чингизидам. В то время как титул тайджи носили те, кто каким-то образом был отнесен к потомкам Чингисхана¹.

Понятие *русские* используется в качестве политонима, определяющего принадлежность к Российскому государству. Термин *российская власть* обозначает совокупность властных институтов (органов власти), функционировавших в Российском государстве.

Политонимы *Российское / Русское государство / Русское православное царство / Россия* используются в качестве синонимов². Синонимами в работе выступают и те термины, которыми номинировали статус русского правителя в XVI–XVII вв.: *русский царь, государь, «великий государь»*. В качестве синонимичного понятия применяется термин *российский монарх*.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе дипломатических практик, используемых Российским государством в отношениях с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., выявлении их смыслового наполнения. Впервые в исторической науке установлены социальный статус русских дипломатов, ездивших с поручениями в улусы номадов, обитавших на севере центральноазиатских степей, их дипломатический статус и полномочия, выявлены «уровни» дарообмена и зависимость в использовании дарообменной лексики, установлена роль дарообмена и его функции в отношениях России с центральноазиатскими кочевниками, прослежено практическое применение ритуала обмена подарками, а также реконструирован дипломатический церемониал. Достигнутые результаты были получены с использованием современных теоретических и методологических подходов к дипломатическим отношениям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дипломатические миссии, которые по распоряжению представителей российской власти ездили с поручениями к кочевым народам севера Центральной Азии, комплектовались из числа местного сибирского населения. Выявлено, что при назначении руководящего состава посольств российская власть отдавала предпочтение представителям служилых людей по отчеству (детям боярским) и командному составу

¹ Китинов Б. У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов: в 2 т. Т. 1. М., 2021. С. 214.

² См.: Шмидт С. О. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 255–301.

приборных служилых людей. Наделение руководителей миссий дипломатическим рангом (посла, посланника) было ситуативным и позволяет утверждать, что российская власть не придавала этому параметру обязательного значения.

2. Дипломаты, ездившие в XVII – начале XVIII в. с поручениями к лидерам кочевников севера Центральной Азии, обладали реальными полномочиями, предоставленными им представителями российской власти (воеводами, приказчиками, великим и полномочным послом Ф. А. Головиным). Выявлены *базовое* (входившее в обязанность дипломатов всегда) и *вариативные* (возлагаемые на дипломатов время от времени) полномочия. *Базовым* являлось – ведение переговоров; *вариативными* – передача «государева жалованья», приведение к шерти (присяге), передача грамот и писем, заключение «договоров», и т. д. Набор и сочетание полномочий, а также комплекс вопросов, обсуждавшихся на переговорах, были обусловлены реалиями отношений сторон в каждый конкретный момент времени и в целом соответствовали статусу дипломатов.

3. Дипломатическая инициатива Российского государства в отношении с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. проявлялась на нескольких уровнях – «*высоком*» (центральными органами власти), «*среднем*» (воеводами, приказчиками, великим и полномочным послом Ф. А. Головиным) и «*низшем*» (самостоятельные поездки служилых людей). Дипломатические миссии, отправленные представителями первых двух уровней, являлись официальными, поскольку были санкционированы органами российской власти.

4. В результате анализа делопроизводственной документации была выявлена зависимость лексики, используемой представителями российской власти для номинации подарков, циркулировавших в ходе дарообмена между русскими и кочевниками, от статуса дарителя и акцептора. Когда дарителем выступал российский монарх, для номинации исходящих от него подарков использовалась исключительно «жалованная» лексика («государево жалованье», «государева милость»), что было обусловлено наличием у него прав «жаловать» и «миловать» своих потенциальных подданных. Во всех остальных случаях, когда дарителями выступали представители российской власти (воеводы, приказчики, великий и полномочный посол Ф. А. Головин, русские дипломаты) или сами представители кочевников (правители, служители буддийского культа, дипломаты), выявлено отсутствие унификации лексики, используемой для номинации

даров. Кочевые правители, согласно российскому политическому дискурсу, не обладали правом «жаловать» российского монарха или его представителей, что выразилось в отсутствии «жалованной» лексики в делопроизводственной документации при номинации подарков, адресованных «великому государю».

5. Фиксация сведений о подарках в нормативно-распорядительной и отчетной документации, наличие распоряжений по конкретным вопросам, связанным с дарообменной практикой, свидетельствуют о том, что обмен подарками интересовал российскую власть как на местном, так и на центральном уровне. Россия, одаривая кочевников подарками, стремилась обеспечить лояльность кочевой элиты. Выявлено, что дипломатических отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками дарообмен выполнял *коммуникативную, репрезентативную, рекламную, символическую, смысловую, закрепляющую договорные отношения, утилитарную* функции.

6. Русские посланники, ездившие в улусы кочевников, имели представление об основных компонентах дипломатического церемониала и протокола, что проявлялось в предъявляемых контрагентам требованиях соблюдать церемониал в его «русском» формате, т. е. в том варианте, который был принят в Российском государстве. Однако реалии отношений России с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. обусловили ситуативное применение и соблюдение всех компонентов церемониала и протокола. Церемониал в его «русском» варианте был направлен на легитимацию власти «великого государя».

7. Церемониал приема дипломатических представителей от лидеров центрально-азиатских номадов в сибирских городах был вариативен и использовался на усмотрение управленцев или уполномоченных на проведение переговоров лиц. Реалии отношений между Российским государством и кочевниками севера Центральной Азии, отсутствие рефлексии центральных органов власти обусловили ситуативное применение и соблюдение всех компонентов церемониала и протокола. Но в тех случаях, когда церемониал использовался, то он был направлен на демонстрацию силы, мощи и высокого статуса российского монарха, а также должен был создать эффект присутствия государевой власти на окраинах государства. В Москве церемониал применялся всегда, но в упрощенном варианте, и был направлен на демонстрацию высокого статуса царя, его благосклонности к потенциальным подданным.

8. Российская власть в символической и понятной для себя форме демонстрировала низкий статус кочевых правителей севера Центральной Азии как контрагентов «великого государя», что выражалось в: низком социальном статусе и неопределенном дипломатическом ранге русских дипломатов; применении дарообменных технологий, направленных на установление непаритетных отношений; использовании упрощенного варианта дипломатического церемониала. При этом, когда возникала необходимость, использовались отдельные нормы «посольского обычая», указывающие на оказание знаков почтения кочевникам как контрагентам русского царя, с целью демонстрации величия российского монарха и его благосклонности, создания благоприятной обстановки для последующих переговоров.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на широком эмпирическом материале продемонстрировано применение Российским государством дипломатических методов и приемов при взаимодействии с кочевыми объединениями севера Центральной Азии на протяжении XVII – начала XVIII в.; установлена зависимость использования российских дипломатических практик с общим политическим курсом Российского государства в отношении центральноазиатских кочевников; выявлено смысловое наполнение дипломатических практик, применяемых российской властью в ходе коммуникативных процессов; продемонстрированы широкие возможности использования «новой дипломатической истории» при анализе взаимодействия российской власти с протогосударственными образованиями.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применены в работах, посвященных взаимодействию российской власти с кочевыми народами севера Центральной Азии, при анализе коммуникативных процессов, происходивших в отношениях с этими народами, в ходе их подчинения российской стороной, а также при рассмотрении дипломатического протокола Российского государства в XVII – начале XVIII в. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке разделов учебных дисциплин по истории России и Сибири, российского дипломатического протокола, внешней политики Российского государства. Материалы диссертации могут быть полезными современным дипломатам, работающим в сфере дипломатической службы России на центральноазиатском направлении, при выработке дипломатических стратегий взаимодействия с азиатскими государствами.

Достоверность результатов исследования определяется анализом значительного количества источников, имеющих прямое отношение к тематике диссертации, применением базовых, специальных методов исторического исследования и современных методологических подходов, а также сопоставлением достигнутых результатов с выводами исследователей, которые были получены ими при анализе смежных вопросов и аспектов дипломатических отношений, в том числе на иных территориальных и хронологических рамках.

Апробация результатов исследования. Основные положения настоящего исследования были отражены в тезисах, статьях и докладах на 56-ой, 57-ой, 58-ой, 59-ой Международной студенческой научной конференции (Новосибирск, 2018, 2019, 2020, 2021 гг.), V региональной студенческой научно-практической конференции на иностранных языках с международным участием «Актуальные вопросы региональных международных исследования» (Новосибирск, 2018 г.), Международной студенческой научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация: Запад – Россия – Восток» (Новосибирск, 2018 г.), Международном молодежном научном форуме «Ломоносов–2019», «Ломоносов–2021» (Москва, 2019, 2021 гг.), Всероссийской молодежной научной школе-конференции с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2019, 2020, 2025 гг.), Международной научной конференции «Мир Центральной Азии – V», посвященной 100-летию Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, 2022 г.), Международной научной конференции «Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия» (Москва, 2025 г.), Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы истории Сибири. Пятнадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина» (Барнаул, 2025 г.), XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Коммуникативная культура: история и современность» (Новосибирск, 2025 г.).

Работа над текстом диссертации велась в том числе и в ходе исполнения государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

Результаты исследования представлены в 20 публикациях, из которых 14 – в сборниках материалов научных конференций, 1 – в сборнике научных статей, 4 – в научных журналах, включенных в перечень ВАК.

Рукопись диссертации обсуждалась на открытом семинаре кафедры отечественной истории Гуманитарного института Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Структура диссертации определена поставленными задачами и включает в себя: введение, три главы, заключение, список источников и литературы, список сокращений, приложение.

Глава 1. Русские посольства к кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

1.1. Социальные параметры посольств: чины руководителей и состав

В XVII в. в Российском государстве институт постоянного дипломатического представительства только зарождался¹. Основным способом дипломатической коммуникации между русским царем и контрагентами был обмен посольствами. Дипломатические миссии ездили либо за границу, где проводили переговоры лично с монархами-контрагентами, либо в заранее обговоренные места, где происходили «съезды», на которых встречались дипломаты двух коммуницирующих государств и решали конкретные вопросы. При организации посольств большое внимание уделялось статусу посла, что было характерно не только для российской дипломатической практики, но и европейской, а также азиатской. Высокий уровень межгосударственных отношений, предполагавший коммуникацию между монархами, предопределил практику назначения на должность дипломата человека, входящего в верхушку социальной иерархии государства. Такая практика, надо полагать, получила распространение во всех странах.

В монархических государствах в XVII – начале XVIII в. рационально-теоретические нормативы, определявшие принципы международных отношений, еще только разрабатывались и /или апробировались, поэтому ритуально-церемониальному аспекту в ходе дипломатической коммуникации придавалось большее значение. В дипломатической культуре данного периода, наполненной значительным количеством различного рода символов и атрибутов, имевших определенную семантику, статусные параметры дипломата – социальные (титул, звание, чин, происхождение) и дипломатические (ранг) – служили индикаторами отношений между контрагентами, отражая их характер и уровень. Можно с уверенностью утверждать, что чин и ранг посла были явными показателями восприятия сторонами друг друга². Считалось, что чем выше

¹ Колегов С. С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 13–15, 19–20.

² См., например: Thiessen, H. von. Diplomacy in a Changing Political Order: An Actor-Centred View of European Diplomats at the Time of the War of the Spanish Succession // The War of the Spanish Succession: New Perspectives. Matthias Pohligh and Michael Schaich (eds.). Oxford, 2018. P. 63; Thiessen, H. von. Gestaltungsspielräume und Handlungspraktiken frühneuzeitlicher Diplomaten //

статусные параметры дипломата, тем большее значение придавалось принимавшей посольство стороне, а вместе с тем и вопросу, стоявшему на повестке дня¹. Отметим, что дипломаты выступали не только как переговорщики, но и как личные «церемониальные представители и символические заместители» своего монарха².

Отношение к контрагентам выражалось в понятии «чести», представления о которой были распространены в монархических государствах и активно транслировались в международных отношениях. Степень «чести», оказываемой иностранному монарху, зависела от ряда факторов: во-первых, от представления о положении монарха в иерархии правителей; во-вторых, от длительности, традиций и характера межгосударственных отношений; в-третьих, от важности самой дипломатической миссии.

Еще в Средневековой Руси в сознании людей сформировалось представление, сохранившееся потом и в «посольском обычае» Российского государства XVI–XVII вв., о том, что любой дипломат – это не «безличный» и «механический передатчик» в ходе коммуникации, а доверенное лицо своего правителя и фактически его воплощение³. Данное восприятие послов дополнялось тем, что в российском политическом дискурсе личность монарха отождествлялась с государством⁴. В связи с чем, как отметил М. В. Моисеев, сформировался «символический ряд: государство = государь = посол». Этот «ряд» играл важную роль в дипломатических отношениях⁵. Данные мировоззренческие установки свидетельствуют о «стирании» территориальных границ в семиотическом пространстве «посольского обычая»: посол во время выполнения миссии,

Praktiken der Frühen Neuzeit: Akteure, Handlungen, Artefakte. Bd. 3. Köln, Weimar, Wien, 2015. S. 202.

¹ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988. С. 31.

² Thiessen, H. von. Diplomacy in a Changing Political Order: An Actor-Centred View of European Diplomats at the Time of the War of the Spanish Succession. P. 70. См. также: Thiessen, H. von. Gestaltungsspielräume und Handlungspraktiken frühneuzeitlicher Diplomaten. S. 199; Буд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. С. 32.

³ Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 143, 146; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 27–29; Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... История Посольского приказа. М., Берлин, 2019. С. 41, 45, 47; Борунков А. Ф. Дипломатический протокол в России. М., 2007. С. 43–44; Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016. P. 102, 110.

⁴ Толстиков А. В. Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII в. // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 294–310.

⁵ Моисеев М. В. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № 4. С. 17.

возложенной на него, являлся *alter ego* своего монарха. «Великий государь», находясь в Москве, «речами» своего дипломата, заранее изложенными в наказе («инструкции»), осуществлял прямой диалог со своим «коллегой»-монархом, принимавшим посольство. В ходе подобного общения посол, с одной стороны, метафизически являлся инкарнацией русского царя, а с другой, он выступал его представителем, который репрезентировал власть и образ государя, транслировал идеологемы политической культуры Российского государства.

На социальный статус русских дипломатов уже обращали внимание некоторые российские исследователи. Так, Н. М. Рогожин специально акцентировал внимание на социальном и имущественном положении русских посланников, направленных в 1613–1616 гг. к иностранным монархам по случаю восшествия на престол царя Михаила Федоровича. Исследователь указал на привлечение к дипломатической деятельности в обозначенный им период лиц, не относившихся к родовитой боярской знати¹. Схожую тематику затронул в своей публикации и А. В. Виноградов, проанализировавший участие лиц Государева двора и приказных служащих в дипломатических отношениях Российского государства с Крымским ханством в первые годы царствования Михаила Федоровича².

Обращали внимание исследователи и на привлечение к дипломатической службе сибирских служилых людей в контексте реконструкции биографии конкретных лиц (или

¹ Рогожин Н. М. Посольские книги и другие источники XVII в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613–1616 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей. М., 1982. С. 51–69.

² Виноградов А. В. Государев двор и приказная бюрократия царя Михаила Федоровича в дипломатических «ссылках» с Крымом в 1613–1619 гг. // Российское государство в XVI – начале XVIII века: сборник статей к 70-летию А. П. Павлова / составитель: А. И. Раздорский. СПб.; М., 2022. С. 136–166.

семейных династий)¹, анализа служебных обязанностей² и роли в установлении контактов с центральноазиатскими номадами³.

Вместе с тем зарубежные исследователи, анализируя европейскую дипломатию XVI – начала XVIII вв., указали, что иногда к дипломатической деятельности привлекались и те лица, которые не относились к верхушке общества или относились, но имели низкий статус и роль при монаршем дворе⁴. Т. А. Саверби отметила, что выработанные в зарубежной историографии представления об «идеальной» дипломатии XVI–XVIII вв. сформированы на тезисе о принадлежности послов к аристократическому обществу. Исследователь отметила необходимость изучения дипломатических представителей, которые относились к другим социальным (неаристократическим) слоям⁵.

Таким образом, в исторической науке вопрос о социальной принадлежности посланников, их статусе уже поднимался и даже частично анализировался исследователями на конкретных случаях. Однако на материале взаимоотношений

¹ См., например: *Бродников А. А.* Третье поколение Перфирьевых (из истории сибирской служилой династии XVII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 8. С. 27–34; *Каменецкий И. П.* Выходцы из белорусских земель на службе в Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. №1. С. 12–16; *Он же.* «Белорусцы» Аршинские на службе в Сибири в XVII веке // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3(4). С. 83–87.

² См., например: *Никитин Н. И.* Служилые люди Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 92; *Он же.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. Начало казачества Сибири. М., 2018. С. 246, 247; *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. М., 2012. С. 80–81; История казачества Азиатской России: в 3 т. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С. 59.

³ *Катанаяв Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых сибирских людей // Записки Зап.-Сиб. Отдела Рус. геогр. о-ва. Омск, 1893. Кн. 14. Вып. 1; *Оглоблин Н. Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. 1891. Т. 46. № 10; *Смирнов Н. Н.* Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1996; *Ананьев Д. А.* Участие сибирских служилых людей в установлении и развитии русско-ойратских дипломатических отношений в первой половине XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 4. С. 93–97; *Каменецкий И. П.* «Посольские дела» томского казака Емельяна Вершинина в 1630–1640-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 108–113.

⁴ *von Thiesse H.* Diplomacy in a Changing Political Order: An Actor-Centred View of European Diplomats at the Time of the War of the Spanish Succession. P. 74, 76; *von Thiesse H.* Gestaltungsspielräume und Handlungspraktiken frühneuzeitlicher Diplomaten. S. 202, 204; *Sowerby T. A.* Early Modern Diplomatic History // History Compass. 2016. Vol. 14/9. P. 443.

⁵ *Sowerby T. A.* Early Modern Diplomatic History // History Compass. 2016. Vol. 14/9. P. 443.

русской власти с центральноазиатскими кочевниками в XVII – начале XVIII в. еще не становился предметом специального исследования.

Вступив в контакты с кочевыми народами севера Центральной Азии в начале XVII в., русской дипломатии необходимо было в понятных для себя символах и атрибутах определить место новым контрагентам в своей иерархии иностранных правителей, а также определить основных лиц – участников диалога, способных для выполнения репрезентативных и переговорных функций. Таким образом, для понимания характера восприятия российским монархом правителей центральноазиатских кочевников необходим анализ статусных параметров самих посланников – социального (служилый чин) и дипломатического (ранг). Посольские ранги будут рассмотрены далее, а в данном же разделе внимание будет сосредоточено на социальном (чиновном) статусе руководителей русских дипломатических миссий, ездивших к центральноазиатскимномадам. Однако для общего понимания о том, кого в принципе задействовали в дипломатической службе, в общих чертах приведем примеры, относящиеся к другим территориальным и хронологическим рамкам внешнеполитической деятельности Российского государства.

Со времен Средневековья на Руси к посольской службе привлекались лица, которые относились к княжескому окружению – княжичи, бояре, дружинники, купцы, а также представители Русской православной церкви¹. В результате становления Российского государства в конце XV–XVI вв. и оформления его социальной структуры, в рамках которой сложилась чиновная иерархия служилых людей, к дипломатической службе власти стали привлекать (правда, не всегда) лиц, имевших думные и московские чины Государева двора².

В XVII в. в Речь Посполитую с царскими поручениями обычно отправлялись бояре и окольные³; в Швецию – окольные⁴; в Священную Римскую империю – окольные

¹ Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. С. 140–143; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». С. 29–30; Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол. М., 2011. С. 27; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 4.

² Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 30.

³ [Котошихин Г. К.] О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 45.

⁴ Там же. С. 45.

и думные дворяне¹; в Англию – стольники²; в Данию и Турцию – окольничие, стольники, стряпчие, дворяне, иногда дьяки³; в Голландию и немецкие государства – думные дворяне, стольники, дворяне⁴; в Крымское ханство – окольничие, стольники и дворяне⁵; в Персию – окольничие, стольники и дворяне⁶. В Испанию и Францию с поручениями ездили стольники⁷.

При назначении дипломатов в Речь Посполитую, Швецию, а также Англию руководителями Посольского приказа брались во внимание знатность рода, из которого происходил посланник, а также наместнический титул⁸. При этом правительство, когда это было необходимо, могло «приписать» на время какой-либо наместнический титул. Например, «товарищем» великого и полномочного посла Ф. А. Головина был назначен нерчинский воевода И. О. Власьев, которому было велено в дипломатических документах, оформленных в результате российско-маньчжурских переговоров 1688–1689 гг., писаться «наместником Елатомским»⁹.

Послы в европейские и азиатские государства направлялись не одни, а в сопровождении помощников-«товарищей», которых также назначали из числа лиц

¹ [Котошихин Г. К.] О России... С. 45; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1: Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. М., 1894. С. 20.

² [Котошихин Г. К.] О России... С. 46; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 105, 117.

³ [Котошихин Г. К.] О России... С. 46; Мейер М. С., Фаизов С. Ф. Взаимоотношения России и Османской империи в XVII в.: статистика обменом дипломатическими миссиями, процедурные нормы // Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношения. М., 2008. С. 3–11; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 217, 222, 226, 227, 228, 230, 231, 233.

⁴ [Котошихин Г. К.] О России... С. 46; Прудовский П. И. Дипломатические отношения России и Бранденбургско-Прусского государства в середине XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 20, 24; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 233.

⁵ [Котошихин Г. К.] О России... С. 46; Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел Ф. Лашкова. Симферополь, 1891. С. 43, 46, 79–80, 170, 174, 176, 187, 189.

⁶ [Котошихин Г. К.] О России... С. 46; АИ. Т. 4. С. 184; Талина Г. В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М., 2012. С. 185, 196, 198, 200, 201.

⁷ СГГД. Ч. 4. М., 1828. С. 342.

⁸ [Котошихин Г. К.] О России... С. 25–26, 45–46. См. также: Талина Г. В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. С. 53–85.

⁹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 357. См. также: Индова Е. И. Русская посольская служба в конце XV – первой половине XVI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 296.

Государева двора, обладавших думными и московскими чинами – бояр, окольничих, стольников, стряпчих, дворян, жильцов и т.д., или же из числа приказной бюрократии – дьяков и подьячих¹.

Принципиально иная ситуация сложилась в отношениях Российского государства с главами этнополитических образований Средней Азии, Поволжья, Южного Урала и Северного Кавказа. К лидерам образований этих регионов, в частности к правителям Бухары, Хивы, Балха, Ногайской Орды, Калмыцкого ханства, а также разноформатных северокавказских политий, ездили русские посольства, которые возглавляли лица из числа городских (уездных) служилых людей – дворян, детей боярских, подьячих, толмачей, казаков, а иногда и вовсе из торговых (посадских) людей². В Индию с мелкими поручениями направляли торговых людей³.

В результате анализа делопроизводственной документации, относящейся к посольской деятельности Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., а также научно-исследовательской литературы было выявлено, что к главам военно-политических объединений тюрко- и монголоязычных кочевников было направлено не менее 267 русских дипломатических миссий. Сведения о русских посольствах были агрегированы нами в виде таблицы с указанием информации о годе отправки, города, ответственного лица, руководителе миссии, его ранге и полномочиях (см. Приложение).

¹ [Котошихин Г. К.] О России... С. 46; Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 50–51.

² Сборник князя Хилкова. СПб, 1879. С. 389, 502; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л., 1932. С. 158–159; Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 26; Русско-индийские отношения в XVII веке. М., 1958. С. 356–357; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 87, 90, 93, 98, 155, 209; Тепкеев В. Т. Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века // Oriental Studies. 2011. Т. 4 (2). С. 13; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 2016. С. 586; История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1. С. 278, 282, 308, 310, 358; Мусеев М. В. Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. 2011. № 4. С. 193–195.

³ Русско-индийские отношения в XVII веке. М., 1958. С. 65–66, 99–100, 214–215, 356–357; Уляницкий В. А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв: По документам Московского главного архива М-ва ин. дел. М., 1889. С. 22, 35.

Для 257 посольств удалось установить социальный статус лиц, их возглавлявших. Результат подсчета представлен в виде таблицы (см. Табл. 1), составленной на основе данных из Приложения¹.

В подсчет были включены русские дипломатические миссии, инициируемые органами центральной власти – Посольским, Казанским и Сибирским приказами, а также органами местной власти – разрядными и уездными воеводами, приказчиками острогов, к главам военно-политических объединений кочевников севера Центральной Азии, которые на протяжении XVII – начала XVIII в. выступали контрагентами российского монарха. Это были кочевые правители монголоязычных ойратов, хотогойтов, халхасцев, а также тюркоязычных алтайских телеутов, орчаков (тувинцев) и енисейских киргизов. Отметим, что в статистике учитываются посольства к калмыкам – торгоутам, дербетам – тем племенным группировкам ойратов, контактировавшим в 1607–1620-х гг. с сибирскими воеводами в процессе своей миграции на запад. Кроме того, при подсчете взяты во внимание те посольства, которые были направлены к представителям монгольской буддийской церкви – Ундур-геген хутухте (джебцзун-дамба-хутухте), Очирдар-хутухте, а также к хотогойтскому ламе. Они вступали в активную коммуникацию с российской властью путем отправки посольств, подарков и писем в сибирские города и в Москву. Со стороны России к ним также направлялись дипломатические миссии. В подсчет включены и те посольства, которые были снаряжены в монгольские земли по указаниям великого и полномочного посла Ф. А. Головина, направленного по распоряжению власти на «посольский съезд» с маньчжурскими дипломатами для урегулирования порубежного конфликта между Россией и цинским Китаем и находившегося в 1687–1690 гг. в Сибири.

Особо оговорим, что в статистику не был включен ряд русских посольств, которые: – во-первых, были инициированы служилыми людьми, направленными для проведывания новых территорий и залежей серебряной руды в ходе освоения Забайкалья²;

¹ Промежуточные результаты исследования данного вопроса см.: Зуев А. С., Попов Д. К. Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // *Oriental Studies*. Т. 15. № 4. С. 649–662.

² См., например: СДИБ. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 112–117, 117–120; РМО. 1636–1654. С. 315–319, 319–322, 329–333.

- во-вторых, были направлены в Китай и по пути своего следования побывали в калмыцких и монгольских улусах с целью получения разрешения на проезд в Пекин¹;
- в-третьих, были посланы к Кучумовичам – потомкам сибирского хана Кучума, кочевавшим зачастую совместно с калмыками². Как нам представляется, взаимодействие российской власти с Кучумовичами следует рассматривать в общем контексте коммуникации Российского государства с постордынскими государственными образованиями;
- в-четвертых, были направлены в улусы для урегулирования мелких (частных) инцидентов (чаще всего – угон скота)³;
- в-пятых, были организованы и отправлены из несибирских городов (например, из Уфы, Астрахани)⁴.

¹ См., например: РКО в XVII в. Т. 1. С. 92–95; РМО. 1685–1691. Сб. документов. М., 2000. С. 25–67.

² О Кучумовичах см.: *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012; *Васьков Д. А.* Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 годах // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 158–166.

³ См., например: РМО. 1654–1685. С. 163–164; РКО в XVII в. Т. 2. С. 197, 200.

⁴ См., например: РМО. 1607–1636. С. 102, 124–126, 130; РМО. 1636–1654. С. 354.

Таблица 1.

Чины руководителей русских посольств к кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

[illegible]

Примечания: ¹ хотогойтский лама на момент совершения русских посольств находился в улусах алтын-хана; ² в том числе главы военно-политических объединений дербетов, торгоутов, хошоутов; ³ служилые люди, относящиеся к московскому списку жильцов или дворян; ⁴ казаки конные, пешие, литовского списка; ⁵ конкретный чин неизвестен.

Составлено по: Приложение.

Из приведенных в Табл. 1 сведений видно, что два раза во главе посольств назначались лица, относящиеся к местному аппарату управления, – письменный голова С. М. Скворцов (1649 г.)¹ и подъячий И. Васильев (1649 г.)².

Дважды с поручением направляли представителя служилых людей по отечеству, который имел отношение к московскому списку чинов. Возглавлявший посольства к лицам буддийского духовенства, – Ундур-геген хутухте и Очирдар-хутухте в 1687–1688 гг. – И. Р. Качанов в источниках упоминается как «дворянин / посольский дворянин»³. Иногда он называется «тоболенином»⁴ или «сибирянином»⁵, что указывает на его «сибирские корни». Однако гораздо чаще И. Р. Качанов в документах фигурирует вообще без применения к нему каких-либо маркеров, указывающих на его социальный статус и происхождения⁶. При этом составители сборника по русско-монгольским отношениям в именном указателе обозначили его как «тобольский служилый человек, жилец»⁷. Согласно «Алфавитному указателю...», составленному в Министерстве юстиции в середине XIX в. на основе боярских книг, Иван Родионов Качанов в 7189 г. (1681 г.) упоминался в источниках в чине московского дворянина⁸. Документы начала XVIII в. тоже называют И. Р. Качанова дворянином⁹. Надо полагать, что на момент

¹ Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 79; *Он же*. Некоторые документы о «затейке» томского воеводы Ильи Бунакова против воеводы князя Осипа Щербатого... С. 160.

² Добжанский В. Н. Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2017. Вып. 7. С. 131.

³ РМО. 1685–1691. С. 86, 128, 135, 183, 289; РКО в XVII в. Т. 2. С. 161, 164, 182.

⁴ РМО. 1685–1691. С. 134, 146, 155, 158, 182, 191, 193, 300; РКО в XVII в. Т. 2. С. 151, 173, 191.

⁵ РКО в XVII в. Т. 2. С. 312.

⁶ РМО. 1685–1691. С. 108, 109, 111, 126, 128, 134, 135, 136, 147, 150, 154, 156, 165, 172, 189; РКО в XVII в. Т. 2. С. 194, 195.

⁷ РМО. 1685–1691. С. 466.

⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. С. 178.

⁹ Захаров А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследования массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. С. 366; Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 1 (1). С. 68.

включения его в свиту («полк») Ф. А. Головина, он в действительности обладал каким-то московским чином и был либо дворянином по московскому списку, либо жильцом по московскому списку¹. К тому же, следует заметить, что в дипломатической практике Российского государства в XVII в. под посольскими дворянами понимались представители дворян, которые входили в свиту посла².

Следующим высоким чином обладал Я. Е. Тухачевский, возглавлявший один раз посольство к хотогойтскому алтын-хану Омбо Эрдени в 1634 г. Он упоминается в делопроизводственной документации то как сын боярский³, то как дворянин⁴, то вообще без конкретизации чина⁵.

Известно, что Я. Е. Тухачевский относился к смоленской служилой корпорации и в 1629 г. был сослан в Томск при условии несения службы с тех земель (вотчины и поместья), которые были ранее закреплены за ним. Поскольку он не был включен в окладные книги Томска и не был приписан к какому-либо чину томских служилых людей, ему не полагалось «государево жалованье» за службу, о чем Я. Е. Тухачевский указал в своей челобитной, поданной на имя царя. Однако сохранение за ним поместья и вотчины в европейской части России свидетельствует о его принадлежности к служилым людям по отечеству. По всей видимости, эти факты и стали причиной того, что Я. Е. Тухачевский в делопроизводственной документации назывался то дворянином, то сыном боярским. В. Н. Добжанский установил, что до своей ссылки в Томск Я. Е. Тухачевский относился к верхушке смоленской корпорации служилых людей и являлся выборным дворянином⁶.

Согласно нашим подсчетам, дети боярские возглавляли посольства к тюрко- и монголоязычным кочевникам 109 раз. Практика отправки детей боярских во главе дипломатических миссий получила распространение с 1617 г., когда впервые с

¹ О существовании в Государевом дворе московских дворян и дворян по житецкому списку см.: *Козляков В. Н.* Московское и уездное дворянство поколения Смуты // *Российская история.* 2012. № 5. С. 64–81.

² *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971. С. 98.

³ РМО. 1607–1636. С. 176, 186.

⁴ Там же. С. 191, 197, 198; РМО. 1636–1654. С. 35, 37.

⁵ *Добжанский В. Н.* Яков Остафьевич Тухачевский в Сибири (1629–1647 годы) // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница».* 2019. № 10. С. 126, 129, 130, 131.

⁶ Там же. С. 111, 125, 126, 128. См. также: *Зувев А. С., Попов Д. К.* Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. С. 655.

поручением к ойратам был направлен сын боярский Т. Харламов¹. Отметим, что чин городского сына боярского являлся самым высоким среди сибирской служилой иерархии и оставался таким до конца XVII в.

К дипломатической службе привлекались и представители командного состава приборных служилых людей – «начальные люди», следовавшие в чиновной иерархии за детьми боярскими. Установлено, что им вверялись поручения не менее 64 раз, из них казачьим головам – 5, атаманам – 15, ротмистрам – 1, стрелецким сотникам – 2, пятидесятникам – 21, десятникам – 20.

Помимо «начальных людей», руководителями посольств могли назначаться и рядовые казаки. Согласно нашим подсчетам, пешие и конные, а также литовского списка казаки в совокупности возглавляли дипломатические миссии 44 раза. Однако следует оговорить, что данные цифры могут являться неполными, поскольку в делопроизводственной документации нередко служилые люди упоминаются без конкретизации их чина. В связи с этим не удалось установить конкретный чин в 17 случаях, поскольку источники используют обобщающее понятие «служилый человек» применительно к главам дипломатических миссий.

Функции руководителя посольства вверялись и штатным толмачам, т. е. лицам, причисленным к сибирским гарнизонам и имевшим данный чин. Выявлено 6 таких случаев. В разные годы к тюрко- и монголоязычным номадам во главе миссий ездили Т. Афанасьев (1688 г.)², П. Киргиз (1694 г., второй раз в 1694 г. или 1695 г.)³, Г. Уразов (1697 г.)⁴, Шумилов (имя неизвестно, 1694 г.)⁵, А. Кожевников (1700 г.)⁶.

По распоряжению властей во главе дипломатических миссий могли назначаться и представители местного аборигенного населения, как находившиеся на государственной

¹ РМО. 1607–1636. С. 69.

² РМО. 1654–1685. С. 394; РКО в XVII в. Т. 2. С. 371.

³ РКО в XVIII в. Т. 1. С. 588–589; Зуев А. С. Забайкальские служилые люди-толмачи на дипломатической службе во второй половине XVII – начале XVIII в. // «Пограничье: где начало того конца?»: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Г. Х. Самигулова. Челябинск, 2025. С. 95.

⁴ Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926. С. 71; Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 191.

⁵ Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 161. Шумиловы, в частности Иван Шумилов, были толмачами в Томске (Люцидарская А. А. Толмачи в Сибири. Период начала колонизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 28). Не исключено, впрочем, что Шумилов лишь входил в состав посольства, выполняя функции толмача.

⁶ ПСИ. СПб., 1882. Кн. 1. С. 69.

службе (служилые татары), так и незачисленные на нее (ясачные татары, буддийский служитель). Отметим, что примеры задействия в дипломатической деятельности служилых татар не являются новшеством и отличительным признаком, характерным для Сибири. Представителей данной категории служилого населения неоднократно привлекали к посольской службе в Российском государстве еще с конца XV в.¹

Согласно нашим подсчетам, четыре раза посольства к центральноазиатским кочевникам возглавляли служилые татары: томский служилый татарин князец Тоян (1609, 1621 гг.)², тобольский служилый татарин А. Кулмаметов (1673 г.)³, томский (?) служилый татарин К. Сайтуганов⁴. Возможно, был зачислен на службу и «выезжий» «белый» калмык А. Балаев, ездивший с каким-то поручением в Джунгарию в 1707 г.⁵

Дважды во главе миссий по распоряжению властей были поставлены лица из числа местного аборигенного населения, которые не были зачислены на службу. В 1607 г. к калмыкам ездили ясачные татары князцы Енобай и Куготай⁶. В 1688 г. по поручению великого и полномочного посла Ф. А. Головина для призыва монгольских тайш в подданство русскому царю ездил табунгутский зайсан Тархан-ласа-лама⁷.

Крайне редко во главе дипломатической миссии ставились лица из числа русскоязычного населения, которые на момент их отправки не находились на государственной службе, т. е. не были зачислены или уже выбыли в отставку. Трижды с поручениями ездили неверстанные дети боярские (П. Иванов в 1683 г.⁸, Н. Прокофьев в 1695 и 1698 гг.⁹), один раз отставной казак (И. Данилов в 1677 г.)¹⁰.

¹ См.: *Виноградов А. В.* Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016. №8. С. 84–91; *Муфтахутдинова Д. Ш.* Служилые татары Волго-Уральского региона на дипломатической службе Российского государства (XVI–XVIII вв.) // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 2(51). С. 136–142; *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII веке // *Научные труды*. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 166.

² *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд. М., 1999. Т. 1. С. 415; РМО. 1607–1636. С. 112.

³ РМО. 1654–1685. С. 256–257.

⁴ *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии... С. 171.

⁵ *Арзыматов А. А.* Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. [Фрунзе], 1966. С. 51–52; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 172.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 22.

⁷ РКО в XVII в. Т. 2. С. 361–362.

⁸ *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии... С. 180.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 1–4; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 168.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 24–25.

Можно констатировать, что в большинстве случаев (не менее 65 %) к дипломатической службе в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками привлекались представители служилых людей по отечеству, обладавшие чином детей боярских, а также «начальные люди» – представители командного состава служилых людей по прибору (головы, атаманы, ротмистры, сотники, пятидесятники, десятники).

Характер отношений между контрагентами, а также их властный статус в иерархии азиатских правителей не оказывали влияние на статусные параметры русских послов¹. Несмотря на то, что предпочтение отдавалось лицам, обладавшим высоким (по сибирским меркам) служилым чином, в действительности к посольской службе могли привлечь любого человека, который не имел какого-либо командного чина, а иногда и вовсе не находился на государственной службе. При этом контрагенты не высказывали недовольство по поводу социального статуса и происхождения дипломата, прибывшего к ним на переговоры. Лишь один раз кочевники отказались проводить переговоры. В 1700 г. джунгарский зайсан Кичик, находившийся в Киргизской земле, не захотел проводить переговоры с толмачом А. Кожевниковым, требуя прислать «знатного человека с подлинным указом»². Впрочем, в русском лексиконе XVII в. слово «знатный», помимо значения, обозначавшего ‘знатность, именитость и родовитость’, имело и следующие смысловые наполнения: ‘известный, знакомый по опыту’, ‘пользующийся известностью, славой, авторитетом’, ‘значительный, крупный’³. Вполне возможно, что джунгарский зайсан просил прислать более опытного и авторитетного человека, чтобы с ним провести переговоры.

Посольства к центральноазиатским кочевникам комплектовались в сибирских городах и вопрос о том, кого поставить во главе миссии решался воеводами или

¹ В дипломатической практике Российского государства изменение характера межгосударственных отношений могло оказывать влияние на посольскую атрибутику, в том числе и на снижение социального и дипломатического статуса посланника. Так, в 1580 г. по указу Ивана IV в ногайские улусы был направлен служилый татарин, что являлось ответной реакцией московского правительства на задержку ногайцами у себя русского посольства. Надо полагать, царь добился желаемого эффекта – «принизить» статус ногайского бия Уруса как контрагента, что отразилось в переписке последнего с Иваном IV, где он выразил недовольство тем, что к его родственникам государь отправлял детей боярских, а к нему служилого татарина. (Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 69–70, 180).

² ПСИ. Кн. 1. С. 72.

³ Словарь русского языка (далее – СРЯ) XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 51.

приказчиками, действовавшими на основе предписаний из центральных органов власти, которые в одних случаях конкретизировали предполагаемый служилый чин дипломата¹, в других – нет, оговаривая, что необходимо отправить «человека доброго», кому «посольское дело» «пригоже» и «за обычай»². Даже в случаях поступления из Москвы рекомендаций послать с поручением служилого человека в чине, которого в конкретном городе не было, местные власти все равно направляли дипломатическую миссию, назначив во главе посольства человека с другим чином. Воеводы или приказчики, надо полагать, направляли того, кто обладал какими-либо коммуникативными навыками и мог выполнять представительные функции. Так, в 1673 г. по указу государя предписывалось направить к монгольскому тушету-хану Чихунь Доржи «дворянина добра». Однако из-за неимения подобного «кандидата» был направлен сын боярский И. Перфильев³. Примечательно, что тобольский воевода И. С. Куракин в 1616 г. в своей отписке в Казанский приказ указал на возможное предписание из Москвы отправить в Бухару «нарочитых дворян», которых «в Тобольску нет», и предупредил центральные власти, что тобольские дети боярские «худы и бедны»⁴. Это означает, что местную власть «тревожила» предполагаемая посылка к бухарскому правителю и отсутствие кадров, служивших в конкретных чинах.

Но даже тогда, когда воеводы направляли дипломатические миссии без указаний из центральных органов власти, они ставили во главе посольств все тех же людей, которые имели способности провести переговоры и могли исполнить вверенное им поручение. Чиновный статус дипломатов, посланных по «государеву указу», и тех, кого послали воеводы без указаний из Москвы, не отличался (см. Приложение).

Весьма интересно, что в 1676 г. в качестве дипломата в халхаские улусы должен был поехать С. Кулмаметов⁵. Однако поездка по каким-то причинам не состоялась, что вызвало недовольство у халхаских правителей, на которые представители российской власти вынуждены были отвечать: «того никогда не бывает, чтоб для посольских таких

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 7, 119 об., 160; РМО. 1607–1636. С. 174–177; РМО. 1363–1654. С. 18, 158, 288; РМО. 1654–1685. С. 47, 80; РМО. 1685–1691. С. 97; Исторические акты. Вып. 1. С. 26.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 208; 1657 г. Д. 1. Л. 5; 1658 г. Д. 2. Л. 9, 42; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 114, 160; РМО. 1607–1636. С. 22, 27, 32, 34, 36, 37, 147, 174; РМО. 1636–1654. С. 18, 181, 288; РМО. 1654–1685. С. 47, 55, 75.

³ РМО. 1654–1685. С. 293.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 49.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1676 г. Д. 1. Л. 15, 19.

великих дел послан был иноземец»¹; «Сейдяш (Кулмаматов. – Д. II.) – тобольской татарин, человек ясашной, и таких людей по твоему великого государя указу в послах и в посланниках не посылают»². Аргументы, приводимые представителями власти для обоснования, почему С. Кулмаматов не был послан в монгольские земли, явно не соответствовали действительности. Они были сказаны лишь для того, чтобы уверить контрагентов в том, что в российской дипломатии и быть такого не может, чтобы «иноземец» (еще и «ясачный») был послан для «великих дел» с посольским поручением.

Дипломаты ездили с поручениями в ставки центральноазиатских кочевников не одни. В качестве помощников с ними направлялись служилые люди («начальные люди», рядовые казаки), служилые татары, а также представители местной администрации – подьячие, иногда целовальники. Помощники дипломата не обладали чином выше, чем чин главы посольства. В отчетной документации они в соответствии с субординацией упоминались после имени руководителя посольства³.

В состав посольств входили как служилые люди, так и представители местного аборигенного населения севера Центральной Азии. Из числа служилых людей, как правило, в состав включались казаки («которые были с собою добры и конны и вооружены»⁴, «чтоб их не побили»⁵), выполнявшие охранные функции, исполнение которых было обусловлено перманентной опасностью в связи с нестабильной военно-политической ситуацией на центральноазиатском пограничье. Грамоты из центральных органов власти также рекомендовали включать в состав посольств и представителей местного населения: «тотар ясачных или служивых, которым бы колмаки верили»⁶. Задействование аборигенного населения в посольской деятельности объясняется знанием ими местных условий и топографической обстановки («выбрав на Тюмени ис тюменских служилых людей дву человек да ис татар вожа, которой бы знал те урочища»⁷), а также коммуникативными навыками, необходимыми для осуществления переговорного процесса («гаразды были татарскому языку»⁸). Кроме того, привлечение местного

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 268.

² РМО. 1654–1685. С. 381.

³ См., например: РМО. 1607–1636. С. 203; РМО. 1636–1654. С. 32, 51, 137, 215, 227, 349, 369.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 193.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 22, 23, 26, 27, 32, 33, 37, 39, 41.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же.

иноэтничного населения предоставляло дополнительные гарантии, обеспечивающие успех дипломатической миссии, поскольку для контрагентов такие люди могли восприниматься как «свои», которым можно было «верить».

Изредка в источниках встречаются упоминания о включении в состав посольств вспомогательного персонала – кашеваров¹. В лексиконе XVII в. слово «кашевар» («кошевар») означало ‘артельный повар, кашевар’². Обязанности кашеваров выполняли все те же служилые люди, включенные в состав дипломатической миссии.

Функционал толмачей – переводчиков устной речи – выполняли люди, знавшие язык контрагента (монгольский или татарский). Обычно они временно исполняли обязанности толмача, т. е. привлечены были к переводческой деятельности на период посылки дипломатической миссии. Об этом свидетельствуют формулы, упоминаемые в источниках, – «в толмачах» и «для толмачества»³. Но были и штатные толмачи – те, кто имел такой чин и выполнял обязанности переводчика на постоянной основе⁴.

Согласно нашим подсчетам, толмачи числились в 63 посольствах⁵. Данный подсчет является несколько неполным, поскольку нередко в источниках не конкретизируется

¹ РМО. 1607–1636. С. 133; РМО. 1636–1654. С. 129, 148; РМО. 1654–1685. С. 89, 95, 310, 459.

² СРЯ XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 98.

³ Пузанов В. Д. Служба толмачей в Сибири в конце XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 46; *Он же*. Служба толмачей в Тобольске // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021а. № 4 (86). С. 29.

⁴ См. подробнее: Зуев А. С. Забайкальские толмачи во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.: персональный состав, численность и языковой потенциал // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 4. М., 2025. С. 96–116; Пузанов В. Д. Служба толмачей в Сибири в конце XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 46–59.

⁵ РГАДА. Ф. 199. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1; Д. 32. Л. 1–4; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 66; Стб. 702. Л. 2–7, 15, 23, 44, 84; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; Д. 30. Л. 1; РМО. 1607–1636. С. 31, 32, 55–59, 111, 169, 191, 267; РМО. 1636–1654. С. 34, 50, 90, 103, 134–140, 228, 282–283, 345–346, 381, 395; РМО. 1654–1685. С. 26, 54, 71, 89, 93, 115, 144, 155, 169, 183, 192–193, 208, 333, 334, 335, 375, 484; РМО. 1685–1691. С. 73–74, 277; РКО в XVII в. Т. 2. С. 215, 382; МОЦА. С. 216–218; ПСИ. Кн. 1. С. 174; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 39, 69, 86, 135, 182; Сборник князя Хилкова. С. 303–304; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 436; *Он же*. История Сибири. Т. 2. С. 373, 429, 471; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 57; Добжанский В. Н. Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2017. Вып. 7. С. 131; Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. С. 102; Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 360, 361, 386.

состав дипломатической миссии, из-за чего невозможно не только выявить персональный состав посольства, но и даже понять, каким образом проходили переговоры.

Рекомендации включить толмачей в состав посольства иногда содержались в грамотах из центральных органов власти: «указали есмя послати и алтына-царя к шерти привести самово, выбрав в Томском городе сына боярского доброго да подьячего ..., а с ними служивых людей и толмачей»¹; «з-Ыркутцкого острогу в новой Селенгинской острог енисейскому сыну боярскому Ивану Максимову для того: приехав ему, Ивану, в новой Селенгинской острог, и из Селенгинского острогу, взяв с собою толмача и селенгинских служилых людей»². Но, надо полагать, что сибирские управленцы, снаряжавшие посольства, и без указаний из центральных органов власти четко осознавали, что для осуществления переговорного процесса в ставках кочевников требуется включать в состав миссий толмача.

Временные функции толмачей могли исполнять как служилые люди, так и представители аборигенного населения, зачисленные или незачисленные на государеву службу³. Имелись случаи и найма переводчиков устной речи среди кочевой элиты народов Южной Сибири. Так, русские дипломатические миссии, ездившие с поручениями к монголам-хотогойтам, проезжали земли енисейских киргизов. Там они контактировали с местным населением и могли нанимать их. Например, функции толмача в посольстве тарского атамана В. Тюменца в 1616 г. выполнял киргизский князец Кара, получивший за исполнение своих обязанностей «жалованье»⁴. В 1631 г. томский сын боярский К. Карякин во время поездки к алтын-хану Омбо Эрдени взял с собой «для толмачества киргиского князца Ишеева сына Кайкана»⁵. К сожалению, неизвестно, что получил взамен киргизский князец. Однако вряд ли исполнение подобной «службы» обошлось без оплаты.

Из установленных нами 63 случаев, когда толмачи входили в состав посольства, в 60 случаях в составе русских делегаций числился один переводчик устной речи. В трех

¹ РМО. 1636–1654. С. 18.

² РМО. 1654–1685. С. 192. См. также: РМО. 1636–1654. С. 158, 166, 170, 337, 345.

³ См. подробнее: *Попов Д. К.* Толмачи в русских посольствах к монгольским и тюркским кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2025. Вып. 4. С. 212–221.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 59.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 169.

посольствах были два толмача (миссии Д. Копылова в 1635 г.¹, С. Тупальского и И. Сиротинина в 1679 г.²). Включение в состав посольств двух толмачей должно было ускорить коммуникацию и снизить роль межъязыкового барьера.

Надо полагать, что в тех случаях, когда источники не упоминают о наличии толмачей в составе посольств, функционал переводчика устной речи выполнял кто-то другой, кто знал язык контрагента. Это мог быть как сам дипломат, так и кто-либо из числа людей, его сопровождавших. По мнению В. Д. Пузанова, во второй половине XVII в. многие служилые люди южносибирских городов хорошо знали татарский язык и могли свободно общаться с тюркоязычным населением³. Это было обусловлено тем, что этнический состав служилых людей, приписанных к сибирским гарнизонам, был пестрым и, соответственно, они могли знать различные «иноземные» языки и свободно изъясняться на них⁴.

В состав дипломатических миссий для выполнения функций писарей могли включать подьячих или их детей⁵. Однако нередко такие обязанности возлагались на самих служилых людей, которые были обучены грамоте⁶.

В качестве вспомогательного персонала, включенного в состав посольства, использовались бухарцы – выходцы из Бухары и среднеазиатского региона в целом. Задействование бухарцев, причем как зачисленных на государеву службу, так и незачисленных, в последнее время некоторые историки рассматривают в фокусе «челночной дипломатии», в рамках которой выходцев из среднеазиатского региона царское правительство воспринимало своими «агентами» и использовало в качестве

¹ РМО. 1607–1636. С. 267.

² РМО. 1654–1685. С. 333, 334.

³ Пузанов В. Д. Служба толмачей в Сибири в конце XVI–XVII в. С. 49.

⁴ См., например: Зуев А. С., Люцидарская А. А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 52–69; Люцидарская А. А. Толмачи-новокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 401–404.

⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1; Д. 32. Л. 1–4.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 134; РМО. 1654–1685. С. 54, 105, 169, 183, 208, 248; РМО. 1685–1691. С. 107–117, 182; РКО в XVII в. Т. 2. С. 371, 374; Сборник князя Хилкова. С. 303–304; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 135.

посредников, разведчиков и провожатых в ходе коммуникации с народами Центральной Азии¹.

Сопровождали посольства провожатые, которых назначали или нанимали из числа лиц автохтонного населения севера Центральной Азии: «и как он Ромашко из Езерской землицы поехал и Тубинскую землицу для дел великих государей и езерской князец Шурло дал ему Ромашку из своих улусных людей до Тубинской землицы проводника»². Как правило, функционал провожатых выполняли киргизы, телеуты, ойраты и монголы³.

Отметим, что русские дипломаты, которые ездили в ставки кочевников, как и их «коллеги», которые направлялись в европейские и некоторые азиатские государства, являлись воплощением своего монарха. Не случайно, неоказание почестей «посланнику» С. Жемотину хошоутским тайшей Аблаем в 1660 г. было воспринято как «бесчестье»: «а Аблай-тайша ваших царского величества посланников принял нечестно и тем вам, великим государем, вашему царскому величеству, учинил бесчестье немалое»⁴. Иначе говоря, непочтение русского дипломата означало, что контрагент не оказал «чести» «великому государю». В российской политической культуре XVII в. служилые люди, исполняя любое поручение («службу») фактически брали на себя «частицу» власти царя, что, в свою очередь, подразумевало их ответственность лично перед монархом за сохранение «государевой чести»⁵. В связи с этим в семиотическом пространстве «посольского обычая» русские дипломаты, ездившие в ставки центральноазиатских кочевников, в ходе исполнения ими церемониальных, ритуальных и протокольных действий, являлись представителями «великого государя» (несмотря на их социальный статус), репрезентируя его власть и образ.

¹ Конев А. Ю., Пузырев И. Д. Разведывательная деятельность и челночная дипломатия бухарцев на сибирском пограничье в конце XVI – XVII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган, 2020. С. 122–125; Пузырев И. Д. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 388–398.

² Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века... С. 310.

³ РМО. 1607–1636. С. 31, 33, 56, 60, 228, 230; РМО. 1636–1654. С. 159, 167, 170, 205, 321; РМО. 1654–1685. С. 54; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 46.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 68. См. также: Там же. С. 70.

⁵ Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 179.

Интерпретируя вышеизложенные данные, констатируем, что социальный статус глав русских дипломатических миссий в коммуникации Российского государства с кочевыми народами северной части Центральной Азии был значительно ниже, чем у дипломатов, ездивших с царскими поручениями к правителям европейских государств, Крымского ханства, Турции и Персии. Однако в целом он соответствовал чинам посланников, направляемых по указанию центральной власти к правителям, чье место в политической иерархии, согласно представлениям московского правительства, было низким, и они не являлись равными по статусу российскому монарху.

Высокая дифференциация служилых людей в XVI–XVII вв. позволяла российской дипломатии ранжировать контрагентов и направлять к ним лиц, обладавших разными чинами, маркируя статус своих контрагентов в понятных для себя атрибутах и символах, тем самым показывая отношение «великого государя» к иностранному правителю. «Для дипломатии того времени, – отмечает В. С. Мясников, – было исключительно важно не зависеть политическое положение государства-контрагента, ибо это вело к умалению собственного престижа. При московском дворе всякий раз тщательно анализировали сведения о тех странах, с которыми вступали в контакты, классифицируя их по своеобразной “табели о рангах”»¹.

Поручая ведение дипломатического диалога от имени государя лицу, чей социальный статус (чин) являлся невысоким, российский монарх оказывал меньше «чести» правителю, принимавшему посольство. Снижение чиновного статуса дипломата вело к упрощению прочей атрибутики – сокращалось число свиты (лиц, сопровождавших посольство), снижался статус самих лиц, включенных в посольство. Эти атрибуты в коммуникации московской дипломатии с монархами, воспринимаемыми равными русскому царю, подкрепляли социальный и дипломатический статус самого главы посольства, а также в символической форме демонстрировали отношение к контрагенту.

Политический курс Российского государства в отношении кочевников севера Центральной Азии, заключавшийся в стремлении привести их «под государеву высокую руку», установить над ними хотя бы номинальный контроль, предопределил использование в дипломатической практике символики упрощенного формата. Именно поэтому с поручениями от имени русского царя в азиатские степи направлялись дипломаты, чье место в чиновной иерархии российского общества было невысоким.

¹ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 87.

Направляя дипломатов из сибирских городов, Москва экономила казенные ресурсы на снаряжение дипломатических миссий, а также давала возможность более оперативно реагировать на быстрое изменение военно-политической обстановки на центральноазиатских рубежах. К тому же в дипломатической деятельности задействовались лица, знакомые с местной обстановкой и имевшие длительный опыт общения с иноэтничным населением. Подобные прагматические соображения присутствовали у служащих Посольского приказа в рассматриваемое время. На это указал подьячий Г. К. Котошихин, отметивший, что в Священную Римскую империю «великие послы не посылаваны давно, потому что дальней проезд, чрез многие разные государства, и послом великим в дороге будет много шкоты и убытков. А посылаются к цесарю посланники роду среднего, которые бывают в думных дворянех и в окольных»¹.

Однако отправка к римскому цесарю дипломатов «средних родов», обладавших невысоким (по сравнению с дипломатами, ездившими к польскому или шведскому королю) чином, компенсировалось иными посольскими атрибутами и символами, подчеркивающими верховное положение монарха Священной Римской империи во властной иерархии христианских правителей².

Отправка к главам военно-политических объединений кочевников Центрально-Азиатского региона дипломатов с низким социальным (чиновным) статусом определялась реалиями политической картины мироустройства российского монарха и местом в ней кочевых правителей. Было бы странно, если к джунгарскому хунтайджи, хотогойтскому алтын-хану, телеутскому или киргизскому князю, которые рассматривались потенциальными подданными русского царя, а некоторые из них периодически находились в трибутарной (даннической) зависимости, выплачивая ясак (дань), направился для приведения их к шерти (присяги), а вместе с тем и взимать ясак представитель, обладавший думным чином. Информация, накопленная в центральных органах власти, не позволяла российской дипломатии в ритуально-символической форме повышать статус центральноазиатских кочевников, поскольку в таком случае это уронило «честь» самого царя.

¹ [Котошихин Г. К.] О России... С. 45.

² Там же. С. 39, 45, 60.

Вместе с тем в дипломатической практике Российского государства в XVI–XVII вв. имеются примеры изменения статуса контрагента, следствием которого было изменение социального и дипломатического статуса представителя государя. Так, органы центральной власти довольно длительное время имели очень скудные сведения о политическом весе Китая, что привело к невозможности ими точно идентифицировать его правителя, которого в источниках номинировали то царем, то ханом, то князем¹. Во главе дипломатических миссий к китайскому правителю назначались люди с невысокими чинами. В Китай с поручениями ездили: в 1618 г. томский казак И. Петлин, в 1653 г. якутский казак Т. Е. Чечигин, в 1654 г. дворянин по московскому списку Ф. И. Байков, в 1670 г. нерчинский казачий десятник И. М. Милованов, в 1673 г. переводчик Посольского приказа Н. Г. Милеску-Спафарий². При этом из Москвы был послан только Н. Г. Милеску-Спафарий, остальные же посольства направлялись из сибирских городов (Томск, Тобольск, Нерчинск), а якутский казак Т. Е. Чечигин ездил из отряда Е. П. Хабарова без санкции не только Москвы, но и воеводы. Накопив значительную информацию о политическом весе и статусе китайского (маньчжурского) богдыхана, Посольский приказ принял решение для урегулирования российско-маньчжурского приграничного конфликта направить на посольский съезд Ф. А. Головина, обладавшего думным чином окольничего. В состав посольства Ф. А. Головина была включена большая свита – «посольские дворяне», подкреплявшие высокий статус как самого российского монарха, так и его представителя – посла³.

Особо отметим, что во взаимоотношениях российской власти с Калмыцким ханством, расположенным в Поволжье, практиковались «съезды», на которые в качестве представителей «великого государя» ездили воеводы, обладавшие думными и московскими чинами: Г. С. Черкасский в 1661 г., Я. Н. Одоевский и И. М. Коркадинов в

¹ ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. С. 52–53, 259–261; ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. С. 76; РКО в XVII в. Т. 1. С. 130–134.

² Кроме названных дипломатических агентов, в Китай отправляли торговые миссии, руководители которых могли также выполнять дипломатические поручения, при этом имея низкий служилый чин, либо попросту не имея его вообще. См.: РКО в XVII в. Т. 1. С. 8, 11, 12, 15, 16, 18, 130–131, 142–146, 151–152, 194, 200, 218, 220, 264–265, 270–271, 273–275; РКО в XVII в. Т. 2. С. 71; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 61, 76, 79, 81, 83, 86, 108, 117, 123, 188.

³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 71.

1673 г., К. О. Щербатов в 1677 г., М. С. Пушкин в 1681 г.¹ Но такие важные персоны (воеводы, обладавшие высокими чинами) ездили не всегда².

При этом в дипломатической практике имеются и обратные примеры, показывающие изменение политического веса контрагента и снижение его статуса и места во властной иерархии правителей. Русское государство с конца XV в. имело дипломатические контакты с Ногайской Ордой, политический статус которой изменился к рубежу XVI–XVII вв. И если в XVI в., согласно установленным М. В. Моисеевым данным, к ногайцам нередко посылали лиц Государева двора – детей боярских третьей статьи³, то в XVII в. к ним уже ездили уездные служилые люди, в том числе и рядовые казаки⁴.

Включение в состав посольств в качестве вспомогательного персонала людей, относящихся к русскому и коренному (аборигенному) населению, с одной стороны, соотносится с практикой назначения во главе миссии человека незнатного происхождения, семиотическое значение которой рассмотрено выше, а с другой – показывает, что российская дипломатия стремилась вовлечь в посольскую деятельность людей, знакомых с местными реалиями. Служилые люди, этнический состав которых был крайне разнообразным, представители аборигенного населения, а также выходцы из среднеазиатского региона в совокупности являлись коммуникативными агентами, помогавшими главе посольства установить контакт с контрагентами и корректно донести вверенную ему информацию. Надо полагать, что чем чаще и больше власти задействовали в «посольской службе» лиц из числа коренного населения севера Центральной Азии, тем сильнее и прочнее устанавливались «коммуникационные сети», позволявшие российской власти в дальнейшем транслировать контрагентам основные императивы политической

¹ Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.: [сборник] / Сост. Н. Н. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста, 2003. С. 37, 39, 41, 45; История Калмыкии... Т. 1. С. 345, 358–359, 378.

² В 1657 г. на «съезд» с калмыцким тайшей Мончаком ездил стрелецкий голова А. Дернов (История Калмыкии... Т. 1. С. 310).

³ Моисеев М. В. Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2011. № 4. С. 193–195.

Дети боярские третьей статьи относились к нижним чинам Государева двора. Изменения, произведенные в середине XVI в., коснулись и положения данной категории служилых людей, место которых заняли выборные дворяне, а сами дети боярские третьей статьи были оттеснены к городovým чинам, что означало их исключение из Государева двора (Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 95, 98).

⁴ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 2016. С. 586.

культуры, направленные на формирование образа могущественного царя, о чем речь пойдет позже.

В целом можно констатировать, что основным контингентом, из числа которого московское правительство назначало глав русских посольств к тюрко- и монголоязычным кочевникам, были сибирские служилые люди. Лишь в крайне редких случаях направляли тех, кто не состоял на государственной службе. В коммуникации Российского государства с тюрко- и монголоязычными кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. применялись уже апробированные московской дипломатией практики, в символической форме выражавшие неравноправное положение участников диалога. Прикомандирование к посольствам представителей коренного населения должно было способствовать улучшению коммуникации с контрагентами.

1.2. Дипломатические ранги русских представителей

Отправка дипломатического представителя в какое-либо иностранное государство, как правило, подразумевало наделение его специальным рангом или чином, определяющим его место в номенклатуре дипломатов, статус миссии в целом, а также круг полномочий, возложенных на дипломата и соответствующих его статусу. Иерархия дипломатов сформировалась в раннее Новое время во всех европейских государствах¹.

Формирование номенклатуры великокняжеских (а затем и царских) дипломатических представителей началось еще в конце XV в. В исторической литературе неоднократно отмечалось, что в XVI–XVII вв. «посольский обычай» предполагал дифференциацию дипломатов на послов, посланников и гонцов, различавшихся между собой уровнем и объемом полномочий, социальным статусом лиц, номинированных данными рангами². Дипломатический ранг представителя мог зависеть от политического веса и статуса контрагента, к которому он направлялся, а также от цели посольства, формы проведения переговоров (личное посольство к монарху, «посольский съезд»). Активное развитие дипломатических отношений привело к выработке в дипломатической практике значительного ряда лексем, применяемых для номинации государевых дипломатов. Лексический анализ делопроизводственной документации, проведенный Ф. П. Сергеевым, показал, что в течение XVI–XVII вв. в российской дипломатии существовала следующая «номенклатура» дипломатических агентов: великий (большой) посол, великий и полномочный / полномочный посол, чрезвычайный посол, легкий посол / посланник, чрезвычайный / полномочный / чрезвычайный и полномочный посланник / посланник, посланный, посланец, гонец³. Высокая степень дифференциации дипломатических представителей и номинация их различными рангами обусловлена, по мнению Г. В. Талиной, уровнем развития дипломатии, который «предопределял закрепление норм соответствия между статусом обменивавшихся

¹ История дипломатии. 2-е изд. Т. 1. М., 1959. С. 240.

² Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906. С. 65, 67; История дипломатии. 2-е изд. Т. 1. М., 1959. С. 305; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 29; Он же. Путь посла. С. 51; Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 42; Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол. С. 157; Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016. P. 98, 103.

³ Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология IX–XVII вв. Кишинев, 1971. С. 15, 24, 28, 33, 53, 58, 62, 64, 71–72, 73, 78, 79, 84. См. также: Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 37.

посольствами государств и статусом самих посольств, между статусом посольства и личностными характеристиками его членов»¹. Кроме того, дробная градация была вызвана высоким уровнем дифференциации верхушки служилого общества².

В Российском государстве к XVII в. сформировался обычай назначения послами и посланниками лиц, обладавших думными чинами, – бояр, окольничих, думных дворян. Гонцами назначали стряпчих, жильцов и прочих представителей московских чинов служилых людей по отечеству, служащих Посольского и других приказов (толмачей, переводчиков, подьячих), и даже выходцев из европейских стран, находившихся на русской службе³.

Анализ делопроизводственной документации, относящейся к дипломатической деятельности Российского государства с центральноазиатскими кочевниками, позволил выявить два принципа применения дипломатического ранга в отношении служилых людей, направленных к главам кочевых этносоциумов:

1) самоидентификация – когда глава дипломатической миссии в своих отчетных документах (либо тот, кто писал от имени дипломата статейный список или доезд), описывая совершенную им поездку, сам использовал лексику, которая обозначала его дипломатический ранг. К этой же категории относятся и те сведения, которые были зафиксированы в ходе расспросов в расспросных речах и сказках, поскольку они исходили напрямую от участников дипломатической миссии. Сюда же относятся и челобитные, составленные служилыми людьми, которые принимали участие в дипломатической деятельности;

2) номинация – когда к какому-либо служилому человеку, который исполнял обязанности дипломата и ездил в центральноазиатские улусы, сибирскими воеводами, приказчиками и вышестоящими центральными органами власти (Казанским, Сибирским, Посольским приказами) применялась какая-либо лексема, обозначающая его ранг.

И в первом, и во втором случаях с разной периодичностью и частотой использовалась лексика, характерная для «посольского обычая» Российского государства XVII в. Разница заключалась лишь в том, кем она применялась – самими дипломатами,

¹ *Талина Г. В.* Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. С. 54–55.

² Там же. С. 54–55; См. также: История дипломатии. 2-е изд. Т. 1. М., 1959. С. 305.

³ [*Котошихин Г. К.*] О России... С. 46; *Рогожин Н. М.* У государевых дел быть указано... С. 37; *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» С. 30; *Семенов И. Н.* Российский дипломатический протокол. С. 157; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. С. 17, 18, 120, 184, и т.д.

т. е. непосредственными участниками переговоров, или представителями местной и /или центральной власти. Обозначив принципы применения лексики, означающей дипломатический ранг, перейдем к рассмотрению каждого по-отдельности.

Представим результат анализа случаев самоидентификации в виде таблицы.

Таблица 2.

Самоидентификация русских дипломатов

Дипломатический ранг	Дипломатический контрагент							Всего
	Хотогойский алтын-хан, лама	Халхаские правители	Джунгарские хунтайджи, тайши	Ойратские правители	Телеутские князцы	Орчакские князцы	Киргизские князцы	
Посол ¹	10		1	1	1			13
Посланник ²		3	6	1				10
Посланец ³			1				2	3
Посланный		1						1
«В посольстве»							1	1
Без ранга	6	2	10		6		11	35
Нет документов, исходящих от участников миссии	12	13	23	38	18	2	38	144
Всего	28	18	41	40	24	2	50	
Неизвестно		5	8	2	32	1	12	60
Итого	28	24	49	42	57	3	64	
Общий итог	267							

Примечания: ¹ лексические формы «в послех», «государев посол», «великого государя послы»; ² лексические формы «в посланниках», «государев посланник»; ³ лексическая форма «в посланцах», а также случаи использования лексемы «посланцы» в сочетании с географической привязкой – «томские посланцы», «кузнецкие посланцы».

Составлено по: Приложение.

Из приведенных в Табл. 2 сведений видно, что дипломаты сами определяли свой ранг в 27 случаях, в то время как в 35 случаях они, описывая свою поездку к контрагенту, никак не обозначали свой дипломатический ранг, т. е. не использовали никакую лексику, указывающую на их посольский статус. Единожды дипломаты определили свою поездку как «в посольстве».

Лексема «посол» была наиболее популярной (10 случаев употребления) в практике отношений с хотогойтскими алтын-ханом и ламой, а лексема «посланник» чаще употреблялась в коммуникации с джунгарскими правителями (6 случаев употребления).

Согласно нашим подсчетам, в 144 случаях о дипломатических миссиях известно из документации, имеющей отношение к местным и центральным органам власти. Иными словами, сведения о посольствах содержатся в документах, которые исходили не от самих участников дипломатических миссий, а от третьих лиц. Мы не исключаем, что отчетные документы, исходящие непосредственно от участников посольства, могут быть обнаружены в дальнейшем.

Обозначив количественные показатели, перейдем к конкретным примерам употребления дипломатической лексики русскими посланниками в своих статейных списках, доездах, сказках и расспросных речах. Как правило, самоидентификация дипломатов выглядела следующим образом: «посланы <...> в Колмаки *в послех* (курсив здесь и далее наш. – Д. П.)» (тобольский служилый человек Т. Петров, 1616 г.)¹; «прислали меня х тебе, х тайше, *в послех*» (томский сын боярский В. Былин, 1667 г.)²; «прислал к ним *в посланниках* его, Василья» (сын боярский В. Турский, 1681 г.)³; и т. д.⁴

Лексика, используемая для самоидентификации дипломатов, в отчетных документах обычно встречается нечасто. Исключением служат материалы, имеющие отношение к русско-хотогойтской коммуникации второй половины 1630-х гг., в которых лексемы «государевы послы / великого государя послы / послы» используются многократно. В этих документах дипломатическая лексика, указывающая на статус представителей российской власти, употреблялась при описании каких-либо действий контрагентов (или иных лиц, встречающихся на пути посольства) по отношению к дипломатам: «и подводы под государеву казну и под *послов* дали»⁵; «против государева жалованья и *послов* алтын-царь и лоба Дайн Мерген-ланзу выслали навстречу табуна Кеченгу Чижина»⁶. Сын боярский В. Старков в своем статейном списке сам неоднократно

¹ РКО в XVII в. Т. 1. С. 52.

² РМО. 1654–1685. С. 185.

³ Там же. С. 376.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 60, 61, 62, 64, 209, 210; РМО. 1636–1654. С. 32, 33, 51, 52, 53, 105, 107, 108, 134, 135, 140, 226, 369; РМО. 1654–1685. С. 59, 61, 363, 364; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 260.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 32.

⁶ Там же. С. 51. См. также: Там же. С. 33, 34, 35, 36, 52, 53, и т. д.

подчеркивал свой статус: «мы, *великого государя послы*», «нас, *государевых послов*»¹. Кроме того, лексемы при изложении переговорного процесса как бы вкладывались самими дипломатами в «речи» представителей кочевой элиты – алтын-хана, ламы, и их ближайшего окружения, с которыми велась коммуникация: «и лабин человек Баахай Степану с товарищи говорил. – Послал де меня лаба навстречу к вам, *государевым послам*»²; «и лаба сказал. – Я де государьской милости и жалованью рад, для де яз государева жалованья и для вас, *государевых послов*, сюда приехал»³. Надо полагать, что главы дипломатических миссий – томские дети боярские С. Греченин, Б. Карташев, В. Старков, С. Неверов – воспринимали свой ранг именно таковым, неоднократно подчеркивая и употребляя лексемы в своих отчетах, повышая свой статус в глазах контрагента во время совершения церемониальных действий, а также в ходе переговорного процесса.

В отличие от «сибирских» дипломатов, их «коллеги», ездившие к европейским монархам, в своих статейных списках нередко подчеркивали свой статус, часто указывая и неоднократно повторяя ранг, которым они были наделены. Как правило, они употребляли название своего ранга перед каждым своим действием и / или событием: «а государевы очи посланники видели», «на Вологде царского величества посланники – дворянин и наместник Боровский Василей Богданович Лихачев да дьяк Иван Фомин посылали...», «и подьячей Степан Полков, пришед к посланником», «и августа в 18 день посланники посылали великого государя с грамотами...», и т. д.⁴ Таким же приемом пользовались и дипломаты, ездившие на переговоры с маньчжурами, – Н. Г. Милеску-Спафарий и Ф. А. Головин⁵.

По всей видимости, отсутствие в отчетной документации частого использования лексики, обозначающей ранг агента, вызвано, во-первых, низким развитием дипломатической культуры на окраинах Российского государства. Надо полагать, одним из проявлений развитости этой культуры можно считать многократное употребление и подчеркивание своего посольского статуса путем неоднократного использования

¹ Там же. С. 107, 118, 122. См. также: Там же. С. 275.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 135, 137; См. также: Там же. С. 34, 37, 53 и т. д.

⁴ См., например: ПДС. Т. 10. СПб., 1871. Стб. 510, 511, 512.

⁵ См., например: ПДС. Т. 3. СПб., 1854. Стб. 187–248; ПДС. Т. 10. Стб. 510–666, 673–802, 931–1150, 1387–1576; РКО в XVII в. Т. 1. С. 346–458; РКО в XVII в. Т. 2. С. 71–641; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 227–311.

устоявшихся формул в делопроизводственной документации. Но в то же время, следует признать, что частое использование той или иной лексики зависело от авторского стиля изложения событий, присущего каждому конкретному лицу.

Во-вторых, «посольский обычай» в коммуникации с народами, воспринимаемыми потенциальными подданными российского монарха, вряд ли подразумевал акцентирование на ранге посланника. Однако в тех случаях, когда российские представители все же самоидентифицировали себя и неоднократно подчеркивали свой статус в отчетной документации и, если верить им, в ходе переговоров с контрагентами, следует говорить о формировании элементов дипломатической культуры, связанных прежде всего с осознанием своей деятельности как посольской и своего статуса как посла в ходе российско-кочевнических отношений.

Рассмотрев самоидентификацию русских дипломатов, перейдем к тем случаям, когда лексика, определяющая ранг посланников, использовалась представителями местной (воеводами, приказчиками) и центральной (служащими приказов) власти. Номинация дипломатическим рангом выглядела следующим образом: «тарские *посланники* (курсив здесь и далее наш. – Д. П.) Осташко Мартынов да татарин Аллагулко сказывали им»¹; «приехали ис калмыцких улусов в Тоболеск наши великого государя *посланники* тобольские казаки Офонька Почекунин да Ивашко Мисаилов»²; «отпустили с тобольским *посланцы* с конным казаком с Ондрюшкою Бурчеевым да с татаринном з Байметком Абызовым»³; и т.д.⁴ Гораздо чаще дипломаты упоминаются без номинации каким-либо посольским рангом, но с использованием делопроизводственных штампов, означающих факт отправки посольства, – «посылали», «посыланы», «велели ехать»: «посылали <...> томских казаков конных Ивашка Белоголова да Матюшу Кутьина»⁵;

¹ РМО. 1636–1654. С. 149.

² РМО. 1654–1685. С. 51.

³ Там же. С. 227.

⁴ СДИБ. С. 204; РМО. 1636–1654. С. 64, 90, 191, 217, 235, 241, 248, 272, 346, 352–353, 367, 376, 395, 397; РМО. 1654–1685. С. 22, 23, 51, 68–69, 318, 324; РМО. 1685–1691. С. 84; РКО в XVII в. Т. 2. С. 377; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 588; Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв. Сборник документов. Новосибирск, 2010. С. 17.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 31.

«посылал де он ... в Мугальскую землю к кутухте пятидесятника Оську Мезенина»¹; и т. д.²

Отметим, что материалы, относящиеся к взаимоотношениям российской власти с центральноазиатскими кочевниками, представлены неравномерно. Значительный массив документов исходил от представителей местной власти – воевод и приказчиков. Тогда как документация, оформленная в Москве в Казанском, Сибирском или Посольском приказах, представлена в меньшем количестве. В связи с этим больше сведений о дипломатических миссиях содержится в отчетных документах, составленных на местах и отправленных в столицу. Тем не менее полученные в результате анализа делопроизводственной документации сведения позволяют сделать определенные выводы о дипломатическом ранге руководителей миссий, ездивших с поручениями в улусы кочевников севера Центральной Азии.

Представим результат анализа в виде таблицы.

¹ РМО. 1685–1691. С. 283.

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 477. Ч. 1. Д. 1. Л. 173; № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1; Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 3, 4; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 13; РМО. 1607–1636. С. 22, 24, 28, 32, 37, 37, 40, 39, 101, 112, 144, 189; РМО. 1636–1654. С. 24, 229, 380–381; РМО. 1654–1685. С. 34, 121, 144, 192, 169, 220, 237, 242, 243, 247, 248, 256–257, 277; РМО. 1685–1691. С. 283; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 415; *Он же.* История Сибири. Т. 2. С. 373, 443, 471.

**Официальный дипломатический ранг руководителей русских посольств к
кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.
(по документам местной и центральной власти)**

Ранг	Дипломатический контрагент													
	Хотогойский алтын-хан, лама		Халхаские правители		Джунгарские хунтайджи, тайши		Ойратские правители		Телеутские князцы		Орчакский князец		Киргизские князцы	
	Местн.	Центр.	Местн.	Центр.	Местн.	Центр.	Местн.	Центр.	Местн.	Центр.	Местн.	Центр.	Местн.	Центр.
Посол ¹	5	3						2	1					
Посланник ²			1		15	5	9	1						
Посланец ³	1		2		1									1
Посланный ⁴			2		1									
Без ранга	12	3	12		12	3	16	8	15	4	1	1	39	8
«В посольстве» / «ПОСОЛЬСТВОМ»							2	1						
«В приставах»	2													
«В провожатых»	1													
Всего	21	6	17	1	29	8	28	12	16	4	1	1	39	9
Нет данных о посольстве ⁵	3		5		8		2		32		1		12	
Всего миссий	28		24		49		42		57		3		64	
Общий итог	267													

Примечания: ¹ «в послах», «государев посол», «его величества послы»; ² «в посланниках», «государев посланник», «великого государя посланник», «царского величества посланник»; ³ «в посланцах»; ⁴ «нарочно посланный»; ⁵ точные сведения о посольстве отсутствуют, а факт поездки установлен по косвенным данным и фрагментам из источников, а также из сведений, содержащихся в научно-исследовательской литературе.

Составлено по: Приложение.

Из сведений, приведенных в Табл. 3, видно, что самый высокий дипломатический ранг – «посол» – упоминался 5 раз в документации, исходящей от местной (воеводской) администрации, имеющей отношение к коммуникации с хотогойтскими алтын-ханом и ламой. При этом в источниках, относящихся к центральной власти, только трижды встречается номинация дипломатических представителей «послами». Дважды понятие «посол» применялось на уровне центральной власти в отношениях с ойратскими

правителями. Единожды это же слово употреблялось на местном уровне в отношениях с телеутами. В совокупности лексема «посол» для обозначения ранга русских дипломатов в российско-кочевнических отношениях использовалась 6 раз представителями местной (воеводской) администрации и 5 раз – центральной.

Лексема «посол» без каких-либо эпитетов в дипломатическом дискурсе XVII в. являлась прежде всего общим наименованием дипломатических представителей этого ранга. Для конкретизации полномочий и целей посольства использовались различные прилагательные – великий, большой, полномочный, чрезвычайный¹. В практике отношений Российского государства с центральноазиатскими номадами слово «посол» использовалось лишь в привязке со словами «государевы» и «царского величества». Никакие эпитеты, свидетельствующие о силе полномочий и о высоком статусе персоны, названной «послом», представителями власти не использовались. Точно также не использовались они и самими дипломатами при самоидентификации.

В документах, исходящих от представителей местной власти, лексема «посол» (мн. ч. «послы») использовалась в отношении дворянина Я. Е. Тухачевского, детей боярских С. Греченина, Б. Карташева, В. Старкова, С. Неверова. Все они ездили с поручениями в улусы хотогойтов². И только первые трое названы «послами» в документах, исходящих из центральных органов власти³. Подробнее о полномочиях дипломатов будет сказано далее. Сейчас же отметим, что все пятеро упомянутых дипломатов должны были передать «государево жалованье» и грамоты, адресованные контрагентам, а Я. Е. Тухачевский, С. Греченин и В. Старков еще были уполномочены привести к шерти хотогойтского алтын-хана Омбо Эрдени.

В грамотах Казанского приказа дважды названы «послами» русские дипломаты, которые ездили с поручениями в улусы калмыков. Это были тарский служилый человек Т. Алексеев (1607 г.) и тюменский конный казак Н. Иванов (1632 г.). При этом Т. Алексеев и его «товарищ» татарин Урдубай в одном месте в источнике упомянуты с местоимением «наши»: «и те *наши послы* Томилко Олексеев и тотарин Урдубай от Урлюка-тайши в город на Тару не бывали»⁴, а в другом просто названы «послами»: «тех

¹ Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. С. 13.

² РМО. 1607–1636. С. 230, 232, 239–240, 257, 267; РМО. 1636–1654. С. 78, 79, 80, 81, 161.

³ РМО. 1607–1636. С. 294, 295; РМО. 1636–1654. С. 96, 100.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 29.

послов Томилка Олексеева и Урдубайка тотарина убили и в воду посадили»¹. Слова «послы» и «наши послы» используются в данном случае в значении представителей российской власти, направленных в улусы калмыков с поручением. Что касается Н. Иванова, то он упомянут в грамоте Казанского приказа следующим образом: «послал ты (тюменский воевода С. И. Жеребцов. – *Д. П.*) с Тюмени к Талаю-тайше *в послех* конново казака Неудачку Иванова да юртовского служилого татарина Меглыбака Кожевлетева»². В данном случае предложно-падежная форма «в послех» означает «должности» посла, т. е. человека, направленного с каким-то поручением на переговоры. Аналогично, как и в случае с Т. Алексеевым, назван «послом» томский сын боярский О. Протопопов, отправленный на переговоры в телеутские улусы в 1684 г.: «томские *послы* сын боярской Осип Протопопов с товарищи пришли к Матурку тайчи»³.

Чаще всего представители местной власти номинировали дипломатов «посланниками» в отношениях с монголоязычными калмыками (ойратами) и джунгарами – 24 случая. При этом в документации, исходящей от центральных органов власти, лексема «посланник» для обозначения ранга использовалась только 6 раз.

Лексема «посланник» означала дипломатический ранг, который следовал после ранга «посла». «Посланниками» в документах, исходящих от местной власти, в русско-джунгарских отношениях названы Г. Ильин (ездил дважды – в 1636 и 1643 гг.), Н. Григорьев, Ф. Оболянин, Д. Кулагин, О. Мартынов, К. Абрамов, С. Неустроев, Л. Кызылов, В. Клепиков (ездил дважды – в 1644 и 1651 гг.), Д. Аршинский, И. Байгачев, Т. Дмитриевых, А. Почекунин⁴. Из них только Ф. Оболянин, В. Клепиков (посольство 1651 г.) и А. Почекунин названы «посланниками» в документах органов центральной власти⁵. Но в то же время в источниках, исходящих из столичных приказов, «посланниками» названы Т. Петров и С. Буткеев⁶.

В отношениях с прочими ойратами в документах местной власти «посланниками» названы Н. Тенибеков, С. Скуратов, Л. Выходец, П. Филиппов, И. Мамеев, Т. Никитин,

¹ Там же.

² Там же. С. 190.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 272.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 149, 150, 151, 174, 175, 178, 191, 214, 236, 248, 271, 272, 290, 373, 374, 375; РМО. 1654–1685. С. 23, 50; Сибирские переселения. Вып. 3. С. 17.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 66, 367; РМО. 1654–1685. С. 51.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 66; РМО. 1654–1685. С. 51.

Г. Ушаков, И. Дедков, С. Жемотин¹. В документах центральной власти удалось обнаружить лишь одну номинацию «посланником». Этим человеком был С. Полозов, отправленный в ойратские улусы в 1652 г.²

В отношениях Российского государства с халхаскими правителями «посланником» (и то лишь в документах местной воеводской власти) назван только тобольский сын боярский Е. Заблоцкий, отправленный к халхаскому цэцэн-хану Шолою в 1649 г.³

Лексемы «посланец» и «посланный» встречаются только в документах местной власти – 4 и 3 раза соответственно. Слово «посланец», как установил Ф. П. Сергеев, чаще использовалось в значении общего характера – «посланный с каким-либо важным поручением», и нередко выступала синонимом словам посланник и гонец⁴. Лексема «посланный» использовалась для обозначения ранга, следующего за «послом» и «посланником»⁵. При этом «посланный», как и «посланец» могли означать как лицо, которое послано с каким-то поручением, так и дипломатического представителя, ранг которого был чем-то средним между «посланником» и «гонцом»⁶. Тем не менее данные лексемы в контексте их применения к какому-либо служилому человеку, выполнявшему посольские поручения, следует рассматривать как ранги, которые в «номенклатуре» дипломатических представителей, приведенной ранее, занимали низкие позиции.

«Посланцами» в документах местной власти названы С. Тупальский (к хотогойтам), С. Шестаков (к халхасцам), В. Перфильев (к халхасцам), А. Бурчеев (к джунгарам), в документах центральной власти – И. Гречанинов (к киргизам)⁷. Все они были уполномочены проводить переговоры. Но С. Тупальскому было вверено еще и привести в подданство хотогойтского алтын-хана Лубсан Саин Эринчини, а С. Шестакову, помимо проведения переговоров, было вверено доставить грамоту⁸.

«Посланными» в источниках, имеющих отношение к деятельности великого и полномочного посла Ф. А. Головина, названы И. Р. Качанов (в 1687 и 1688 гг.) и

¹ РМО. 1636–1654. С. 181, 235, 395, 397; РМО. 1654–1685. С. 22, 68, 69; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 588.

² РМО. 1636–1654. С. 376.

³ РМО. 1636–1654. С. 346.

⁴ Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. С. 80.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 68, 72, 76.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 221, 227, 343; РМО. 1685–1691. С. 100; РКО в XVII в. Т. 2. С. 183; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 170.

⁸ РМО. 1654–1685. С. 343; РМО. 1685–1691. С. 101.

Г. Кибирев¹. Лексема «посланный» скорее сближается со словом «гонец». Во всех случаях эти дипломаты были уполномочены проводить переговоры, а И. Р. Качанов в 1688 г. даже был правомочен заключить «договор» и принять шерть у монгольских тайшей².

Дважды зафиксировано использование представителями местной власти лексики, обозначавшей в целом статус поездки, – «в посольстве», «посольством». И один такой случай – представителями центральных органов власти. Слова «в посольстве» и «посольством» хоть и не являются номинацией дипломатического ранга, но все же служат подтверждением того, что конкретный служилый человек был направлен в качестве посла / посланника – человека, выполнявшего дипломатические функции. Согласно источникам, исходящим от воеводской администрации, «в посольстве» ездили дети боярские Д. Черкасов и М. Боржевицкий³. В грамоте Казанского приказа написано, что к калмыкам «в посольстве» в 1616 г. ездил тарский атаман В. Калашников⁴.

Трижды зафиксировано использование лексики, которая не является дипломатическим рангом, но в то же время применялась в документах местной власти по отношению к лицам, ездившим с поручениями к хотогойтским правителям, – «в приставах», «в провожатых». Томский казачий голова З. Литосов в 1663 г. в воеводской отписке в Сибирский приказ был обозначен «приставом»⁵. Однако он сам себя в статейном списке называл «государевым послом»⁶. При этом З. Литосов был уполномочен сопроводить посольство, возвращавшееся из Москвы в хотогойтские улусы, а также передать алтын-хану Лубсан Саин Эринчини «жалованье» и грамоту⁷. Томский сын боярский Р. Старков, посланный в 1665 г. для сопровождения дипломатической миссии этого же хотогойтского алтын-хана, возвращавшейся обратно в улусы, обозначен в воеводской отписке с использованием формул «в приставах» и «в провожатых». При этом он был уполномочен передать грамоту, «жалованье» и, судя по статейному списку, провести реальные переговоры⁸. «В провожатых» в 1680 г. был послан к алтын-хану

¹ РМО. 1685–1691. С. 126, 128, 369; РКО в XVII в. Т. 2. С. 377, 624.

² РМО. 1685–1691. С. 182, 183; РКО в XVII в. Т. 2. С. 378, 380. См. также: РКО в XVII в. Т. 2. С. 215–217; РМО. 1685–1691. С. 108, 318.

³ РМО. 1607–1636. С. 111, 113.

⁴ Там же. С. 44–51.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 101.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же. С. 93, 101.

⁸ Там же. С. 116, 136.

Лубсан Саин Эринчини томский сын боярский Ф. Редров. Помимо сопровождения посольства от хотогойтского правителя, он, судя по всему, должен был исполнить еще какое-то поручение («посольское дело»)¹.

В 107 случаях представители местной власти не использовали лексику, обозначающую ранг дипломатических агентов, направленных на переговоры к тюрко- и монголоязычным кочевникам. 27 раз руководители дипломатических миссий в документах центральных органов власти также упоминаются без рангов. Это позволяет констатировать, что представители российской власти, имевшие отношение к дипломатическим отношениям с центральноазиатскими номадами, не всегда использовали лексику для номинации глав миссий посольскими рангами. При этом, как будет показано в следующем разделе, дипломатические представители имели полномочия проводить переговоры, принимать шерть (присягу) и т. д., не имея дипломатических рангов, специально уполномочивающих их деятельность.

Отметим, что иногда номинация русских дипломатов каким-либо рангом встречается в статейных списках *post factum* и относится к уже совершившимся в прошлом посольствам. Ранее упомянутый сын боярский В. Старков в своем статейном списке называл всех предыдущих служилых людей, побывавших у алтын-хана Омбо Эрдени, «государевыми послами»². Правда, подьячий Д. Агарков в своей челобитной в Посольский приказ в 1640 г. назвал Я. Е. Тухачевского, С. Греченина, В. Старкова, Б. Карташева «посланниками»³. В выписке в доклад, составленной в Посольском приказе в 1646 г. по делу о челобитных Д. Агаркова, эти дипломаты также называются «посланниками»⁴. Пятидесятник И. Сиротинин, побывавший в 1690-х гг. в улусах енисейских киргизов, но на момент исполнения им служебных обязанностей не имевший ранга, во время переговоров с киргизами в 1701 г. был назван «послом»⁵.

Кроме того, в документах встречается обезличенная номинация дипломатических представителей. В таком случае лексемы «посол», «посланник» и производные от них не прикрепляются к какой-либо личности: «ему, Меньшому, говорил, чтоб ево, Контайшу,

¹ Там же. С. 383; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 32.

² РМО. 1636–1654. С. 112, 114.

³ Там же. С. 200.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ ПСИ. Кн. 1. С. 177.

государь пожаловал, велел к нему посылать своих *государевых послов добрых*¹; «а после де отца моего Баатырь-контайши от великого государя ко мне, Сеньге, ни ис которых *государевых городов послы* не бывали»²; «ты б, государь, Урлюка-тайшу пожаловал, велел с ними послати к Урлюку-тайше своих *государевых послов* ис Тарского города»³; «и только де воеводы пошлют к Алтыну-царю *государевых посланников*, и Алтын де царь пришлет своих больших посланников, и о дани де договор и приказ будет с теми посланники»⁴; «с стороны де царского пресветлого величества посылаются в их мунгальские улусы для всяких дел *посланцы*»⁵; «и довелось бы де и у них, мунгальских людей, в улусех *посланным* их царского пресветлого величества»⁶; «*посланных* де от них, великого и полномочного посла, *посланцы* посольские дворяне... и те *посланные* где ныне обретаются?»⁷; и т. д.⁸

Наказная память томского воеводы В. А. Ржевского, данная в 1696 г. неверстанному сыну боярскому Н. Прокофьеву, отправленному в Телеутскую землю, утверждает, что «по указу великих государей посылаютца ис Томского и из ыных русских сибирских городов государевы руских служилые люди в калмыки х калмыцкому тайше к Боштухану и ево области в Киргискую землю *в послах* о всяких великих государевых делах и о выговоре»⁹. Важно отметить, что к джунгарскому хунтайджи служилые люди ездили не «в послах», а «в посланниках», как было показано ранее. Однако этот факт примечателен и говорит о некоторой неопределенности в посольских практиках Российского государства: номинируя своих представителей «послами» в ходе переговоров, московская дипломатия в реальности снижала их статус до «посланников».

Использовалась в делопроизводственной документации и обезличенная лексика, не относящаяся к дипломатическому рангу, но в то же время связанная с посольской деятельностью и указывающая на факт возложения поручений на конкретных или абстрактных лиц. Так, грамота из Сибирского приказа, адресованная томскому воеводе

¹ РМО. 1636–1654. С. 208.

² РМО. 1654–1685. С. 108.

³ РМО. 1607–1636. С. 143.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 164.

⁵ РКО в XVII в. Т. 2. С. 231.

⁶ Там же. С. 231.

⁷ Там же. С. 236.

⁸ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 12; РМО. 1607–1636. С. 28, 45, 107, 144; РМО. 1636–1654. С. 66, 191, 218, 219, 331; РКО в XVII в. Т. 2. С. 101, 104, 231, 233, 261.

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 3.

И. Л. Салтыкову в 1666 г., номинировала служилых людей, которым предписано было поехать к калмыцким тайшам, «посыльщиками»: «и которого числа *посыльщики* (курсив здесь и далее наш. – Д. П.) ваши в Томской от тайшей придут, и что к вам против вашей посылки тайши отпишут и *посыльщики* ваши в распросе скажут...»¹. Посыльщиком в выписке в доклад, составленной в Посольском приказе в 1666 г., назван служилый человек (без конкретизации его чина и имени), отправленный «для проведыванья вестей» к киргизам: «и тот ево *посыльщик*, приехав, сказал ему»². Лексема «посыльщик» в XVII в. означала ‘тот, кто послан; посланец, посланный’³. Ф. П. Сергеев установил, что данная лексема применялась в двух ситуациях. Для обозначения человека, посланного с каким-либо поручением в пределах страны, в одном случае, и за пределами государства – в другом⁴. В контексте коммуникации с центральноазиатскими номадами слово «посыльщик» использовалось в значении лица, посланного с поручениями вне территории своего государства.

Интерпретируя вышеизложенное, отметим следующее. Во-первых, в качестве обозначения ранга русских дипломатов использовалась стандартная лексика, употребляемая в дипломатическом дискурсе Российского государства в XVII в.

Во-вторых, русские дипломаты, озвучивая свой дипломатический ранг во время переговоров с контрагентами, явно действовали не по своей воле, а по дозволению властей. Перед отправкой посольств воеводы или приказчики в своих наказах, оформленных письменно, и, может быть, в устных наставлениях давали понять, в какой роли и в каком статусе едет конкретный человек, какое поручение ему вверяется и, соответственно, какие полномочия он получает.

В-третьих, лексика, обозначающая дипломатический ранг русских дипломатов, по всей видимости, зависела от контрагента. Высокий (по сибирским меркам) дипломатический ранг «посла», которым наделялись служилые люди, ездившие к монголам-хотогойтам, следует объяснять важностью тех миссий, которые направлялись к нему. Кроме того, это объясняется «политическим весом» самого алтын-хана. Ведь русские власти собрали много информации о нем и представляли его правителем

¹ Исторические акты XVII столетия: материалы для истории Сибири. Томск, 1890. Вып. 1: 1633–1699. С. 27.

² РМО. 1654–1685. С. 162. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 129.

³ СРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 275.

⁴ Сергеев Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. С. 81.

Монголии, властный статус которого был значительно выше представителей потестарной элиты южносибирских народов. На свою мощь указывал и сам алтын-хан во время переговоров с царскими представителями¹. К тому же, в дипломатической практике Российского государства царский титул применялся в отношении чингизидов, к которым, вероятно, был причислен и алтын-хан². Но все же посольская лексика использовалась непоследовательно.

Непоследовательно использовалась дипломатическая лексика и для обозначения ранга служилых людей, ездивших к халха-монголам и иерархам монгольской буддийской церкви. Несмотря на то, что в отношении «владельцев» Халха-Монголии, обладавших ханским титулом, использовались лексемы для их номинации в делопроизводстве «царь» и собственно «хан», московская дипломатия, по всей видимости, не считала нужным ставить тех правителей вровень с хотогойтским алтын-ханом и называть служилых людей «послами». Поэтому лексика, обозначающая статус русских дипломатических представителей, если и использовалась, то в целом соответствовала той, которая была распространена в русско-ойратских отношениях.

Особо выделяются дипломатические миссии к тюркоязычным кочевникам – енисейским киргизам, алтайских телеутам и орчакам (тувинцам). Русские дипломаты упоминаются вообще без каких-либо лексем, определявших их посольский статус. Можно предположить, что подобная ситуация вызвана низким статусом киргизских и телеутских князцов. Как известно, киргизы периодически выплачивали «государев ясак» и присылали заложников (аманатов) в сибирские города, параллельно являясь данниками других кочевых правителей (хотогойтских алтын-ханов, джунгарских хунтайджи и тайджи)³. Телеуты, хоть и не платили ясак и не присылали аманатов, но все равно, судя по всему, воспринимались наравне с енисейскими киргизами. Не случайно в отношении глав енисейских киргизов и алтайских телеутов применялся титул «князец», активно используемый на широком пространстве Сибири применительно к другим народам, но не употребляемый в коммуникации с монголами⁴. Для ведения переговоров с киргизами и

¹ См., например: РМО. 1636–1654. С. 109–110.

² См. подробнее: *Селезнёв Ю. В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. С. 53–61.

³ См., например: РИБ. Т. 8. СПб., 1884. Стб. 472–473; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 404; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 51, 52–53, 56, 58–92.

⁴ *Зуев А. С., Слугина В. А., Игнаткин П. С.* Под сень двуглавого орла. С. 364–365.

телеутами по вопросам их подданства, уплаты ясака, присылки аманатов, по мнению российской дипломатии, не требовался какой-либо посольский ранг.

Непоследовательность и низкая частота применения тех или иных лексем для обозначения статуса русских посланников в отношениях России с центральноазиатскими кочевниками свидетельствуют о неопределенности ранговых различий дипломатов, что обусловлено статусом контрагентов, их местом в политической иерархии правителей, целями самих миссий. Если представители власти и называли дипломатов «послами» и даже, если они сами себя называли «послами», то они не становились вровень тем «послам», которые ездили с поручениями в европейские и некоторые азиатские государства, а также на «посольские съезды» с представителями этих государств. Посылки к хотогойтам русских дипломатов и наделение их рангом «посла» сопровождалось без подчеркивания их особого значения путем использования специальной лексики (великий, полномочный, чрезвычайный, легкий), применяемой в таких случаях для обозначения силы полномочий и статуса дипломата. Использование притяжательного местоимения «государевы» лишь подчеркивало представительные функции русского посланника и должно было повысить его в глазах контрагента.

В свое время В. Э. Грабарь утверждал, что «деление московских дипломатов на послов, посланников и гонцов означало только бóльшую или мёньшую торжественность данной миссии, выражавшуюся главным образом в родовитости главы посольства и его членов, иногда в численности состава посольства. Эти звания не имели того значения, которое придавалось в Западной Европе, установившимся там путем обычая, частью одноименным, рангам посла, посланника, резидента, поверенного в делах, агента»¹. В коммуникации России с народами, воспринимавшимися потенциальными подданными, родовитость, численность и прочие атрибуты не имели вообще никакого значения, а отправка служилых людей в чине «посла», «посланника» или «посланного» не влияла на церемониальную часть, а также на ход переговорного процесса.

В случаях, когда статус контрагента был низким, московская дипломатия не считала необходимым определять дипломатический ранг своих агентов. Примечателен факт отношений с Китаем. На раннем этапе посольского диалога статус царских

¹ Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958. С. 54; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 67.

представителей был неопределенным¹. Но по мере накопления сведений о политическом весе маньчжурского богдыхана, а также в связи с обострением ситуации в Приамурье в 1680-х гг., Москва заметно повысила не только социальный статус дипломата, но и определила его дипломатический ранг до «великого и полномочного посла»².

Применение лексики для номинации и самоидентификации посольского ранга конкретных русских дипломатов, а также для обозначения царских представителей в целом (обезличено) в отношениях с тюрко- и монголоязычными кочевниками, с одной стороны, служат подтверждением того, что служилые люди, направленные (или которым предстояло поехать) обладали каким-то дипломатическим статусом. Но в то же время наличие дипломатического ранга не являлось обязательным параметром для ведения переговоров. Власть относилась к этому параметру формально, что проявлялось в неиспользовании лексики, свидетельствующей о наличии ранга у дипломатов. При этом лексика, указывающая на дипломатический ранг, если и применялась, то ситуативно и зависела от самого контрагента или от важности цели, поставленной перед конкретными дипломатами.

¹ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова) М., 1966. С. 6.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 71. Переводчик Посольского приказа Н. Г. Спафарий ездил в ранге «посланника» (РКО в XVII в. Т. 1. С. 346–458).

1.3. Полномочия послов и статус дипломатических миссий

В научно-исследовательской литературе неоднократно отмечалась зависимость объема полномочий дипломата от его ранга, служебного и социального статуса. Традиционно указывается, что послы и посланники были уполномочены вести дипломатические переговоры за рубежом, но при этом послы могли заключать какие-либо соглашения. Гонцы, как правило, являлись курьерами, доставляя грамоты и письма, не имея полномочий вести переговоры с контрагентом¹.

Полномочия царских дипломатов, ездивших в европейские и азиатские государства, их права и обязанности излагались в наказах, составленных в Посольском приказе. Наказы по своей сути представляли собой подробную, а иногда и краткую (наказная память), «инструкцию», строго и четко регламентирующую и предписывающую деятельность посла во время нахождения у иностранного правителя или во время «посольского съезда», а также излагавшую цели и задачи посольства. Наказы послам появились еще в конце XV в. и на протяжении всего XVI–XVII в. активно использовались в делопроизводстве Посольского приказа².

Служилые люди, которых представители власти отправляли к центральноазиатским кочевникам, также получали наказные памяти, которые определяли основные обязанности, возложенные на них на время исполнения «службы», а также излагали (правда, не всегда) последовательность ритуально-церемониальных действий. Наказные памяти составлялись воеводами на местах, но, как правило, с опорой на какой-либо нормативно-распорядительный документ, адресованный им из Посольского, Казанского или Сибирского приказов: «а в наказ бы есте кого пошлете к алтыну-царю велели написать имянно, как они будут у алтына-царя и им говорити алтыну-царю»³. В некоторых случаях за основу наказа ложилась «инструкция», предоставленная дипломатам ранее, но с последующей переработкой под конкретную ситуацию: «а наказ

¹ Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 67; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется» С. 29; Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 37

² Рогожин Н. М. Наказы русским послам XVI века как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей. М., 1993. С. 44–70; Он же. У государевых дел быть указано... С. 66–69; Индова Е. И. Русская посольская служба в конце XV – первой половине XVI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 304–305.

³ РМО. 1636–1654. С. 19. См. также: РМО. 1607–1636. С. 177, 229, 279; РМО. 1654–1685. С. 173, 175.

бы естя им дали, примерясь к Яковлеву наказу Тухачевского и к спискам с наших грамот, что посланы к алтыну и к лабе»¹; «а наказ дать против государевы грамоты и списков с листов, каковы государевы листы посланы за государевою печатью к царю алтыну и к лабе Имерген-ланзу <...> примерясь к прежним наказам»²; и т. д.³ К наказам и наказным памятям прикладывалась печать города, в котором они были составлены, а также ставилась «припись» – подпись дьяка или подьячего, оформившего документ: «дана наказная память за государевою тобольскою печатью»⁴; «говорил против наказу, каков дан в Томском за приписью дияка Анисима Трофимова»⁵.

В своих отчетах (статейных списках, доездах) или в ходе расспросов (расспросных речах, сказках) в сибирских городах, русские дипломаты отмечали, что исполняли свои служебные обязанности «по наказу»: «как оне вошли в-ызбу, и учел он, Иван, Богатырю говорить по государеву наказу, каков ему дан от боярина от князя Ивана Семеновича»⁶; «и он, Дмитрий с товарищи, учал по наказной памяти говорити тайшам»⁷; и т. д.⁸ Упоминался наказ также и в начальной части статейных списков: «по государеву <имя и титул царя> указу и по наказу воевод <имя воеводы> посылан ис <название города> к <контрагент>»⁹.

В нашем распоряжении имеются полнотекстовые указы (памяти)¹⁰, а также указы, содержащиеся в пересказах в статейных списках¹¹, включенные полностью или в

¹ РМО. 1636–1654. С. 18.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 166, 337, 345, 386; РМО. 1654–1685. С. 298; РМО. 1685–1691. С. 294.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 113.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 142, 381. См. также: РМО. 1654–1685. С. 193; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 4.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 71.

⁷ Там же. С. 121.

⁸ Там же. С. 124, 168, 169, 172, 203, 207, 210, 211, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 222; РМО. 1636–1654. С. 34, 54, 57, 79, 107, 115, 116, 118, 124, 128, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 204, 207, 228, 229, 275, 390; РМО. 1654–1685. С. 26, 61, 73, 89, 106, 107, 150, 188–189, 209, 247, 363, 365; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 50, 70, 119.

⁹ РМО. 1607–1636. С. 168, 203, 215; РМО. 1636–1654. С. 32, 50, 103, 134, 224, 259, 272, 282–283, 347, 368; РМО. 1654–1685. С. 25–26, 54, 71, 89, 183, 198, 208, 304, 333, 363, 375; РМО. 1685–1691. С. 73.

¹⁰ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 1–8; Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1–6; Д. 32. Л. 1–12; РМО. 1636–1654. С. 219–220; РМО. 1654–1685. С. 169–171, 192–194, 248–250, 277–279, 303–304; РМО. 1685–1691. С. 79–81, 264–268.

¹¹ РМО. 1636–1654. С. 203–204, 224–225, 272–275, 283; РМО. 1654–1685. С. 55–56, 59–61, 183–185, 208, 305–307, 333, 375; РМО. 1685–1691. С. 73–74; РКО в XVII в. Т. 2. С. 218–255, 361–362, 377–382, 625–628; ПСИ. Кн. 1. С. 68–73; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. С. 40–44.

пересказе в отписках воевод¹. Все наказы, выданные служилым людям, в целом имели схожую информативную часть:

1) содержали сведения о целях и задачах посольства: «послано с ним, Меньшим, государево жалованье контайше и Куле-тайше за их прежние ко государю службы»²; «велено ему, Якову, с Тары ехать к Ямышу-озеру, а приехав к соляным озерам, будет контайша, или Кула, или ево контайшины колмацкие улусные люди к соляному озеру придут, куры индейские и свиньи и собаки велено ему, Якову, отдать контайше, или Куле, или ево контайшиным улусным людям, кого контайша для того пришлет»³; и т. д.⁴;

2) определяли последовательность ритуальных, церемониальных и протокольных действий служилых людей: «а сказав ему про твое государское величество здоровье, подать алтыну-царю твою государеву грамоту и твое государево жалованье по росписи объявить имянно»⁵; и т. д.⁶;

3) включали информацию о событиях, предшествовавших посольству и послуживших его поводом: «в прежних годах присылал к твоему царскому величеству он, алтын-царь, послов своих бить челом и известить, что он, алтын-царь, со всею своею ордою учинился под твоею государевою царского величества высокою рукою в прямом подданстве и в повеленье на веки неотступно»⁷; «присылал ты, Чокур-тайша, в Тоболеск посла своего, а с ним присылал лист колмацкое письмо...»⁸; и т. д.⁹;

4) содержали описание возможных желательных и нежелательных (для российской дипломатии) ситуаций и рекомендации для предоставления ответа на эти ситуации: «а будет царь и лаба учнут твоим государевым послом говорить, чтоб им твои царские грамоты, каковы с ним присланы, прочли»¹⁰; «и будет Чокур-тайша спросит про великого государя царя... о его царском многолетнем здоровье, и Ларьке говорить»¹¹; «да будет

¹ РМО. 1636–1654. С. 167–170, 211; РМО. 1654–1685. С. 30; РМО. 1685–1691. С. 205–206, 369.

² РМО. 1636–1654. С. 204.

³ Там же. С. 224.

⁴ Там же. С. 220; РМО. 1654–1685. С. 71–72, 170, 183–184, 192–193, 248; РМО. 1685–1691. С. 79.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 168.

⁶ Там же. С. 168, 204, 219–220, 272; РМО. 1654–1685. С. 183, 192, 248, 278, 305; РМО. 1685–1691. С. 80, 265.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 167.

⁸ Там же. С. 220.

⁹ Там же. С. 272; РМО. 1654–1685. С. 72, 169–170, 184, 248, 277.

¹⁰ РМО. 1636–1654. С. 170.

¹¹ Там же. С. 219.

Чокур-тайша учнет говорить, что государевы служилые люди побили ево Чокуровы киргиских людей... и Ларьке против того говорить <...> А будет Чокур-тайша о том говорить не учнет, и Ларьке самому тово не вчинати»¹; «а будет контайша учнет говорить о Изене и о ясыре, которой взяли кузнецкие служилые люди в Керсакальской волости, и Данилу с товарищи говорить, что в прошлых годах киргиские люди царьскому величеству изменили, ясаку с себя его царьскому величеству платить не учили, и учили приходить царьского величества в томские и в кузнецкие ясачные волости войною»²; и т. д.³;

5) определяли дополнительные функции, возлагавшиеся на дипломатов: «велено, будучи у контайши в улусех, выведывать тайным обычаем, сколько с ним, контайшею, ево контайшинных воинских людей и царьского величества изменников киргизов, и хто те изменники имяны, и которые калмыцкие тайши блиско его, контайши, или с ним, Контайшею, вместе кочуют, и в совете ль с ним, и сколько с которым тайшею людей...»⁴; «да им же, Матвею с товарищи, проведывать накрепко всякими мерами, сколько от Мугальской земли ходу в Китайское царство, и в Китайском на какия товары серебро купят, и в какову цену пуд купят, и говорить про то ближним людям Лоджана-царя: мочно ли им в Китайском на великих государей серебра купить?»⁵;

6) включали общие рекомендации для выполнения вверенного им поручения: «а про то, государь, приказали и в наказах написали имянно, чтоб они с алтыном-царем речь говорили остерегательно, чтоб твоему царскому имени было к чести и к повышенью, а Московскому государству к прибытку и к роширенью»⁶.

Таким образом, русские дипломаты, направляясь в центральноазиатские улусы, во-первых, имели полное представление о целях миссии, возложенной на них, во-вторых, были осведомлены о ходе политических и дипломатических сношений с конкретным контрагентом. Согласно наказным памятям, служилые люди выступали в роли настоящих дипломатов для своего времени и региона, которые были уполномочены на решение конкретных государевых задач.

¹ Там же. С. 220.

² Там же. С. 274.

³ Там же. С. 273–274, 283; РМО. 1654–1685. С. 171, 278.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 275.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 171. См. также: Там же. С. 193, 365; РМО. 1685–1691. С. 80, 267–268.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 169. См. также: РМО. 1654–1685. С. 185, 279.

Полномочия служилых людей определялись текущей повесткой дня, политическими целями, преследуемыми Российским государством в отношении контрагента, а также традициями, сложившимися в ходе отношений с кочевниками. Анализ делопроизводственной документации позволил установить стандартный набор полномочий, которыми наделялись служилые люди, а также выявить круг вопросов, на решение которых русские дипломаты были уполномочены. Изложим сначала полномочия русских посланников, а затем обозначим круг вопросов, обсуждаемых ими во время переговоров в ставках кочевников.

Условно полномочия русских дипломатов можно разделить на *базовые* и *вариативные*¹. Базовым следует считать то полномочие, которым наделялись русские дипломаты практически всегда при отправке их в ставки тюрко- и монголоязычных кочевников. Таким полномочием являлось: проведение переговоров.

Вариативными следует считать те полномочия, которыми наделялись русские дипломаты периодически в зависимости от ситуации в каждый конкретный момент времени. К ним следует относить: раздавать «государево жалованье» (подарки), право приводить к шерти (присяге) русскому царю, передавать царские грамоты и воеводские письма, заключать «договоры» с кочевниками, собирать ясак, брать и сопровождать аманатов (заложников), сопровождать перебежчиков («государевых изменников»), укрывавшихся в улусах кочевников, обратно в сибирские города. Заметим, что дипломаты в зависимости от обстоятельств и характера отношений с тем или иным контрагентом могли быть одновременно наделены как базовым, так и вариативными полномочиями. Причем набор и сочетание полномочий также были обусловлены реалиями российско-кочевнических отношений в каждый конкретный момент времени.

Определив общую градацию полномочий, перейдем к рассмотрению базовых. Все русские посланники, которые ездили в улусы тюрко- и монголоязычных кочевников, были уполномочены *проводить реальные переговоры* по тем вопросам, которые были актуальными на момент совершения поездки. Список вопросов, выносимых на обсуждение российской и кочевой сторонами, зависел от конкретной ситуации и контрагента.

¹ Попов Д. К. Полномочия русских дипломатов в отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. // Вестник БНЦ СО РАН. 2025. № 4 (60). С. 30–35.

В нормативно-распорядительной и отчетной делопроизводственной документации переговорный процесс, как правило, обозначался глаголом «говорить», который в лексиконе XVII в. означал ‘говорить’, ‘разговаривать’, ‘обсуждать’, ‘договариваться’, ‘вести переговоры’¹. После глагола «говорить» обычно следовало изложение сути миссии: «и после того велено говорить алтынову сыну Лоджану, говорить речь о государевых делах»²; «и мы посылали в киргизы служилых людей для разговору, чтоб они ясачных людей не грабили»³; «велено сыну боярскому Семену Лаврову и служилым людям в черных колмыках в орчаках князю Кохтобею говорить, что он присылал в Томской улусных своих людей Изенбея с товарищи, 3-х человек нам, великому государю, бить челом...»⁴.

Проанализировав базовые полномочия русских посланников, перейдем к анализу тех полномочий, которыми они наделялись от случая к случаю. Одним из вариативных полномочий следует считать *передачу «государева жалованья» (царских подарков)* главам кочевых объединений, представителям буддийского культа, а также властной элите кочевников. При этом, как известно, дипломатический дарообмен был крайне актуальным в отношениях Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии, о чем будет подробно сказано в следующей главе. Владея технологией дарообмена, российская сторона направляла «жалованье» в степь, причем как в ответ на «запросы» (просьбы прислать конкретные вещи), так и по собственной инициативе. Этими действиями она стремилась склонить кочевников «служить» государю: «а с ними (послами. – Д. П.) к Абулаю-тайше послали твоево государева жалованья ... И приказали им Абулаю-тайше говорить, чтобы он, Абулай-тайша, видя себе твою государя нашего милость и жалованье, тебе, великому государю, служил и прямил и во всем добра хотел»⁵. Обещания царских подарков, а также одаривания ими были инструментами, которые российская власть активно использовала при попытках установления хотя бы номинального контроля над центральноазиатскими номадами⁶.

¹ СРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 53.

² РМО. 1654–1685. С. 26.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 2–3.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 24.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Зуев А. С., Попов Д. К. Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 83–84; Попов Д. К. Декларация «государевой милости» в дипломатии Московского государства с центрально-азиатскими кочевниками в XVII в. // Актуальные проблемы

Передача подарков не всегда зафиксирована в отчетных документах, что обусловлено краткостью некоторых источников и фрагментарностью сведений. Однако допускаем с определенной долей вероятности, что русские посланники ездили в улусы кочевников с какими-то подарками даже тогда, когда об этом прямо не говорится в источниках. Исключением являются лишь те случаи, когда дипломаты прибывали в ставки номадов без подарков по той причине, что власти, снаряжая посольство, сознательно не посылали подарки в связи с обострением отношений между сторонами в конкретный момент времени¹.

К вариативным полномочиям относится *приведение контрагентов к шерти-присяге* в ставках кочевников: «и указал государь ево, алтына-царя, привести к шерти, а для шертованья указал государь послати к нему, алтыну-царю, ис Томсково дворенина Якова Тухачевского да подьячего Дружину Агаркова»²; «и Абаков сын князец Кока при томских служилых людех при атамане при Зинове Амосове с товарищи в улусех своих за себя, и за свою братью, и за детей, и за племянников, и за весь свои улус нам шертовал сам»³; «а шерт шертовали съехався к лутчему кыргызскому князю х Коджебаю в улус перед отпуском Дмитриевым в месяц июне»⁴.

Воеводы и приказчики через дипломатов могли передавать главам кочевых этносоциумов требования приехать в сибирский город для шертования перед ними. Но оценивая ситуацию и понимая, что контрагент из опасения или какой-то иной причине может не поехать, сибирские управленцы предписывали провести шертование в улусах кочевников: «велено мне, Петру, приехав в белые и в черные колмаки и в орчаки ко князцам и к тайше и к улусным людям, говорити им, чтоб они, князцы и тайша и лутчие их улусные люди, поехали с нами в Томской шертовать <...> А будет они, князцы и тайша, и братья их, и племянники, и улусные лутчие их люди, в Томской город за которыми мерами не поедут, и братьей своих и племянников и лутчих улусных людей не пошлют, и мне, Петру, тех колмацких князцей и тайшу и братью их и племянников и

исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Междунар. молодеж. науч. шк.-конф. / отв. ред. Т. И. Морозова. Новосибирск, 2020. С. 382–383.

¹ См., например, случаи, когда представители власти не посылали подарки вместе с дипломатами: *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 79; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 34–36 об., 37–37 об.; Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 14. Л. 1–6 об.; ПСИ. Кн. 1. С. 174–186; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии... С. 40–66.

² РМО. 1607–1636. С. 191.

³ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 241.

⁴ *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии... С. 84.

улусных лутчих людей за государя царя <...> привести их к шерти крепкой по их колмацкой вере»¹. Источники содержат многочисленные упоминания о предполагавшихся или состоявшихся процедурах шертования кочевников перед русскими посланниками².

В связи с тем, что кочевники нередко нарушали свои шерти-присяги, которые ранее они давали представителям российской власти, русские дипломаты, действуя согласно наказным памятям, должны были напоминать о ранее данной контрагентом присяге, а также требовать прекратить нарушение и (в лучшем случае) подтвердить ее³. Подтверждение же означало повторное шертование кочевого правителя перед русским посланником. В тех случаях, когда русские дипломаты направлялись к номадам, чтобы «напомнить» о ранее прошедшем шертовании, они, по всей видимости, были правомочны осуществлять данную процедуру при условии, что контрагент изъявит желание повторно шертовать.

Обязывая дипломатов привести контрагентов к шерти, сибирские управленцы или уполномоченное лицо (великий и полномочный посол Ф. А. Головин) могли выдать им шертную (шертовальную) запись, где содержались условия «службы» контрагента «под государевой высокой рукой»⁴. По этой записи русские посланники должны были привести кочевого правителя в подданство «великому государю». Некоторые дипломаты даже требовали от контрагентов «приложить руку», т. е. поставить подпись на шертной (шертовальной) записи⁵.

К вариативным полномочиям относится и правомочность русских дипломатов заключать определенные «договоры» с кочевниками⁶. Тематика этих «договоров»

¹ РМО. 1636–1654. С. 283.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 2–7, 12, 15, 16, 17, 23, 26, 27, 44, 84; Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 7; Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 14. Л. 2; Д. 29; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 69, 126, 135; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 42, 80, 92, 132, 133, 141, 142, 151, 152–153; РМО. 1607–1636. С. 24, 26, 34, 37–40, 44, 111, 121, 144, 191; РМО. 1636–1654. С. 24, 41, 70, 229, 346; РМО. 1654–1685. С. 193, 256, 333–334; СДИБ. С. 232.

³ РМО. 1654–1685. С. 89. См. также: Там же. С. 55–56; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 129; РКО в XVII в. Т. 2. С. 617; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая)... С. 71.

⁴ Зуев А. С., Слугина В. А. Шерти-присяги... С. 66–69, 71–72.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 43, 85; Зуев А. С., Слугина В. А. Шерти-присяги... С. 411, 415.

⁶ См.: Попов Д. К. «Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 60–71.

определялась реалиями российско-кочевнических отношений в каждый конкретный момент времени и политическими целями сторон. Предметом «договоренностей» выступали разные политические вопросы: шерть на условиях несения «службы» русскому царю, дача ясака (самим контрагентом или южносибирскими народами – двоеданцами), посылка контрагентом в сибирский город аманатов (заложников)). Так, тобольский сын боярский Д. Черкасов в 1627 г. ездил к енисейским киргизам «для подлинново договору, чтоб им, всем кыргызским людем, быть под государевою высокою рукою не отступным в прямом холопстве и ясак с себя государю и закладчиков (заложников. – Д. П.) в Томской город по-прежнему давать безпереводно»¹. «Договоры» урегулировали вопросы возврата пленных, прекращение набегов со стороны кочевников, а если между сторонами была открытая конфронтация, то устанавливали мирные отношения².

Но были и «договоры», которые определяли параметры торговых отношений и должны были способствовать активизации дипломатической коммуникации. Так, тарский атаман В. Калашников в 1631 г. заключил «договор» с калмыцким тайшей Иркилдеем, согласно которому кочевники обязались «не приходить к государевым ясашным волостям, и ясашным людем утеснения ни в чем не чинить, и государевых изменников к себе не принимать, а о всяком добром деле ссылатца посланники, и торговым людем велеть с ними торговать по прежнему»³. Отписка тобольского воеводы В. И. Хилкова, составленная в 1653 г. и адресованная в Сибирский приказ, содержит пересказ полученного воеводой указа о посылке государевых послов к Гундже – мачехе хошоутского тайши Аблая – для достижения «договоренностей», предметом которых должен был стать проезд русского посольства Ф. И. Байкова в Китай⁴.

¹ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 71. См. также: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5–6; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 435; РМО. 1607–1636. С. 243; РМО. 1636–1654. С. 58; РМО. 1654–1685. С. 181.

² РМО. 1607–1636. С. 41; ПСИ. Кн. 1. С. 183, 244.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 443.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 394.

На протяжении XVII – начала XVIII в. «договоры» обсуждались и / или заключались (достигались) русскими дипломатами в отношениях российской власти с енисейскими киргизами¹, алтайскими телеутами², орчаками³, хотогойтами⁴, халхасцами⁵.

Все эти «договоры», конечно же, отличались от договоров, которые заключало Российское государство с европейскими и некоторыми азиатскими монархами. Во-первых, «договоры» с центральноазиатскими номадами фиксировались только русской стороной и только в отчетной документации. Они никогда не оформлялись в виде отдельного юридического акта⁶. «Договорные письма», которые практиковались в отношениях российской власти с енисейскими киргизами, были лишь письмами, где контрагенты (киргизские князцы) излагали результат достигнутых договоренностей⁷.

Во-вторых, эти «договоры» не подлежали двухсторонней ратификации⁸. Но в тех случаях, когда совершалась процедура шертования, она служила подтверждением договоренностей со стороны кочевников. Российская сторона не совершала никаких ритуальных действий, подтверждавших «договор». Лишь дворянин Я. Е. Тухачевский в 1634 г. «по своему изволу, а не по государеву наказу» дал шерть перед хотогойтской элитой⁹. «Божился», по всей видимости, и жилец И. Р. Качанов при заключении

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 8; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 435; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории... С. 166; РМО. 1654–1685. С. 237.

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5–6; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 57, 132, 133, 171.

³ РМО. 1654–1685. С. 181.

⁴ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 8; РМО. 1607–1636. С. 243; РМО. 1636–1654. С. 58; РМО. 1654–1685. С. 64, 65; *ПСИ.* Кн. 1. С. 173.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 1; РМО. 1654–1685. С. 394. См. также пример попытки заключения «договора» служилыми людьми, уполномоченными проводить переговоры на русской территории с посланниками, прибывшими из Монголии: *Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: документы и материалы.* Иркутск, 2014. С. 163–164.

⁶ См. процедуры подготовки и заключения договоров российской власти с европейскими контрагентами: *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. С. 67; *Грабарь В. Э.* Материалы к истории... С. 20–21.

⁷ *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории... С. 141; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 435; *Попов Д. К.* «Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века // *Вестник НГУ. Серия: История, филология.* 2026. Т. 25, № 1: История. С. 60–71.

⁸ О процедуре ратификации в российской дипломатической практике XVI–XVII вв. см.: *Грабарь В. Э.* Материалы к истории... С. 20; *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» С. 172–180.

⁹ РМО. 1607–1636. С. 222–223.

«договора» с монгольскими тайшами: «а он, Иван, по христианском закону против договорных статей им, тайшам, божился»¹.

Обратим внимание, что обсуждение и заключение «договоров» в российско-кочевнических отношениях, как правило, фиксируется *post factum*, т. е. после того, как дипломатическая миссия уже совершилась. Это наводит на мысль, что русские посланники, которые ездили в улусы центральноазиатских номадов, были уполномочены проводить переговоры и, как следствие этих переговоров, заключать с контрагентами «договоры». Таким образом, правомочность заключать «договоры» могла заранее не обговариваться в наказных памятях, но в то же время она и не ограничивалась. Упоминания в документации «договоров», которые заключали дипломаты, не вызывало со стороны российских властей каких-либо возражений.

К вариативным полномочиям относится *передача контрагентам царских жалованных грамот*², *писем от представителей местной власти (воевод) и особо уполномоченных лиц*³. В жалованных грамотах были определены параметры подданства кочевников российскому монарху. Эти грамоты составлялись только в отношениях российской власти с монголоязычными кочевниками. В практике коммуникации с тюркоязычными такие грамоты не обнаружены, что позволяет утверждать, что они не составлялись и, соответственно, не посылались кочевникам. Лишь один раз упоминается «жалованная грамота», выданная киргизским посланникам, побывавшим в Москве в 1617 г. Но она, по не совсем понятным причинам, была изъята у киргизов воеводой Г. Хрипуновым во время их следования из столицы обратно в улусы через Томск в 1618 г.⁴

В письмах, которые передавали русские посланники кочевникам, представители местной власти и уполномоченные лица излагали конкретные вопросы, стоявшие на повестке дня в момент отправки посольства⁵.

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 421.

² РМО. 1607–1636. С. 75, 99, 196–199, 295–298; РМО. 1636–1654. С. 97–102, 269–270; РМО. 1654–1685. С. 88–89, 362–363, 372–373.

³ См., например: РМО. 1636–1654. С. 236; РМО. 1685–1691. С. 84; РКО в XVII в. Т. 2. С. 183, 623; *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 14.

⁴ *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая)... С. 59–60.

⁵ См., например: РМО. 1636–1654. С. 236–237; РКО в XVII в. С. 623.

В отношениях с енисейскими киргизами русские дипломаты иногда были *уполномочены на сбор ясака*. Тобольский сын боярский Д. Черкасов в 1627 г., посланный на переговоры, согласно воеводской отписке, «ясаку взяв с кыргыз привезли два сорока девятнадцать соболей и не дособолей, да в место соболя ж куницу»¹. В 1629 г. с требованием заменить некачественных соболей, ранее данных киргизами (алтысарцами) в качестве ясака, ездил Красноярский десятник Н. Хохряков². Томскому сыну боярскому П. Копылову, посланному для приведения киргизов к шерти, было предписано «взяти государево недоборново ясаку»³. Красноярский пятидесятник П. Муруев в 1677 г. ездил для «ясашного сбору», но по факту вел переговоры с киргизами о ясаке и аманатах⁴.

Вариативным является полномочие *брать аманатов (заложников)*. Уполномочены были взять и сопроводить до сибирского города, откуда прибыло русское посольство, аманатов томский конный казак В. Ананьин (1616 г., контрагент – киргизские князцы, имена неизвестны)⁵, енисейский сын боярский И. М. Перфильев (1668 г., халхаский Даши-хунтайджи)⁶, тобольский служилый татарин А. Кулмаметов (1673 г., ойратский тайша Дундук)⁷, томский неверстанный сын боярский П. Иванов (1683 г., киргизский князец Ереняк)⁸, томский сын боярский И. Петров (1684 г., енисейские киргизы)⁹. Обратим внимание, что не всегда понятно, был ли уполномочен конкретный дипломат сопровождать с собой аманатов или нет. Надо полагать, такое полномочие могло заранее прямо не обговариваться, но и не ограничиваться, ведь получение аманатов являлось гарантией соблюдения контрагентами своих обязательств, взятых ими во время переговоров с представителями российской власти.

К вариативным относится полномочие, связанное с *поиском, поимкой и сопровождением перебежчиков*, т. е. лиц, ранее находившихся в подданстве российского монарха и сбежавших в улусы кочевников: «да они же бы кыргызские князцы Ишей с товарищи государевых беглых Красноярских новокрещенова, которые изменили в

¹ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 70.

² Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. С. 98–99.

³ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 127.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 9–10.

⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 436.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 193.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 256–257.

⁸ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 181.

⁹ Исторические акты. Вып. 2. С. 21.

прошлом во 1640-м году Богдашку Томиткова да Петрушку Новокрещена да томсково ясашново темирчинского татарина Юлу сыскали и сыскав послали с нами, с Омелкою да с Семейкой» (посольство Е. и С. Мезеней, 1642 г.)¹; «и ево, Егалачко, з женою в Кыргызах велели и тех государевых беглых людей сыскать. А сыскав ево, Егалачка, з женою отдат мне, Петру (Копылову. – *Д. П.*)» (посольство П. Копылова, 1646 г.)². Отметим, что несмотря на то, что полномочие, связанное с поимкой и сопровождением «изменников» является вариативным, проблема перебежчиков была актуальной в российско-кочевнических отношениях и нередко становилась на повестке переговоров.

Проанализировав полномочия, которыми наделялись русские дипломаты, ездившие в улусы центральноазиатских номадов, обозначим ряд вопросов, которые обсуждались в ставках кочевников во время переговоров. Эти вопросы были обусловлены реалиями российско-кочевнических взаимоотношений, политическими целями и умонастроениями сторон. В разное время русские посланники ездили в улусы номадов, чтобы:

- 1) объявить «государеву милость» / «жалованное слово»: «посылали, государь, в белые калмыки к князю Обаку и к ево людям с твоим государским жалованным словом»³;
- 2) призвать в подданство: «велели им говорить, чтоб они (калмыки. – *Д. П.*) были под нашею царскою высокою рукою»⁴;
- 3) призвать к выплате «государева ясака»: «и говорить, чтоб они вам великим государям ясак с себя дали по лисице с лука»⁵;
- 4) требовать прекратить совершать набеги на русские и ясачные земли, отстать «от дурна», выговорить «обида» и «неправды»: «в осени присылал Кока Абаков и Мачик в Томской уезд улусных своих людей неодиожды и у наших у многих служилых людей и

¹ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 119.

² Там же. С. 127.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 415. См. также: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Л. 3; РКО в XVII в. Т. 1. С. 45; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 197; РМО. 1654–1685. С. 116, 248, 277–279; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая)... С. 59; РМО. 1607–1636. С. 22, 24, 33, 34, 37–38.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 22. См. также: Там же. С. 21, 27, 29, 36, 44, 46, 52, 62, 110–111; РМО. 1654–1685. С. 333–334; РКО в XVII в. Т. 2. С. 361–362; СДИБ. С. 232; Копкоев К. Г. Добровольное присоединение Хакасии // 250 лет вместе с великим русским народом: Хакас. НИИ яз., лит. и истории. Абакан, 1959. С. 27; Абдыкалыков А. Енисейские киргизы... С. 114.

⁵ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 170, 197; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая)... С. 73; РМО. 1607–1636. С. 21, 23; Абдыкалыков А. Енисейские киргизы... С. 114.

у посадческих людей и у пашенных крестьян с кражею и войною отгнали... и пашенных крестьян многих били и грабили и к деревье привязывали...», «и велели ему князю Коке о неправдах его и мачиковых говорить»¹;

5) решить вопросы, касающиеся угнанного полона и имущества русских и ясачных людей: «а которых именем мугальских и табунуцких тайшей улусные люди вороуют и сколько в котором году, и в которых местех служилых и промышленных людей граблено и побито до смерти, и сколько лошадей и верблюдов и рогатого скоту отогнанто, и то он, Василий, выговаривал против росписи»²;

6) требовать ухода с государственной территории или с земель (волостей) к ней прилегающих: «и чтоб он, контайша <...> Тарского уезду из Барабинской и ис Теренинской и ис Чоинской волостей велел калмыцких людей свести в свои улусы»³;

7) урегулировать вопросы подданства сибирских народов (двоеданцев), находившихся в сфере влияния двух и более сторон: «а буде Дай-контайша станет говорить о брацких людех <...> и ему, Филипу, с товарищи говоришь Дай-контайше, что те брацкие люди искони вечные государские ясачные холопи»⁴;

8) собрать сведения о Китае, урегулировать вопрос пропуска русских дипломатов и торговцев в Китай: «каково Китайское государство велико и сколь людно, и с которыми государями и землями в ссылке и в совете, и какова их вера?»⁵; «и она б, Гунжа <...> послужила, тех твоих государевых торговых людей в Китайское государство пропустить и проводить людем своим до китайских городов велела, чтоб тем твоим государевым торговым людем у нее, Гунжи, в улусе и в дороге с твоею государевою казною никакой порухи не было»⁶;

¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 3; Ф. 199. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 1–4. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 16, 21, 24; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3; ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. С. 34; РМО. 1636–1654. С. 381; *Барахович П. Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 218, 360, 367, 381, 382, 386, 396; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 72; *Уманский А. П.* Телеуты и русские... С. 75, 161, 168; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая)... С. 94; *Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы... С. 123.

² РМО. 1654–1685. С. 377. См. также: РМО. 1685–1691. С. 276–277.

³ РМО. 1636–1654. С. 273. См. также: Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв. Сборник документов. Новосибирск, 2010. С. 15; РМО. 1607–1636. С. 28–29.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 279; См. также: Там же. С. 34, 55–56, 277–279; *Барахович П. Н.* Служилое население Центральной Сибири... С. 361; ПСИ. Кн. 1. С. 185.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 53. См. также: Там же. С. 65–66; РМО. 1654–1685. С. 171.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 396.

9) собрать сведения о военно-политической ситуации: «спросить, для чего он, тайша, идет с Мугальской земли и хочет быть на Киргискую землю зимовать. И про то подлинно проведать – для чего Кеген-контайша покинул свою землю и пришел на Мугальскую землю, и киргизы подошли близко к Красноярскому острогу»¹; «да и вестей всяких Ивашку Мамееву велели, государь, мы, холопы твои, проведывать всякими делы»²;

10) требовать высылки государевых «изменников», «воров» («изменивших») представителей аборигенного населения, Кучумовичей, киргизского князца Ереняка): «и он бы, контайша, <...> твоих бы государевых изменников, тарских ясачных татар, которые у него в улусех, и полонеников тарских же и тюменских... велел сыскать»³; «и она б, Гунжа, видя к себе твою великого государя милость и жалованье, тебе, великому государю, послужила, того Девлет-Кирея-царевича, поймав, прислала к тебе, великому государю, к Москве»⁴;

11) решить церемониальные проблемы: «в прошлом во 148 году посылан был к нему, х Контайше, <...> Меньшой Ремезов. И он, контайша, у Меньшово Ремезова то государево жалованье принимал невежливо, сидя. А во всех окрестных государствах государево жалованье цари и короли принимать з большею честью, стоя, а не сидя»⁵.

Кроме того, на повестке дня становились и мелкие (локальные) проблемы, решение которых требовалось для нормализации российско-кочевнических отношений, в частности, например, русские посланники ездили, чтобы:

– оповестить об освобождении бухарского посла Казыя, ранее задержанного в 1635 г., об освобождении которого ходатайствовал Кулюк Абытаев – посланец тайши Куйши⁶;

¹ РМО. 1654–1685. С. 242–243.

² РМО. 1636–1654. С. 235. См. также: РМО. 1607–1636. С. 53–54, 168, РМО. 1636–1654. С. 248; ДАИ. Т. 7. С. 342, *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая)... С. 192–193; МОЦА. С. 57–58.

³ РМО. 1636–1654. С. 249. См. также: Исторические акты XVII столетия: материалы для истории Сибири. Томск, 1890. Вып. 1: 1633–1699. С. 8; *Добжанский В. Н.* Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2017. Вып. 7. С. 123; РМО. 1636–1654. С. 66, 151; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая)... С. 72, 82.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 396. О поимке киргизского князца Ереняка см.: РМО. 1654–1685. С. 170, 173.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 215.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 26, 409.

– уведомить о том, что вопрос о взятом в 1643 г. в плен племяннике джунгарского Эрдени Батура-хунтайджи будет решаться в Москве¹;

– требовать сыскать украденное «государево жалованье» в ходе предыдущего посольства²;

– сыскать посланцев алтын-хана Лубсан Саин Эринчини, прибывших в Томск в 1660 г. и совершивших «воровской умысел», заключавшийся в том, что они «пристава и сторожей запоили» и сбежали из города³; и т. д.

Обозначив основные полномочия и круг вопросов, которые решали русские дипломаты в ходе коммуникации российской власти с центральноазиатскими номадами, перейдем к вопросу о сущности этих поездок.

Поездки представителей российской власти в улусы центральноазиатских кочевников являлись *дипломатическими миссиями* или *посольствами*. Причем в данном случае эти понятия можно считать синонимами при условии, что понятие «дипломатическая миссия» используется не в современном значении, а в смысле поручения (задания), которое вверялось конкретному лицу или лицам (группе лиц), с целью урегулирования вопросов, имеющих отношение к взаимодействию российской власти с центральноазиатскими номадами. В этом же смысле в российском дипломатическом дискурсе в XVII – начале XVIII в. использовалось и понятие «посольство»⁴. Ему же было присуще и второе значение: временная поездка конкретного лица или группы лиц в качестве посла⁵, уполномоченных действовать от имени государя (или его представителя – воеводы, приказчика).

Главным критерием, по которому можно квалифицировать поездку представителей российской власти в улусы кочевников как посольство / дипломатическую миссию, является наличие у этих представителей полномочий проводить переговоры. Все русские посланники, независимо от того, кто их направил (центральные или местные власти), должны были решить какой-либо конкретный вопрос: обговорить какую-то случившуюся ситуацию, уговорить и склонить к шертованию, выдаче перебежчиков, даче ясака, передать грамоту (письмо) и / или подарки, и т. д. И поскольку поездки русских

¹ РМО. 1636–1654. С. 236–237.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 588.

³ РМО. 1654–1685. С. 72.

⁴ СРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. С. 206.

⁵ Там же. С. 206–207.

дипломатов подразумевали в любом случае переговорный процесс, то все они являлись посольствами / дипломатическими миссиями. Такие посольства, конечно, значительно отличались от посольств, направляемых российской властью в европейские и некоторые азиатские государства, а некоторые из них, в частности отдельные одиночные срочные поездки по распоряжению властей в улусы кочевников, кажутся даже не похожими на посольства. Однако в условиях быстро меняющейся военно-политической ситуации на центральноазиатском направлении, а также общего курса Российского государства, подразумевающего действия «лаской» и «приветом», а не «жесточью», дипломатические методы взаимодействия являлись крайне актуальными и нередко даже единственными. Именно поэтому по сибирским меркам поездки русских представителей к главам тюрко- и монголоязычных кочевникам были посольствами.

Необходимо понимать, что некоторые участники дипломатических отношений сами оценивали свою деятельность именно как посольскую (дипломатическую). Для подтверждения следует обратиться к лексике делопроизводственной документации. Сибирские воеводы, приказчики и служилые люди касательно дипломатических миссий, направленных к кочевникам, использовали лексику, находящуюся в смысловом поле дипломатических и международных отношений.

Отметим, что активное развитие посольских сношений Российского государства с конца XV в. и формирование государственного ведомства – Посольского приказа, контролировавшего данные отношения, – способствовали выработке определенного дипломатического языка, который, несмотря на незначительные изменения, просуществовал вплоть до XVIII в.¹ Таким образом, к моменту установления коммуникации с тюрко- и монголоязычными кочевниками в дипломатическом дискурсе имелся комплекс лексем, используемый властями и самими дипломатами для описания различных аспектов посольских отношений.

При описании событий и действий в ставках кочевников русские дипломаты, ездившие с поручениями к кочевникам Центральной Азии, подчеркивали следующее: «взяли меня, Ваську, с товарищи перед себя в ургу для *посольскова дела* (здесь и далее

¹ Подробнее см. исследования: *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971; *Он же.* Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев, 1972; *Он же.* Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978.

курсив наш. – Д. П.)»¹, «чтоб великого государя послы пришли к нему, Лобзяну, *на посольство для великого государева дела*»². В приведенных примерах видно, что сами русские посланники обозначали свою деятельность как посольскую. Кроме того, современники событий применяли лексику следующего характера: предложно-падежные формы «на посольство»³, «против / после посольства»⁴, производное от «посольство» слово «послованье»⁵. Единично встречается в источниках и форма «правил / править посольство»⁶.

Понятие «посольство», помимо тех значений, о которых шла речь выше, в дискурсе XVII в. имело еще и следующие значения: ‘текст, содержание дипломатического поручения’; ‘деятельность посла’, ‘официальная встреча посла с лицами, к которым он послан, дипломатический прием’⁷. Так, предложно-падежные формы «на посольство», «против / после посольства», ставшие формулами, используемыми в делопроизводственной документации, означали аудиенцию у правителя-контрагента, к которому была направлена миссия⁸. Идентичным значением с лексемой «посольство» в XVII в. обладало слово «послованье» / «послование»⁹.

Предложно-падежная форма «в посольстве», а также форма в творительном падеже «посольством», которые употреблялись в источниках по отношению к дипломатическим миссиям, направленным к центральноазиатским кочевникам, в дискурсе XVII в. означали ‘в качестве посла, послов, в составе посольства’¹⁰. Приведем несколько примеров из документов: «посылаем ис Тобольска на государеву службу в колмаки к Талай-тайше *в посольстве* (здесь и далее курсив наш. – Д. П.) тобольских служилых людей»¹¹; «и послать с ними до рубежа провожатых тюменских служилых людей, сколько человек

¹ РМО. 1654–1685. С. 139. См. также: РМО. 1607–1636. С. 124; РМО. 1636–1654. С. 146; РМО. 1654–1685. С. 338.

² РМО. 1654–1685. С. 59.

³ Там же. С. 73, 103, 107, 209, 310, 313, 335–336, 364; См. также: РМО. 1607–1636. С. 62, 63; РМО. 1636–1654. С. 152, 217, 228, 237–238, 348, 354, 369.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 314; РМО. 1607–1636. С. 57, 63.

⁵ РМО. 1685–1691. С. 74.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 44.

⁷ СРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. С. 206–207.

⁸ Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. С. 49–50.

⁹ СРЯ. XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 183–184; Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. С. 58.

¹⁰ Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. С. 47–48.

¹¹ РМО. 1607–1636. С. 113. См. также: Там же. С. 130, 135, 136, 137, 140.

пригоже, а русских людей с ними *в посольстве* в колмаки не посылати»¹; «и впредь де вам к алтыну-царю *посольством* ходить не пошто, да через свою де Киргискую землю и не пропустим»²; «послал их ис Тоболска боярин и воевода князь Юрий Яншеевнч Сулешев к ним, князям, и ко всем улусным людем, *в посольстве о добром деле*»³. В названных примерах лексемы «в посольстве» / «посольством» означали посылку служилых людей в качестве послов – людей, выполнявших дипломатические поручения, стоявших во главе посольства. Употребление фразы «о добром деле» в отношениях с енисейскими киргизами означает добрые и мирные намерения, с которыми прибыл тобольский сын боярский П. Сабанский в 1625 г. к киргизским князям. Акцентирование внимания на «добром деле» было обусловлено постоянной конфронтацией между русскими и енисейскими киргизами. Эта фраза должна была акцентировать внимание на том, что служилый человек прибыл не с военными намерениями, а для проведения переговоров.

Некоторые служилые люди указывали цели своих поездок к центральноазиатским кочевникам следующим образом: «для великово государева посольскова дела»⁴. Этим они четко обозначали свою деятельность как дипломатическую, а себя как представителей русского царя. Иногда в источниках есть указания на то, что посольская деятельность русских дипломатов является «государевой службой»: «и ныне, господа, посланы ис Тоболска на Тюмень тобольской сын боярской Дмитрий Черкасов да юртовской служилой татарин Келмамет Якшигилдеев, а велено им итти с Тюмени на *государеву службу* (здесь и далее курсив наш. – Д. П.) в Калмаки к Талай-тайше в посольстве»⁵. Но иногда факт посылки служилых людей просто называется «государевой службой» без акцентирования внимания на дипломатии: «быти с ним, Петром с товарищи, на *государеву службу*, ехати в Кыргызы»⁶, либо же обозначается как «государево дело»: «и от тех кыргызах как и Тоболска посылан Петр Саванской с товарищи в Кыргызы и как *государево дело* в Кыргызах делалось»⁷. Дипломатическая деятельность в Российском государстве воспринималась не иначе как «государева», что

¹ РМО. 1607–1636. С. 133.

² РМО. 1636–1654. С. 131. См. также: Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 50–51.

³ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 45, 46, 49.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 57, 72. См. также: РМО. 1607–1636. С. 44.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 113.

⁶ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 44.

⁷ Там же. С. 68–69, 71.

было обусловлено слабым представлением о «государственном» и слиянием «государства» с личностью монарха. Это было характерно для патримониально-вотчинного государства, которым являлась Россия в XVII в.¹ И только во второй половине XVII в. началось постепенное разграничение «государева» и «государственного». Одним из признаков данного процесса является то, что в названии Посольского приказа появилось прилагательное «государственный»².

Инициатива отправки посольств в улусы центральноазиатских кочевников проявлялась на трех уровнях: «высоком» («центральном»), «среднем» («местном»), «низком» («частном»). Эти уровни зависели от того, кто решался направить посольство к номадам: столичные приказы, сибирские управленцы или же (что было редкостью) сами служилые люди. Посольства, инициированные представителями первых двух уровней, следует считать официальными, поскольку здесь были задействованы органы власти.

На самом «высоком» уровне инициаторами отправки русских посольств выступали центральные органы власти – Казанский (а с 1637 г. – Сибирский) или Посольский приказы. Из Москвы в сибирские города власти направляли предписания послать к какому-либо контрагенту дипломатическую миссию и краткие (а иногда подробные) инструкции, определявшие цель поездки³. Далее снаряжение посольства происходило уже в Сибири: местный управленец выбирал подходящего кандидата, а затем давал ему наказ. В связи с этим практически все дипломатические миссии, ездившие в улусы кочевников, снаряжались и направлялись из Сибири. Но были исключения. Дважды дипломатические миссии направлялись из Москвы. Первый раз – в 1615 г., когда посольство во главе с тарским атаманом В. Тюменцем было подготовлено в Москве, а затем через Тобольск и Томск, уже в 1616 г., отправилось к хотогойтскому алтын-хану Шолою Убаши-хунтайджи⁴. Второй случай связан с дипломатической миссией во главе с упомянутым ранее С. Кулмаметовым, которая выехала из Москвы в 1676 г. и должна

¹ См. подробнее: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993; *Толстиков А. В.* Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII в. // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2002. С. 294–310.

² *Сергеев Ф. П.* Формирование русского дипломатического языка. С. 133, 136.

³ См., например: РМО. 1607–1636. С. 21, 22–23, 24–28, 32–33, 34–37, 146–148, 174–177; РМО. 1363–1654. С. 17–21, 158, 288; РМО. 1654–1685. С. 47–49, 55, 75, 80–81; РМО. 1685–1691. С. 97; Исторические акты. Вып. 1. С. 25–27; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 208; 1657 г. Д. 1. Л. 5; 1658 г. Д. 2. Л. 9, 42.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 55–56.

была сопроводить монгольское посольство до ставки кочевого правителя. Правда, по каким-то причинам это посольство так и не состоялось¹.

На «среднем» уровне инициаторами отправки дипломатических миссий в центральноазиатские улусы выступали сибирские воеводы или приказчики². Учитывая реалии приграничного пространства, где военно-политическая обстановка нередко менялась крайне быстро, в целях оперативного урегулирования вопросов, воеводы или приказчики могли направлять свои миссии без согласования с Москвой. Так, в 1652 г. после вторжения хотогойтов на территорию енисейских киргизов к алтын-хану Омбо Эрдени и его сыну Лубсан Саин Эринчини по распоряжению красноярского воеводы М. Ф. Скрыбина был отправлен ротмистр С. Коловский³. В 1657 г. после повторного появления хотогойтов в землях енисейских киргизов томский воевода И. П. Приимков-Ростовский по собственной инициативе направил сына боярского О. Протопопова к алтын-хану Лубсан Саин Эринчини для «выговора» и напоминания о прежней шерти-присяге⁴. В 1679 г. красноярский воевода Д. Загряжский отправил «от себя» к алтын-хану красноярского конного казака А. Лекарева⁵.

Право вести переговоры и заключать «договоры» с кочевниками имел и полномочный посол Ф. А. Головин, направленный в 1686 г. в Забайкалье на «посольский съезд» с маньчжурами. Свои полномочия он четко изложил во время переговоров с посланцами от монгольского Ундур-геген хутухты и тушету-хана Чихунь Доржи в 1687 г.: «по указу государей своих, их царского пресветлого величества, учинит с китайским бугдыхановым высочеством, также и с пограничными владельцы мирные договоры правдою и оттого де у них впредь и наипаче будет дружба и любовь умножиться»⁶. По сути он был особо уполномоченным лицом, обладавшим широкими правами, среди которых было и проведение переговоров с монголоязычными кочевниками, обитавшими вблизи пограничных территорий. На обширные полномочия указывает и его дипломатический ранг – «великий и полномочный посол». Заметим, что

¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1676 г. Д. 1. Л. 15, 19.

² О дипломатических полномочиях воевод см.: *Ананьев Д. А.* К вопросу о дипломатических функциях сибирских воевод в XVII – начале XVIII вв. (на примере российско-джунгарских отношений) // *Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: национально-государственное и этнокультурное взаимодействие: сборник научных статей.* Новосибирск, 2009. С. 5–11.

³ РМО. 1636–1654. С. 381.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 34.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 334.

⁶ РМО. 1685–1691. С. 91–92, 130.

Ф. А. Головин активно «общался» с халхаскими и джунгарскими правителями, направляя к ним миссии, письма, подарки, а также принимая ответные посольства¹.

На «низшем» уровне инициаторами диалога выступали сами служилые люди. Такие посольства не были санкционированы не только центральной властью, но и местными управленцами. В 1647 г. по распоряжению находившегося в Забайкалье атамана В. Колесникова поочередно побывали во владениях монгольских Турукая-табуна и цэцэн-хана Шолоя с целью «проведывать» месторождения серебряной и золотой руды десятник К. И. Москвитин и стрелец Я. Кулаков². В 1648 г. сын боярский И. Похабов, присланный на замену атаману В. Колесникову в Забайкалье, также побывал в ставке Турукай-табуна и цэцэн-хана Шолоя³. Эти случайные поездки служилых людей послужили началом установления дипломатических отношений России с правителями Северной Монголии (Халха-Монголии), которые уже впоследствии стали осуществляться официально, т. е. через органы местной и центральной власти.

Таким образом, подавляющее большинство дипломатических миссий к центральноазиатским кочевникам (см. Приложение) являлись официальными. Они были организованы по инициативе представителей центральной или местной власти. К официальным же относятся и посольства, ездившие к монгольским кочевникам по распоряжению Ф. А. Головина, поскольку он, как было отмечено выше, являлся особо уполномоченным лицом и действовал от имени российской власти в соответствии с теми предписаниями, которые ему были выданы в Посольском приказе.

Формально официальными были те посольства, которые ездили в Телеутскую землю в 1648–1649 гг. во время восстания в Томске. Тогда конфликтующие между собой воеводы О. Щербатов и И. Бунаков, преследуя свои собственные цели, направили два посольства к телеутскому князю Коке. В 1649 г. томским воеводой И. Бунаковым для «проверки» результатов предыдущего посольства, возглавляемого в 1648 г. конным

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 361–362, 371, 374, 617, 622; СДИБ. С. 381; РМО. 1685–1691. С. 84, 101, 107–117.

² СДИБ. С. 112–117; РМО. 1636–1654. С. 315–319, 319–322. См. также: *Оглоблин Н. Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник, 1891. Т. 46. № 10. С. 168–171; *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 61–68.

³ РМО. 1636–1654. С. 329–333; СДИБ. С. 117–120. См. также: *Шастина Н. П.* Русско-монгольские... С. 69–71; *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 84–85; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 47–48. Биографические сведения о И. Похабове см.: *Каменецкий И. П.* Служилые люди Сибири XVII – начало XVIII века: исторические портреты и очерки. Тобольск, 2023. С. 172–183.

казаком Н. Поповым, был направлен десятник В. Бурнашев¹. В том же году от воеводы О. Щербатого был послан письменный голова С. Скворцов для проверки сведений, указанных в статейном списке В. Бурнашева². Эти посольства были организованы без согласования с Москвой, но в тоже время с «санкции» представителей местной власти.

Символическим подтверждением официального статуса русских дипломатических миссий, а также их правомочность осуществлять переговоры с центральноазиатскими кочевниками являлись различного рода атрибуты, которые в знаковой форме демонстрировали контрагентам, что перед ними находится представитель российской власти. Обычно дипломаты, ездившие в иностранные государства, имели при себе верительные («верющие») грамоты, в которых подтверждались полномочия посла³. Однако в посольских сношениях России с кочевниками севера Центральной Азии эти грамоты не использовались. Надо полагать, что в качестве их «аналогов» выступали любые документы, исходившие от органов центральной или местной власти: наказные памяти (наказы), «листы» и «любезные письма», а также царские жалованные грамоты⁴. Подтверждающим документом вполне могли выступать и упомянутые ранее шертные (шертовальные) записи. Несмотря на свое содержание, все названные атрибуты являлись подтверждением того, что действия посланника носят официальный характер, а он сам представляет «великого государя» или другого уполномоченного лица, действующего от имени монарха.

В «посольском обычае» Российского государства XVI–XVII вв. считалось, что чем пышнее и многочисленнее свита, тем больше «чести» отдается не только контрагенту, но и личности посла, а также повышается значимость и статус самого посольства в целом⁵. Посольские миссии к центральноазиатским кочевникам не отличались пышностью, что

¹ Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 76–78; *Он же*. Некоторые документы о «затейке» томского воеводы Ильи Бунакова против воеводы князя Осипа Щербатова в 1649 году // Алтайский сборник / отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул, 1997. С. 159–177; Оглоблин Н. Н. К истории Томского бунта 1648 года. М., 1903. С. 21; *Он же*. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895. С. 188–189.

² Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 79.

³ См. подробнее: Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. С. 165–170; Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 61–62.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 68, 75–76, 99, 293–298; РМО. 1636–1654. С. 97–102, 269–270; РМО. 1654–1685. С. 310, 362–363, 372–373; РКО в XVII в. Т. 2. С. 101, 104, 172, 216, 261, 361, 374–375.

⁵ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 31.

уже подмечалось отдельными исследователями¹. Можно предположить, что в тех случаях, когда посольства снаряжались не из 2–3-х человек, а из большего числа людей, повышался статус самого царского представителя в глазах кочевого правителя и в глазах самой Москвы. Так, в 1676 г. тобольскому татарину С. Кулмаметову царским указом было предписано сопровождать монгольских послов из Москвы в их улусы. Согласно инструкциям, выданным в столице, ему требовалось взять в Тобольске с собой 10 человек «для повышения государской чести». Вместе с ним же должны были поехать, по государеву указу, его сын и племянники².

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что поездки русских представителей являлись официальными дипломатическими миссиями или посольствами. Все они осуществляли реальные переговоры даже в тех случаях, когда были направлены для проведения шертования, поскольку зачастую контрагента необходимо было склонить к данной процедуре, аргументированно объяснив ему выгоды от принятия подданства русского царя³. Как и все дипломатические миссии, они преследовали конкретные политические цели, несмотря на то, что по общероссийским меркам посольства были «мелкими» и может быть даже незначительными. Набор и сочетание полномочий русских дипломатов, а также круг вопросов, которые они решали, зависели от реалий российско-кочевнических отношений в каждый конкретный момент времени и политического курса Российского государства в отношении своих контрагентов.

* * *

Дипломатические отношения России с народами северной части Центральной Азии в XVII в. осуществлялись путем направления в ставки кочевников посольств, возглавляемых сибирскими служилыми людьми и, за редким исключением, лицами, не имеющими отношения к данной категории населения и иногда не приписанными к

¹ Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай... С. 73.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1676 г. Д. 1. Л. 15, 19.

³ Об аргументации, используемой российской дипломатией для подчинения кочевников, см.: Зуев А. С., Попов Д. К. Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89.

сибирским гарнизонам. Для удобства коммуникации и лучшего выстраивания диалога в состав посольств включался вспомогательный персонал из числа служилого и аборигенного населения. Этот персонал выполнял функции толмачей (переводчиков устной речи), писарей и провожатых. С одной стороны, задействование в посольской службе лиц из числа местных жителей региона, в том числе и русских, говорит о прагматических соображениях московской дипломатии: посылка дипломатов из Москвы в Центрально-Азиатский регион была бы явно затратной. Однако, с другой стороны, в семиотическом ключе назначение в качестве главы посольской миссии человека, не занимавшего высокое место в иерархии служилого общества, говорит о низком положении контрагентов российского монарха в его политической системе координат. Иначе говоря, не было никакого смысла направлять с посольским поручением какого-либо знатного человека к правителю, который в понимании русского царя являлся его потенциальным «холопом».

Однако реальность дипломатических отношений заставила органы центральной власти (Посольский, Казанский, Сибирский приказы), а также представителей местной власти наделять (пусть изредка и непоследовательно) каким-то посольским рангом служилых людей, ездивших в качестве дипломатов. Таковыми, как установлено выше, были ранги «посла», «посланника», «посланца» и «посланного». Тем не менее неупорядоченное использование в делопроизводственной документации лексики для номинации и самоидентификации дипломатического статуса служилых людей говорит, во-первых, о том, что российская дипломатия не придавала этому атрибуту большого значения, и, во-вторых, о низком политическом весе самих контрагентов, а также собственно вопросов, которые необходимо было урегулировать. При этом была выявлена некоторая последовательность использования лексики для обозначения посольского ранга глав русских миссий в отношениях с отдельными монголоязычными кочевниками (хотогойтским алтын-ханом, джунгарским хунтайджи, ойратскими тайшами). Крайне редко использовалась лексика для номинации и самоидентификации служилых людей, задействованных в диалоге с енисейскими киргизами и алтайскими телеутами.

Посольская служба «сибирских дипломатов» определялась «инструктивными» документами – наказами и наказными памятями, в которых излагались их полномочия во время переговорного процесса с тюрко- и монголоязычными кочевниками. Эти полномочия условно можно разделить на базовое (проведение переговоров) и

вариативные (раздача «государева жалованья», приведение к шерти, передача грамот и писем, заключение «договоров», взятие аманатов и ясака, сопровождение разысканных «государевых изменников»). Набор и сочетание полномочий зависели от цели дипломатической миссии, от реальных политических событий, происходивших в приграничном регионе. Вопросы, которые решали дипломаты во время переговоров в ставках кочевников, также зависели от ситуации в каждый конкретный момент времени.

Дипломатическая инициатива проявлялась на нескольких уровнях – «высоком» (центральными органами власти), «среднем» (воеводами, приказчиками, Ф. А. Головиным) и «низшем» (самостоятельные поездки служилых людей). Те дипломатические миссии, которые ездили в ставки номадов с санкции органов власти (центральной или местной), а также уполномоченного лица, являлись официальными. Атрибутами, подтверждавшими официальный статус посольства, являлись любые документы, исходившие от местной или центральной власти. Наличие в делопроизводственной документации лексики, которая имеет прямое отношение к дипломатической деятельности, свидетельствует о том, что современники воспринимали российско-кочевническую коммуникацию именно как посольскую.

Глава 2. Дипломатический дарообмен в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками в XVII – начале XVIII в.

2.1. Номинация дипломатических даров: принципы и семантика

Неотъемлемым атрибутом «посольского обычая» Российского государства в XVII в. был ритуал дарообмена, в ходе которого происходил обмен подарками между сторонами дипломатического диалога. В русском дипломатическом дискурсе рассматриваемого времени для обозначения подношений, циркулирующих в ходе дарообменных практик, использовались следующие лексемы: «любительные / государевы / поминки», «подарки», «дары», «государево жалованье», «гостинцы».

В научной литературе, посвященной истории дипломатических отношений и практик Российского государства XVI–XVII вв., подарки, как правило, называются «поминками»¹. При этом некоторые исследователи отмечали различие между отдельными номинациями дипломатических даров. Так, О. Ю. Захарова считает, что «дарами назывались предметы, подносимые царю послом лично от себя, своей свиты или купцов. Подарки от султана или короля носили название “любительных поминок”»². Однако из выводов исследовательницы не совсем понятно, какими лексемами обозначались государевы подарки, адресованные монарху-контрагенту, отправившему посольство в Россию, а также лично иностранному дипломату, находящемуся при царском дворе. Л. А. Юзефович обратил внимание на то, что «поминки» предназначались суверенным монархам, а всем прочим правителям – «жалованье»³.

¹ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 47; *Он же*. Путь посла. С. 116; Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол. М., 2011. С. 98; Гарнье К. Дар, власть и честь. О формах и функциях обмена дарами в отношениях между монголами и европейцами в XIII в. // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М., 2016. С. 92; Загородняя И. А. Выставка «Во утверждение дружбы... Посольские дары русским царям» // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 266; Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193, 195; и др.

² Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 94.

³ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 53; *Он же*. Путь посла. С. 116. См. также: Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 70; Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 522.

Историки, занимавшиеся взаимоотношениями Российского государства с наследниками Золотой Орды, в частности с Крымским ханством, указали на зависимость употребления слов «поминки» и «жалованье» от статуса акцептора – того, кто принимает подарки¹. М. Ходарковский и Р. Вульпиус считают, что различие заключалось в том, что «поминками» с течением времени стали называть «подати», а «жалованьем» прежнюю «дань», которые ранее использовались в московско-ордынских отношениях².

Историки, исследовавшие русско-монгольские отношения в XVII в., фактически отождествляли понятия «поминки» и «государево жалованье». Ш. Б. Чимитдоржиев ставит «поминки» и «государево жалованье» в один ряд, а также называет подарки, присланные от царя джунгарскому Эрдени Батуру-хунтайджи «поминками»³. По мнению Л. Ш. Чимитдоржиевой, «в русских архивных документах подарки, посланные из Москвы от русского царя, назывались “государевым жалованьем” или “поминками”»⁴. Н. П. Шастина лишь прокомментировала понятие «государево жалованье», указав, что «так в статейных списках XVII в. назывались подарки, посланные из Москвы от великого государя»⁵. А. П. Уманский, анализируя русско-телеутские отношения, различает «поминки» (к царю, воеводам) и «государево жалованье» (к князям)⁶.

В дипломатическом дискурсе XVII в., как и в современном, любое речевое высказывание заключало в себе определенную смысловую нагрузку. Употребление конкретной лексики во время вербальной коммуникации должно было определенным образом воздействовать на участников диалога и тем самым описывать характер взаимовосприятия друг друга во время этого диалога. По мнению Л. М. Терентия, «в дипломатической коммуникации язык не просто влияет на состояние дел между государствами. С его помощью создается особое, востребованное государством и определенными политическими силами, видение этих отношений как в сознании

¹ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV–XVI вв. М., 2001. С. 226, 248–249, 258; Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193.

² Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 101; Вульпиус Р. Рождение Российской империи. С. 589. См. также: Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 588.

³ Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 32. См. также: Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 42.

⁴ Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам в XVII в. С. 93.

⁵ Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения... С. 24.

⁶ Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 14.

партнеров по переговорам, так и в общественном сознании»¹. Таким образом, наименование дипломатических даров той или иной лексикой, употребление различного рода других речевых конструкторов при описании процесса дарения, по нашему мнению, отражают характер взаимоотношений между участниками, восприятие сторонами друг друга. В контексте настоящего исследования – это то, как русский царь воспринимал своих контрагентов через призму дипломатического лексикона, который применялся в делопроизводственной документации, имеющей отношение к российско-кочевнической коммуникации.

Для полноты картины, опираясь на достижения историографии, а также на опубликованные источники, в общих чертах охарактеризуем использование лексем для номинации дипломатических даров в коммуникации России с европейскими и азиатскими государствами. Отметим, что употребление той или иной лексики при обозначении даров зависело от ряда факторов. Во-первых, от властного статуса контрагента и характера отношений между русским царем и иностранным правителем. Во-вторых, от статуса акцептора, т. е. того, кто именно принимал подарки в момент акта дарения. В-третьих, от политических традиций, сформировавшихся в отношениях между правителями.

Наиболее распространенным понятием для обозначения подарков в дипломатической коммуникации было слово «поминки». В социально-политическом дискурсе Российского государства XVI–XVII вв. эта лексема имела несколько значений, которые можно сгруппировать следующим образом. Первая группа связана с заупокойными обрядами, совершаемыми в память об умершем человеке. В современном дискурсе именно это значение сохранилось за «поминками». Вторая группа значений связана с дарообменной и фискальной практиками: ‘незаконный сбор’, ‘дар, подарок в знак внимания, памяти’, ‘вид подати’². В значении незаконного сбора «поминки» граничили с «посулами» и «почестями» и в некоторых случаях могли восприниматься как взятка³.

¹ Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (022). 2010. С. 49.

² СРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 22–23; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 7: (поклепанъ–пращоуръ). М., 2004. С. 133; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 1160–1161.

³ Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139, 146.

В качестве подношений представителям российской власти «поминки» использовались в русско-аборигенных отношениях в Сибири в конце XVI–XVII вв. При этом, как указал С. В. Бахрушин, «поминки» изначально носили добровольный (или полудобровольный) характер и генетически были связаны с институтом дарообмена¹. С этим согласен А. Ю. Конев, отметивший, что только к концу XVII в. «поминки» слились с ясаком и стали обязательным платежом². Г. Х. Самигулов вообще считает, что «поминки» в XVII в. являлись налогом, а не добровольными подарками³.

В русско-аборигенных отношениях в Сибири в XVI–XVII вв. «поминки» преподносились иноземцами вместе с ясаком и фиксировались в ясачных книгах⁴. При этом существовало ранжирование «поминок» на «государевы», которые предназначались царю, и «воеводские», адресованные сибирским воеводам⁵.

В значении подарка лексема «поминки» активно использовалась в дипломатических отношениях Российского государства с разными европейскими и азиатскими контрагентами. Употребление данного понятия для номинации даров, циркулирующих в коммуникации с тем или иным монархом, имело свои политические традиции и особенности, что четко проявилось во взаимоотношениях Русского государства с постордынскими государствами прежде всего Крымским ханством и Ногайской Ордой. В исторической литературе позиции исследователей по вопросу характера «поминок» в русско-крымских отношениях сводятся к двум диаметрально противоположным точкам зрения⁶. Согласно первой, отправка «поминок» крымскому хану генетически восходит к временам Золотой Орды и, вероятно, связана с понятием

¹ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 49–51, 60–61.

² Конев А. Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 48.

³ Самигулов Г. Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 353.

⁴ См., например: СДИБ. С. 25, 151, 169–170, 178–182, 240; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 143.

⁵ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 60–61; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 481. См. также: Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла. С. 312.

⁶ См., например: Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193–197; Почекаев Р. Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 200–203;

«выхода» (дани) и его последующей трансформацией¹. Согласно второй точке зрения, «поминки» в Крымское ханство – это не что иное, как подарки, адресованные хану, членам его семьи и придворной знати, которые являлись обычным и в целом характерным атрибутом для средневековой дипломатической культуры². Некоторые исследователи обратили внимание на взаимный обмен «поминками» между русской и крымской сторонами, что противоречит трибутарному характеру³. При этом историки обратили внимание и на то, что добровольность отправки «поминок» сочеталась с некоторыми элементами обязательности, что выражалось в фиксации в русско-крымских дипломатических документах XVII в. обязанности уплаты «поминок» в Крымское ханство⁴.

Не вдаваясь в подробности и во все тонкости дискуссии, возникшей по поводу характера «поминок» в русско-крымских отношениях, отметим следующее. Являясь по своей сути подарками, «поминки» могли быть по-разному презентованы и интерпретированы Москвой и Крымом⁵. Надо полагать, прав М. В. Моисеев, который указал, что «поминки» русскими политтехнологами были превращены в «гибкий

¹ См., например: *Почекаев Р. Ю.* Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб., 2017. С. 95–100; *Фаизов С. Ф.* Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // *Отечественные архивы.* 1994. № 3. С. 49–55; *Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2012. Вып. 4. С. 188; *Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2017. С. 215; *Вильпиус Р.* Рождение Российской империи. С. 589; *Ходарковский М.* Степные рубежи России. С. 100–101.

² См., например: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV–XVI вв. М., 2001. С. 241–258; *Малов А. В.* Выходцы-татары на русской службе в первой половине XVII в.: вопросы источниковедения и просопографии // *Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2012. Вып. 4. С. 177; *Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2012. Вып. 4. С. 193, 195.

³ *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым. С. 245; *Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2012. Вып. 4. С. 194; *Виноградов А. В.* Русско-крымские отношения в период второго правления хана Гази-Гирея II 1597–1607 гг. // *Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2019. Вып. 11. С. 33.

⁴ *Кривцов Д. Ю.* Легенда о происхождении крымских «поминок» // *Труды Института российской истории.* Вып. 13. М., 2015. С. 74; *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым. С. 239, 271.

⁵ *Моисеев М. В.* Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // *От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.* М.–Вологда, 2016. С. 163; *Ходарковский М.* Степные рубежи России. С. 101.

инструмент влияния», при помощи которого Москва регулировала отношения с кочевым миром¹.

В русско-крымских отношениях сформировалась дифференциация «поминок», которая была основана на стратификации крымской элиты. Подарки, адресованные хану, назывались «девятными поминками / поминками», а иногда – «здоровальными». Дары, предназначенные крымскому калге, назывались «калажскими» (иногда – «опришными»). Существовали и «запросные поминки», высылаемые по «запросу» крымского хана². На рубеже XV–XVI вв. в русско-крымской дипломатической практике появилась лексема «жалованье», которой обозначали подарки, адресованные представителям крымской придворной знати и слугам за их лояльность («службу») московскому великому князю (а затем – царю)³. В XVII в. дифференциация подарков на «поминки» и «жалованье», а также разница в статусе акцептора сохранялись⁴.

В русско-ногайских отношениях также использовалась лексема «поминки», характер и значение которой в XVI в., как было убедительно доказано М. В. Моисеевым, претерпели изменения. От обычных этикетных подарков, которыми они являлись в начале XVI в., они эволюционировали в 1530-х гг. в чуть ли не в обязательные со стороны Москвы платежи, носившие трибутарный контекст, а затем к 1560-м гг. превратились в «жалованье», выдававшееся за проявление лояльности и «службу» русскому царю⁵. В начале XVII в., уже после того, как политический статус и вес Ногайской Орды изменился, в источниках подарки, адресованные кочевой элите, номинировались «государевым жалованьем»⁶.

¹ Моисеев М. В. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения. С. 164. См. также: Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир... С. 216.

² Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. С. 245–246, 259–270.

³ Там же. С. 226, 248–249, 258; Кривцов Д. Ю. Легенда о происхождении... С. 72–73; Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193.

⁴ См., например: Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел Ф. Лашкова. Симферополь, 1891. С. 42, 43, 54, 59, 62, 72, 75, 77, 78, 81, 89, 96, и т.д.

⁵ Моисеев М. В. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения. С. 165–167, 169; Он же. Эволюция и содержания посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № 4. С. 17–31.

⁶ См., например: Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) / Под ред. Н. В. Рождественского. М., 1918. С. 101, 111, 113–118, 143–146; Акты времени правления царя

Лексема «поминки» использовалась в XVII в. для номинации подарков, исходивших от государя, во взаимоотношениях России с Бухарой, Хивой, Балхом и Индией¹. Однако встречаются и другие понятия, обозначающие царские презенты, – «государево жалованье», «подарки», «дары»². Исследователи обратили внимание на приоритет торговых вопросов в коммуникации Российского государства со среднеазиатскими правителями, а также отметили, что обмен подарками между монархами сближался с меновой торговлей «заповедными товарами»³.

В Персию в XVII в. дары от государя и ответные подарки от персидского шаха, адресованные царю, номинировались «поминками»⁴. Аналогично царские подарки назывались в отношениях с цинским Китаем⁵.

В отношениях Российского государства с европейскими монархами слово «поминки» также применялось для обозначения подарков, циркулировавших в ходе дипломатического дарообмена. Так называли подношения, исходившие от русского царя и предназначенные иностранному монарху, а также те дары, которые подносили европейские дипломаты «великому государю» от имени своих правителей и / или от себя лично⁶. Заметим, что наряду с «поминками» использовались другие лексемы – «дары» и

Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1918. С. 158, 159, 165, 169, 173, 175, 193, 194, 200, 201, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 221, 222, 224, 234.

¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л., 1932. С. 149, 159, 185, 220, 221, 222, 229, 235, 333. См. также: *Шкляева О. В.* Торговые связи Средней Азии с Россией во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2003. С. 22; *Юлдашев М. Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. Ташкент, 1964. С. 26, 44, 80; *Уляницкий В. А.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. С. 28, 49, 53.

² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 160, 218, 229, 240, 252, 272, 275; *Юлдашев М. Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. С. 47, 48.

³ *Шкляева О. В.* Торговые связи Средней Азии с Россией... С. 22–23; *Юлдашев М. Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. С. 46–47, 51, 55, 71, 78–80.

⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. Царствование Михаила Федоровича (продолжение). СПб., 1898. С. 40, 183, 185, 187, 188, 233, 237, 305, 306, 308, 310, 312, 353, 354, 360, 363, 367, 409, 418, 427, 492, 519–520, 544, 577, 665, 678, 680, 682, 687–688, 693, 694, 720–723.

⁵ РКО в XVII в. Т. 1. С. 157, 164, 177, 218, 219, 222, 223, 224, 226, 234, 336, 337, 338, 339, 348, 357, 372, 373, 376, 377, 380, 382, 385, 388, 389, 549.

⁶ ПДС. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 777, 824, 855, 926, 927, 999, 1227; ПДС. СПб., 1854. Т. 3. Стб. 199, 203; [*Котошихин Г. К.*] О России... С. 61; *Загородняя И. А.* Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов

«подарки». Они являлись скорее синонимами для лексемы «поминки» и не выступали индикатором различия статусов доноров и акцепторов. Можно утверждать, что «поминки» являлись «общеупотребительной» лексемой для обозначения подарков от «великого государя». Это слово могло сочетаться с такими прилагательными, как «любительные», «добрые», «легкие», которые акцентировали внимание на благих, добрых намерениях или их количестве.

Анализ делопроизводственной документации позволил выявить следующие факты использования лексемы «поминки» в дипломатической коммуникации Российского государства с номадами севера Центральной Азии. «Поминками» представители российской власти называли подарки, которые посылали кочевые «вожди», члены их семей, а также священнослужители буддийской церкви российскому монарху. Например, в 1650 г. в своей отписке в Сибирский приказ томский воевода М. П. Волынский отчитывался о том, что «прислал де с ним (послом. – *Д. П.*) Очерты-тайша тебе, государю, *в поминках* (курсив здесь и далее наш. – *Д. П.*) 2 лошади да нам, холопом твоим, по лошаде»¹. Лексема «поминки» для номинации подарков, адресованных «великому государю», использовалась представителями российской власти во взаимоотношениях с ойратами (калмыками, джунгарами, хошоутами, дербетами), хотогойтами, халхасцами, алтайскими телеутами².

Отметим, что лексема «поминки» использовалась и при переводах писем, составленных монгольскими правителями и переданных представителям российской власти. Так, в 1639 г. лама Даин-Мерген-ланзу в своем письме царю Михаилу Федоровичу уверял: «да к вам, великому государю к Белому царю, послал есми *поминков*». В том же году брат алтын-хана Омбо Эрдени табунан Дурал-джайсун писал, что он «послал есми к вам, великому государю Белому царю, *поминков* своих: рысь с лапами и с ногтями и с хвостом»³. К сожалению, неизвестно, насколько адекватным является перевод, сделанный русскими толмачами (переводчиками устной речи), точно

второй половины XVII в.) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей. М., 2003. С. 71–98.

¹ РМО. 1636–1654. С. 362.

² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 35–36, 42; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 85, 115; 1658 г. Д. 1. Л. 2; Ф. 210. Оп. 15. Д. 44. Л. 13, 14; РМО. 1607–1636. С. 38, 39, 74, 80, 91, 92, 93, 128, 132, 179; РМО. 1636–1654. С. 24, 70, 156, 236, 247, 276, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 337, 343, 345, 349, 364, 375; РМО. 1654–1685. С. 37, 72, 253; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 409, 416; МОЦА. С. 54.

³ РМО. 1636–1654. С. 157.

также неизвестно, как сами контрагенты называли свои подарки. Вполне вероятно, что при переводе на русский язык какое-то «иноземное» слово, означающее «дар», переводилось как «поминки». Ведь, как известно, переводы писем от «иноземцев» «подгонялись» под российский политический дискурс и адаптировались к российским реалиям.

Представители российской власти могли называть «поминками» подарки, адресованные не только царю, но и воеводам. В 1632 г. в ходе переговоров в Томске посланцы алтын-хана Омбо Эрдени «ударили челом» государю конем и мехами, а после этого «для государского величества воеводам принесли в *поминках...*» подношения. Правда, далее по тексту статейного списка переговоров читаем, что «воеводы князь Иван Федорович Татев с таварыщи велели у алтыновых посланников государевы *поминки* и которую мяхкую рухлядь принесли в *подарках* им, воеводам, принять»¹. Данный пример говорит о взаимозаменяемости понятий «поминки» и «подарки», которые могли использоваться в качестве синонимов. Томский сын боярский П. Сабанский отчитывался в своем статейном списке в 1646 г., что телеутскому князю Коке «за лошедь, что он, Кока, государю царю и великому князю Алексею Михайловичи всеа Руси челом ударил в Томском, дано портища настрафили черчетой 3 аршина, да за *воевоцкия поминки* дано 3 портища лятчины»². В данном контексте под «воеводскими поминками» понимались те дары, которые ранее были подарены воеводе в ходе визита представителей князя Коки в Томск.

В другом контексте использовалось понятие «воеводские поминки» в ходе посольства томского сына боярского С. Тупальского в 1679 г. к алтын-хану Лубсан Саин Эринчини. «И я, Степан, с товарищи, – пишет дипломат – взяв великого государя жалованье, к нему, Лоджану алтыну-царю, и *воевоцкие поминки* и свои дары понесли»³. В данном случае «воевоцкие поминки» – это подарки, посланные хотогойтскому алтын-хану от имени воеводы.

В переводе письма от халхаского Ундур-геген хутухты (джебцзун-дамба-хутухты), выполненным в 1687 г., в качестве обозначения подарков от великого и полномочного посла Ф. А. Головина переводчиками использовано понятие «упоминки»: «великий посол от великих государей послан был от них, великих и полномочных послов, посланец

¹ РМО. 1607–1636. С. 179.

² РМО. 1636–1654. С. 284.

³ РМО. 1654–1685. С. 334, 335, 336. См. также: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 18.

Василей Перьфирьев к нему, Кутухте, и с тем посланным прислано было портище сукна, 4 чернобурые лисицы, и те де *упоминки* от великих и полномочных послов дошли»¹. Вообще «упоминками» назывались выплаты Польско-Литовского государства Крымскому ханству². Использование этого слова в контексте российско-кочевнических отношений является исключительным случаем и объясняется деятельностью Ф. А. Головина, прибывшего из Москвы в Забайкалье для переговоров с маньчжурами.

Рассмотрев примеры наименования «поминками» подарков, адресованных представителям российской власти, в том числе и монарху, перейдем к тому единственному случаю, когда царские подарки названы «поминками». В переводе письма от ламы Даин-Мерген-ланзу, которое он написал царю Михаилу Федоровичу в 1639 г., подарки, исходящие от «великого государя», дважды названы «поминками»: «да что вы, великий государь Белый царь, пожаловал, прислал ко мне *поминков*, и то до меня все дошло здорово. И то твое государево жалованье – *поминки* принел есми с честью поклонясь»³. Нетрудно заметить, что в переводе слово «поминки» используется вместе с глаголом «пожаловал» и понятием «жалованье». Толмач, переводивший письмо, как и в случаях переводов, рассмотренных выше, адаптировал текст послания от ламы под российские реалии и акцентировал внимание на «жалованном» характере подарков, ранее отправленных ламе от имени «великого государя», указав тем самым на непаритетность сторон в русско-хотогойтских отношениях.

Таким образом, анализ делопроизводственной документации позволяет сделать вывод, что лексема «поминки» в дипломатическом дискурсе в отношениях России с разноформатными военно-политическими объединениями кочевников севера Центральной Азии использовалась в значении подношений (подарков), предназначенных государю, представителям местной власти – воеводам, а также в контексте подарков, исходящих от сибирских воевод. Обращает на себя внимание и тот факт, что слово «поминки» упоминалось без прилагательных «любительные» и «добрые», служившими индикаторами дружественных отношений, которые были установлены, скорей, между равными партнерами.

¹ РМО. 1685–1691. С. 91.

² См., например: *Ерусалимский К. Ю.* Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 866–920; Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193.

³ РМО. 1636–1654. С. 155.

Для номинации подношений от кочевников государю представителями российской власти применялись также лексемы «подарки» и «дары»¹. Приведем несколько примеров. Грамота из Казанского приказа 1632 г. тюменскому воеводе С. И. Жеребцову следующим образом называет дары от кочевников: «будет колмацкие лошади, которых урлюковы послы *в подарках* привели или вперед учнут колмацкие люди *в подарках* же лошади приводить»². В выписке в доклад, составленной в Сибирском приказе в 1649 г., находим такую информацию: «а *подарки* де от Цысана-кана к государю даны ему, Ивану, для береженья»³. В расспросных речах, данных в Казанском приказе в 1617 г., служилый человек Г. Михайлов уверял главу приказа А. Ю. Сицкого в том, что «какие *дары* те послы ко государю везут, того он, Гришка, не ведает»⁴. В выписке, составленной в Посольском приказе в 1689 г., написано: «да с ними ж к великим государем прислали тайши их *в дарех*»⁵.

Отметим, что иногда «подарками» назывались дары от государя. Правда, такая номинация не являлась характерной чертой для российско-кочевнических отношений, о чем будет сказано дальше. Пока же приведем примеры употребления слова «подарки» и «дары». «И ласку и привет, – написано в грамоте 1607 г. из Казанского приказа, – держали бы есте к ним с великим береженьем, и нашим жалованьем велели их, которые учнут к вам приезжати, кормити и поити, и *подарки* давали, смотря по людем и по делу». В этой же грамоте далее читаем: «чем нам их *в дарех* пожаловати, сукнами или камки или иное что»⁶. В обоих случаях «подарки» и «дары» связаны с понятием «жалованье». «Подарки» и «дары» раздавал сын боярский И. Похабов во время своей поездки к халхаским правителям цэцэн-хану Шолою и Турукай-табуну в 1648–1649 гг., утверждая, что «те подарки, соболи и сукна, давал он, Иван, свои, а им, Турукаю-табунану и Цысану-кану сказывал, что те дары от государя»⁷. Однако в расспросных речах, зафиксированных в Тобольске в 1648 г., содержится информация о том, что те же самые подарки И. Похабов

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 4, 10, 12; 1620 г. Д. 1. Л. 4; Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 35, 38, 47; 1680 г. Д. 1. Л. 1; РМО. 1607–1636. С. 53, 55, 65, 135; РМО. 1636–1654. С. 25, 65, 66, 182, 183, 184, 212, 218, 291, 325, 344, 373; РМО. 1685–1691. С. 74, 83, 118, 120, 325, 376.

² РМО. 1607–1636. С. 190.

³ РМО. 1636–1654. С. 340.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 58.

⁵ РМО. 1685–1691. С. 231.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 23.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 340.

называл «государевым жалованьем», обозначив тем самым, что они посланы от царя¹. Однако это не соответствовало действительности, поскольку его поездка в «Мугальские земли» не была санкционирована не только Москвой, но и воеводой. Факт номинации подарков «государевым жалованьем» во время контакта с халха-монголами должен был придать официальный характер «миссии» И. Похабова.

«Подарками» назывались и подношения, сделанные посланниками от себя и от кочевых правителей, сибирским воеводам, а также ответные дары от воевод. Так, в 1684 г. во время русско-халхаских переговоров в Иркутске монгольский дипломат поднес письменному голове Л. К. Кислянскому камку, посланную от тушету-хана Чихунь Доржи (Очира Саин-хан) «к ноену (воеводе. – Д. П.) в подарки». Эту камку Кислянский вернул «мугальскому» посланцу и в ответ «послал в подарок посланцу Серенчин Зорикту свою лисицу чернодужчатую»². В данном примере видно, что подношения и воеводе, и посланцу назывались «подарками». Подарки воеводе могли подноситься «в почесть»: «тех подарошных робят от них, мугальских тайш, мне, холопу вашему, в почесть»³.

«Дарами» и «подарками» во время взаимодействия с Ундур-геген хутухтой (джебцзун-дамба-хутухтой), Очирдар-хутухтой, Цэцэн-ноеном и прочими халхаскими правителями обменивался и Ф. А. Головин, посланный в Забайкалье на переговоры с маньчжурами⁴. Причем он акцентировал внимание на том, что направлял «в дарех прежде сего от себя, а не из казны великих государей в жалованье»⁵.

«Подарки» подносили и русские посланники, которые ездили с различными поручениями через монгольские улусы. Например, московский жилец С. Я. Коровин, направленный в цинский Китай в конце 1687 г., в своем статейном списке зафиксировал следующее: «в 26 день приезжал к Степану от Кутухты посланец и говорил, что прислал к нему Кутухта 2-х верблюдов за ево Степановы подарки»⁶.

Отметим, что не существовало какого-то различия между словами «подарок» и «дар». Они могли употребляться в документах как синонимы. В помете, сделанной в 1658 г. в Сибирском приказе на отписке тобольского воеводы А. И. Буйносова-

¹ Там же. С. 330; РКО в XVII в. Т. 1. С. 125.

² РМО. 1654–1685. С. 415. См. также: РМО. 1685–1691. С. 305.

³ РМО. 1685–1691. С. 222.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 102, 154–155, 169, 185, 217, 218, 229, 230, 231, 232, 236, 287, 297; РМО. 1685–1691. С. 80, 88, 94, 102, 108, 109, 192, 257, 261.

⁵ РКО в XVII в. Т. 2. С. 229–230.

⁶ РМО. 1685–1691. С. 114. См. также: Там же. С. 30, 31, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 322.

Ростовского, содержится следующее распоряжение царя Алексея Михайловича: «государь указал отписать: которых тайшей лутчих дву человек отпустить к Москве и чем бьет челом *в дарех* – с ними прислать, что лутчи, а иных худых *подарков* ни принимать, и велеть им торговать вскоре, а чтоб не зимовать»¹. Здесь видим, что государь повелел прислать в Москву подарки, которые были «получше» (качественнее), а те, что похуже, велено было распродать в Тобольске. Слова «дары» и «подарки» в данном случае выступают синонимами и одно заменяется другим по ходу текста пометы.

Для номинации подарков, помимо обозначенных лексем, использовалось и понятие «подарочная казна». Так в статейном списке сына боярского Ф. Михалевского названы дары, адресованные тушету-хану Чихунь Доржи в 1677–1678 гг.: «и мы великого государя с листом и с служилыми людьми вошли в посольскую избу, а достальных служилых людей и кашеваров поставили на карауле великих государей у *подарочной казны*»². Правда, по тексту документа встречается и иное наименование подарков – «государево жалованье». «Казной» названы подарки, предназначенные хотогойтскому алтын-хану: «и о своей великого государя *казне*, о сукнах и о отласех, и о камках, и о юфтях, и о корольках, которая прислана в Томской при воеводех Иване Салтыкове с товарищи и велено им отослать к Лоджану-царю, вели мне, <...> указ учинить»³. «Казна» «на роздачу» была послана с московским жильцом С. Я. Коровиным, отправленным через монгольские улусы в конце 1687 г. в цинский Китай: «послал к Цыбдену тайше в дарех ис *казны* великих государей, которая послана на роздачу с ним»⁴. Слово «казна» в социально-политическом дискурсе XVII в. имело несколько значений⁵. В контексте дарообменных практик данная лексема означала подарки, исходившие от «великого государя».

Употреблялось в российско-кочевнических отношениях и понятие «гостинцы», которыми обменивались и российская, и кочевая стороны. В XVII в. это слово означало 'подарок, подношение', 'вещь, предмет, обычно отправляемые или получаемые откуда-

¹ РМО. 1654–1685. С. 51. См. также: РМО. 1654–1685. С. 24; РМО. 1685–1691. С. 126.

² РМО. 1654–1685. С. 310. См. также: Там же. С. 311, 313, 316.

³ Там же. С. 277.

⁴ РМО. 1685–1691. С. 107. См. также: Там же. С. 217, 246, 298, 354; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1676 г. Д. 1. Л. 9, 10.

⁵ См. подробнее: СРЯ XI–XVII вв. Вып. 7. С. 21–23. Лексема «казна» употреблялась и в русско-крымских посольских отношениях XVI–XVII вв. в контексте дарообменных практик (Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. С. 226).

либо в знак внимания, в качестве подарка¹, что вписывало его в дарообменные практики Российского государства. Халхаский Даши-хунтайджи, согласно доезду сына боярского И. М. Перфильева, предлагал в 1668 г. присылать «гостинцы» как альтернативу ясаку: «а про ясак сказали: великому де государю будем посылать *гостинцы*, что лучитца, а не ясак»². Таким образом он пытался заменить трибутарную практику, которую ему стремилась навязать российская дипломатия, на обычную дарообменную. Присылая «гостинцы»-подарки, Даши-хунтайджи тем самым не становился в зависимость от «великого государя».

В переводах писем от джунгарских правителей, сделанных русскими переводчиками, слово «гостинцы» употребляется для обозначения подарков, адресованных царю: «и в *гостиницах* государю 2 барса послали» (Эрдени Батур-хунтайджи, 1642 г.)³; «доклад царской светлости о войне, которые недруги наши – одолеть их, и дело зделано, и *гостинцами* челом ударить» (Галдан Бошокту-хан, 1684 г.)⁴. «Гостинцами» просила «почтить» княгиня Абакай (Абахай) в 1638 г.: «и княиня Абакай нам против тово сказала. – Табун де да Изерчей – дети мои, и без моиво де ведома над государевою казною и над вами дурна никакова не зделают, только де вы меня почтите рускими *гостинцами*»⁵.

Красноярский воевода И. В. Башковский в своей отписке в 1689 г. информировал Сибирский приказ о следующем: «и послал я, холоп ваш, к ним, калмыцким тайшам, подарков своих и в *гостинцы* сукна своего по портищу»⁶. Таким образом он назвал свои личные подарки, подношения, сделанные не от имени «великого государя».

В русско-хотогойтских отношениях для номинации подарков от алтын-хана, ламы, а также представителей кочевой элиты русскими властями могла использоваться лексема «дань»: «и алтын-царь прислал Дурала-табуна, а велел сказать Якову и Дружине: посылаю де я ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичи всеа Руси *дани*

¹ СРЯ XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 105; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 4. СПб., 2011. С. 215.

² РМО. 1654–1685. С. 199; РМО. 1985–1691. С. 401.

³ РМО. 1636–1654. С. 226. См. также: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 21.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 435.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 103.

⁶ РМО. 1685–1691. С. 222.

своей»¹; «да отец духовной царя алтына Таи Мерген-ланзу послал *дани* с себя государю»²; и т. д.³

«Данью» названы подношения представителей хотогойтской элиты и в их письмах, адресованных государю: «и с твоими государевыми послы послал я своих послов Дархана Конзина ножеписца да Урала Конзина скорописца да с ними 4 человека: Черехти-Колочи, да Самин, да Далан, да Аксагал з *данью*» (письмо алтын-хана Омбо Эрдени, 1635 г.)⁴; «а с ними, послами, послал я к государю *дань*: шишак, наручи, куюк, ирбиз, 100 соболей» (письмо ламы Даин-Мерген-ланзу, 1635 г.)⁵; и т. д.⁶ При этом в письмах хотогойтов акцентировано внимание на том, что они отправили «дань», после чего следовали просьбы к царю и членам его семьи прислать конкретную вещь⁷.

В 1635 г., производя следствие по делу конфликта, возникшего между послами Я. Е. Тухачевским и Д. Агарковым, русские власти на очных ставках пытались узнать у участников посольства, каким образом называли «алтыновы люди» подношения, отправленные от алтын-хана русскому царю, – *данью* или *дарами*?⁸ Для российской власти было принципиально важно, чтобы дары, посланные от правителя хотогойтов, являлись именно *данью*, что подчеркивало бы его зависимость от царя. Ведь, как считали в Москве, алтын-хан Омбо Эрдени дал шерть на условиях «службы» «великому государю», поэтому он не мог присылать дары.

Как уже отмечали исследователи, алтын-ханы направляли в Россию подарки, в то время как российская власть ошибочно воспринимала их как *дань*⁹. В действительности правители хотогойтов на протяжении длительного времени выражали недовольство против личной шерти «великому государю», номинации их «холопами» или «подданными» царя¹⁰. Они воспринимали данные ранее присяги как заключение союзных

¹ РМО. 1607–1636. С. 211.

² Там же. С. 213.

³ РМО. 1607–1636. С. 274, 276, 277, 287, 288, 294, 296; РМО. 1636–1654. С. 18, 19, 35, 46, 52, 59, 62, 81, 83, 89, 96, 97, 98, 100, 116, 122, 127, 129, 138, 141, 143, 144, 146, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 167, 169, 277, 314; РМО. 1654–1685. С. 465.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 243.

⁵ Там же. С. 245.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 73, 74, 75, 77.

⁷ См., например: РМО. 1607–1636. С. 243, 246.

⁸ РМО. 1607–1636. С. 263, 264.

⁹ РМО. 1636–1654. С. 408; Шастина Н. П. Русско-монгольские... С. 48, 55; Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства... С. 56, 94.

¹⁰ РМО. 1636–1654. С. 42, 87.

и договорных, но никак не установление подданных и трибутарных отношений¹. Эти обстоятельства указывают на то, что «дань», которую «уплачивали» хотогойты, – это дипломатические дары. Номинацию подарков «данью» можно объяснить «творчеством» представителей русских властей, которые стремились использовать в дискурсе трибутарную лексику, подчеркивая тем самым при помощи вербально-коммуникативных концептов «зависимость» хотогойтских правителей. Подобные практики активно применялись в ходе подчинения иноэтничных племен российской власти в XV–XVIII вв.²

Анализ делопроизводственной документации позволил установить существование двух типов обозначения подношений, исходящих от номадов и адресованных российскому монарху. Первый тип – это подарки, которые преподносились государю с челобитной формулировкой и имели конкретную номинацию («подарки», «дары», «дань»): «а в подарках те калмыцкие послы привели от Чокура-таиши государю *челом ударить* конь сер росл»³; «вашему царскому величеству мугальской Ачарой-хан да Кутухта да Батура-тайша *челом бьют в дарах*»⁴; «а с ними, послами, послал я к государю *дань*: шишак, наручи, куюк, ирбиз, 100 соболей; *тем челом бью...*»⁵; и т. д.⁶

Второй тип – это подарки от кочевых правителей, которые упоминаются в источниках без каких-либо номинаций, но с обязательным указанием на челобитный характер их поднесения: «а с ними, государь, прислал тебе, государю, *челом ударити* 2 коня, конь гнед да конь сер»⁷; «а привели с собою в Томской и нам *челом ударили* от

¹ Шастина Н. П. Русско-монгольские... С. 25, 36, 39–40, 80, 101–102; Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства... С. 55, 57.

² Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 108–115; Он же. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста, 2022. С. 92–97. См. также: Сень Д. В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 136.

³ РМО. 1607–1636. С. 135.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 286.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 245.

⁶ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 1; РМО. 1636–1654. С. 65, 70, 73, 74, 75, 76, 86, 167, 182, 184, 212, 335, 352, 373, 417, 418, 419; РМО. 1654–1685. С. 23, 49, 50, 51, 52, 67, 85, 87, 99, 123, 126, 189, 195, 196, 197, 203, 211, 236, 246, 247, 367, 370, 374; РМО. 1685–1691. С. 83, 323, 355; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 416.

⁷ РМО. 1607–1636. С. 100.

Сенгее-тайши конь рыж, да тебе, князю Ивану, конь чал, а вам, Ондрею и Анисиму, 3 лисицы красны»¹; и т. д.²

В тех случаях, когда подарки из степи предназначались сразу нескольким акцепторам (царю, воеводе, дипломату), в источниках использовалась разная лексика при описании факта подношения: «и тот Кокин брат князец Имес и улусные ево люди, в Томской приехав, *ударил челом* нам (царю Михаилу Федоровичу. – *Д. П.*) от брата своего Коки бобр рыж да два соболя, да Имес нам *ударил челом* лошадей, а вам (томскому воеводе И. Ромодановскому. – *Д. П.*) *дал* в подарках бобр да ярец рыжи, да четыре соболя»³; «первой посланник Сулумкичи Аргу государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси *ударил челом* конь игрень <...>. Да для государского величества воеводам *принесли* в поминках: князю Ивану Федоровичю Татеву Сулумкичи да Ерденек *поднесли* по бобру по рыжему...»⁴; «да Кужа-тайша прислал с улусными своими людьми в Томской нам *челом ударити* лошадей коуру, да тебе, князю Ивану, *прислал* в поминках лошадей соврасу...»⁵; «да он же, Лобжан-царевич, сказал Зеновью с товарищи. – *Челом бьет* великим государем оргамак гнед, крушка серебряная, камень хрусталь, камка лазоревая, дороги полосатые, 2 рыси, 2 бобра, осьмнатцать соболей. <...> Да для царского величества Лобжан-царевич *дал* Зеновью 2 лошади да 5 соболей да тулуп овчинной...»⁶.

В дипломатических отношениях формула «бить челом» употреблялась в актовых материалах с конца XV в., указывая на неравноправие участников коммуникации. В XVI в., как показал А. И. Филлюшкин, любое обращение к государю (в том числе и к иностранному) могло называться челобитьем, что привело к снижению уничижительной коннотации челобитья. Одновременно словосочетание «бить челом» все же указывало на неравный статус участников диалога и принижала статус контрагента⁷. Формула «челом бить / бью / ударил» в социально-политическом дискурсе XVII в. среди значений,

¹ РМО. 1636–1654. С. 24.

² МОЦА. С. 105; РМО. 1607–1636. С. 101, 129, 133, 179, 184, 185, 189, 246, 247, 261; РМО. 1636–1654. С. 25, 73, 153, 190, 199, 209, 215, 217, 240, 250, 290, 291, 325; РМО. 1654–1685. С. 20, 102, 120, 146, 219, 221, 222, 471; РМО. 1685–1691. С. 375.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 242. См. также: Там же. С. 241.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 179.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 70, 71.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 94–95.

⁷ Филлюшкин А. И. Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 96–97. См. также: Хорошевич А. Л. Русь и Крым. С. 121, 123.

обозначавших различного рода прошения и жалобы, означала также ‘принести в дар’¹. Это связывает челобитье с дарообменными практиками. Политические намерения Российского государства в отношении кочевых народов севера Центральной Азии, а также позиционирование «великого государя» как всемогущего и полновластного правителя привели к употреблению в делопроизводственной документации челобитной формулы при поднесении даров от кочевников. Эта формула расставляла акценты между участниками диалога.

В дарообменных практиках Российского государства в XVI–XVII вв. употреблялось понятие «жалованье». Это слово было полисемантичным и в социально-политическом дискурсе имело следующие значения: ‘жалоба’, ‘сетование, печаль, скорбь’, ‘благоволение, милость’, ‘льгота’, ‘пожалование, дар’, ‘вознаграждение, плата за работу, службу’². «Жалованьем» называли дары от царя лично иностранному дипломату, царское угощение – «корм», а также государевы подарки иностранному правителю, чей статус в глазах российского монарха являлся невысоким³.

В отношениях Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии понятие «государево жалованье» использовалось для номинации подарков от царя: «*государское ему жалованье подал и свои подарки*»⁴; «*вы бы им наше жалованье послали, смотря по их службе, взяв у них заклады лутчих людей*»⁵; «*и они де, Володимер с товарищи, пришед, контайше подали твое государево жалованье – сукна и выдры, что с ними было послано ис Тобольска*»⁶; «*посланцы, великий государь, его царское величество жалует вас, посланцов, своим царского величества жалованьем – по платну*

¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам Т. 3. Стб. 1488–1490. См. также: Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 146, 151–152.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам Т. 1. Стб. 843; СРЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 72–73.

³ См., например: ПДС. Т. 2. Стб. 778, 824–825; ПДС. Т. 3. Стб. 375, 379, 442; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 53, 140.

⁴ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. С. 165.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 40.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 248.

золотному»¹; «и приведчи их к шерти, и наше жалованья князцу Коке за шертованья послали сукна аглинского четыре аршина»²; и т. д.³

«Государево жалованье» могло употребляться вместе с понятием «милость», которое в документах фиксируется в форматах «государева / царская милость», «государева / царская милость и жалованье», «государское / государево / царское милостивое жалованье». Под «милостью» в XVII в. понималось следующее: ‘милость, милосердие, благорасположение’, ‘благосклонность, особе распоряжение, любовь’, ‘благоденствие, благотворение’, ‘милостыня, подаяние’, ‘радость, веселие’, ‘сожаление, жалость’ и ‘плата, жалованье’⁴. В контексте дарообменных практик в российско-кочевнических отношениях «государева милость» означала «жалованье» – царские подарки, предназначенные жителям центральноазиатских степей: «и Ика-Илдены, приняв *государево жалованье*, сукно, на *государской милости* бил челом»⁵; «и Дурал-табун *государское жалованье* принял и на *государской милости* бил челом»⁶; «и Кон де и Кула-

¹ РМО. 1654–1685. С. 286.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 242.

³ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 12; Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 37; Ф. 126. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 4; 1635 г. Д. 1. Л. 116; 1658 г. Д. 2. Л. 21–22; 1673 г. Д. 2. Л. 28, 49; 1676 г. Д. 1. Л. 11, 12, 13, 14, 15, 17; РМО. 1607–1636. С. 22, 24, 26, 27, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 41, 46, 53, 57, 59, 63, 67, 68, 74, 75, 95, 96, 100, 132, 133, 137, 138, 153, 154, 155, 166, 176, 182, 183, 192, 194, 198, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 215, 217, 219, 221, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 239, 240, 243, 246, 247, 249, 255, 261, 262, 263, 264, 267, 272, 274, 275, 277, 289, 294, 297; РМО. 1636–1654. С. 17–21, 24, 31, 32, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 50, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 61, 64, 65, 66, 70, 73, 75–79, 81, 82, 88, 89, 91, 95, 99, 100, 103–107, 109, 110–113, 115–117, 121–127, 134–136, 138, 139, 141–144, 151, 152, 154, 155, 158, 160–170, 172, 175, 182–184, 187, 189, 190–199, 202–205, 207–209, 211, 213–215, 218, 220, 225–228, 235–238, 249, 254, 258, 259, 263, 273, 275, 276, 286, 288, 314, 317, 318, 325, 330, 331, 336, 337, 341, 343, 344, 345, 347, 348, 350, 353, 362, 365, 369, 370, 374, 375, 386, 393–396, 398, 401; РМО. 1654–1685. С. 18, 20, 22, 23, 24, 68–70, 83, 87, 91, 93, 99, 101, 103, 104, 106, 107, 108, 116, 117, 124, 129, 136, 139, 140, 142, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 159, 165, 166, 167, 168, 172, 173, 175, 181, 183, 184, 185, 186, 188, 192, 194, 195, 198, 199, 201, 202, 203, 206, 207, 208, 209, 220, 234, 246, 247, 248, 249, 253, 272, 278, 291, 293, 294, 296, 297, 298, 300, 301, 305, 308, 310, 314, 315, 316, 324, 331, 333, 334, 335, 336, 343, 353, 362, 366, 367, 372, 377, 383, 466; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 241, 251, 260; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. С. 40, 76; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 20, 22, 80, 81.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Стб. 137–138; СРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1983. С. 155.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 137.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 39.

тайша *государево жалованье* – сукна принели чесно и на *государьской милости* челом били»¹; и т. д.²

Зарубежные исследователи, изучая концепции и практики империостроительства России в XVI–XVIII вв., обратили внимание на понятие «жалованье» во взаимоотношениях с кочевниками. Так, М. Ходарковский отметил, что «жалованье представляло собой выплату друзьям и подданным Московии, сделанную божественной милостью царя»³. Схожим образом считает и Р. Вульпиус: «в случае с выплатой жалованья российские представители стремились также закрепить понимание того, что царь таким образом дарует данные Богом милосердие и благодать и с установленной периодичностью вознаграждает “друзей” и подданных Москвы за их лояльность и особые заслуги перед царем»⁴. Выводы названных исследователей базируются прежде всего на материале отношений с крымскими татарами, поволжскими калмыками, казахами, а также северокавказскими народами. Однако их можно экстраполировать и на отношения Российского государства с центральноазиатскими кочевниками.

Русский царь позиционировал себя фигурой сакральной, наделенной никем и ничем неограниченной властью. Он мог «жаловать» и «миловать» своих «холопов» в рамках своего государства-«вотчины». Это четко отразилось в сознании его подданных, которые воспринимали любое действие государя как проявление его «милости» по отношению к ним⁵. Не случайно в челобитных, поданных на имя царя, представители различных чинов российского общества просили его «смиловаться и пожаловать» их, надеясь, что монарх своей «милостью» «пожалует» и тем самым поможет решить насущную проблему⁶. Можно с уверенностью утверждать, что «милость» и «жалованье» являлись базовыми концептами российской политической культуры в рассматриваемое время.

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 82, 170, 192, 213, 228, 238, 248, 285, 286, 350, 353; РМО. 1654–1685. С. 64, 106–107, 108, 247, 315, 336, 412; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. С. 148, 149, 151.

³ Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 101.

⁴ Вульпиус Р. Рождение Российской империи. С. 589–590.

⁵ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 21–23.

⁶ Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 15, 23–24.

Следует обратить внимание на то, что само понятие «жалованье» связано также с определенными служебными обязанностями. «Нетрудно заметить, – пишет А. Л. Юрганов, – что слово “жаловать” семантически связано со словом “служить” (жалуют тех, кто служит)»¹. В тесной связи со «службой» понятие «жалованье», по всей видимости, известно еще с XIV в., когда русские земли находились в зависимости от Золотой Орды, что выражалось в том числе и в «пожалованиях» татарскими ханами русских князей, несущих им «службу»². В процессе становления Русского государства в конце XV – начале XVI в. великий князь московский приобрел суверенную власть. Если раньше он «жаловал» только в пределах своего княжества население, находившееся под его юрисдикцией, то по мере укрепления государства, расширения международных контактов, складывания политического мировоззрения и выстраивания собственной иерархии государств-контрагентов, «жалованная» лексика стала употребляться во внешнеполитической сфере. Как верно отметил С. А. Никонов, «жаловать – это прерогатива суверена»³.

Российское государство изначально стремилось выстроить подданнические или хотя бы протекторатно-вассальные отношения с центральноазиатскими номадами. В связи с этим логично употребление в дипломатическом дискурсе понятий «государево жалованье» и «государева милость», подчеркивающих неравное положение участников дарообмена. Государь, являясь сувереном, проявлял «милость» по отношению к своим потенциальным подданным, «жалует» их подарками. Кочевники, в свою очередь, как предполагала российская власть, должны нести «службу» царю, если не в момент дарения, то хотя бы в обозримом будущем.

Заметим, что понятие «поминки» этимологически связано с лексемой «мнить», которая в разных языках означала ‘память’, а также имела прочие значения, имеющие к ней отношения⁴. Не случайно государь в коммуникации с равными ему правителями

¹ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 123.

² Селезнёв Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. С. 73.

³ Никонов С. А. «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV – начала XVI века. // Вестн. Удмуртского ун-та. История. 2006. № 7. С. 72; См. также: Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 122–123.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем О. Н. Трубачев; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – изд. 2-е, стер. Т. 2 (Е–Муж). М., 1986. С. 633; Он же. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем О. Н. Трубачев; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. Т. 3 (Муза–Сят). М., 1987. С. 323. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. Т. 2. М., 2010. С. 168.

«напоминался» или «поминался» им «поминками», т. е. посылал им подарки на память: «а после того явити шаху от государя поминки, а молыти (говорить. – Д. П.): великий государь <...> *брату* своему, Аббас шахову величеству, *напоминается* своею любовью поминки»¹. Признание иностранного правителя равным выражалось в использовании применительно к нему слова «брат», а также однокоренных лексем («братские», «братство»), при помощи которых власти описывали характер межгосударственных отношений. Тюрко- и монголоязычные кочевники не были равными русскому царю и тем более не могли называться его «братьями». Во время посольства дворянина Я. Е. Тухачевского и подьячего Д. Агаркова в 1634 г. к хотогойтскому алтын-хану Омбо Эрдени при встрече с Шубачин-тарханом, прибывшим для сопровождения русских дипломатов в улусы хотогойтов, русскими дипломатами даже был выражен резкий протест против употребления слова «брат» применительно к государю².

При этом «поминки» могли передавать воеводы от своего имени, выражая тем самым почтение кочевому правителю. Точно также «поминки» могли преподносить русскому царю сами номады. Эта практика, по всей видимости, была заимствована из уже сложившихся традиций в общении с иностранными государствами.

Можно констатировать, что на самом высшем уровне дарообмена – «царском», когда донором (дарителем) являлся российский монарх, – базовым было понятие «жалованье / государево жалованье», сочетавшееся с понятием «государева милость». В свою очередь, дары, предназначенные государю, преподносились дипломатами от кочевников с челобитной формулировкой, семантически связанной с дарообменными практиками. При номинации таких даров отмечается, как было показано выше, разнообразие. Их называли «поминками», «подарками», «дарами», «гостинцами», «данью».

На «воеводском» уровне, когда донором и акцептором выступали сибирские воеводы, не было какой-либо унификации при номинации даров. Точно также нельзя проследить ее и на «персональном» уровне, когда подарки исходили лично от дипломатов. Однако общим для этих двух уровней было отсутствие «жалованных» лексем, характерных для «царского».

¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. С. 308, 418.

² РМО. 1607–1636. С. 204.

Можно с уверенностью утверждать, что для дипломатического дискурса было принципиально важно, чтобы дары, адресованные государю, не обозначались «жалованной» лексикой. Об этом свидетельствует разнообразие лексики и отсутствие фактов применения понятий «жалованье» и «милость» применительно к подаркам, исходящим от кочевников. Для российской власти было важно, чтобы подарки, которые исходили от российского монарха, назывались «государевым жалованьем» и / или «милостью», поскольку в них была закодированы концепты политической культуры Российского государства, которую тем самым власти транслировали в кочевую среду. Безусловно, дарообменные практики активно сочетались с различными вербальными концептами, политико-правовыми атрибутами и процедурами, передающими российские политико-правовые нормативы в ходе дипломатического диалога. В коммуникации Российского государства с тюрко- и монголоязычным кочевым населением северной части Центральной Азии «поминки» / «подарки», подносившееся царю с челобитной формулировкой свидетельствовали, что кочевники (как это стремилась представить российская власть в политическом дискурсе) оказывали почтение своими дарами, напоминали ему о себе. Однако государь в ответ не «поминался» им, а «жаловал» их, оказывая свою «милость», которая выражалась в материально-символической форме.

2.2. Функционирование дарообмена в дипломатических отношениях

К XVII в. Россия активно использовала практику дарообмена при выстраивании коммуникации с различными, в том числе нехристианскими, народами. Отчетливо это проявлялось в ходе присоединения Сибири к Российскому государству¹. Активно функционировал дарообмен и в отношениях России с кочевыми народами севера Центральной Азии на протяжении всего рассматриваемого периода. Представители российской власти принимали дары от кочевников, посылая в ответ «государево жалованье», или первыми одаривали подарками в надежде заручиться лояльностью представителей кочевой элиты.

Регулирование дипломатического дарообмена в российско-кочевнических отношениях происходило на уровне органов центрального управления. Нормативно-распорядительная, отчетная и учетная документация содержит многочисленные сведения о подарках, поступивших из центральноазиатских степей, «государевом жалованье», посланном в качестве ответа, расценках подношений, а также информацию о том, из каких приказов и / или городов были посланы и, в свою очередь, приняты дары. Сам факт упоминания дарообменных практик в документах говорит о том, что государство придавало им большое значение.

Нормативно-распорядительная документация из центральных органов власти, адресованная сибирским разрядным и уездным воеводам, содержала распоряжения и рекомендации о необходимости отвечать на подношения от кочевников, прибывших в сибирские города, одаривая их в ответ «государевым жалованьем»: «и ласку и привет держали бы есте к ним с великим береженьем, и нашим жалованьем велели их, которые учнут к вам приезжати, кормити и поити, и подарки давали, смотря по людем и по делу»²; «а которые колмаки учнут к вам приезжати для нашего дела, и вы о их велели поить и

¹ См., например: Зуев А. С. Ясак, подданство и договорной дарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 84–92; Люцидарская А. А. Дарообмен и практика взаимодействия Русского государства с народами Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 366–369; Бродников А. А. Подарки аборигенам как элемент механизма их вовлечения в ясачный платеж (на примере Ленского волока и прилегающей территории) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 23–26; Конев А. Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56; Трепавлов В. В. Символы и ритуалы... С. 106–149.

² РМО. 1607–1636. С. 23.

кормить, и наше жалованье – подарки давали им, смотря по людям и по делу...»¹; и т. д.² Аналогичные распоряжения и рекомендации могли давать и разрядные воеводы уездным. Так, в отписке 1624 г. тобольского разрядного воеводы Ю. Я. Сулешева тюменскому воеводе М. Б. Долгорукову написано: «вам бы, господа, колмацким послом ... отпустить их ... с Тюмени назад в Колмаки, не задержав, дав им государево жалованье по портищу сукна лятчины»³. Таким образом, представители местной власти, следуя предписаниям, должны были после проведения переговоров одарить кочевников «государевым жалованьем», а затем отпустить их обратно в свои улусы.

Предписания направить к кочевникам «государево жалованье» могли поступать сибирским управленцам из Москвы: «вы бы им наше жалованье послали, смотря по их службе», «чтоб им было неоскорбно»⁴; и т. д.⁵ Исходя из таких рекомендаций, воеводы направляли царские подарки вместе с дипломатическими миссиями, посланными от имени российской власти. Русские посольства, отправленные в степь, получали от воевод наказы / наказные памяти, куда включались конкретные указания раздавать подарки во время аудиенций у глав кочевых объединений: «а сказав великого государя о многолетном здоровье и подать ему великого государя жалованье сукно червчетое»⁶; «а приехав, подать великого государя <...> грамоту и отдать великого государя жалованья»⁷; и т. д.⁸

Помимо вопросов, связанных с отправкой «государева жалованья», российскую власть, в частности сибирских воевод, интересовало то, каким образом поступать с теми подарками, которые привезли с собой кочевники во время исполнения ими посольских поручений своих правителей. Управленцы, излагая информацию о прошедших в Сибири

¹ Там же. С. 27. См. также: Там же. С. 35.

² Там же. С. 36–37, 39, 132.

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ О том, как чествовать на Тюмени калмыцких послов. Письмо тобольского воеводы Ивана Андреевича Хилкова тюменскому воеводе Андрею Васильевичу Кафтыреву 1659 г. / Сообщ. Словцов П. А. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 7. Тобольск, 1897. С. 79–80; РМО. 1607–1636. С. 176, 194; РМО. 1636–1654. С. 18–19, 31, 202–203, 210, 243, 256, 258, 343, 345; РМО. 1654–1685. С. 104, 173, 175, 207, 253, 267, 423; РМО. 1685–1691. С. 75.

⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 96. Д. 20. Л. 2.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 192.

⁸ РМО. 1636–1654. С. 219, 258–259; РМО. 1654–1685. С. 192, 248; РМО. 1685–1691. С. 80; Исторические акты. Вып. 1. С. 26–27. См. также пересказы наказов в отписках воевод и статейных списках: РМО. 1636–1654. С. 168–170, 273, 346, 394; РМО. 1654–1685. С. 308, 333, 363.

переговорах с дипломатическими представителями конкретного контрагента, в своих отписках в Казанский или Сибирский приказы констатировали, что они дары «приняли», а иногда конкретизировали, что они распорядились «держать в вашей государеве казне до вашего великих государей указу», запрашивая дальнейшие указания о присланных дарах¹. Это было обычной практикой, характерной для воеводского управления, когда представители местной власти по конкретным вопросам писали в профильные приказы для получения каких-то разъяснений.

В ответ на воеводские запросы центральные органы власти давали распоряжения, касавшиеся в том числе и дарообменных практик: «а ис калмыцких буде улусов от калмыцких тайшей впредь на Тюмень в присылке будет к нам, великому государю, в подарках лошади и иноходцы, и кони, и камки, и отласы добрые, и ты б те калмыцкие подарки присылал к нам, великому государю, к Москве с кем пригоже. А будет калмыцкие подарошные лошади или иные какие подарки в посылку к нам, великому государю, не пригодятца, и ты б к нам, великому государю, к Москве тех калмыцких подарков не посылал, а велел их продавать на Тюмени, а деньги держать на тамошние наши на всякие тюменские расходы»².

В 1620 г. даже было запрещено принимать подарки на имя государя, о чем свидетельствует помета, оставленная в Казанском приказе на отписке тобольского воеводы М. М. Годунова: «Бояре слушали и велели отписати: будет учнут присылать вперед, и у них на государя и воеводам на себя не имати нечего»³. Это решение было связано с обострением русско-калмыцких отношений в 1620-х гг., вызванным набегами отдельных группировок ойратов на русские и ясачные волости⁴.

Иногда воеводы запрашивали у центральных органов власти указания по отдельным частным вопросам, которые ранее не возникали, следовательно, отсутствовал прецедент, от которого можно было отталкиваться при принятии решения. Так, в 1681 г. тобольский воевода А. С. Шеин просил у Сибирского приказа разъяснения по поводу

¹ РМО. 1654–1685. С. 123. См. также: РМО. 1607–1636. С. 101; РМО. 1636–1654. С. 344; РМО. 1654–1685. С. 24, 50, 371; МОЦА. С. 85.

² РМО. 1654–1685. С. 67. См. также: Там же. С. 51–52; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 145.

³ РМО. 1607–1636. С. 101.

⁴ См. подробнее: Пузанов В. Д. Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 64–76.

того, как ему поступить с прибывшими послами, товарами и подарками от джунгарского Галдана Бошокту-хана и торгоутского тайджи Номун-хана. Дело в том, что посольство привезло с собой в качестве особого подарка корень ревеня, который входил в категорию «заповедных товаров», т. е. запрещенных для свободной торговли и монополизированных казной¹. В ответ на запрос из Сибирского приказа А. С. Шеину поступило распоряжение: «корени ревеню у них, посланцов, не купить и в дарех не принимать». При этом грамота предписывала отпустить посольство в Москву, но «корень-ревень велено взять на Верхотурье в нашу великаго государя казну»².

Центральные органы власти могли потребовать от местной воеводской администрации разъяснения по факту совершившегося одаривания царским «жалованьем». Такое распоряжение было направлено из Казанского приказа в Томск в 1636 г. Грамота предписывала воеводе И. И. Ромодановскому дать отчет о том, откуда взяты подарки (сукно, «вершки шапочные»), которые он дал в ответ на посольские дары от телеутских посланников, а также предоставить информацию о расценке всех подарков, в том числе и с русской стороны³.

Грамоты из центральных органов власти могли содержать рекомендации сибирским воеводам оценивать качество привезенных из степи подарков, после чего принимать решение об отправке в Москву либо о распределении или продаже в городах: «а те будет колмацкие лошади, которых урлюковы послы в подарках привели или вперед учнут колмацкие люди в подарках же лошади приводити, а те будет лошади добры и к нам к Москве послать пригодятца, и ты б те колмацкие лошади и барс прислал к нам к Москве и велел те колмацкие лошади дорогою вести бережно, чтоб их до Москвы довести здорово. А которые будет колмацкие лошади худы и к нам к Москве послать не пригодятца, и ты б те лошади велел продавати, оценивая прекою ценою и как бы нашей казне было прибыльнее»⁴; «а что ... нам челом ударили конь рыж да тебе, князю Ивану, конь же чал, и будет те лошади к нашему седлу пригодятца, и вы б те лошади и мяхкую рухлядь, что принесли вам, Ондрею и Анисиму, в подарках же, с кем будет пригоже прислали к нам к Москве <...> А будет те лошади к нашему седлу послать к нам к Москве

¹ В 1656 г. была объявлена монополия казны на торговлю копытчатым ревенем. (Вилков О. Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 201, 213).

² РМО. 1654–1685. С. 371.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 242.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 190.

не годятца, и вы б в Томском велели те лошади продать по тамошней дорогой цене, как бы нашей казне было прибыльнее, и продав, те деньги в приход записать и в сметном списке описать особоною статьею и держать на тамошния наши томския расходы»¹.

Действуя на основе указаний и в целом в рамках своих полномочий, сибирские воеводы самостоятельно или при помощи кого-либо (например, бухарцев, посадских людей) оценивали подарки, после чего принимали конкретное решение². В связи с этим привезенные из степи дары, предназначенные «великому государю» или воеводе, не всегда направлялись в Москву. Подношения от кочевых правителей могли продать (полностью или частично) в сибирских городах, раздать местному населению, вернуть посланникам обратно. И только, если подарки имели презентабельный вид и имели действительно какую-то ценность, их направляли в Москву, о чем будет сказано далее. Сейчас же остановимся на тех примерах, когда дары не доставлялись в столицу. Так, тобольский воевода И. С. Куракин в 1616 г. сообщил в Посольский приказ, что калмыцкие тайши прислали царю «в дарех 2 кони, и те лошади проданы в Тобольску на тебя, государя»³. Доход с проданных лошадей в данном примере был зачислен в государеву казну.

Иногда действия воевод не получали одобрение со стороны центральных властей. В 1616 г. в Москве стало известно, что упомянутый воевода И. С. Куракин продал подарки от калмыков, да еще и отчитался в Казанский приказ только о двух проданных лошадях, тогда как калмыцкие посланники привезли три лошади. Приговор Боярской думы, составленный в 1616 г., содержит «выговор» воеводам, «что оне учинили мимо дела, что подарки продали. И они б те кони тотчас сыскали у тех людей, кому продали, и взяв у них, прислали к государю к Москве. А вперед бы подарков, ис которых земель что к государю в дарех ни пришлют, не продавати, а присылали все к государю»⁴.

Часть даров по распоряжению воеводы могла быть направлена в Москву, а другая часть временно или постоянно остаться в Сибири. Так, подарки от Эрдени Батурахунтайджи, которые он направил вместе со своим посольством в 1646 г., частично были оставлены в Сибири по причине того, что лошади «в дальном пути изошлись и пристали.

¹ РМО. 1636–1654. С. 25. См. также: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 421.

² РМО. 1636–1654. С. 250; РМО. 1654–1685. С. 23–25.

³ РМО. 1607–1636. С. 46. См. также: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 36; РМО. 1636–1654. С. 344; РМО. 1654–1685. С. 20, 23, 146.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 55.

А как де те лошади поопрявятца, и их бы от толь взяти в Тоболеск». Другая часть подарков (барсы) была направлена в Москву¹. Аналогично поступил тобольский воевода П. И. Годунов, оставив для продажи местному населению присланные в 1668 г. от хошоутского тайши Аблая чаши и лошадей, а остальную часть подарков отправил в Москву². Другой тобольский воевода – И. Б. Репнин – в 1670 г. направил в Сибирский приказ только «камни», присланные из Джунгарии и имевшие, вероятно, какую-то ценность, оставив камки и шкурки бобров, которые были отданы им в качестве жалованья служилым людям³. Также поступил с подарочными лошадьми и воевода П. М. Салтыков в 1675 г., раздав их вместо денежного жалованья тобольским служилым людям⁴. Тогда, когда это было необходимо, подарки от кочевников могли раздать пашенным крестьянам: «а лошади, которыми колмацкой тайша нам челом ударили и вам в поминках дали, розданы для нашей пашни пашенным крестьяном»⁵.

Низкое качество присланных даров было причиной их возврата дипломатическим представителям, прибывшим из степи: «бабр, государь, да барс без лап и черной морской зверь и полбарса велели им отдати, потому что принять их в твою государеву казну непристойно: худы, ни х чему не годятца»⁶. Практика возврата подарков была распространена в дипломатической культуре Российского государства в XVI–XVII вв. Дары, присланные государю, как правило, возвращались из-за плохого качества, характера отношения государя к контрагенту или его представителю – дипломату, статуса самого контрагента⁷.

Подарки могли не направлять в Москву и по требованию самих дипломатов, приехавших из улусов для проведения переговоров. Прибывшие в Тобольск в 1648 г. послы от дербетского тайши Даян-Омбо требовали вернуть им их «поминки» в том случае, если государь не разрешит им ехать в Москву. Воевода И. И. Салтыков в отписке в Посольский приказ, пытаясь добиться решения по допуску посланников в столицу,

¹ РМО. 1636–1654. С. 290–291.

² РМО. 1654–1685. С. 203.

³ Там же. С. 219.

⁴ Там же. С. 284, 288.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 71. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 188; РМО. 1636–1654. С. 306.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 212. См. также: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 36; РМО. 1607–1636. С. 309; РМО. 1636–1654. С. 218; РМО. 16354–1685. С. 72, 415.

⁷ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 53; Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол. С. 100; Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 71.

излагал требования ойратов, что в случае, если им не разрешат ехать к царю, то «те б поминки отдать ему (послу. – Д. П.) назад»¹. Судя по помете, оставленной на документе, было указано отправить посольство назад, обещав им «государеву милость», которая «будет к ним вперед»², что позволяет утверждать, что подарки не были переданы государю в Москву.

Презентабельные подарки, которые можно было представить перед царем и записать их «в приход», т. е. определить в царскую казну, направлялись в Москву вместе с посольством от кочевников или отдельно от посольства в сопровождении служилых людей³. Воеводы перед отправкой подарков в Москву опечатывали их печатью сибирского города⁴. Печать свидетельствовала, что подарки взяты на казенный учет, а также гарантировала безопасность доставки в столицу присланных подарков. В Москве дары от кочевников-контрагентов подлежали оценке, после чего их распределяли в профильные приказы – Казенный, Оружейный (Оружейная палата), Конюший и др.⁵

Воеводы могли запрашивать у центральных органов власти указания по поводу «запросов», которые поступали к ним от контрагентов. Так, тобольский воевода М. М. Темкин-Ростовский в 1639 г. узнавал у Сибирского приказа информацию о том, каким образом поступить с просьбой джунгарского Эрдени Батура-хунтайджи прислать ему «пансырь», который бы смог защитить от выстрела пищали. «А что, государь, бил челом тебе, государю, – писал воевода, – контайша о пансыре, и в Тобольску, государь, пансыря доброво купить не добыть»⁶. Судя по пометам на отписке воеводы, которая была доложена царю Михаилу Федоровичу, просьба была удовлетворена⁷. Однако ответное указание долго шло в Тобольск, поэтому П. И. Пронский, сменивший на должности М. М. Темкина-Ростовского, вновь запрашивал распоряжение, посылая в Сибирский

¹ РМО. 1636–1654. С. 335.

² Там же. С. 336.

³ Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / [Сост. В. А. Есипов, Г. Н. Старикова]. Томск, 1999. С. 66; РМО. 1636–1654. С. 321, 364, 375; РМО. 1654–1685. С. 20, 120, 201, 212, 222, 275, 282; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 36.

⁴ См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 24; РМО. 1654–1685. С. 258, 283–284, 360, 371, 374.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 135; МОЦА. С. 105; РМО. 1636–1654. С. 240; РМО. 1654–1685. С. 85, 161, 166, 196, 212.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 154.

⁷ Там же. С. 154.

приказ свою отписку с изложением сведений о русско-джунгарских отношениях¹. Схожая ситуация сложилась в 1675 г., когда в Томск приехали посланники от хотогойтского алтын-хана Лубсан Саин Эринчини с просьбой прислать к нему «государево жалованье». Царские подарки еще в 1667 г. были доставлены из Москвы в Томск. Однако тогда их послать к алтын-хану не смогли, поскольку в этом году стало известно, что он был разбит и пленен джунгарским тайджи Сенге, после чего дипломатическая коммуникация между русскими и хотогойтами на время прекратилась. И лишь в 1675 г. томский воевода Д. А. Барятинский запросил в Сибирском приказе разрешение направить Лубсану причитавшееся ему «государево жалованье»².

Таким образом, власть и на региональном, и на центральном уровне понимала важность обмена подарками и была заинтересована в поддержании дипломатической коммуникации, в том числе и при помощи дарообмена. Это, в свою очередь, нашло отражение в нормативно-распорядительной и отчетной документации, содержащей сведения, рекомендации и предписания о реализации дарообменных практик в российско-кочевнических отношениях.

Циркуляция даров в ходе дипломатических отношений между российской и кочевой сторонами воспринималась современниками именно как дарообмен. Преподнесение подарка предполагало получение ответного дара в виде материального какого-то атрибута (символа), в виде «чести» или «службы». Томский сын боярский В. Старков, находившийся в улусах хотогойтского ноена Тайчина в 1638 г., констатировал в своем статейном списке, что кочевники взяли предназначенные им подарки, но «за то нам от Тойчин-нояна отдарья никакого не было»³. «Царевич» (будущий алтын-хан) Лубсан Саин Эринчини заявил русскому дипломату пятидесятнику С. Боборыкину, что во время нахождения его посланников в Томске в 1660 г. сын боярский С. Греченин сказал, что «вы просите у великого государя подарков много, а против де тово вашему князю Сайн-контайче отдарить великому государю будет ли чем?»⁴. Представители российской власти отчетливо понимали механизм работы

¹ Там же. С. 172. См. также: Там же. С. 184, 214.

² РМО. 1654–1685. С. 276–277. См. также: Там же. 337–338. О событиях джунгаро-хотогойтской войны 1666–1667 гг. см.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства... С. 142; *Шастина Н. П.* Русско-монгольские... С. 99; *Она же.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. С. 393.

³ РМО. 1636–1654. С. 123.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 73. См. также: Там же. С. 80.

дарообмена, что выразилось в логичном вопросе, который был задан дипломатам хотогойтского правителя. Ведь за подарки должны следовать «отдарки».

В коммуникации российской власти с центральноазиатскими кочевниками ситуации, в которых осуществлялся обмен подарками (или только акт одаривания), могли быть разными. Они зависели от территории и места, где находились участники диалога, от конкретной обстановки и характера взаимоотношений между российской и кочевой сторонами.

Во-первых, обмен подарками происходил во время поездок русских дипломатических миссий в ставки центральноазиатских кочевников¹. Дипломаты, прибывшие на переговоры, передавали «государево жалованье», а в тех случаях, когда это требовала ситуация, воеводские и / или свои личные подарки во время приемов у кочевого правителя, а также на встречах с представителями кочевой элиты, которые проявляли интерес к прибывшему посольству. Одаривание «государевым жалованьем» могло происходить и после произведенной в ставках кочевников процедуры шертования. В ритуале дарообмена могли принимать участие как сами руководители посольства, так и входившие в состав миссии служилые люди, которые выполняли вспомогательные функции².

Во время нахождения в улусах номадов русские дипломаты могли принимать ответные дары, предназначенные как государю, так и им лично. Контрагенты не всегда одаривали членов посольства. Однако подобные случаи все же были. В 1663 г. хотогойтский алтын-хан Лубсан Саин Эринчини дал «для государского величества» подарки не только руководителю миссии З. Литосову, но и всем участникам посольства³. Аналогично поступил джунгарский тайджи Сенге в 1666 г., когда принимал посольство томского сына боярского П. Кульвинского⁴.

Во-вторых, дарообмен мог осуществляться в ходе проезда русских дипломатических миссий по территории какого-либо улуса кочевников. В таком случае акцепторы (те, кто принимал дары) не являлись основной целевой аудиторией, которой

¹ РМО. 1607–1636. С. 57, 137, 138, 206, 208, 212, 234, 235; РМО. 1636–1654. С. 19, 34, 39, 44, 45, 46, 49–50, 54, 59–64, 66, 114–116, 120, 122, 126, 127, 143, 146–148, 152, 175, 192, 196, 202–207, 217, 218, 227, 237, 248, 337, 350, 353, 364, 369, 374; РМО. 1654–1685. С. 93–95, 107–108, 117, 140, 148, 150, 151, 152, 185–186, 188, 194, 198, 220, 247, 309, 315, 324, 336, 367.

² См., например: РМО. 1636–1654. С. 62–64, 132–133, 147–148; РМО. 1654–1685. С. 190.

³ См., например: РМО. 1654–1685. С. 95.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 152, 155.

предназначались подарки¹. Как правило, дарообмен сводился к формату «подарок–услуга»: дипломаты одаривали представителей властной элиты, в том числе и самих «вождей», а они в ответ на подарки должны были оказывать услуги, или выражаясь языком рассматриваемого периода, «службы», что проявлялось в безопасной поездке через их улусы до цели назначения, предоставлении «корма» или подвод.

В-третьих, одаривание «государевым жалованьем» могло происходить на «нейтральной» территории, куда специально приезжали служилые люди с целью раздать царские подарки. Случалось, что в ходе предварительных переговоров представителей российской власти с калмыками стороны приходили к совместному решению об отправке своих делегаций к «соленому озеру» (оз. Ямыш). Там уже происходил акт одаривания «жалованьем»².

В-четвертых, раздача подарков осуществлялась в сибирских городах, когда дипломатические миссии от кочевых правителей прибывали для переговоров³. В таком случае «государево жалованье» раздавали сами воеводы или приказчики. Они же и принимали дары, которые привезли с собой дипломаты. Если подарки предназначались государю и был санкционирован пропуск посольства в Москву, подарки «объявлялись» воеводам, которые их описывали и, если требовалось, печатавали, а затем вместе с посольством, в сопровождении сибирских служилых людей, направляли в столицу.

Однако не все дипломатические миссии из центральноазиатских степей пропускали в Москву. Те посольства, которые не были удостоены «чести» быть допущенными до русского царя, передавали подарки воеводам. Воеводы же одаривали в ответ подарками или, что было чаще всего, снаряжали ответное посольство, которое доставляло «государево жалованье».

В-пятых, одаривание «жалованьем» совершалось в Москве⁴. Это происходило тогда, когда посольства из степи допускались в столицу, где они могли быть удостоены «чести» видеть «государевы очи». Если посланники были допущены до царской

¹ РМО. 1607–1636. С. 121; РМО. 1636–1654. С. 32, 33, 52, 103, 105, 132, 134–136; РМО. 1685–1691. С. 319.

² РМО. 1607–1636. С. 38, 39; РМО. 1636–1654. С. 224–225.

³ РМО. 1607–1636. С. 100, 101, 128, 132, 135, 166, 182–183; РМО. 1636–1654. С. 24, 88, 89, 123, 146, 343; РМО. 1636–1654. С. 195, 211, 246, 283, 331; РМО. 1685–1691. С. 90, 118, 126, 138, 149, 152, 159; МОЦА. С. 105.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 33, 34, 41, 67, 74, 98, 99, 153, 288; РМО. 1636–1654. С. 95, 262; РМО. 1654–1685. С. 85, 99, 161, 167, 169, 267, 286; Бутанев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 178; РКО в XVII в. Т. 2. С. 635.

аудиенции, то во время ее проведения их одаривали царским «жалованьем». Эти подарки были предназначены лично дипломатам. Также во время их нахождения в столице представители российской власти объявляли им «жалованье», которое было адресовано контрагенту, приславшему посольство¹.

Подарки, которые привозили из степи кочевники или передавали в ставках правителей русским дипломатам, были разнообразными. Ассортимент даров был обусловлен хозяйственно-культурным укладом тюркских и монгольских народов, а также торгово-экономическими связями между ними, окрестными государствами и политическими образованиями.

Анализ документов позволил установить, что коней (каурых, саврасых, чалых, иноходцев) чаще всего направляли ойраты (дербеты, торгоуты, джунгары), но при этом такие подарки не были исключительно «ойратскими», поскольку их присылали и другие монголоязычные кочевники². Присылали жители степей и принадлежности для конной езды – седла, стремяна, узды³. Хотогойты, джунгары, хошоуты, халхасцы в качестве подарков могли подносить ткани (атласы, камки, бархат) разных цветов и размеров⁴; одежду и ее элементы – шубы, чуги, азямы, «лабашак», кушаки⁵; предметы обихода – зеркала, чашки, кружки, тарелки, стопки, «сосудцы», кувшины, ларцы⁶; драгоценности – «золота усичек», «камень-хрусталь», «лал», яхонт⁷; чай⁸. Среди даров встречались меха –

¹ См., например: РМО. 1654–1685. С. 168; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 178.

² См., например: РМО. 1607–1636. С. 46, 53, 71, 100, 101, 133, 135, 137, 184, 189; РМО. 1636–1654. С. 24, 70, 153, 184, 190, 212, 240, 247, 276, 306, 325, 334–335, 343, 362, 373; РМО. 1654–1685. С. 23, 25, 62, 124, 146, 195, 213, 247, 253, 283, 339, 367, 392, 435, 440; РМО. 1685–1691. С. 90; РКО в XVII в. Т. 2. С. 185–186; МОЦА. С. 105.

³ РМО. 1636–1654. С. 373; РМО. 1654–1685. С. 23, 24, 85, 94, 108, 213, 370, 453, 454; РКО в XVII в. Т. 2. С. 185–186.

⁴ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 1; РМО. 1636–1654. С. 129, 155, 157, 160, 161, 217, 326, 333, 376, 419; РМО. 1654–1685. С. 20, 23, 24–25, 62, 85, 94, 97, 107, 108, 123, 124, 155, 159, 166, 167, 169, 195, 213, 219, 221, 236, 247, 452–453, 454, 259, 274, 283, 286–287, 332, 339, 367, 370, 392, 415, 435, 440; РМО. 1685–1691. С. 90, 118, 126, 149, 159.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 138; РМО. 1654–1685. С. 206, 23, 123, 155.

⁶ Первое столетие освоения Сибири русскими... С. 65–66; РМО. 1636–1654. С. 155, 319, 321, 333, 352, 388; РМО. 1654–1685. С. 94, 124, 159, 166, 167, 195, 236, 247, 259, 274, 286–287, 339, 367.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 319, 321, 333; РМО. 1654–1685. С. 94, 167, 195, 211, 219, 222, 236, 247, 259, 274.

⁸ РМО. 1636–1654. С. 129, 157, 160, 392.

соболи, бобры, барсы, рыси, ирбисы, лисицы, росوماхи¹, а также «морской зверь»², «китайская звериная кожа, а называют ее короля выдра»³. Хотогойты, а иногда и джунгары, присылали (вместе или раздельно) предметы воинского снаряжения – куяки, нагрудники, наручни, «зарукавья», шишаки, шлемы, «шапки железные», лук, стрелы, «лубья саадашные»⁴.

Есть сведения, что хотогойты направляли в качестве подарков даже коров⁵ и верблюдов⁶. Среди подношений от хошоутского тайши Аблая числился «беркут в клобучке удержаной»⁷. Встречались среди подарков и ясыри (пленные), которых прислали калмыки и хотогойты⁸. Причем хотогойтский алтын-хан Лубсан Саин Эринчини послал «малого» (мальчика), взятого в плен в ходе хотогойтско-халхаской войны 1660-х гг.: «как ходил войною на Калку, и у Калки улусных людей повоевал с 50000, и с того де бою прислал к великому государю с ними Калкина улусу взятого малого»⁹. От хошоутского Очирту сэцэн-хана в 1669 г. был привезен «шатер миткалинной большой»¹⁰. В 1672 г. послы от джунгарского Галдана Бошокту-хана привезли среди подарков «2 камня», которые воевода не смог идентифицировать, отписавшись в Москву, что «какие каменья, того он не ведает»¹¹. В 1681 г. джунгарский посланец Абдул-зайсан привез от Галдана Бошокту-хана корень ревеня¹².

В 1684 г. посланцы джунгарского Галдана Бошокту-хана привезли подарки иркутскому письменному голове Л. К. Кислянскому, среди которых числились «демзой» (табак) и «ледоватый сахар» «на блюде»¹³. Во время русско-халхаских переговоров,

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 4; Ф. 126. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 1; РМО. 1607–1636. С. 93, 179, 184–185, 189, 211, 213, 296; РМО. 1636–1654. С. 24, 65, 73, 75, 129, 155, 157, 160, 161, 182, 199, 212, 217, 240, 247, 258, 276, 334–335, 343, 373, 376, 419; РМО. 1654–1685. С. 20, 23, 24–25, 62, 80, 85, 94, 97, 107, 124, 146, 159, 166, 167, 169, 181, 211, 213, 219, 222, 236, 246, 253, 452, 454, 259, 283, 332, 339; МОЦА. С. 105.

² РМО. 1636–1654. С. 212.

³ РМО. 1654–1685. С. 62, 370.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 184, 211, 213, 296; РМО. 1636–1654. С. 199, 240; РМО. 1654–1685. С. 85, 107, 108, 123, 146, 159, 166, 195, 221, 222, 453; МОЦА. С. 105.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 326; РМО. 1654–1685. С. 124.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 124.

⁷ Там же. С. 453.

⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 36, 42; РМО. 1607–1636. С. 173, 309; РМО. 1654–1685. С. 124.

⁹ РМО. 1654–1685. С. 159, 166.

¹⁰ Там же. С. 213.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Там же. С. 370, 373–374, 389.

¹³ Там же. С. 436.

проводимых в Селенгинске в 1688 г., дипломаты от ургинского Ундур-геген хутухты (джебцзун-дамба-хутухты) преподнесли Ф. А. Головину, помимо бархата, камок и шелкового пояса, еще и овощи, 2 чашки сахара, 2 стопы с ягодами, 2 блюда китайских яблок, патоку 10 фунтов, муку пшеничную и «сарочинское» пшено¹.

Не отличались особым разнообразием «поминки» и подарки, которые давали енисейские киргизы и алтайские телеуты. Как правило, это были меха животных – лисиц, куниц, соболей, однако встречались и лошади². Являясь по сути подарками, «поминки», которые давали тюркоязычные кочевники, по своему составу были похожи на ясак.

Подарки от кочевых правителей могли быть комбинированными и многосоставными, т. е. включавшими в состав несколько предметов дарообмена: «в поминках девять коней серых, четыре бобра, четыре китайки золотные, да седло оправлено золотом»³, «послал к вам, государю, 3 ельбарса да ирбиз с ногами и с ногтями да 3 рыси, да камку красную, да камку жолту, да бархат, да наручи, да иноходец»⁴. Имеются примеры и односоставных подарков, т. е. состоявших из одного предмета: «да Имес нам ударил челом лошедь»⁵ «прислал тебе, государю, челом ударити конь чюбар»⁶. Встречаются также однотипные подарки, включавшие дары одного типажа: «прислал тебе, государю, челом ударити 2 коня, конь гнед да конь сер»⁷; «с ними прислали тебе, государю, челом ударити 5 коней: конь игрень, конь солов, конь сер, конь пег, конь гнед»⁸. Состав подарков зависел от политических целей, преследуемых самими контрагентами, стремлениями получить от царя большее «вознаграждение» и в целом от экономического состояния кочевого общества в каждый конкретный момент времени.

По своим характеристикам подарки, привезенные от центральноазиатских кочевников, нередко были «худые», т. е. плохого качества⁹. Тобольский воевода А. И. Буйносов-Ростовский докладывал в 1657 г. в Сибирский приказ, что ему стало

¹ РМО. 1685–1691. С. 126.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 2; АИ. Т. 4. С. 49; РМО. 1636–1654. С. 364; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 416; Он же. История Сибири. Т. 3. С. 242; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 14, 66–67, 72.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 15. Д. 44. Л. 13–14.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 80. См. также: Там же. С. 211, 213.

⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 242.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 101.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 36, 42; РМО. 1607–1636. С. 309; РМО. 1636–1654. С. 212, 344; РМО. 1654–1685. С. 25, 50, 51, 196; РМО. 1685–1691. С. 149.

известно от русских дипломатов, побывавших в улусах калмыков, что кочевники посылают к царю «добрых» лошадей, однако посланники от контрагента, ответственные за доставку подарков, их «воруют», меняя во время поездки «для своей корысти» или продавая «всяким людям», и приводят в сибирские города в качестве подарков царю уже «худых» и «старых» лошадей¹.

Подарки от российского монарха – «государево жалованье» – обычно были представлены предметами текстиля и текстильного производства – тканями (сукнами, камками), одеждой («платьем» / «платном», однорядками, кафтанами), реже – головными уборами (шапками)², украшениями («корольками»)³. Направляли в степь также кубки и братины⁴. В качестве «жалованья» выступали шкуры животных – выдр, бобров, соболей, рысей, зайцев, песцов⁵, а также кожа (юфть)⁶. Посылали и самое дорогое изделие из пушного зверя – соболью шубу⁷. Направлялось в качестве царских подарков оружие и предметы воинского снаряжения – пищали, «панцыри», сабли⁸. Один раз встречается упоминание об отправке колокола в качестве подарка⁹. В состав «государева жалованья», которое направляли в степь, могло входить и вино¹⁰. Единично в составе «подарочной казны» встречались следующие предметы: «дюжина очков»¹¹; «трубка приводная» / «трубка далекозрительная»¹²; зеркала¹³.

¹ РМО. 1654–1685. С. 23. См. расценку и характеристику лошадей: Там же. С. 25, 50.

² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 18, 37; РМО. 1607–1636. С. 121, 128, 132, 133, 135, 137, 138, 153, 166, 176, 182–183; РМО. 1636–1654. С. 24, 44–46, 49–50, 52, 59–64, 66, 70–71, 88, 95, 120, 151, 152, 172, 175, 183, 192, 195, 196, 202–203, 211, 218, 220, 226, 227, 236, 237, 248, 263, 283, 284, 286, 317, 318, 325, 330, 331, 336, 340, 343, 344, 345, 350, 353, 362, 365, 369, 393; РМО. 1654–1685. С. 23, 87, 93, 98, 104, 106, 116, 129, 136, 139, 148, 151, 167, 168, 175, 181, 183, 192, 194, 207, 220, 248, 259–260, 276, 286, 296, 297, 308, 324, 331, 333, 362, 372; РМО. 1685–1691. С. 75, 94, 138, 162; МОЦА. С. 101.

³ РМО. 1636–1654. С. 369, 393; РМО. 1654–1685. С. 116, 136, 168, 194, 248, 276, 333.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 202–203, 211, 336, 345, 350, 365; РМО. 1654–1685. С. 87; РМО. 1685–1691. С. 138.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 248, 317, 318, 330, 331, 340; РМО. 1654–1685. С. 106, 139, 220; РМО. 1685–1691. С. 75, 94–95, 138, 152, 162.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 93, 104, 116, 136, 167, 168, 194, 248, 276, 296, 308; РМО. 1685–1691. С. 94–95, 138, 152, 162.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 136, 168.

⁸ РМО. 1654–1685. С. 393; РМО. 1654–1685. С. 18, 22, 93, 194.

⁹ РМО. 1654–1685. С. 22.

¹⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 9–10; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 164; РМО. 1636–1654. С. 207; РМО. 1654–1685. С. 181; Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 22.

¹¹ РМО. 1654–1685. С. 93, 167.

¹² Там же. С. 93, 167.

¹³ Там же. С. 296, 297, 308.

Один раз в источниках встречается указание на то, что представители российской власти пытались выявить предпочтения своих контрагентов. Грамота из Казанского приказа 1607 г. предписывала тарским воеводам следующее: «розведав допряма, что у них (калмыков. – *Д. П.*) чеснее в нашем государстве, чем нам их в дарех пожаловати, сукнами или камки или иное что, а мелким людем какая б рухлядь давати»¹. В остальных случаях российская власть не давала такие предписания. Это обусловлено тем, что имеющийся опыт взаимоотношений с нехристианскими народами, в том числе с кочевыми, был экстраполирован на дипломатические отношения с центральноазиатскими номадами. Именно поэтому отпала потребность узнавать предпочтения контрагентов.

В качестве «государева жалованья» стандартно использовались ткани. Однако по особым случаям ассортимент «государева жалованья» был несколько богаче, чем обычный набор. Как правило, это было обусловлено каким-то важным событием, например, вступлением в подданство российскому монарху крупных государственных образований севера Центральной Азии. Надо полагать, таким (в представлении Москвы) являлось государство хотогойтских алтын-ханов. Так, алтын-хану Омбо Эрдени в 1634 г. было послано «государево жалованье» в следующем составе: «2 кубка серебрены с кровлеми золочены, весом по 4 гривенки, братина серебрена золочена чеканная в 4 гривенки, тесак прорезной, оправа серебрена, золочена, чеканная с камнем с яхонты и с лалы из бирюзы, ценою в 60 рублей, отлас двойной, 2 портища сукна скорлату червчетого по 5 аршин портище, 3 половинки сукон розными цветы лундышей добрых»². Такой обширный список подарков был связан с тем, что посольство дворянина Я. Е. Тухачевского, которому и было предписано доставить «жалованье», должно было привести в подданство хотогойтского правителя. Этому акту российская власть придавала большое значение, стремясь показать контрагенту богатство «великого государя». Такие подарки должны были подкрепить шерть (присягу), запустить ее механизм в действие.

В том случае, когда кочевники желали добиться большего вознаграждения, они присылали подарки не только царю, но и членам царской семьи. Это практиковалось в русско-хотогойтских отношениях. Алтын-ханы, их супруги, дети, братья, а также лама направляли свои подарки («дань») не только царю Михаилу Федоровичу, а после его

¹ РМО. 1607–1636. С. 23.

² РМО. 1607–1636. С. 192, 198.

смерти – Алексею Михайловичу, но и членам царской семьи – царицам Евдокии Лукьяновне (1630-е гг.), Марии Ильиничне (1660-е гг.), царевичам Алексею Михайловичу (в период до его воцарения в 1645 г.), Ивану Михайловичу (1630-е гг.)¹. Российская сторона отвечала «пожалованиями», которые декларировались не только от царя, но и от его сыновей – царевичей².

Царские подарки, предназначенные контрагентам и их представителям, подготавливали либо в Москве, либо в Сибири. Если дипломатическая миссия, прибывшая в Российское государство, была удостоена «чести» быть на приеме у государя или приказного дьяка (а иногда и судьи Посольского приказа), то «подарочная казна» собиралась из хранилищ московских приказов. Оттуда же брали необходимые предметы и тогда, когда органы власти принимали решение направить подарки из Москвы в Сибирь в связи с отсутствием в сибирских городах необходимых вещей. Во всех двух названных случаях комплектация «государева жалованья» осуществлялась из хранилищ какого-то из приказов – Казенного, Оружейного (Оружейной палаты), Посольского, Приказа серебряного дела³. Правда, иногда источники не содержат информацию о том, из какого конкретно приказа были направлены дары⁴. Но не будет ошибочным предположение, что, даже в случае отсутствия конкретики в документах, «жалованье» комплектовалось из запасов какого-то из названных органов управления.

Предметы, предназначенные для раздач в качестве подарков во время активных переговоров Ф. А. Головина с халхаскими правителями, направлялись либо из запасов Сибирского приказа, посланных вместе с посольством в Забайкалье, либо брались из местных запасов в сибирских городах⁵. При этом документация, имеющая отношение к деятельности Ф. А. Головина, нередко содержит упоминания об отправке подарков «из государственной казны», не конкретизируя, откуда именно были посланы дары⁶. Однако в любом случае подарки брались из числа запасов, числившихся на казенном учете.

¹ РМО. 1636–1654. С. 73, 75, 76, 86, 99, 137; РМО. 1654–1685. С. 159, 166.

² РМО. 1636–1654. С. 100, 128.

³ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 68–69; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 187 об.; РМО. 1607–1636. С. 192; РМО. 1636–1654. С. 182, 263, 396, 398; РМО. 1654–1685. С. 98, 99, 129, 276, 297; РКО в XVII в. Т. 2. С. 634.

⁴ См., например: РМО. 1636–1654. С. 336; РМО. 1654–1685. С. 172, 174–175, 203; Исторические акты. Вып. 1. С. 26.

⁵ РМО. 1685–1691. С. 75, 412; РКО в XVII в. Т. 2. С. 71.

⁶ РМО. 1685–1691. С. 76, 107; РКО в XVII в. Т. 2. С. 102, 103–104, 169, 212, 218, 257, 295, 622, 630.

Перед отправкой из Москвы в Сибирь «государево жалованье», по всей видимости, опечатывалось сургучными печатями. Об этом позволяют утверждать единичные сведения о том, что «на посылках для ведома пришиты ерлыки и на концах запечатано сергучем»¹, «концы у сукон и у камок и кожи и корольки запечатаны сургучем»².

Нормативно-распорядительная документация предписывала воеводам проверять направленное из Москвы «государево жалованье» после того, как оно будет доставлено в сибирский город. Объявленные находившимся в столице послам от кочевников подарки (или необъявленные, если посольство от кочевников не было в Москве), требовалось сверять с росписями, содержащими перечень и количество вещей, которыми царь «пожаловал» своего контрагента³.

Комплектация «государева жалованья» в Сибири осуществлялась за счет местных предметов, имевшихся в распоряжении воевод. Так, джунгарского Эрдени Батура-хунтайджи в 1640 г. было решено «пожаловать» подарками, которые, как предписывала грамота из Сибирского приказа, тобольскому воеводе П. И. Пронскому необходимо было послать из местных запасов, «взяв в цену в Тобольску или в-ыных сибирских в ближних городех у каких людей сыщется, а денег за то за все указали есмя дать из нашей казны ис тобольских доходов»⁴. «Жалованье», посланное в 1642 г. к тому же хунтайджи с тобольским посольством Я. Буголаковым, комплектовалось в Таре. Русский посол специально из Тобольска отправился в Тару, где ему следовало взять необходимые подарки (собак, свиней, борова), после чего ехать к джунгарам, ожидавшим его на оз. Ямыш⁵. Случаи покупки товаров для отправки их в качестве «государева жалованья» были обычным явлением в практике дарообмена в российско-кочевнических отношениях⁶. В качестве «жалованья» могли посылать и шкурки животных, собранные в ходе ясачного сбора⁷. «Жалованье» в ответ на «запросы» (просьбы) могли посылать по раздельности: часть из Москвы, а часть из Сибири⁸.

¹ РМО. 1654–1685. С. 172.

² Там же. С. 248.

³ РМО. 1636–1654. С. 18, 337, 345; РМО. 1654–1685. С. 173, 206; РКО в XVII в. Т. 2. С. 634.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 202–203.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Там же. С. 243, 256, 373; РМО. 1685–1691. С. 75; *Шастина Н. П.* Русско-монгольские... С. 146.

⁷ Первое столетие освоения Сибири русскими... С. 12.

⁸ РМО. 1636–1654. С. 368.

Русские дипломатические миссии, ездившие с поручениями в степь, имели при себе определенные запасы вещей, которые были предназначены для «раздач» родственникам и прочим приближенным лицам контрагентов. Эта мысль подтверждается тем, русские посольства довольно активно одаривали также членов властной элиты и тех, кто в момент совершения посольства находился в ставке и изъявил желание быть «пожалованным» подарками¹. Воеводы или приказчики, снаряжая посольство, снабжали дипломатов всеми необходимыми вещами, которые могли пригодиться во время исполнения поручений русскими посланниками. Это также позволяет утверждать, что представители российской власти, ответственные за снаряжение посольства, хорошо понимали психологию восточных, в частности кочевых, народов. В связи с этим мы допускаем, что в тех случаях, когда источники не упоминают дарообменные практики (как во время переговоров в улусах, так и в Сибири), они все же могли происходить во время переговорного процесса.

Кочевники исходя из своих мировоззренческих установок, политических устремлений, а также хозяйственного уклада часто запрашивали у представителей российской власти (посланников или управленцев) конкретные предметы, которые были им необходимы для удовлетворения своих потребностей. Обратим внимание, что Российское государство к моменту установления отношений с кочевым населением севера Центральной Азии уже имело опыт с подобным форматом коммуникации. «Запросы» активно фигурировали в русско-крымских и русско-ногайских отношениях².

На центральноазиатском направлении внешней политики России практика «запросов» была распространена в отношениях с монголоязычными народами (джунгарами, хошоутами, халхасцами, хотогойтами), а также тюркоязычными алтайскими телеутами. Енисейские киргизы и орчаки (тувинцы) не делали каких-то «запросов».

Механизм «запросов» работал следующим образом. Кочевники составляли список необходимых им предметов и вещей (а иногда людей). Свои «запросы» они озвучивали русским дипломатам в ходе переговоров или уведомляли русских властей об этом через

¹ РМО. 1607–1636. С. 206, 208, 212; РМО. 1636–1654. С. 44–45; РМО. 1654–1685. С. 188.

² Моисеев М. В. Эволюция и содержание... С. 24, 27–28; Хорошкевич Л. А. Русь и Крым. С. 259–271.

своих посланников, прибывших в Сибирь¹. Кроме того, они могли составлять письма («листы»), где излагали то, что они хотят получить от русской стороны². Причем хотогойтский алтын-хан, его родственники и члены семьи, а также лама излагали свои просьбы в письмах не только государю, но и его супруге – царице, и даже царевичам³.

«Запросы» от номадов в течение XVII в. поступали периодически, но не имели какой-то четкой последовательности. Анализ делопроизводственной документации позволил выявить основные «запросы», которые поступали от кочевников. Представим информацию в виде таблицы (Табл. 4).

Таблица 4.

Практика «запросов» от кочевников Центральной Азии в XVII в.

Контрагент	Количество запросов	Ответы на запросы			
		Удовлетворено		Не удовлетворен	Неизвестно
		полностью	частично		
Хотогойтский алтын-хан ¹	21	5	7	9	
Халхаские хунтайджи, ханы, хутухты	4	2		1	1
Джунгарские хунтайджи, тайши	15	4	1	3	7
Хошоутские тайши и тайджи	4	1			3
Телетуский князец	1	1			
Итого	45	13	8	13	11

Примечание: ¹ в т. ч. представители семьи алтын-хана, родственники, а также хотогойтский лама.

Составлено по: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 42; РМО. 1607–1636. С. 65, 68, 69, 80, 96, 241, 243, 262, 290, 291, 296–298; РМО. 1636–1654. С. 18, 38, 73, 74, 75, 77, 100, 122, 125, 139, 153, 155, 157, 171, 172, 191, 192, 202–203, 208, 213, 217, 218, 219, 224–225, 227, 236, 243, 247, 250, 258, 276, 334, 338, 367, 368–369, 419; РМО. 1654–1685. С. 20–21, 125–126, 166, 194, 214, 215, 248–249, 275, 392; РМО. 1685–1691. С. 138.

¹ См., например: РМО. 1607–1636. С. 65, 69; РМО. 1636–1654. С. 153, 171, 191, 194, 208, 213, 216–217, 219, 227, 250, 276; РМО. 1654–1685. С. 214–215.

² См., например: РМО. 1607–1636. С. 80, 241; РМО. 1636–1654. С. 73, 75–77, 235–236, 247–248, 334, 374, 419; РМО. 1654–1685. С. 125–126.

³ РМО. 1636–1654. С. 73, 75–77.

В течение XVII в. от кочевников в устном или письменном виде поступило не менее 45 «запросов». Из них установлено, что было удовлетворено 13, частично удовлетворено – 8, не удовлетворено – 13. В 11 случаях не удалось установить конкретное решение по «запросу».

Наибольшее количество «запросов» поступило от хотогойтской элиты – 21 (47% от всех «запросов»), 9 из которых остались без удовлетворения, поскольку коммуникация между российской и хотогойтской сторонами прерывалась, а 12 «запросов» были удовлетворены (полностью или частично).

В 21 случае российская власть удовлетворила «запросы» (полностью или частично), что составляет 46% от всех «запросов». В случаях, когда мы не располагаем сведениями о результатах удовлетворения «запросов», не исключено, что ответ со стороны российской власти был отрицательным.

Со стороны кочевников поступали следующие «запросы». В 1617 г. калмыцкий тайша Тургень просил у государя, чтобы тот прислал к нему лекаря¹. От джунгарских хунтайджи в разное время поступали просьбы прислать им такие предметы: «пансырь доброй» («чтоб ево пищаль не няла»); пищали («пищаль мерную, чтоб в дву перестрелищах из лука била в цель», «винтовальную»); збрую; свинец; «для плоду на завод» свиней, вепрей, петухов («петухов немецких»), куриц («индийских», «немецких»), боровов, собак «постельных малых», «песиков»². Иногда джунгары просили жемчуг, красные «корольки», «листы золота», сукна, шкурки выдр, «Айгучайков пансырь» либо «пансырь» мурзы Кайдавула³. В 1651 г. от Эрдени Батура-хунтайджи последовала просьба прислать по два человека каждой ремесленной профессии – плотников, каменщиков, кузнецов, бронников⁴. Если просьбы прислать оружие, доспехи, украшения кажутся вполне логичными, то просьбы выслать животных и ремесленников выглядят вполне «экзотическими». Однако их можно объяснить тем, что джунгарский Эрдени

¹ РМО. 1607–1636. С. 69.

² РМО. 1636–1654. С. 153, 171, 191, 194, 213, 217, 219, 227, 236, 247, 250, 276, 367.

³ Там же. С. 208, 213, 227, 276, 334.

Под «пансырем» Аиткула Айгучайкова, вероятно, подразумевался боевое облачение, принадлежавшее атаману Ермаку, которым стремились завладеть ойратские тайши. См. подробнее о доспехах Ермака: Худяков Ю. С. Изображения доспехов Ермака на рисунках XVII века (по материалам Ремезовской летописи) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 301–310.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 367.

Батур-хунтайджи построил «городок» Кобук-Саур, где завел пашню и пытался развивать оседлое хозяйство¹.

Хошоуты запрашивали у «великого государя» оружие (пищали, сабли), предметы воинского снаряжения (куяк, «пансырь»), меха (выдр, горностаев), текстиль (камки, атласы, сукно), кожаные изделия (юфти, «ласиных немецких кож, которых стрельба не возьмет»), а также единожды просили прислать кречетов².

От халхаских правителей поступали «запросы», чтобы царь прислал к ним: «аргамака доброго», сукна, украшения («корольков»), кожаные изделия (юфти)³. В 1682 г. Шидишири Батур-хунтайджи просил прислать ему 20 тулонов пшеничной муки, поскольку она была необходима для «книжного дела»⁴. В 1688 г. Ф. А. Головин выдал посланцу Ундур-геген хутухты «по прошению ево»: «запоны хрустальные граненые французского дела в серебре», братину серебряную, немецкие шелковые чулки, 40 песцов, «монастырек немецкой со всякою мелочью»⁵.

От хотогойтов поступали просьбы прислать сукна («червчатые», желтые, «розными цветы»; атлас), одежду («платно золотное и с серебром»), украшения (жемчуг, «корольки»), драгоценности (золото, серебро, янтарь, «каменей добрых розными цветы»), оружие (пищали, сабли, лук), предметы воинского снаряжения («железа, в чем твои государевы люди на войну ездят»), атрибуты для конской езды (седла, узды), меха пушных зверей (лисиц «красных» / «черных»), предметы обихода (кубки, «судна», котлы серебряные, «трубку маленькую суренку», «трубку с стеклы»), аргамаков, «парпьян», «шатер», «полатку», деньги (100, 1000 золотых), «бумажник»⁶. В разные годы от хотогойтов поступали весьма экстравагантные «запросы» прислать «карлу» (карлика), «часы боевые», «пищаль об многих зарядах», набат-колокол, «Еросалимского чернеца» («греческого старца»-монаха), переводчика с русского и монгольского, доктора «со

¹ Слесарчук Г. И. Новые данные о городках Джунгарского ханства // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 38–42; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С. 117–119; РМО. 1636–1654. С. 194.

² РМО. 1654–1685. С. 194, 214, 215, 275.

³ РМО. 1636–1654. С. 338; РМО. 1654–1685. С. 248–249.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 392.

⁵ РМО. 1685–1691. С. 138.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 65, 80, 243, 262; РМО. 1636–1654. С. 73, 74, 75, 77, 155, 157, 419; РМО. 1654–1685. С. 20, 125, 126.

всякими зельи», различных мастеров-оружейников и кожевенников, «полатку суконную, чтоб 1000 человек вместились»¹.

Телеутское посольство, которое всего раз побывало в Москве в 1658–1659 гг., просило представителей власти «пожаловать» их сукнами, панцирем и пищалью².

Русские власти – и московские приказные дьяки, и сибирские воеводы, – понимая, что «запрос» кочевников носит нереалистичный характер, т. е. невозможно будет направить желаемый предмет, вещь и даже конкретного человека, подготавливали аргументированный ответ, который затем доносили до номадов. Как правило, аргументами были:

– невозможность доставить из-за дальнего расстояния: «а ерусалимского старца ныне в Московском государстве нелучило, потому – Иерусалим от Московского государства место дальнее»³; «мы аргамака к тебе не послали затем, что путь дальней и дорога нужная: и в такое дальнее место аргамака к тебе не довести»⁴; «а как о том твой государев указ будет и х контайше о том прикажут, а свиней и сабак к нему, х контайше, послати не уметь для того, что контайшино кочевье далеко и на телегах вести их не уметь»⁵.

– отсутствие желаемого предмета, вещи, человека в конкретном сибирском городе или Российском государстве в целом: «а карла ныне в нашем государстве нелучило: был в нашем государстве карло один, привезен был из Немец, и тово не стало, а в нашем государстве такие люди не родятца»⁶; «такова пансыря, чтоб пищаль не няла, в Тобольску не сыскано»⁷; «в Тобольску пансыря доброво, и шелому, и пищалей, и корольков красных, и жемчюгу большово в государеве казне нет»⁸.

Условием для получения «государева жалованья» по «запросу» были или посылка «дани» (подарков), или исполнение каких-то действий, демонстрировавших лояльность российскому монарху, что в дискурсе XVII в. называлось «службой». Так, представители хотогойтской властной элиты вместе со своими челобитными, в которых они

¹ РМО. 1607–1636. С. 80, 241, 243; РМО. 1636–1654. С. 75.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 42.

³ РМО. 1607–1636. С. 291.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 172. См. также: Там же. С. 191, 338, 346, 350.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 96.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 172.

⁸ Там же. С. 217.

запрашивали у государя желаемые подарки, посылали «дань», о чем уже ранее шла речь. В 1640 г. в дипломатические отношения с Российским государством вступил джунгарский тайджи Чокур – брат Эрдени Батура-хунтайджи. Через своих представителей-послов он передал «запрос». Однако тобольский воевода П. И. Пронский заявил джунгарским послам, что ранее о Чокуре было неизвестно и, соответственно, «службы ево к тебе, ко государю, не бывало». Он порекомендовал «служить» государю, как его брат Эрдени Батур-хунтайджи, после чего царь пожелает его подарками, «смотря по ево Чокурове службе». Эти же условия для получения «государева жалованья» были озвучены посланником Л. Кызыловым в 1641 г. во время его посольства к тому же Чокуру¹.

Государство производило учет поступавших и отправленных подарков в ходе реализации дарообменных практик. Присланные из степей дары, как правило, оценивались русскими властями либо в Сибири по действующим в городах ценам («тобольская цена», «иркутская цена» и т. д.), либо в Москве – в Казенном, Сибирском приказах. К оценке привлекались как представители власти, так и торговые и посадские люди². Случалось, что некоторые подарки не могли оценить каким-то образом, поскольку вообще не имели представление о цене присланного предмета. Тобольский воевода А. П. Акинфов в 1669 г. писал в Сибирский приказ о присланном в качестве подарка «камне», что «какое, государи, камень и что им цена, того в Тобольску никто не знает»³.

В среднем, согласно нашим подсчетам, выполненным на основе упомянутых в делопроизводственной документации сведений об оценках даров, цена подарков, которые были привезены дипломатическими миссиями от кочевников, составляла не менее 33 руб. Минимальная грань расценок, зафиксированная в источниках, – 2 руб., максимальная – 147 руб.⁴

При этом необходимо обратить внимание, что на общем фоне расценок дипломатических даров, присланных русскому царю, выделяются подарки от хошоутских

¹ РМО. 1636–1654. С. 213–214, 218.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 1; РМО. 1654–1685. С. 25, 85, 166–167, 195, 203, 222, 275, 282, 286–287, 415, 435, 440, 476, 485, 489; РМО. 1685–1691. С. 241, 300; РКО в XVII в. Т. 2. С. 185–186.

³ РМО. 1654–1685. С. 212.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 191, 344, 362, 373; РМО. 1654–1685. С. 20, 24–25, 85, 100, 166, 167, 195, 196, 222, 264, 286–287, 415, 435, 440, 459, 476, 485–486, 489; РМО. 1685–1691. С. 90, 240, 241, 300, 323.

тайши Аблая, направленные в 1662 г., и Очирту-тайджи, присланные в 1674 г. Они были оценены властями в 888 руб. и 499 руб. соответственно¹. Росписи даров, составленные в Москве и Тобольске, содержат большой список различного рода товаров. Такое богатство демонстрировало доброжелательность по отношению к российскому монарху и подчеркивало широкие экономические возможности хошоутских правителей. Одновременно большое количество подарков, присланных «великому государю», свидетельствует о том, что контрагенты стремились тем самым сделать благосклонным российского монарха, заручившись его лояльностью по отношению к ним.

Подарки, которое Российское государство направляло своим контрагентам, также подлежали оценки со стороны представителей власти. Подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин в середине XVII в. составил примерные расценки тех даров, которые посылали в европейские и некоторые азиатские государства. Согласно его сведениям, самые дорогостоящие подарки направлялись в Персию – 50 000–100 000 руб., Турцию – 5000 руб., затем шли Речь Посполитая – 3000–5000 руб., Англия – 3000 руб., Швеция и Дания – 2000 руб., Голландия, Священная Римская империя, германские курфюршества, княжества, графства – 1000 руб.²

Кроме того, Г. К. Котошихин указал стоимость подарков «на раздачу». Самая большая сумма таких даров была в отношениях с Турцией – 10 000 руб., затем идет Речь Посполитая – 2000 руб., Швеция и Дания – 1000 руб., Голландия, германские курфюршества, княжества, графства – 500 руб., Священная Римская империя – 300–400 руб.³

Отметим, что приведенные расценки являются условными. Стоимость дипломатических подарков могла напрямую зависеть от статуса и характера самого посольства, благорасположения монарха к контрагенту, от статуса иностранного правителя, характера политических отношений. Даже сам Г. К. Котошихин, описывая примерную расценку даров, приводит случаи отклонения от сложившихся «правил». Так, в 1663 г. в Англию были посланы подарки на сумму 20 000 руб., в Данию – 15 000 руб., а в Персию – 200 000 руб.⁴ Примечательно, что Г. К. Котошихин указал суммы даров, следовавших «на раздачу», т. е. предназначенных для одаривания различных

¹ РМО. 1654–1685. С. 85, 485–486.

² [Котошихин Г. К.] О России... С. 61–65.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 62–64.

представителей, придворных и прочих лиц, находившихся при дворе и встречавшихся в ходе следования дипломатической миссии. Это означает, что лица, ответственные за дипломатическую службу, отчетливо понимали роль дарообмена в установлении социальных связей в ходе исполнения вверенной послам миссии. Помимо прочего, Г. К. Котошихин указал в своем сочинении, что если «лучитца куды послати московскому царю посланников и с ними посылаетца даров на 1000 рублей, смотря по чести потентата; а к иным на 500 рублей»¹. Данное высказывание весьма сложно интерпретировать. Г. К. Котошихиным четко обозначен перечень основных контрагентов, однако среди контрагентов «великого государя» в XVII в. были и среднеазиатские ханы, и северокавказские правители, и восточные православные иерархи. Вероятно, к ним, по мнению подьячего Посольского приказа, могли направлять подарки на сумму от 500 до 1000 руб. При этом Г. К. Котошихин указал на существование «иных» правителей, не конкретизировав их. Надо полагать, что к ним можно отнести тех, кто в политической системе координат российского монарха занимал низкое место, но с ними были установлены дипломатические отношения, осуществлявшиеся по нормам сложившегося «посольского обычая».

Царские подарки и прочие дары, которые посылались к центральноазиатским кочевникам и раздавались представителями российской власти, в среднем стоили не менее 84 руб. Минимальная сумма – 2 руб., максимальная – 357 руб.² Настоящий подсчет был выполнен на основе зафиксированных в делопроизводственной документации расценок. Допускаем, что он может быть скорректирован, как в большую, так и в меньшую сторону.

Стоимость «государева жалованья», посланного в качестве ответа на подарки от кочевников, как правило, превышало стоимость их даров. Например, в грамоте из Посольского приказа 1663 г. сказано, что к «Лоузану-царю (алтын-хану Лубсан Саин Эринчини. – *Д. П.*), нашего великого государя жалованья против ево даров вдесятеро и больши». Царские подарки оценивались в 100 руб., в то время как дары монгольского

¹ [Котошихин Г. К.] О России... С. 65.

² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 37; РМО. 1607–1636. С. 75, 153, 192; РМО. 1636–1654. 189, 344, 362; РМО. 1654–1685. С. 98, 129, 167–168, 173, 259, 260, 276, 415, 459; РМО. 1685–1691. С. 74, 76, 109–110, 138, 152, 162, 229, 240, 240, 241, 261, 288, 323, 434; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. С. 178, 180; РКО в XVII в. Т. 2. С. 102, 104, 210–211, 212, 218, 232, 239, 287, 295, 423, 440, 635.

правителя в 13 руб. 30 алтын 2 деньги¹. Такой щедростью российская власть стремилась сформировать соответствующий образ «великого государя», а также в символической форме поставить кочевых правителей в зависимое от него положение.

Особым случаем является стоимость обещанного в 1635 г. «государева жалованья» Эрдени Батуру-хунтайджи и его вассалу тайше Куле. За возврат угнанных барабинских татар русские власти пообещали им подарки на сумму 500 и 350 руб. соответственно. Была даже составлена и направлена память в Казенный приказ для подготовки государевых подарков в рамках объявленной стоимости. Однако «государево жалованье» в таком размере так и не было направлено, поскольку в Казанском приказе, опираясь на сравнительную расценку подарков для алтын-хана и предложенную стоимость для джунгарских правителей, было принято решение, что посылать подарки в таком размере не следует². Только в 1639 г. российские власти приняли положительное решение об отправке «жалованья» и в 1640 г. направили подарки, но в меньшем объеме и меньшей стоимостью: Эрдени Батуру-хунтайджи в размере 250 рублей 5 алтын 2 деньги, тайше Куле – 150 рублей 8 алтын 1 деньги³.

Российские власти при подготовке подарков стремились учитывать предыдущий опыт взаимодействия с кочевыми народами, т. е. уже сложившуюся практику. С этой целью в Посольском приказе составлялись выписки, где содержались информация о развитии отношений с конкретными контрагентами, а также сведения о стоимости подарков⁴. Таковую практику можно объяснить тем, что российская власть, отправив большее количество даров, могла зависить «честь» контрагента, что, тем самым, могло рассматриваться как умаление «чести» государя. Кроме того, в учете и сопоставлении стоимости даров для разных контрагентов проявлялся обычный и характерный для любого государства казенный интерес.

Некоторые кочевники выражали недовольство подарками, присланными из Российского государства, называя их «худыми» и «плохими», тем самым указывали на низкое качество даров⁵. А джунгарский тайджи Чокур в 1666 г. вообще выразил сыну боярскому П. Кульвинскому свое недовольство ассортиментом привезенных подарков:

¹ РМО. 1654–1685. С. 103, 459. См. также: ДАИ. Т. 10. С. 373.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 68–69; РМО. 1636–1654. С. 182, 193, 420.

³ РМО. 1636–1654. С. 189, 210, 420.

⁴ См., например: РМО. 1685–1691. С. 240–243, 288. См. также: РМО. 1654–1685. С. 288.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 124, 125, 126, 144.

«то де небольшая диковина великих государей жалованье, что прислано ко мне с тобою, Павлом, с товарищи по лоскуту сукна и камки и отласу: у меня де, тайши, сукон или камок и отласов нет ли, мне, тайше, носить нечево ли?»¹. Своими словами он подчеркнул, что ожидал от российской стороны в качестве подарков какие-то диковинные вещи, которыми, не исключено, в дальнейшем мог похвастать перед своей элитой или же перед иными кочевыми правителями, с которыми он имел контакты.

Итак, дипломатический дарообмен интересовал обе стороны коммуникации: и российскую власть, и кочевников. Представители русских властей – воеводы, приказчики, особо уполномоченное лицо Ф. А. Головин, русские дипломаты – обеспечивали функционирование обмена подарками в ходе реализаций распоряжений, посланных из органов центрального управления, а также действуя и по собственной инициативе, исходя из анализа сложившейся обстановки. В зависимости от ситуации и конкретных условий дарообмен осуществлялся на территории кочевников, в Сибири, в Москве. Обе стороны диалога направляли в качестве подарков предметы, характерные для их хозяйственно-культурного развития, экономического положения и статуса. Соотношение между ценами подарков из степи и «государевым жалованьем» было в пользу последнего. Для удовлетворения своих потребностей кочевники направляли представителям российской власти «запросы», которые в зависимости от реальной ситуации, наличия запрашиваемых предметов удовлетворялись или оставлялись без ответа.

¹ РМО. 1654–1685. С. 154.

2.3. Роль дарообмена

Институт дарообмена и его роль в жизнедеятельности человечества неоднократно рассматривались в научной литературе. Обмен подарками и услугами становился предметом исследования этнологов, антропологов, философов и историков. В исторической науке дарообмен изучался на материале отношений между разными институтами и лицами в Европе и Азии в широком хронологическом диапазоне¹. В историографии имеются и публикации, в которых обмен подарками анализировался на материале социально-политических практик российского социума на разных этапах его исторического развития². Вместе с тем дарообмен анализировался и на материале кочевых этносоциумов Центрально-Азиатского региона³.

Толчком к изучению дарообменных практик послужили исследования французского антрополога М. Мосса. Он установил, что важной и, пожалуй, отличительной чертой дарообмена является сочетание в себе добровольности и обязательности. Отказ от участия в обмене подарками был равнозначен разрыву мирных отношений и фактически означал объявление войны⁴. Лица и социальные институты, принимавшие участие в ритуале дарообмена, были обязаны давать, принимать и отвечать на подарок. Эти обязанности связаны с самим даром, который в архаичные времена воспринимался как атрибут, заключающий в себе некую магическую силу, которая заставляла возмещать этот дар⁵. В ходе дарообмена душа дарителя переплеталась и

¹ См., например: *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 63–82; *Дэвис Н. З.* Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // *Одиссей. Человек в истории.* 1992. М., 1994. С. 193–203.

² См., например: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 109–125; *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 362–448; *Кежа Ю. Н.* Княжеские дары в Древней Руси: символические формы коммуникации и репрезентации власти // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2021. № 1. С. 6–25; *Никонов С. А.* «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV – начала XVI века // *Вестн. Удмуртского ун-та. История.* 2006. № 7. С. 63–77.

³ См., например: *Жуковская Н. Л.* «Подарок–отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica: [Сб. ст.]: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова, 1884–1931.* М., 1986. С. 160–168; *Сураганова З. К.* Традиционный обмен дарами у казахов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 23 с.; *Курбанова З. И., Октябрьская И. В., Сураганова З. К.* Текстиль как товар и символ. Ритуальный дарообмен у каракалпаков и его центральноазиатские параллели // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2024. Т. 52. № 4. С. 141–151.

⁴ *Мосс М.* Очерк о даре // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 84, 89, 101–102.

⁵ Там же. С. 97, 127.

смешивалась с даром, в связи с чем акцептор, который принимал дар, был обязан возместить его, поскольку при помощи дара донор (даритель) получал власть над получателем¹.

Однако, как отметил П. Бурдьё, «в реальности дар может остаться и безответным, если любезность оказали неблагодарному, он может быть отвергнут как оскорбление, поскольку в нем утверждается или требуется возможность ответного дара, то есть признательности»². Исследователь обратил внимание на то, что между принятием дара и ответным одариванием требуется некоторое время, т. е. ответный дар должен быть отсроченным³. По мнению П. Бурдьё, получатель находится в долгу до тех пор, пока он не произвел ответное одаривание. До возмещения дара он обязуется оказывать благодарность тому, кто предоставил ему дар⁴. Кроме того, большую роль играет, как отметил исследователь, «“то, как дают”, манера, форма действия», поскольку этим «отличается дар от сделки “ты – мне, я – тебе”, моральное обязательство от обязательства экономического»⁵.

Таким образом, дарообмен имеет важное значение в установлении и развитии социальных отношений и связей. При помощи подарков происходит коммуникация не только между конкретными лицами, но и целыми институтами. Это проявляется в дипломатической сфере, когда участниками диалога выступают два (или более) государства, которые во время переговоров путем обмена дарами пытаются наладить, восстановить и поддержать дружественные отношения. И если на современном этапе развития дипломатических отношений подарки являются скорее формальностью, то в период традиционного общества им предавалось большое внимание и значение. Как известно, дарообмен в XVI–XVII вв. был неотъемлемым элементом «посольского обычая» Российского государства⁶. Он был вписан в церемониальную систему

¹ Там же. С. 98.

² Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 193.

³ Там же. С. 206, 207.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ См., например: Загородняя И. А. Выставка «Во утверждение дружбы... Посольские дары русским царям» // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 265–268; Хеннингс Я. Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функциях и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. // На языке даров... С. 201–225; Грюнбарт М. Сила даров. Идеологический и материальный обмен между константинопольскими патриархами и русскими царями в XVII в. // Там же. С. 155–170; Бережная Л. А. Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII в. //

дипломатической культуры той эпохи. Однако большее или меньшее значение дарообменным практикам российская дипломатия придавала в зависимости от контрагента, с которым осуществлялся диалог. Наибольшее внимание обмену подарками придавал Посольский приказ в отношениях России с азиатскими государствами¹.

Исследователи уже обращали внимание на функционирование и роль дарообменных практик в развитии коммуникации российской власти с различными контрагентами. Так, историки выявили и установили, что дарообмен выполнял репрезентативные и рекламные функции, демонстрировал статус и величие дарителя – российского монарха, а также России в целом². Он стабилизировал власть и иерархию при принятии обязательств, достигнутых в ходе договорных практик³. Подарки в совокупности с ритуалом вручения визуализировали верховную власть, а также выступали гарантией долгосрочности отношений между государствами⁴. Помимо прочего, даримый предмет подкреплял дружественные отношения, приносил удовольствие участникам дарообмена, поддерживал общественные связи, служил источником пополнения казны⁵. Дары в некоторых случаях являлись призывом к определенным дипломатическим и даже военным действиям⁶. Сам же ритуал дарообмена был полисемантичен: стороны-участники обмена могли видеть в нем приемлемый для себя смысл⁷. Материальная ценность посольских даров имела важное значение, поскольку позволяла оценивать, как самого дипломата, который привез дары, так и его

Там же. С. 226–251; *Граля Х., Давтян О. С.* Подарочный этикет. СПб., 2017. С. 7–36; *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» С. 46–56; *Семенов И. Н.* Российский дипломатический протокол. С. 98–112.

¹ См., например: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым. С. 225–271; *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. С. 106–149.

² *Загородняя И. А.* Типология дипломатических даров из европейских стран: общее и особенное // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII в.: материалы III Междунар. науч. конф. М., 2006. С. 47–48; *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. С. 106; *Моисеев М. В.* Слон Ивана Грозного // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 3. Минск, 2010. С. 209, 213, 214; *Он же.* Эволюция и содержание... С. 18.

³ *Бережная Л. А.* Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII в. // На языке даров... С. 228.

⁴ *Загородняя И. А.* Выставка «Во утверждение дружбы... Посольские дары русским царям» // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 267–268.

⁵ *Граля Х., Давтян О. С.* Подарочный этикет. С. 9–10.

⁶ *Загородняя И. А.* Типология дипломатических даров из европейских стран: общее и особенное // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века... С. 47–48.

⁷ *Бойцов М. А.* Неисчерпаемость дара // На языке даров... С. 253.

правителя. Невозмещенные подарки создавали условия для долгосрочных связей, поскольку в перспективе должны были получить ответ¹.

Исследователи, анализируя коммуникацию российской власти с восточными, в том числе кочевыми, народами, установили роль дарообмена в развитии отношений. Их выводы базируются прежде всего на материале отношений России с крымскими, ногайскими, казахскими и прочими этносоциумами. Так, по мнению исследователей, подарки были средством, при помощи которого российская власть добивалась лояльности кочевого населения, обеспечивала быстрый переход под контроль «великого государя» новых иноэтничных общностей². В коммуникации с крымскими татарами подарки («поминки») являлись «откупом» от набегов на территорию Российского государства³. Для кочевой элиты дарообмен, в том числе практика «запросов», имел определенное экономическое значение – так восполнялись недостатки кочевой экономики⁴.

Опираясь на достижения исследователей в области социальной (культурной) антропологии, этнографии, истории, а также на собственный анализ конкретных дарообменных практик, выявленных в делопроизводственной документации, определим значение и роль дарообмена в развитии коммуникации Российского государства с разноформатными военно-политическими объединениями центральноазиатских кочевников. Отметим, что дарообмен выполнял *коммуникативную, репрезентативную, рекламную, символическую, смысловую, закрепляющую договорные отношения, утилитарную* функции. В связи с данными функциями российская власть имела определенные ожидания от практики одаривания подарками своих контрагентов. Определенные ожидания имели и сами кочевники. Все названное в совокупности определяло роль института дарообмена в развитии российско-кочевнических отношений на протяжении всего рассматриваемого периода.

¹ Альтхоф Г., Штольберг-Рилинген Б. Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров... С. 22–25.

² Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 100, 106, 107; Вульпиус Р. Рождение Российской империи. С. 577, 588–589, 591, 606; Трепавлов В. В. Символы и ритуалы... С. 106, 109, 120.

³ Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 195, 201; Почекаев Р. Ю. Из вассалов в сюзерены... С. 96; Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. XV–XVI вв. СПб., 2017. С. 222; Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 102, 107; Вульпиус Р. Рождение Российской империи. С. 588.

⁴ Моисеев М. В. Эволюция и содержание... С. 27–29; Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир... С. 222.

Одна из функций, которая лежит «на поверхности», – *коммуникативная*. Она заключалась в том, что дар сам по себе является залогом успешного общения, а также средством установления социальных связей. При помощи даров российская власть поддерживала коммуникацию с центральноазиатскими кочевниками в течение длительного периода времени.

Репрезентативная функция дарообмена заключалась в том, что при помощи даров («поминок», «государева жалованья») и русский царь, и кочевые правители разных таксономичных уровней заявляли о себе и о своем существовании. Подарок являлся материальным воплощением правителя, который послал его своему «товарищу» (контрагенту) по общению, демонстрировал его статус и политические амбиции. Со стороны российского монарха одаривание «жалованьем» было направлено на формирование у центральноазиатских кочевников образа «великого государя», всемогущего, милостивого и заботливого, который не забывает своих потенциальных подданных. Богатство самих подарков демонстрировало щедрость русского царя.

Как предполагал русский «посольский обычай», «государеву жалованью» (царским подаркам) необходимо было воздавать «честь». Так, посланцу от Галдана Бошокту-хана в 1679 г. во время переговоров в Посольском приказе думный дьяк Л. Иванов заявил, что «жалованье», посылаемое к правителю джунгаров, необходимо принимать с «великою честью», ведь это «дело великое, что от великого государя, от его царского величества, прислано к нему его государское жалованье, и надобно было ему то принять с великим почитанием»¹. Подарок являлся материальным атрибутом, воплощавшим власть русского царя, поэтому ему, как и всему прочему, что исходило от монарха, следовало воздавать «честь».

Наиболее почетными и важными для кочевников, по всей видимости, были подарки, посланные и врученные от имени царя. Енисейский сын боярский П. Бекетов в своей челобитной писал, что посланный им в 1653 г. служилый человек Ф. Афанасьев «для приводу» новых земель случайно оказался в улусе «царевича» (будущего алтын-хана) Лубсана Саин Эринчини. В ходе диалога между Афанасьевым и хотогойтским «царевичем» было выявлено, что кочевники не просили «государевых подарков» у русских, «потому что ходите де вы не от государя, ходите де вы от приказного человека»².

¹ РМО. 1654–1685. С. 324.

² РМО. 1636–1654. С. 391.

Дарообмен выполнял и *рекламную функцию*, поскольку позволял в ходе межгосударственного дипломатического диалога демонстрировать богатство и величие не только монарха, но и его страны, а вместе с тем выставлять напоказ то, чего может и не быть у контрагента.

Некоторые кочевники запрашивали у царских дипломатов подарки, мотивируя тем, что в дальнейшем они продемонстрируют их и расскажут о «великом государе» во время своих поездок в другие государства. Фактически они являлись посредниками, рекламируя товары, присланные от «великого государя». В 1638 г. хотогойтский ноен Ильдень спрашивал у сына боярского С. Гречинина, чем царские дипломаты «для государьскова величества» одарят его? Свой вопрос, являвшийся фактически просьбой, он подкрепил аргументом, что поедет молиться «в-ыную землю, и я де государьским величеством стану хвалитца»¹. Хотогойтский табуна Дурал-джайсун в 1639 г. своим письме царю Михаилу Федоровичу сообщал «и тангуцкие, и мугальские, и китайские всякие люди, слыша то, что вы меня в дали жалуете, тому дивятца»².

Информация о «жаловании» государем кочевых правителей доходила до их соседей или родственников контрагентов, которые также надеялись на получение каких-то презентов и дорогих подарков от «северного соседа». Хошоутский Очирту сэцэн-хан в 1669 г. просил у царя воинское снаряжение для походов на «государевых противников». Подарки, по его мнению, должны были демонстрировать «государеву милость» к Очирту, что, в свою очередь, привело бы к тому, что «противники его государевы покорялись»³. Очирту сэцэн-хан бил челом «великому государю», потому что (как он сам объяснил) до него дошли сведения о проявлении «милости» к его брату – тайше Аблаю, который поддерживал активные дипломатические контакты с Российским государством⁴.

Символическая функция подарков, циркулировавших в ходе дарообмена, обусловлена тем, что дары преподносились в ходе ритуальных действий, являвшихся компонентом сложного дипломатического церемониала, сложившегося в Российском

¹ Там же. С. 143.

² Там же. С. 157. См. также: МОЦА. С. 103.

³ РМО. 1654–1685. С. 214.

⁴ Там же. С. 214.

государстве в течение конца XV–XVII вв. Подарки, по сути, являлись ритуальным символом и были единицей ритуала, его «элементарной частицей»¹.

Ритуал дарообмена как структурная часть «посольского обычая» подразумевал одаривание участников коммуникации с соблюдением конкретных норм и последовательности действий. Эти действия и правила функционировали как во время пребывания царских посланников за рубежом, так и на территории России при приеме иностранных делегаций. Так, русские посольства, отправленные в ставки кочевых правителей, должны были всячески демонстрировать «государево жалованье» как кочевой элите, присутствовавшей во время аудиенции посольства у правителя, так и широкой публике, показательно неся подарки во время движения к юрте, где должны были состояться переговоры: «и Меньшой Ремезов государево жалованье контайше велел несть перед собою порозну»²; «и им велено итти, а государево жалованье – кубки и сукна велено несть перед собою толмачю и казаком»³. Однако на этом ритуал не заканчивался, поскольку следующие действия должны были происходить уже в юрте кочевого правителя. Здесь в момент объявления «государева жалованья» была целая последовательность ритуальных актов. Контрагент должен был принять сам царские подарки и воздать «честь», поклонившись после принятия даров, а также выразить радость тому, что российский монарх прислал к нему «жалованье»: «и подал ему, Чокуру, государево жалованье – сукно. И Чогор (Чокур. – Д. П.) де тайша государево жалованье – сукно принел чесно и бил челом на государском жалованье»⁴; «и великих государей жалованье – сукно и выдру тайше Василей подал. И тайши Сеньга принял с радостью своими руками и на государьской милости бил челом»⁵; «и как пришли перед алтына-царя з государевым жалованьем, и алтын-царь, приняв государево царевое и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованье по росписи, бил челом на государеве жалованье и государеву жалованью обрадовался и удивился»⁶. Ритуал мог иметь и более сложную форму, если подарки преподносились не только от имени государя, но и от воевод и / или послов⁷.

¹ О ритуальных символах см.: Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 33.

² РМО. 1636–1654. С. 205.

³ Там же. С. 347.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 218.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 108.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 207.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 334, 335, 336.

Ритуал дарообмена практиковался и во время приема посольств от кочевников в сибирских городах. Но последовательность действий была уже несколько иной. Посланники должны были «ударить челом», поднеся привезенные дары. Представитель власти принимал подарки (вероятно, ему кто-то помогал), а затем мог (на свое усмотрение) угостить посланников алкоголем. Приведем несколько примеров: «алтыновы посланники <...> на ево государском жалованье били челом и ударили челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Росии. Первой посланник Сулумкичи Аргу государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ударил челом конь игрень <...> Да для государского величества воеводам принесли в поминках ...»¹; «поднесли камчишку соломянку, а сказали: послана де та камка от их мугальского Очирой Сайн-гана в-Ыркуцкой к ноену в подарки. Письмяной голова Леонтей Костянтинович Кислянский велел ту камчишку принять. А приняв, велел потчивать их вином горячим и збитнем и пивом»².

Дипломатические миссии от кочевников, допущенные до русского царя, также становились участниками ритуала дарообмена, который осуществлялся во время аудиенции в царском дворце: «а после того явил (дьяк Посольского приказа В. Телепнев. – Д. П.) государю колматцкие поминки. А явя поминки, сказал послом государево жалованье платье дьяк Василей ж. А клали на них платье казенные дьяки»³; «А после того думной дьяк явит великому государю царевы дары, а молят. <...> Мугальские земли царь Лаузан-хонтайши вам, великому государю, челом бьет в дарех ... И великий государь дары велит принять Казенного приказу дьяком, а посланцом сказать свое великого государя жалованье. И думной дьяк Алмаз Иванов молят ... великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович <...>, жалует вас, посланцов, своим великого государя жалованьем по платну золотному. А как на посланцов платье казенные дьяки положат ... (текст утрачен. – Д. П.)»⁴.

Подарки от царя, как предполагал «посольский обычай», контрагент или его представитель должен был принять «честно», «бив челом» на «государевой милости», поскольку, как было отмечено выше, «то дело великое». Челобитье, т. е. поклон после вручения подарков, как предполагалось, должно было продемонстрировать почтение

¹ РМО. 1607–1636. С. 179.

² РМО. 1654–1685. С. 415.

³ РМО. 1607–1636. С. 74.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 99.

царю, который оказал «милость» своим контрагентам, одарив их своими подарками – «жалованьем». Само объявление «государева жалованья», его вручение являлись ритуалом, где царские подарки выполняли роль символа – неотъемлемого элемента ритуальных действий. «Милость» царя материализовывалась в конкретном предмете, посланном в качестве дара от его имени. Подарки от имени кочевников, продемонстрированные в ходе аудиенции, являлись символом почтения «великого государя» или его представителя – сибирского воеводы, приказчика или иного уполномоченного лиц, который принимал посольство.

Символы, т. е. подарки, подносимые государю, как требовала русская дипломатическая культура, должны были соответствовать его статусу. В 1641 г. в Тобольск от джунгарского тайджи Чокура были привезены «барс без правой передней лапы», половина барса, «морской черной зверь». Эти дары не были приняты, поскольку они «царьскому величеству непристойны». Л. Кызылов, посланный в том же году к тайджи Чокуру, требовал, чтобы подобных ситуаций более не повторялось. Джунгарский тайджи «винился», говоря, что он «человек степной и русково чину не знает»¹. «Русский чин» подразумевал определенные правила, в том числе правила коммуникации с «великим государем», согласно которым, если следовать риторике источника, дарить царю следует «пристойные» подарки, соответствующие его высокому статусу. Хорошие и качественные подарки необходимы были для поддержания «русского чина», т. е. тех нормативов и ритуалов, сформировавшихся в течение длительного времени в культуре Российского государства. Плохое качество даров нарушало действующий ритуальный порядок, что являлось причиной для их отклонения.

Хотогойтский алтын-хан Лубсан Саин Эринчини в 1661 г. в своем письме сообщал, что «без даров к вам, великому государю, послать послов своих было непригоже, и я послал к вам, великому государю, в дарех барс, да барс, да рысь, да 6 соболей»². Монгольский правитель, если верить русскому переводу письма, отчетливо понимал, что направлять дипломатическую миссию к российскому монарху без подарков является нарушением устоявшихся ритуальных правил.

Дары как средство коммуникации несли в себе определенную смысловую нагрузку. В этом заключалась их *смысловая функция*. В семиотическом пространстве «посольского

¹ РМО. 1636–1654. С. 218.

² РМО. 1654–1685. С. 80.

обычая» Российского государства смысловая нагрузка транслировала кочевникам определенные идеи и концепты, закодированные в подарке. Вместе с тем дары от кочевников также несли определенные значения и содержали «текст», зашифрованный в дарах. Другое дело, что этот «текст» мог никак не расшифровываться и не интерпретироваться участниками дипломатического диалога. Точно также подаркам могли придаваться какие-то другие смыслы, отличные от тех, что изначально в них были вложены.

В XVII в. текстильные изделия, как отмечено ранее, были наиболее распространенными предметами «пожалований» в дипломатической практике Российского государства. На этот факт уже обращали внимание и в научно-исследовательской литературе¹. Текстиль был распространен и в качестве «пожалований» служилым людям за их особые «службы» перед «великим государем»².

Кроме того, в качестве подарков от российского монарха использовалась одежда – «платье» / «платно» «золотное», однорядки, кафтаны и т. д. Как правило, эти предметы одежды «жаловали» во время аудиенций в Москве³. Авторы-составители «Энциклопедического словаря» в начале XX в. отметили, что в Московской Руси «высшим знаком благоволения считалось пожалование шубы с царского плеча»⁴. В случае с центральноазиатскими кочевниками «шуба» заменялась на одежду из дорогих (и не очень) тканей. Однако это не отменяет того факта, что посылка одежды в качестве «пожалования» в семиотическом ключе свидетельствует о восприятии кочевников как вассалов и / или подданных «великого государя». В дипломатическом контексте это демонстрирует неравноправие акцептора и дарителя.

Однако московские цари направляли в качестве «жалованья» не только текстиль, но и пушнину. Меха животных свидетельствовали о достатке, богатстве, успешности, а изделия из них указывали на высокий статус человека. Меха на Руси имел определенную

¹ *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. С. 108–109.

² *Газенвинкель К. Б.* Государево жалованье послужникам сибирским: к истории Сибири XVII века. Тобольск, 1892. С. 5–6.

³ См., например: *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии... С. 178; РМО. 1607–1636. С. 75; РМО. 1654–1685. С. 98, 129, 259, 260; РМО. 1685–1691. С. 229, 240, 288.

⁴ Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]: в 86 т. Т. XXXVII. СПб., 1903. С. 2. «Пожалование» одеждой (кафтанами) сохранилось до конца XIX в. Как отметил П. П. Винклер, кафтаны являлись знаками отличия, которыми монарх «жаловал» своих подданных (Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]: в 86 т. Т. XIVА. СПб., 1895. С. 802).

ценность. Он длительное время использовался как валюта, которой расплачивались за товары¹. Шкурки животных, в особенности соболя, издавна были престижными подарками, которыми московские государи почитали иностранных монархов². Информация, закодированная в царских подарках в виде изделий из пушнины, означала почтение, оказанное со стороны российского монарха своему потенциальному подданному.

Кубки и братины, посланные в качестве подарков, семантически были связаны с различными застольями (пирами, братчинами)³. В ходе подобных мероприятий происходило распитие спиртных напитков и, тем самым, установление, скрепление и подтверждение дружественных отношений и связей. Не случайно слово «кубок» в сочетании с прилагательными «мирный», «здравный» стало использоваться как фразеологизм, а лексема братина связана с братчинами – пирами⁴. Подобные подарки были направлены на демонстрацию мирных намерений с русской стороны и одновременно, надо полагать, были призывом к мирному взаимодействию с русскими со стороны кочевников.

Почетным считалось и оружие, посланное в качестве подарка. Оружие и предметы воинского снаряжения использовались, как известно, в ходе военных действий. Утилитарное применение на войне предопределило семантику оружия и воинских атрибутов, используемых в качестве подарков. Они имели значение силы, воинской мощности и защищенности государства. К тому же, следует обратить внимание, что российская дипломатия стремилась склонить кочевников к «службе» «великому государю», в том числе и ратной, которая подразумевала военные походы по указанию

¹ Шапиро Б. Л. «Россия в шубе». Русский мех как культурный код: постановка проблемы // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2022. № 2 (31). С. 143–144; Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. С. 180; Газенвинкель К. Б. Государево жалованье послужникам сибирским: к истории Сибири XVII века. С. 5.

² Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется» С. 47–48; Граля Х., Давтян О. С. Подарочный этикет. С. 11, 19.

³ Беловинский Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М., 2007. С. 65; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется» С. 48.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 322; Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 ч.] / [соч.] В. И. Даля. Ч. 1. А–З. М., 1863. С. 517; Беловинский Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М., 2007. С. 65.

царя на недругов и «изменников»¹. Вероятно, подарки в виде оружия и различных элементов воинского снаряжения можно трактовать как призыв к военной службе государю.

Присылаемые от кочевников подарки, адресованные русскому царю, воеводам, а также дипломатам, как и русское «жалованье», имели определенное значение в дипломатических отношениях. Каждый отдельно взятый предмет в представлении номадов мог быть связан с конкретными мировоззренческими установками. Так, посылка в качестве подарков лошадей можно интерпретировать как дружественный подарок, сделанный с благими намерениями. Ведь, как известно, лошадь имела колоссальное значение в мировоззрении и хозяйственно-культурном укладе кочевых народов Центральной Азии. Кочевники на протяжении всей своей жизни были неразрывно связаны с лошадьми. Важное значение подтверждается и тем, что лошади нередко использовались в ритуальных практиках, наполненных смысловой нагрузкой, а также упоминались в различных эпических (мифологических) нарративах, объяснявших мироустройство кочевого социума². Так, в эпосе «Джангар», оформление которого происходило в ойратской среде в XV–XVII вв., конь (лошадь, скакун) наделялся «могучестью», «быстротой», «резвостью», «красотой», «зоркостью». Он являлся другом богатыря, раздавал ему советы и даже мог перестать считать его своим хозяином в случае совершения им какой-то оплошности³. Аналогичными характеристиками наделялся конь и в монгольских сказках, в которых он также выступал другом кочевника⁴. Лошадям, как и богатырям, посвящали песни⁵.

¹ См. подробнее: Зуев А. С., Слугина В. А. Шерти-присяги... С. 124–125.

² См. подробнее: Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов // Советская этнография. 1968. № 6. С. 117–122; Базаров Б. В., Ням-Осор Н. Из истории символики и атрибутики монгольской государственности // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 63. См. также: Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 38–39.

³ Джангар. Калмыцкий героический эпос. М., 1990. С. 205, 207, 216, 217, 221, 225, 251, 253, 266, 268, 269, 277, 284, 286, 292, 306, 333, 334, 338, 339, 354, 372. О происхождении эпоса см.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 412.

⁴ Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос // Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М., 2003. С. 384, 412, 414, 416, 445, 446, 447, 448, 450, 459, 490, 513, 518, 521.

⁵ Владимирцов Б. Я. Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г. // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 60.

Вместе с лошадьми в монгольских сказках и ойратском эпосе упоминаются предметы конского снаряжения¹. Некоторые из них имели для кочевников какое-то символическое значение. Так, один из героев ойратского эпоса даже поклоняется «бронзовому стремени» своей лошади прежде чем обратиться к Джангару – мифическому главному герою². В монгольских сказках, собранных Б. Я. Владимирцовым, встречаются выражения типа: «буду вам защитой ... стану вашим стремнем-ребром», «чтобы стать для них стремнем, ребром, чтобы помочь-пособить»³. Многочисленные упоминания о самих лошадях и прочей атрибутики, без которой невозможно было обойтись кочевникам во время их жизнедеятельности, тесно связанной с конем, свидетельствуют об их важной роли в жизни кочевников, причем не только утилитарной, но и вполне символической. Поэтому, надо полагать, что подарки в виде лошадей, а также предметы конского снаряжения, посланные из центральноазиатских степей в Российское государство, должны были демонстрировать доброжелательное и почтительное отношение монголоязычных кочевников к российскому монарху и его представителям на местах – воеводам, приказчикам.

В тоже время, посылка «худых» и «старых» лошадей свидетельствует о некотором пренебрежении к русскому царю как к контрагенту. Надо полагать, что кочевники понимали, что со стороны русских властей ответные подарки, которых они порой так добивались, все равно последуют. В связи с этим они позволяли себе направлять лошадей не самого лучшего качества.

Посылка рогатого скота в представлении центральноазиатских кочевников имело несколько иное значение, чем отправка лошадей, и указывала на одаривание контрагента без какого-либо желания, совершенное по необходимости⁴. В представлении монголоязычных кочевников мясо крупного рогатого скота считалось «охлаждающим» и имело меньшей пользы для человека, чем мясо коней и овец⁵.

¹ Джангар. Калмыцкий героический эпос. С. 203, 207, 209, 210, 212, 213, 216, 242, 246, 248, 257, 259, 260, 269, 274, 275, 276, 278, 280, 293, 307, 318, и т.д.; Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. С. 372, 373, 376, 377, 415, 426, 445, 447, 476, 499, 511, 512, 521.

² Джангар. Калмыцкий героический эпос. С. 260.

³ Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. С. 382, 487.

⁴ Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. С. 392.

⁵ Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов... С. 118; Шастина Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. С. 392.

Жизненный цикл кочевых народов с самого детства был тесно связан с оружием, используемым не только в военных целях, но и во время охоты¹. Оружие и предметы боевого облачения присутствуют в различных народных сказаниях и эпосах². Собираясь на подвиг, герой монгольских сказаний просит: «пожалуйста мне разные доспехи, огненную, черносмоляную кольчугу, шлем, с которыми бы я мог идти на великого врага»³. Мечом, согласно сказаниям, достигались основные успехи во время боя с врагами: «по пояснице ударил мечом – надвое его разрубил», «и правую руку хана отсек»⁴. Атрибуты воинского снаряжения имели определенную ценность в кочевом обществе. Это подтверждается и тем, что, согласно Их цааз – сборнику монгольского кочевого права, принятому на курултае в 1640 г. с участием значительного количества кочевых правителей Джунгарии и Халхи, за противоправные действия должны были налагаться санкции в виде уплаты штрафа предметами воинского облачения (панцирями (куяками), латами)⁵. Панцирь был наиболее ценным предметом снаряжения, поскольку за его кражу полагался штраф в виде десяти девяток, за кражу лат – три девятка, за шлем – девяток⁶. За убийство противника на войне воину разрешалось брать его панцирь, следующий воин за ним мог взять латы или шлем⁷.

В представлении кочевых народов на разных этапах их исторического развития некоторые предметы оружия, например, стрелы, имели разное культовое и символическое значение: от магического элемента до атрибута власти или дипломатического представительства⁸. Предметы защиты (панцири, нарукавья, шлемы

¹ Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 113.

² Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. С. 373, 375, 382, 383, 395, 403, 416, 477, 479, 482, 484, 489, 496, 506; Джангар. Калмыцкий героический эпос. С. 205, 214, 219, 222, 243, 247, 248, 268, 275, 293, 295, 299, 300, и т.д.

³ Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. С. 416, 482, 506.

⁴ Джангар. Калмыцкий героический эпос. С. 222, 248.

⁵ Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. С. 14, 15.

⁶ Там же. С. 19. Девятка (девятка) в монгольском праве являлась единицей штрафа. В состав девятки, в зависимости от конкретного юридического памятника, входили лошади, волы, быки, коровы, телята. Численность каждого вида животного, возраст, а также их комбинация определялись нормами права, зафиксированными в законодательных актах, и зависели от вида и степени тяжести совершенного преступления (Дугарова С. Ж. Уголовное право монголов в период маньчжурского господства // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 5А. С. 33–34; Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. С. 180).

⁷ Их Цааз («Великое уложение»). С. 21.

⁸ Худяков Ю. С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 102–111; Он же. Копье и стрела как символы

и т. д.), подразумевавшие защиту воина-кочевника, облаченного в них, могли символизировать защищенность и безопасность, а также демонстрировали воинские «возможности» кочевых этносоциумов, являясь своего рода «рекламой».

Предметы охоты (шкуры животных), которые направлялись в качестве даров, демонстрировали богатство и успех кочевых правителей. Не случайно в тюркских и монгольских языках терминология, обозначающая «успех», «удачу», «фарт», тесно связана с охотничьими традициями, поскольку она выработалась именно в среде охотников. Без «удачи» невозможна добыча зверя¹. Шкуры животных применялись в быту, а также использовались в качестве дорогих подарков. Так, в «Джангаре» шкуры барса выступают в роли украшения ханской юрты и трона. В «Сокровенном сказании» Тэмуджину (будущему Чингисхану) подарили «пеленку, подбитую соболем», а в монгольско-ойратском эпосе упоминаются юрты из «черного соболя», т. е. подбитые этим мехом².

Одежда и ее отдельные элементы, которые направляли прежде всего монголы-хотогойты, семантически свидетельствовали о благих намерениях и говорили об оказании «чести» русскому царю. Этот вывод можно сделать, опираясь на наблюдения историков о роли и семантике одежды в дарообменных практиках, применяемых в монгольской среде³. Одновременно такие подарки могут свидетельствовать и о широких властных амбициях хотогойтского правителя, стремившегося в символической форме продемонстрировать свое «высокое» положение, оспорить попытки российских властей «записать» его в число подданных царя. Ведь в монгольской практике раздача одежды явно указывала на подданнический контекст: тот, кто принимал такой подарок, находился в подчиненном положении от дарителя⁴.

воинской и государственной власти у древних и средневековых номадов Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 20–26.

¹ Дмитриев С. В. Сульде: к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии // Mongolika-V: [сб. статей]. СПб., 2001. С. 26, 28. О роли охоты в монгольском обществе см.: Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 35, 40–41.

² Джангар. Калмыцкий героический эпос. С. 240, 343; Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. С. 41, 78, 88; Он же. Монголо-ойратский героический эпос. С. 359, 389, 401, 407, 491, 492.

³ Доде З. В. «Халат власти» и «пояс покорности» – почетная одежда в монгольской имперской культуре: опыт семантической реконструкции // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13. Донецк, 2014. С. 14–16.

⁴ Там же. С. 23–24, 38, 41, 67. Ср. упомянутую выше практику пожалования шубы с царского плеча.

Ткани в монгольской кочевой культуре использовались как в дарообмене, так и в ходе исполнения различных ритуальных процедур и практик¹. Поэтому весьма трудно понять, что хотели донести кочевники, направляя такие подарки.

Кубки, чаши и прочие атрибуты, используемые для различного рода застолий, надо полагать, присылались к московскому государю в качестве знака о мирных и благих намерениях. Ведь чаша (чарка), как и в русской культуре, являлась элементом пиров и застолий. В тюрко-монгольской культурной практике во время пиров поочередно пили из чарки с напитком². По монгольским сказаниям, Чингисхану была пожалована «нефритовая чаша», «наполненная вином рашияны»³. Таким образом, чаша (чарка) фигурирует в сюжетах, связанных с установлением социальных связей (поочередное распитие), а также с обретением сакральной силы (вино рашияны).

Не исключено, что схожую семантику имел чай, который, хоть и редко, но преподносили в качестве подарков русскому царю. Чай получил распространение в монгольских землях еще с конца XVI в. В Монголию он проник в связи с контактами кочевников с Китаем. Спустя время монголы стали активно использовать чай в качестве валюты⁴. Излагая биографию Галдана Бошокту-хана, Е. И. Кычанов отметил, что подарки, посланные джунгарским правителем к Очирту сэцэн-хану для сватовства с его дочерью, включали кирпичный чай, символизировавший будущее богатство семьи⁵. Распитие чая (как и алкоголя), по всей видимости, должно было сблизить участников процессии (чаепития), помогая установить коммуникацию. Не будет ошибочным предположение, что одаривание предметами обихода, чаем и прочими вещами кочевники показывали богатство и состоятельность перед российскими властями, выражая надежду на длительные и добрососедские отношения.

¹ Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М., 2002. С. 22, 24, 62, 72, 77, 109, 114, 127, 134, 135.

² Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. С. 155; Лубсан Данзан. Алтан тобчи: («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной. М., 1973. С. 104, 105; Джангар. Калмыцкий героический эпос. С. 204, 238, 240.

³ Лубсан Данзан. Алтан тобчи. С. 165, 179; Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года под названием *Mongrol-un Niruša tobčiyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник / Пер. С. А. Козина. М., Л., 1941. Т. 1. С. 68.

⁴ Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников. Монголия XVII – начала XX века. М., 2021. С. 116, 121, 124.

⁵ Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980. С. 39.

Не редки случаи, когда из центральноазиатских степей присылали в качестве подарков различные драгоценные или полудрагоценные камни, а также украшения. Джунгарский Галдан Бошокту-хан и хошоутский Очирту сэцэн-хан направляли русскому царю «яхонты» (рубин или сапфир), а также «лазоревые яхонты» (сапфир или лазурит)¹. Лазурит, заметим, до сих пор особо почитается в монгольской культуре, а «лазоревый» (синий) цвет в представлении монголов символизирует верность, вечность, постоянство². В 1671 г. был доставлен «камень лал» от джунгарского тайджи Цэвен Рабдана³, под которым подразумевался, вероятно, какой-то камень красного цвета⁴. В монгольской системе ценностей красный цвет символизировал радость⁵. Названные джунгарские и хошоутский правители в целом поддерживали мирные отношения с Российским государством на протяжении длительного времени. «Камень хрусталь», которым «бил челом» хотогойтский Лубсан Саин Эринчини в 1663 и 1665 гг.⁶, вполне мог являться реальным хрусталем. В монгольской культуре хрусталь до сих пор ассоциируется с белым цветом, являвшемся сакральным и олицетворявшем счастье, чистоту, благополучие, добро, почтение⁷.

Определенно символическое значение имели посылки в качестве подарков русскому царю «девяток» – даров в количестве девять штук. В 1665 г. алтын-хан Лубсан Саин Эринчини послал «9 человек, 9 верблюдов, 9 лошадей, 9 татгуцких черных коров»⁸. В 1673 г. джунгарский тайджи Чокур отправил «камок дважды по девятью»⁹. «Девятки» направили в 1674 г. хошоутский Очирту сэцэн-хан, его внук – тайша Лубсан, а также тайша Чокур-убаши¹⁰. Число девять, как известно, в тюрко-монгольской культуре имело сакральное значение¹¹.

¹ РМО. 1654–1685. С. 236, 259, 274, 489.

² Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. С. 180, 207.

³ РМО. 1654–1685. С. 236.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 319.

⁵ Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. С. 207.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 94, 167.

⁷ Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. С. 200–203, 213.

⁸ РМО. 1654–1685. С. 124, 160, 166.

⁹ Там же. С. 251.

¹⁰ Там же. С. 259. См. также: Там же. С. 236, 274.

¹¹ Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. С. 179–183.

Дарообмен выполнял *функцию закрепления достигнутых договоренностей*. Обмен подарками после заключения договоров восходит еще к архаичным временам¹. Однако даже с течением времени дарообмен после заключения каких-то договоренностей не потерял свою актуальность. Функция закрепления договорных отношений раскрывается на примерах раздач царских подарков после процедуры шертования. Шерть-присяга в большинстве случаев практиковалась после осуществления переговорного процесса, в ходе которого российская сторона путем убеждений и уговоров, обнадеживая контрагента различными благами, склоняла к подданству русскому царю². В таком контексте шерть являлась результатом достигнутых договоренностей, а само «государево жалованье» подкрепляло или запускало в действие данную шерть. Кочевники получали подарки за совершенную присягу на условиях подданства, предполагавшего различные материальные щедрости и «бонусы» от «великого государя».

В коммуникации с центральноазиатскими кочевниками раздача «государева жалованья» после принесения ими шерти-присяги практиковалось во взаимоотношениях с тюркоязычными енисейскими киргизами, алтайскими телеутами, орчаками (тувинцами), а также с монголоязычными ойратами, хотогойтами и халхасцами³.

Обмен подарками выполнял и *утилитарную функцию*, которая заключалась в том, что обе стороны коммуникации – Российское государство и разноформатные военно-политические объединения центральноазиатских кочевников – получали предметы, которые восполняли недостатки экономики и могли найти конкретное применение. Об этом свидетельствуют факты раздач присланных из степи подарков крестьянам, служилым людям, их продажа и зачет доходов с продажи в государеву казну. Эти факты уже были рассмотрены нами ранее. Точно также об утилитарном применении даров свидетельствует проанализированная выше практика «запросов». Ведь кочевники

¹ Иванов Вяч. Вс. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 60, 63, 65.

² См. подробнее: Зуев А. С., Попов Д. К. Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 164; РМО. 1607–1636. С. 24, 26, 37, 39, 40, 182–183, 193, 194, 197–198; РМО. 1636–1654. С. 21, 24, 283, 284, 286; РМО. 1654–1685. С. 366; РМО. 1685–1691. С. 192; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 129, 130; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 416; Он же. История Сибири. Т. 3. С. 242; Зуев А. С., Слугина В. А. Шерти-присяги... С. 344, 350; Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 20, 22, 36.

просили у представителей российской власти то, что им было жизненно важно и необходимо в каждый конкретный момент времени.

Дары, используемые участниками коммуникации, принимали разные форматы. Они могли являться «жалованьем», почетными дарами, подкупом или откупом. Наиболее распространенный формат даров – «жалованье» – был тесно связан с исполнением (или предполагаемым исполнением) кочевниками служебных обязательств, если не в момент раздачи, то в ближайшем будущем: «послали государево жалованье, хотя от них вперед к государю службы»¹.

Почетными дарами предметы дарообмена выступали в тех случаях, когда преподносились государю и воеводам от кочевников. Кроме того, почетными являлись презенты, подносимые контрагентам от воевод или участников дипломатических миссий. Не случайно такие подарки могли именоваться «поминками», которыми участники диалога «напоминали» о себе, даря вещь (предмет) на память. При этом форму «почести» могли принимать и царские подарки: в 1676 г. тобольский татарин С. Кулмаметов, которому было предписано ехать из Москвы в монгольские улусы, должен был передать контрагенту грамоты и «жалованья» «для почести»².

Форму подкупа подарки принимали тогда, когда одна из сторон пыталась ускорить решение какого-то конкретного насущного вопроса. Например, хотогойтский алтын-хан Омбо Эрдени в 1645 г. в своей грамоте просил царя Михаила Федоровича выяснить, по чьему указанию (царскому или воеводскому) в Томске был задержан лама Мерген Дега, прибывший туда для торговых целей. Правитель монголов писал, что «да за то де, что грамоту ево, алтына-царя, за рассмотрение 50 соболей да 5 бобров»³. Тем самым алтын-хан направил русскому царю «подкуп», чтобы тот рассмотрел его вопрос.

Посланный в 1653 г. в улусы хошоутов сын боярский Г. Ушаков раздал «государево жалованье», предназначенное в действительности тайджи Гундже, ее преемнику – тайше Аблаю. Это произошло из-за того, к моменту прибытия русского посланника она умерла. Раздача «жалованья» не по назначению была связана с тем, что в это время в Китай направился торговый караван во главе с тобольским головой П. Ярыжкиным, поэтому, во избежание «дурна и порухи» над торговцами, русским дипломатом было принято решение дать царские подарки новому хошоутскому

¹ РМО. 1636–1654. С. 64.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1676 г. Д. 1. Л. 14, 15.

³ РМО. 1636–1654. С. 257, 258.

правителю¹. Фактически «жалованье» в данном случае выступало как подкуп, т. е. способствовало урегулированию русско-хошоутских отношений в целях обеспечения свободного проезда торгового каравана через улусы кочевников. Одновременно беспрепятственный пропуск торговцев во главе с П. Ярыжкиным следует трактовать как оказание «службы» тайши «великому государю».

Подарки могли принимать и форму откупа. Посольство сына боярского В. Старкова, проезжавшее в 1638 г. через улусы енисейских киргизов, откупалось от алтырцев сукнами, обеспечивая себе безопасный проезд в Монгольскую землю. Основным опасением для русского посла была вероятность «воровского совета» киргизов с «черными» калмыками, что могло негативно сказаться на жизни членов посольства². Этот же В. Старков для того, чтобы не быть задержанным в улусах ноена Даина, раздал ему подарки, подчеркнув, что в ответ «отдарья и чести не было никакой»³. Как предполагал дипломат, ответом на подарки должны были стать дары («отдарье») и / или «честь», которую ноен должен был воздать посольству.

К русским дипломатам во время их нахождения в улусах кочевников могли приезжать представители властной элиты того контрагента, к которому прибыло посольство, с просьбами (а иногда и требованиями) дать им подарки. Например, жена ойратского тайши Куйши заявила русскому дипломату Н. Жадовскому, что «х Кон де тайше посылает государь ежелеть свое жалованье, а ко мне де ты што привез?»⁴. Случалось, что во время приезда русских посольств в ставки кочевников там одновременно находились дипломаты от других монгольских светских и духовных правителей. Посольство С. Греченина в 1636 г. застало в улусах алтын-хана Омбо Эрдени послов от халхаского дзасакту-хана Субуди («Есахту-хан»), хотогойтского Ундур-Торолту («Бурхан-кутухта») и некоего «калканского царя» «Катан-Богатыря», чье имя не идентифицировано исследователями⁵. Согласно статейному списку С. Греченина, послы от названных правителей явились к русскому дипломату в юрту, где «для государства величества прошали ... даров»⁶.

¹ Там же. С. 398–399. См. также: РМО. 1685–1691. С. 318, 322; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 77.

² РМО. 1636–1654. С. 105.

³ Там же. С. 126.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Там же. С. 411–412.

⁶ Там же. С. 46.

Русские дипломаты, находившиеся в ставках кочевников, одаривали тех представителей кочевой элиты (как родственников контрагента, так и тех, кто приехал от других кочевых правителей), которые обращались к ним с просьбами дать подарки. Эти одаривания, безусловно, выполняли важную роль. Они позволяли установить, своего рода, коммуникативные сети. Представители кочевой элиты, которые были подчинены тому контрагенту, к которому прибыло русское посольство, могли донести информацию о русском царе и подарках, полученных от него (через его представителей – послов), как своему окружению, так и в окрестные государства. Аналогичная ситуация была и с послами из других кочевых государств. Они рано или поздно отправлялись в улусы своих правителей и, надо полагать, доносили информацию о случившемся акте одаривания. Отсюда следует, что информация о некоем «белом царе», посланники которого ездили в соседние кочевые государства и которых лично видели дипломаты, разносилась по уголкам центральноазиатских степей. В материально-символической форме, т. е. в виде подарка, правители тех государств получали подтверждение щедрости, исходящей от «великого государя». Это, в свою очередь, должно было положительно сказаться на статусе российского монарха. Ведь кочевые «вожди» могли проявить интерес к «северному соседу» и изъявить желание «служить» ему. А поскольку чем больше правителей узнает о существовании русского царя, его щедрости и «милости», тем лучше для самого российского монарха.

Были случаи, когда без «государева жалованья» кочевые «вожди» отказывались принимать русские посольства или оказывать им какое-то содействие. В 1634 г. алтын-хан Омбо Эрдени даже указал «воротить з дороги» ехавшее к нему на прием посольство дворянина Я. Е. Тухачевского и подьячего Д. Агаркова, выразив протест, что «без государева де жалованья ко мне не ходите, а живите де вы в мое земле 2 месяца»¹. Он же пригрозил пожаловаться царю Михаилу Федоровичу на послов в том случае, если они не дадут предназначенные ему подарки². Сталкивались с вымогательством подарков и русские дипломаты, выполнявшие свои поручения в ставках халхаских правителей³. На

¹ РМО. 1607–1636. С. 207.

² Там же.

³ РКО в XVII в. Т. 1. С. 292; РКО в XVII в. Т. 2. С. 295, 297; РМО. 1685–1691. С. 27, 31, 107.

этот факт указал великий и полномочный посол Ф. А. Головин, заявив, что контрагенты «просят у них (русских дипломатов. – *Д. П.*) подарков власно, как и с подданных своих»¹.

Длительность отношений между российской властью и кочевниками сформировала у последних «привычку» получать презенты и бонусы от «великого государя». На это обратил внимание джунгарский тайджи Цэвэн-Рабдан в своем письме, поданном в 1694 г. царям Петру и Иоанну Алексеевичам. Он указал, что «изстари к нам (джунгарам. – *Д. П.*) ваши государские грамоты и жалованье присылано бывало, и то де известно обо всем, сколько чего бывало вам, великим государем, а ныне де против прижняго ни грамоты, ни жалованья в присылке не бывало»².

Роль подарков в российско-кочевнических отношениях на центральноазиатском направлении в XVII в. уже отмечалась в научно-исследовательской литературе. Еще Г. Ф. Миллер указал на то, что целью дипломатических миссий из степи были не только торговля, но и получение презентов. При этом, как отметил исследователь, стоимость привозимых кочевниками даров значительно уступала стоимости «государева жалованья»³. Он же обратил внимание и на практику «запросов», отметив, что, реагируя на просьбы прислать конкретные предметы, российская власть пыталась втянуть джунгарского хунтайджи на свою сторону. Однако это было безуспешно, поскольку ойратский правитель, по словам исследователя, «сделался от этого только высокомерным и нимало не скрывал, что он у русского царя в большом почете, чем и возбуждал зависть в других тайшах»⁴. «Настойчивость» в требованиях подарков Г. Ф. Миллер объяснял «обычаями» кочевых народов, воспринимавших «вежливость» как «должное»⁵.

Согласно концепции русско-ойратских отношений, изложенной Н. А. Бичуриным, подарки являлись ключевым стержнем коммуникации России и кочевников. Не получив нужное количество даров, кочевники могли изменить ранее данной ими присяге (шерти). Запрет пропускать в столицу посольства от номадов или отсутствие ответов на их «запросы» приводили к тому, что они начинали совершать набеги на сибирские территории и предъявляли свое право на сбор ясака с аборигенного населения⁶. По словам

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 231.

² МОЦА. С. 218.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 13–15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 17–18.

⁶ Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834. С. 32, 37, 39, 43, 48 53.

Н. А. Бичурина, у кочевников «только одно намерение – получать чаще подарки за уверения в ложной их преданности к российскому престолу»¹. Требования подарков исследователь объяснял отсутствием скромности у степняков, а также «недостатком» образования, указывая, что «хитрость составляет главное качество ума»². Кочевники, по его мнению, устанавливали требования, которые российские власти должны были исполнять, направляя им подарки³.

А. П. Уманский указал, что в развитии русско-телеутских отношений «“государево жалованье” было своего рода и приманкой и наградой за верность союзническому долгу, поощрением и за выбор прорусской ориентации, откупом за отказ от нападений на уезды, за мир на “меже”»⁴. Л. Ш. Чимитдоржиева на материале русско-хотогойтских отношений заключила, что царские подарки были одним из стимулов развития связей алтын-ханов с российским монархом⁵.

Интерпретируя все вышесказанное, отметим, что в ходе дарообменных практик происходило взаимодействие двух кардинально разных политических культур, опиравшихся на разные ментально-мировоззренческие и идеологические установки. Со стороны российского монарха одаривание подарками – «государевым жалованьем» – являлось, во-первых, проявлением акта милости, связанной с сакральным образом «великого государя».

Во-вторых, одаривание было политическим инструментом, при помощи которого российская власть стремилась склонить тюрко- и монголоязычных кочевников к переходу «под государеву высокую руку». Р. Вульпиус, описывая роль дарообменных технологий в развитии русско-казахских отношений в XVIII в., использует понятие «мягкой силы», включающее в себя различного рода «выплаты» и «культуру даров» и являющееся антитезой военным действиям, т. е. «жесткой силы». Эта «мягкая сила» использовалась в качестве инструмента при подчинении иноэтничных народов⁶. Считаем вполне обоснованно экстраполировать данное понятие на взаимоотношения Российского государства с центральноазиатскими кочевниками в XVII – начале XVIII в. Российская

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 48, 52, 53, 56, 57, 58.

⁴ Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 20.

⁵ Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. С. 94–95.

⁶ Вульпиус Р. Рождение Российской империи. С. 599–600.

власть, обнадеживая и прельщая подарками, склоняла кочевую элиту на свою сторону, вызывая желание и стремление перейти «под государеву высокую руку». Ведь милостивый государь, наделенный всей полнотой власти, опираясь на христианские концепты, будет «жаловать» своих подданных-«холопов», чтобы они ни в чем не нуждались.

При этом «мягкая сила» в виде подарков нередко сочеталась с использованием вербально-символических, церемониально-ритуальных и политико-правовых процедур, транслировавших нормативы российской политической культуры, а также направленных на легитимацию власти царя и формирование его образа в кочевой среде¹. Отметим, что дарообменные практики не всегда и не со всеми кочевниками использовались российской властью. В развитии русско-киргизских отношений дарообмен, по всей видимости, играл меньшую роль, чем в коммуникации с другими кочевниками. Документы, описывающие русские дипломатические миссии в улусы енисейских киргизов, не всегда упоминают о раздаче «жалованья» даже после состоявшейся процедуры шертования, происходившей после достижения договоренностей². Тем не менее практика одаривания «государевым жалованьем» не была полностью отменена в русско-киргизских отношениях³. Обещания «жалованья» использовались и при призывах киргизов «под государеву высокую руку»⁴. Вполне вероятно, что российская дипломатия не всегда видела необходимость посылать «государево жалованье» вместе с миссиями, ездившими в улусы енисейских киргизов. Отношения между Российским государством и населением Киргизской земли на протяжении XVII – начала XVIII в. были конфликтными и сопровождались постоянными

¹ Попов Д. К. Визуальные методы презентации образа Московского государства в дипломатических отношениях с кочевниками Центральной Азии в XVII в. // Международная научная студенческая конференция (58; 2020; Новосибирск). Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, 10–13 апреля 2020 г. [Секция] История / [науч. рук. секции Н. Н. Родигина; пред. секции Н. С. Гурьянова]. Новосибирск, 2020. С. 62–63; Зуев А. С., Попов Д. К. Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89; Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 126–292.

² См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 34–36 об., 37–37 об.; Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 14. Л. 1–6 об.; ПСИ. Кн. 1. С. 174–186; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 40–66.

³ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 128–129, 130, 178; Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. С. 190; Трепавлов В. В. Символы и ритуалы... С. 120.

⁴ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 76.

набегами на русские и ясачные территории, а также ответными походами сибирских служилых людей¹.

Со стороны центральноазиатских кочевников посылка даров российскому монарху воспринималось как надежда на получение в ответ каких-то подарков. Этот вывод можно сделать на основе анализа взаимоотношений кочевых этносоциумов с центральноазиатскими государствами, в частности с минским (а после 1644 г. – цинским) Китаем. Для получения преференций они даже вступали в вассальные отношения с китайскими правителями, которые могли нередко носить формально трибутарный характер. Кочевники подносили китайскому двору символические подарки – лошадей, которые были нередко крайне плохого качества. Китайцы, в свою очередь, принимали их и были обязаны, согласно договорным практикам, определявшим параметры монголо-китайских отношений, отвечать подарками. Отказ китайским правительством принимать и / или направлять подарки в степь приводил к набегам на китайские земли².

К моменту установления контактов с Российским государством кочевники уже привыкли к описанной выше модели обмена подарками, сложившейся в течение длительного времени в Центральной Азии. И подарки от кочевников, и ответные дары – «государево жалованье» – по своему составу и характеру подношений в целом вписывались в эту модель. Аналогичные по своему составу монголоязычные кочевники направляли подарки (дань) в Китай. Практически идентичны русским подаркам («государеву жалованью») были ответные «пожалования» от китайских (а затем и маньчжурских) монархов в виде тканей и одежды³.

Институт дарообмена в разных его проявлениях играл важную роль в жизни кочевого общества, что уже неоднократно отмечалось в историко-этнографической литературе⁴. Еще Г. Ф. Миллер в свое время, излагая события русско-калмыцких

¹ См. подробнее: *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 58–92.

² *Бичурин Н. Я.* (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. С. 17–19; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 18–20; *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы, 1995. С. 127–129; *Гомбожапов А. Д.* Мин и монголы: торгово-даннические отношения // Вестник БНЦ СО РАН. 2026. № 1 (61). С. 69–73.

³ *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии. С. 127–129, 132, 134–135.

⁴ *Жуковская Н. Л.* «Подарок–отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов. С. 160–168; *Она же.* Кочевники Монголии... С. 124–137; *Бутанаев В. Я.* Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004. С. 86–95.

отношений, обратил внимание, что «брать и получать подарки настолько в обычае у всех восточных народов, что никакая дружба не может без них существовать»¹. Это наблюдение, как мы уже убедились, не беспочвенно и находит многочисленные подтверждения на материале коммуникации кочевых этносоциумов с различными государствами Евразийского пространства.

Центральноазиатские кочевники были заинтересованы в поддержании отношений со своим «северным соседом». Так, в 1616 г. калмыцкий «большой» тайша Богатырь со своими братьями заявили посланным в Калмыцкую землю служилым людям Т. Петрову и И. Курицыну, что калмыки «жадны» «государской милости», уверяя русских дипломатов, что «хотя к ним государь пришлет своего государева жалованья один колпак ко всем, и они и то меж себя розделят по малому наперстку и государственной милости вовеки не забудут»². Слово «жадны» в документе использовано в значении радости, т. е. калмыки рады проявленной по отношению к ним «милости» от русского царя. Именно такую реакцию ожидали представители российской власти от номадов, когда направляли к ним «жалованье».

На заинтересованность в поддержании отношений с Российским государством указывает как практика «запросов», поступавшая от кочевников, так и частые приезды посольств в сибирские города из центральноазиатских степей.

Таким образом, дарообмен в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками выполнял ряд функций, направленных на поддержание коммуникации, установление взаимных связей, формирование образов власти. Форма подарков, адресованных кочевникам, зависела от ситуации. Это могли быть «жалованье», почетные подарки, откуп или подкуп. Обмен подарками служил инструментом привлечения номадов под власть российского монарха. Многочисленные примеры дарообменных практик демонстрируют их большую роль в развитии российско-кочевнических отношений.

* * *

Дары, циркулирующие в ходе дарообменных практик, в дипломатическом дискурсе Российского государства XVII в. номинировались лексемами, характерными

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 13.

² РМО. 1607–1636. С. 53.

для «посольского обычая» того времени. Употребление дарообменной лексики зависело от статуса дарителя и акцептора, от отношений между ними, от «уровня» самого дарообмена.

На самом «высоком» уровне, где дарителем выступал «великий государь», применялась «жалованная» лексика по отношению к его подаркам. От имени русского царя посылали «государево жалованье», которое нередко связывалось с понятием «государева милость». И «милость», и «жалованье» являлись базовыми концептами российской политической культуры XVII в. «Великий государь» проявлял свою «милость» по отношению к контрагентам и направлял им свое «жалованье», выражавшееся в материальных атрибутах.

Подношения, сделанные русскому царю, никогда не номинировались «жалованьем», что обусловлено тем, что контрагенты, по мнению российской власти, не обладали подобными правами, в то время как власть государя была суверенной и он обладал всеми полномочиями «жаловать» кочевников. Среди лексики, используемой для номинации посылок для царя, использовались слова «поминки», «дары», «подарки», «гостинцы», «дань».

На «среднем», «воеводском», уровне, где участниками дарообменных практик выступали воеводы или приказчики, также отмечается многообразие лексики. Кочевники привозили сибирским управленцам «поминки», «подарки», «дары», а те, в свою очередь, одаривали их презентами с точно такими же номинациями. Не было никакой унификации и на «персональном» уровне, где участниками дарообмена выступали дипломаты. Анализ делопроизводственной документации показал многообразие дарообменной лексики, которая зачастую использовалась в качестве синонимов и взаимозаменялась.

Дарообмен интересовал российскую власть как на местном, так и на центральном уровне, что проявлялось в фиксации сведений о подарках в нормативно-распорядительной и отчетной документации, наличии распоряжений по конкретным вопросам, связанным с подарками. Сибирские воеводы и приказные дьяки Казанского, Сибирского и Посольского приказов обменивались информацией о доставленных кочевниками дарах.

Привезенные дары, предназначенные государю, не всегда доставлялись в Москву. Их могли продать, раздать, вернуть обратно в связи с непригодностью (плохим качеством). Только качественные подарки направлялись в столицу, где их оценивали и

распределяли в царскую казну. Ассортимент подарков от кочевников был разным, но в целом характерным для хозяйственного уклада номадов.

Царское «жалованье» формировалось либо в Москве, либо в Сибири. По своему составу оно включало, как правило, предметы текстиля и одежду. Однако направляли и другие предметы, что было обусловлено наличием конкретных вещей в каждый конкретный момент времени в том или ином месте, а также конкретной ситуацией, послужившей поводом для совершения акта одаривания.

Российское государство стремилось реагировать (правда, не всегда) на поступающие из центральноазиатских степей «запросы», состав которых определялся желаниями кочевников. Практика «запросов» являлась одним из стимулов развития российско-кочевнических отношений. Кочевники тем самым восполняли недостатки экономики своего общества.

Стоимость даров была неравнозначной. По нашим подсчетам, стоимость подарков, привезенных из степи, была более чем в 2,5 раза дешевле стоимости «государева жалованья». Такая щедрость со стороны российской власти была направлена на формирование соответствующего образа «великого государя».

В функциональном плане дарообменные практики поддерживали коммуникацию между сторонами, репрезентировали власть, выступали рекламой товаров. Дарообмен являлся ритуалом, состоящим из набора последовательных действий, где в качестве символа выступал сам дар. Как и любой символ, дар (подарок) передавал конкретные смыслы в семиотическом пространстве дипломатической культуры. И русская, и кочевая стороны своими подарками пытались донести конкретные «тексты», характерные для их культуры. При помощи подарков российская власть закрепляла достигнутые в ходе переговорного процесса договоренности.

Подарки имели важное значение для кочевников, что было обусловлено их ментально-мировоззренческими установками, оказывающими влияние на ход дипломатической коммуникации. Отсутствие подарков или невыдача их по требованию осложняли осуществление русскими послами своих полномочий. В зависимости от ситуации и контекста дары приобретали форму «жалованья», подкупа, откупа и почетного дара. В этом проявлялась полисеманτικότητα дарообменных практик.

Россия, направляя «государево жалованье», как по своей инициативе, так и в качестве реакции на «запрос», стремилась обеспечить лояльность кочевой элиты, что, по

мнению власти, должно было способствовать возникновению желания (в момент одаривания или в обозримом будущем) перейти «под государеву высокую руку», т. е. в подданство. В акте «пожалования» проявлялась «милость» «великого государя», который оказывал заботу о своих потенциальных подданных.

Для кочевников формат дарообмена, который практиковался в отношениях с Российским государством в XVII в., не был новым. Они уже имели опыт подобной коммуникации в разные времена с разными государствами. Присылая свои подарки в Россию, они ожидали, что представители российской власти одарят их чем-то большим.

Глава 3. Дипломатический церемониал в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками

3.1. Прием русских дипломатов в ставках кочевников

Дипломатический церемониал, как правило, строится с учетом сложившихся культурных традиций того государства, которое принимает иностранное посольство. На современном этапе развития дипломатических отношений диалог между сторонами выстраивается на принципах «международной вежливости», не позволяющих ущемлять национальные традиции участников коммуникации¹. Кроме того, имеются и международные нормативно-правовые акты, которые определяют формат дипломатических представительств, протокол и прочие аспекты, необходимые для поддержания нормального конструктивного диалога между государствами.

Прежде, чем перейдем к реконструкции дипломатического церемониала, который использовался во время аудиенций русских посланников в ставках кочевых правителей и служителей буддийского культа, заранее оговорим, что нами будет уделено внимание и дипломатическому протоколу, который применялся в кочевых улусах. Напомним, что под церемониалом мы подразумеваем совокупность (нередко торжественных и парадных) церемониальных действий и ритуалов, совершаемых участниками коммуникации. Эти действия и ритуалы были направлены на репрезентацию власти российского монарха, его легитимацию, трансляцию основных нормативов русской политической культуры. Протоколом же мы называем, как было отмечено ранее, совокупность правил и традиций, которые регулировали отношения между сторонами, в частности те традиции и правила, которые были связаны с обеспечением дипломатов, находившихся на территории контрагента, всем необходимым (встреча, сопровождение, предоставление или непредоставление средств передвижения, пропитания, жилища, различного рода угощений). Аналогично данные аспекты церемониала и протокола будут рассмотрены и при изложении материала, связанного с приемом дипломатов от кочевых правителей в Сибири и в Москве.

¹ *Лядов П. Ф.* Дипломатический протокол и протокольная служба // *Право и управление.* XXI век. 2012. № 2 (23). С. 125–126; *Молочков Ф. Ф.* Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М., 1977. С. 6.

В XVII в. ситуация с дипломатическим протоколом и церемониалом обстояла иначе, чем в современности. Монархи, обмениваясь посольствами, давали четкие указания своим представителям-дипломатам, согласно которым они были обязаны во время их пребывания у иностранного правителя выстраивать коммуникацию и, соответственно, весь церемониал по своим правилам, т. е. по правилам, принятым в их государстве¹. Подобные ситуации приводили к конфликтам и даже срывам переговоров. Примеры таких «церемониальных споров» и «конфликтов» можно найти в отношениях различных государств как в Европе, так и в Азии. Россия в этом плане не была исключением².

Церемониальные аспекты включались в указы (наказные памяти) русских послов и посланников, которые направлялись по указаниям Посольского приказа в Европу или в Азию. В наказах (наказных памятях) содержался идеальный формат протокольных требований и церемониала, необходимый российской дипломатии для того, чтобы не уронить «честь» государя и тем самым продемонстрировать его высокий статус во властной мировой иерархии³.

Дипломаты, ездившие в ставки кочевников севера Центральной Азии, также получали указы (памяти)⁴. В этих «инструкциях» с разной степенью детализации содержались протокольные и церемониальные аспекты, а иногда лишь отдельные их компоненты, которым русские дипломаты должны были следовать во время приезда в

¹ Hennings J. Russia and Courtly Europe. P. 3.

² См., например: Хорошкевич Л. А. Русь и Крым. С. 202–203, 205, 207–208; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 23–24; Анисимов Е. В. Когда ушел последний «дипломатический караван» // Международная жизнь. 2000. № 1. С. 78; Моисеев М. В. Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2011. Вып. 4. С. 192–201; Мерзанова А. В. Дипломатический церемониал в отношениях России и Священной Римской империи германской нации в январе–марте 1687 г. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 7–11.

³ См. примеры церемониальных требований, включенные в указы русским послам: Хорошкевич Л. А. Русь и Крым. С. 203, 204; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 23; Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол. С. 166.

⁴ «Идеальный» вариант церемониала, который был предпочтителен для российской власти, см.: Зуев А. С., Попов Д. К. Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования»: Сборник памяти В. В. Трепавлова. М., 2024. С. 400–418. Материалы данной публикации лежат в основе данного раздела диссертации.

ставки кочевников и в ходе аудиенций у кочевых правителей. Отметим, что в наказных памятях, выданных сибирскими воеводами русским посланникам, не всегда содержатся сведения о церемониалах¹. При этом сведения о различных компонентах протокола и церемониала в той или иной степени содержатся в отчетной документации – статейных списках, доездах и расспросных речах. В своей совокупности названные источники позволяют установить церемониальные и протокольные действия, которые должны были совершаться (и совершались в реальности) в ходе исполнения русскими посланниками своих обязанностей в улусах номадов.

Обратим внимание, что дипломатические представители российской власти при осуществлении своих полномочий должны были действовать по определенной схеме в рамках существовавших тогда дипломатических и прочих «этикетных» норм. Причем, как и в случаях отношений с «настоящими» монархами, правила поведения, традиции и ритуалы, принятые в России, должны были полностью применяться и в отношениях с центральноазиатскими номадами.

Русские дипломатические миссии, как правило, ездили в центральноазиатские степи не одни, а в сопровождении посольств от кочевых правителей, которые после проведения переговоров в сибирских городах (или в Москве), направлялись обратно в свои улусы². Однако были случаи, когда русские посольства ездили без подобных сопровождений, поскольку российская сторона выступала инициатором установления контакта³. Случалось, что путь русской делегации пролегал через улусы разных кочевых правителей и их вассалов. В зависимости от характера отношений между ними и русскими, они могли предоставлять сопровождающих лиц. Так, в 1640 г. джунгарский тайша Кула сам провожал русского дипломата К. Абрамова до Эрдени Батура-

¹ См., например, наказные памяти и пересказы наказных памятей в статейных списках и доездах: НИА СПбИИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 30. Л. 2; Ф. 96. Д. 20. Л. 2; РМО. 1636–1654. С. 168, 204, 219–220, 272; РМО. 1654–1685. С. 183, 192, 248, 278, 305–306, 333; РМО. 1685–1691. С. 80, 265.

² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 3; Сборник князя Хилкова. С. 304; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 71–72; РМО. 1607–1636. С. 38; РМО. 1636–1654. С. 66, 104, 149, 151, 172, 179, 183, 190, 214, 235, 236, 271, 344, 347, 395, 397; РМО. 1654–1685. С. 104, 333, 343; РМО. 1685–1691. С. 318; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 161

³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 154; РМО. 1607–1636. С. 31, 70, 111, 113; РМО. 1654–1685. С. 56–57.

хунтайджи¹, а в 1688 г. Цыбден-тайша выдал для сопровождения до Ундур-геген хутухты русскому дипломату И. Р. Качанову улусного «мужика»².

После того, как русские посольства, выехавшие из сибирского города, достигали «рубелей», т. е. смежных территорий, где оканчивались владения Российского государства и начинались земли кочевников, они направляли гонцов для оповещения контрагента об их прибытии: «сын боярской Василей Парфирьев, подъехав под улусы мунгальского геген-кутухты, послал подьячего Федора Удачина да толмача Тараска Афонасьева»³; «не доехав до Бушухту-хана, послал он казака Ивана Калмакова и приказал ему Бушухту-хану о себе объявить»⁴; «стали за рекою Убатом, а к нему, Абе, послали посланца его Абина Юрукту Кашку, и велели ему говорить: ... из Красноярска посланные служилые люди ... приехали и ныне стоят на речке Убат»⁵.

Рекомендации направлять гонцов с уведомлением о прибытии делегации содержались (правда, не всегда) и в наказных памятях, выданных русским посланникам: «приехав ему в мунгальские улусы, не доезжая кутухты, послать от себя кого пригож <...> и чтоб он, Очирдар-кутухта, и тайши велели ево, Ивана, к себе в улусы принять, и отвести место, где стоять пригож, и дали корм, и велели быть у себя с листами вскоре»⁶; «приехав в калмыцкие улусы и не доезжая, где стоит калмыцкой Бушукту-хан угрою, послать от себя кого пригож и велеть про себя сказать»⁷; «киргиского посланца, которой с тобою отпущен из Томского, отпустить в киргизы и приказать с ним посланцом, чтоб послы контайши прислали из киргиз по тебя подводы и пристава, знатнова человека, кому тебя принять»⁸.

Русские посольства по каким-то неизвестным причинам могли вовсе не направлять гонцов и не оповещать о своем прибытии контрагента. Тогда им приходилось добираться до кочевого правителя самостоятельно или, если тот узнал о приближении сам и выслал

¹ РМО. 1636–1654. С. 192.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 253. См. также: РМО. 1607–1636. С. 31; РМО. 1636–1654. С. 135.

³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 154.

⁴ МОЦА. С. 215.

⁵ ПСИ. Кн. 1. С. 180. См. также: Бутанаяев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 72; РКО в XVII в. Т. 2. С. 253; РМО. 1636–1654. С. 152, 203–204, 347, 364, 369; РМО. 1654–1685. С. 58; ДАИ. Т. 6. С. 296, 298.

⁶ РКО в XVII в. Т. 2. С. 379.

⁷ РКО в XVII в. Т. 2. С. 626.

⁸ ПСИ. Кн. 1. С. 69. См. также: РМО. 1654–1685. С. 305.

встречающих лиц, то в их сопровождении¹. Были случаи, когда от кочевников не было организовано встречи: «а встречи им не было»². Иногда контрагенты случайно встречали русские посольства, которые следовали к ним³.

Если дипломатическая миссия носила важный характер, то гонцов с уведомлением могли направить из того сибирского города, откуда выдвигалось посольство. В 1634 г. посольство дворянина Я. Е. Тухачевского, прибывшее из Томска в Кузнецк, направило гонцов с уведомлением о миссии. Встреча от хотогойтского алтын-хана Омбо Эрдени прибыла в Кузнецк и уже оттуда все вместе направились в улусы хотогойтов⁴.

Практика оповещения контрагента о предстоящем посольстве (когда она применялась) была распространена в коммуникации российской власти со всеми центральноазиатскими номадами и вписывалась в нормы «посольского обычая» того времени. Кочевники в целом нейтрально реагировали на данные уведомления со стороны русских дипломатов и присылали для встреч своих представителей. Однако иногда все же высказывали свое недовольство. В 1631 г. томский сын боярский К. Карякин, направленный в улусы хотогойтов, повстречал в землях енисейских киргизов, через которые он проезжал, людей алтын-хана Омбо Эрдени. Вместе с ними он добирался до хотогойтского правителя. По пути следования К. Карякин предложил направить гонца с уведомлением о его миссии. На что он получил ответ: «того де у алтына не повелось, что, не доветчи до кочевья ево послов, присылать про них с вестью»⁵. Такой же ответ получили тобольский сын боярский Ф. Михалевский и подьячий Г. Шешуков, которые в 1677 г. следовали в улусы тушету-хана Чихунь Доржи⁶.

Для встречи русских посланников направлялись, как правило, представители кочевой элиты – князцы, табуны, тарханы, батыры, родственники кочевых «вождей», служители буддийской церкви⁷. Но кочевые правители могли направить и рядовых улусных людей, не обладавших никакими титулами и званиями: «прислал к ним Роману

¹ РМО. 1607–1636. С. 56, 61, 137, 138; РМО. 1636–1654. С. 50, 134, 204, 347, 353, 369; РМО. 1654–1685. С. 73, 89, 94, 106, 117, 139, 185, 208, 309, 334, 364, 376.

² РМО. 1607–1636. С. 70; РМО. 1636–1654. С. 103; РМО. 1654–1685. С. 72–73.

³ РМО. 1607–1636. С. 168.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 203–204, 216, 227–229, 230, 231, 239. См. также: РМО. 1636–1654. С. 205, 277.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 169.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 310.

⁷ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 72; РКО в XVII в. Т. 2. С. 154, 253; РМО. 1607–1636. С. 56, 61, 204; РМО. 1636–1654. С. 50, 51, 106; РМО. 1654–1685. С. 93, 94, 309, 376; ДАИ. Т. 6. С. 296, 298.

и Куземке с товарищи киргизетина Дербижанка»¹; «выслал встречу улусных своих дву человек»². Иногда русские посольства по пути следования в ставку кочевников встречали несколько разных лиц³. Количество встреч, вероятно, напрямую зависело от отношения контрагента к прибывшему посольству (и российской стороне в целом) в каждый конкретный момент времени.

Во время первых встреч обе стороны спешили и, как предполагал русский «посольский обычай», снимали головные уборы. Встречающие задавали вопросы, откуда послана дипломатическая миссия и с какой целью она едет в улусы кочевников: «присланы де мы к тебе, Василью, а велено де вас спросить от кого де вы присланы и с каким делом?»⁴. В ответ русские дипломаты уведомляли встречающих лиц о целях посольства⁵. Во время ответов на вопросы и при упоминании имени российского монарха они оглашали краткий вариант его титулатуры⁶. После этих действий лица, встречающие посольство, спрашивали о здоровье русского царя, на что получали соответствующий ответ: «...великий государь ... на своем царском превысочайшем престоле, дал бог, здорово»⁷. После обмена приветственными речами мог совершаться ритуал дарообмена: российская сторона одаривала встречающих, а они, в свою очередь, оказывали услугу, провожая посольство до ставки правителя⁸.

Уже во время самого первого контакта могли происходить словесные перепалки и дискуссии. В 1634 г. случилась ранее упомянутая дискуссия между русским посольством во главе с Я. Е. Тухачевским и встречавшим Шубачин-тарханам, который назвал царя Михаила Федоровича «братом» хотогойтского алтын-хана Омбо Эрдени, что привело, если верить статейным спискам, к возражению с русской стороны⁹.

¹ ПСИ. Кн. 1. С. 180; См. также: РМО. 1607–1636. С. 70.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 5. См. также: РМО. 1636–1654. С. 134; РМО. 1654–1685. С. 117; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 80.

³ РМО. 1607–1636. С. 204, 217; РМО. 1636–1654. С. 52.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 376. См. также: РМО. 1607–1636. С. 62.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 62.

⁶ Там же. С. 62; РМО. 1636–1654. С. 50–51, 52, 134–135.

⁷ РМО. 1636–1654. 51–52.

⁸ РМО. 1607–1636. С. 216–217; РМО. 1636–1654. С. 52.

⁹ РМО. 1607–1636. С. 204.

Лица, сопровождавшие русское посольство, по пути следования в ставку кочевников обеспечивали его необходимым провиантом («питьем» и «кормом»), а также «подводами» – средствами передвижения (верблюдами, лошадьми, повозками)¹.

После того, как дипломатическая миссия прибыла в ставку правителя, ей предоставлялось место проживания: «и приехав, поставил его, Василья, на уреченном месте в юртах»²; «поставили нас от урги его Абы зайсана сажень со сто»³; и т. д.⁴. Кроме того, посольству предоставлялось пропитание, а в холодное время года – топливо (дрова)⁵. К нему приставлялась охрана и приставы⁶. Обратим внимание, что дипломатические миссии в зависимости от ситуации могли находиться в ставке (урге) самого кочевого правителя, так и лиц, которые по его распоряжению (или по своему желанию) были уполномочены проводить переговоры. Обычно это были либо близкие родственники – мать правителя, первая жена, братья или сыновья, либо служители буддийской церкви – лама, хутухта или их доверенные лица (шанзаба)⁷.

Еще до начала аудиенции у правителя или представителя буддийской церкви (если посольство прибыло к нему) могли проходить предварительные переговоры по отдельным ритуальным вопросам. Особо это соблюдалось в практике отношений с халхаскими правителями и служителями буддийского культа. Обычно предметом переговоров было совершение русскими дипломатами поклона, адресованного буддийскому служителю (хутухте), «божеству» или правителю. Впервые в российско-кочевнических переговорах требования сделать поклон, правда, перед ханской юртой, зафиксированы в 1647 г. во время случайной поездки К. Москвитина в улусы цэцэн-хана Шолоя: «идучи, им велел, видя юрту свою, перед нею кланяться и садитца на коленках»⁸. В дальнейшем подобные требования звучали периодически. Так, в 1688 г. гичул Дайчин

¹ Там же. С. 204, 230; РМО. 1636–1654. С. 32, 33, 50, 51, 106, 134–135, 204; РМО. 1654–1685. С. 89, 93, 94, 117, 334; РКО в XVII в. Т. 2. С. 252.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 154. См. также: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 5; РКО в XVII в. Т. 2. С. 253, 371.

³ ПСИ. Кн. 1. С. 180.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 411; РМО. 1607–1636. С. 56, 61; РМО. 1654–1685. С. 73, 310, 334; ДАИ. Т. 6. С. 297.

⁵ ПСИ. Кн. 1. С. 181; РМО. 1607–1636. С. 56, 204; РМО. 1654–1685. С. 73, 106, 151, 310, 334.

⁶ РКО в XVII в. Т. 2. С. 252, 371; РМО. 1607–1636. С. 70; РМО. 1654–1685. С. 73, 94, 310.

⁷ См., например: Сборник князя Хилкова. С. 304; РМО. 1636–1654. С. 348; РКО в XVII в. Т. 2. С. 155, 254.

⁸ РМО. 1636–1654. С. 318.

Лапсон, приставленный в качестве пристава к посольству сына боярского В. Перфильева, заранее спрашивал русского дипломата: «ему де, мунгальскому геген-кутухте, по нашему мунгальскому обычаю ты, Василей, поклонись ли и благословение от него примешь ли?». Решение русского дипломата прямо влияло на ход дальнейших переговоров, поскольку при наличии положительного ответа от русской делегации Ундру-геген хутухта лично принял бы посольство. Но на вопрос, заданный гичулом, В. Перфильев ответил, что он сделает поклон «по своему рускому обычаю как достоин, а по их де мунгальскому обычаю ему, геген-хутухте, он, Василей, не поклонится и благословения ево не примет»¹.

Случалось, что в знак благорасположения к русской стороне еще до аудиенции у кочевого правителя дипломату в юрту передавали угощения. Под этим видом явно пытались выявить цель дипломатической миссии: «привезли на 2-у блюдах сахару да 20 бакчей чаю. А принесши говорили, что де тот сахар и чай прислал к нему геген-кутухта. <...> Да они ж, лама и гичюл, ему, Ивану, говорили: приказал де кутухта ево спросить, для какова де дела он, Иван, к нему, кутухте, приехал?»².

Аудиенция у правителя или лица, уполномоченного на ее проведение, могла быть как в день прибытия посланника («и того ж числа кутухта взял ево, Тараска, к себе в юрту»³), так и позже («велел нас взять к собе на очи на другой день»⁴). Телеутский князец Кока в 1658 г. разъяснял пятидесятнику Д. Вяткину, что «у них тово не ведетца», чтобы принимать дипломатов в первый день приезда⁵.

Местом аудиенции была юрта (шатер): «а на приезде они у большово тайша были в шатре, а шатер был бухарской с полами»⁶; «взяли нас Григорья с товарищи перед себя в судейную юрту»⁷; и т. д.⁸ Иногда прием русского посольства происходил в «посольской» или «приезжей избе», под которой, вероятно, следует подразумевать специально обустроенную для таких целей юрту: «а приехав в ургу, с листом и с

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 154–155. См. также: Там же. С. 253; РМО. 1654–1685. С. 312, 377.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 253. См. также: РМО. 1654–1685. С. 61.

³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 371. См. также: Там же. С. 155; ПСИ. Кн. 1. С. 181, 182; РМО. 1607–1636. С. 169; РМО. 1636–1654. С. 275; ДАИ. Т. 6. С. 296, 298.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 56, 62, 204; РМО. 1636–1654. С. 152; РМО. 1654–1685. С. 22, 334.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 6.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 52.

⁷ Сборник князя Хилкова. С. 304. См. также: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 2.

⁸ РКО в XVII в. Т. 2. С. 371, 418; МОЦА. С. 216; РМО. 1607–1636. С. 70–71; РМО. 1636–1654. С. 107, 141; РМО. 1654–1685. С. 59, 117, 310.

подарками в посольскую юрту... пришел»¹. В 1616 г. алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи принимал дипломатическую миссию В. Тюменца в «мечети». Русские дипломаты не знали еще того, что у монголов был распространен не ислам, а буддизм. Под мечетью они явно подразумевали буддийский храм, построенный в улусах монголов-хотогойтов². Русско-киргизские переговоры в 1648 г. проходили вообще вне ставки кочевого правителя, на заранее выбранном русским дипломатом томским сыном боярским С. Греченином урочище, куда по его приглашению прибыли киргизские князцы³.

На аудиенцию к кочевому правителю русских дипломатов приглашали приставы⁴. Участники дипломатической миссии во главе с ее руководителем должны были облачиться в парадную одежду – «цветное платье»⁵. Однако в источниках не всегда содержится информация о том, что дипломаты надевали «цветное платье» перед аудиенцией у правителя. По всей видимости, они действовали по своему усмотрению и по возможности, исходя из конкретной ситуации.

Русские посольства от места своего расположения до шатра (юрты) правителя двигались либо пешим ходом, либо верхом на лошадях. Во время этой процессии они должны были держать на руках царские подарки: «взяв лист и подарки и с собою подьячего и толмача да служилых, и роздав им подарки, велел нести»⁶; «и они ис своих станов ехали к цареву стану на лошадех, а государево жалованье, что послано с ними было от государя к алтыну-царю, несли перед ними казаки на руках пеши»⁷. Однако такие парадные процессии проводились не всегда и не везде. Это был желаемый и предпочтительный для российской дипломатии вариант демонстрации царских подарков, который должен был предстать широкой публике как парадное шествие.

В качестве почтения русскому посольству могли предоставить лошадей, как это было, например, в 1616 г., когда дипломатической миссии В. Тюменца были даны «лошади под них, под дву, и люди присланы были от царя (алтын-хана. – *Д. П.*)»⁸, или

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 155. См. также: РКО в XVII в. Т. 2. С. 254.

² РМО. 1607–1636. С. 62.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 161–162.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 254; ПСИ. Кн. 1. С. 181; РМО. 1607–1636. С. 62, 169; РМО. 1636–1654. С. 137, 141; РМО. 1654–1685. С. 59, 94, 106, 107, 151, 314, 334, 338.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 205, 272, 275, 369.

⁶ РКО в XVII в. Т. 2. С. 254.

⁷ РМО. 1607–1636. С. 62. См. также: РМО. 1636–1654. С. 205, 347, 348, 369.

⁸ РМО. 1607–1636. С. 62.

в 1677 г., когда посольству тобольского сына боярского Ф. Михалевского и подьячего Г. Шешукова были выданы подводы под них и под подарки перед аудиенцией у тушетухана Чихунь Доржи¹.

Могли даже возникать споры о расстоянии, на котором дипломаты должны были следовать верхом на коне. Жилец И. Р. Качанов в 1688 г. во время следования на аудиенцию к шанзабе ехал верхом, но, не доезжая около 200 саженей до «посольской юрты», сопровождавший его гичул Дайчин Лапсон потребовал спешиться и далее идти пешком. Русский дипломат аргументированно возразил, указав на то, что «до той юрты пешему итти далече», заверив гичула, что он спешится, не доезжая 10 саженей до юрты. Но упорство, с которым выступил Дайчин Лапсон («у них такова обыкновения никогда никаким послом и посланцом не было»), заставило русского дипломата пойти на попятную и спешиться раньше².

На аудиенции у кочевого правителя могли присутствовать его родственники, представители элиты и священнослужители буддийской церкви³. Кроме них в юрте могли находиться и дипломаты, прибывшие из других кочевых государств⁴. При этом запрет исполнять дипломатические поручения в присутствии других иностранных послов, который применялся в отношениях Российского государства с многими монархами, не действовал⁵. Надо полагать, что российская дипломатия сознательно уклонялась от этого запрета: чем больше людей увидит и узнает о «великом государе», тем больше захочет встать под его «государеву руку» и быть в «защите», «береженье» и «милостивом жалованье», что, в свою очередь, укрепит и увеличит его статус на мировой политической арене.

После входа в юрту русские дипломаты снимали головные уборы. При их появлении кочевой правитель и все, кто присутствовал на аудиенции, в идеальном варианте церемониала должны были встать и тоже снять головные уборы⁶. Руководитель посольства объявлял контрагенту, откуда и от кого он приехал: «великих государей, их царского величества, великий и полномочный посол, окольничей и наместник брянской

¹ РМО. 1654–1685. С. 310, 313.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 254.

³ См., например: СДИБ. С. 193; РМО. 1607–1636. С. 204; РМО. 1654–1685. С. 310.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 56, 71; РМО. 1636–1654. С. 207.

⁵ См. об этом: [Котошихин Г. К.] О России... С. 54.

⁶ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 165; РМО. 1607–1636. С. 56, 63; РМО. 1636–1654. С. 94, 117, 137, 390; ДАИ. Т. 6. С. 297, 298.

Федор Алексеевич Головин с товарищи прислал ево, Ивана, к геген-кутхте с листом и с подарками говорить о делех»¹.

Если посольство направлялось от сибирского воеводы, то допускалось сделать поклон от его имени, оказав тем самым «почесть» кочевому правителю: «и как им Ирка-Илдены велел быть у себя, и они, пришед к нему, исправили от боярина и воевод от князя Юрья Яншеевича Сулешова с товарищи поклон»².

В идеальном варианте русского церемониала следующим действием-ритуалом должно быть информирование контрагента о здоровье «великого государя». Принципиально важным для российской дипломатии было, чтобы первым вопрос о здоровье царя задал сам кочевой правитель или заменяющее его лицо. Ответ русских дипломатов был стандартизирован: «Божиею милостию великий государь наш царь и великий князь ... всеа Руси самодержец и многих государств государь и облаадатель, на своих великих преславных государствах Росийского царствия, дал бог, здрав»³. В царствование Петра и Иоанна Алексеевичей русские послы информировали о здоровье обоих государей⁴. Включались в «здравствования» и имена наследников, если они имелись на момент совершения миссии. Их упоминали как «благочестивых царевичей», «великих князей»: при Михаиле Федоровиче – его сыновей Алексея и Ивана⁵, при Алексее Михайловиче – сыновей Алексея⁶, Федора⁷ и Симеона⁸, при Федоре Алексеевиче – его братьев Ивана и Петра⁹. Единожды в царствование Федора Алексеевича в источниках упоминается «здравствование» матери царевича Петра – «государыни благочестивой царицы и великой княгини Натальи Кирилловны»¹⁰.

С 1640-х гг. в практику «здравствований» стали включаться (правда, не всегда) вопросы и следовавшие на них ответы о здоровье сибирских воевод, которые направили

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 254; См. также: РМО. 1636–1654. С. 272, 369; РМО. 1654–1685. С. 278, 364.

² РМО. 1607–1636. С. 137, 138.

³ Там же. С. 204; РМО. 1636–1654. С. 20, 33–34, 52, 122, 125, 137, 139, 142, 162, 206, 215, 218, 219, 227, 248–249, 272, 349, 369; РМО. 1654–1685. С. 59, 106, 107, 139–140, 278, 305, 314–315, 333, 336, 364; МОЦА. С. 215. См. также: РМО. 1607–1636. С. 194.

⁴ МОЦА. С. 215.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 137, 139, 142, 168.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 59, 106, 107, 139–140.

⁷ Там же. С. 106, 107, 139–140.

⁸ Там же. С. 139–140.

⁹ Там же. С. 305, 314–315, 336.

¹⁰ Там же. С. 336.

посольство. Включался вопрос и о здоровье контрагента. Вопрос о здоровье воевод следовал после «здравствования» государя и его родственников¹. А вот вопрос о здоровье контрагента мог следовать как после упоминания государя, так и после информации о здоровье воевод². В некоторых вариантах церемониала воеводы сначала рекомендовали спросить о здоровье контрагента, а потом о здоровье царя. В 1640 г. тобольский сын боярский М. Ремезов именно так и сделал: спросил сначала о здоровье Эрдени Батурахунтайджи, затем сделал ему поклон. Только после этого последовало «здравствование» государя³. Такие же рекомендации содержались и в наказной памяти конному казаку Л. Насонову, которого власти отправили в Джунгарию в 1641 г.⁴ Изменение очередности «здравствования» очевидно было направлено на избежание различного рода «церемониальных споров», которые могли выступать коммуникативным барьером и осложнять переговорный процесс.

После озвучивания государственной титулатуры должен был следовать поклон от контрагента⁵. При этом контрагенты должны были снимать головные уборы, оказывая тем самым знак почтения «великому государю»⁶.

Нежелание контрагентов следовать русскому варианту церемониала приводило к дискуссиям, которые возникали прямо во время аудиенции. Так, алтын-хан Омбо Эрдени, принимая в 1638 г. посольство В. Старкова, как написано в статейном списке этого дипломата, мало того, что отказался спрашивать о здоровье царя Михаила Федоровича, не вставал при упоминании царской титулатуры, не вступал напрямую в вербальный контакт (переговоры от его имени вел табун Номча), так еще и сел таким образом, чтобы его не было видно: «завешен от огня портищем, что они носят на себе, и ево было, алтына-царя, за завесом не видеть»⁷. Табун Номча заявил русскому послу В. Старкову, что предыдущие дипломаты, побывавшие на аудиенции у алтын-хана, не требовали от правителя первым задавать вопрос о здоровье русского царя, но, напротив, задавали сами первыми вопрос о здоровье контрагента⁸. Неизвестно, были ли эти аргументы,

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 3; РМО. 1636–1654. С. 206, 349, 369; РМО. 1654–1685. С. 306, 336, 364. См. также: РМО. 1654–1685. С. 306; ДАИ. Т. 6. С. 297, 298.

² РМО. 1636–1654. С. 206, 219, 278, 349; РМО. 1654–1685. С. 336.

³ РМО. 1636–1654. С. 205–206.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ СДИБ. С. 193.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 71.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 107, 108, 109, 111.

⁸ РМО. 1636–1654. С. 108, 109, 111.

приводимые в «церемониальном споре», правдивыми или нет. Но они явно не устраивали русского посла, который требовал «наперед» спросить о здоровье российского монарха, встав и сняв «шапки» с головы, а также «бить челом» на царских подарках¹.

Вступая в дискуссии с контрагентами, русские дипломаты приводили доводы, убеждая кочевников следовать тому церемониалу, который был необходим российской стороне. Эти аргументы, которые приводили представители российской власти, находясь в улусах номадов, в зависимости от их убедительности и настойчивости самих участников посольства либо действовали на контрагентов, и тогда они следовали русскому варианту церемонии, либо нет, и тогда дипломатам приходилось идти на попятную. Обычно в качестве аргументов звучали:

– факты признания и выполнения иностранными контрагентами правил русского церемониала: «да и ни в которых *великих государствах* и в *больших ордах* (курсив наш. – Д. П.) тово не повелось: где государевы послы бывают посылаемы у царей и у королей, наперед государсково величества не спрашивают, а против государсково величества везде во всех ордах и против государевы титулы цари и короли вставают и шапки з голов снимают и стоят со страхом поколе про государское величество титулу чтут, а спрашивают про государское величество и многолетное здоровье наперед, а про себя спрашивать не велят»². В данном примере не случайно русский дипломат употребил эпитеты «великие» и «большие», указывающие на значительность и обширность государственных образований, которые несмотря на свой политический вес и, надо полагать, территориальные размеры, действуют именно так, как хотят русские дипломаты;

– факты нахождения «под государевой рукой» разностатусных правителей: «да у государя ж царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси под его государскою высокою рукою много царей и королей и безчисленно, и во всем государскому величеству повинны и послушны и покорны, и дань с себя великому государю дают безпереводно, и государское величество возвышают»³.

Эти аргументы должны были подчеркнуть, что контрагент делает «негораздо», «чинится непослушным и непокорным», «делает безстрашно». Иначе говоря, не

¹ Там же. С. 108–109.

² Там же. С. 109. См. также: РМО. 1654–1685. С. 209, 305–306, 315.

³ РМО. 1636–1654. С. 109; РМО. 1654–1685. С. 148.

оказывает должной «честью» «великому государю», подданным (или вассалом) которого он является.

Однако и кочевники во время подобных споров стремились обосновать свой статус, уравнивая его со статусом российского монарха. В 1638 г. упомянутый табун Номча заявил, что «у нашево де алтына-царя тьмы тьмами мугал. А наш де алтын-царь родом Цынгиса-царя», указав тем самым на принадлежность хотогойтского правителя к чингизидам (потомкам Чингисхана)¹. Акцентировали внимание контрагенты и на том, что у них «тово не повелось, что стоя и шапку снимя спрашивать»², «князец де Кока сказал против тово, что у них де у колмаков вера такова, что де они по своей вере и богу молятца седа»³.

В источниках фиксируются многочисленные факты отклонения от желаемого варианта церемониала. Во время русско-халхаских переговоров в конце 1680-х гг. «здравствование» государей не всегда проводилось. Но при этом у русских дипломатов спрашивали о здоровье великого и полномочного посла Ф. А. Головина, который инициировал отправку посольства⁴. Наказ Ф. А. Головина, выданный жильцу И. Р. Качанову в 1688 г., содержал краткие рекомендации, где вообще не упоминалось «здравствование» государей, но при этом предписывалось спросить о здоровье контрагента от имени самого полномочного посла: «их царского величества великие и полномочные послы, окольничей и наместник брянской Федор Алексеевич Головин с товарищи прислали ево, Ивана, к ним с любительным своим листом и говорить о делех. И подав лист, кутухту и тайшей, кто в то время при нем будет, от великих и полномочных послов спросить о здоровье»⁵. Наказ, данный иркутскому казачьему десятнику Г. Кибиреву в 1690 г., который был послан в Джунгарию, гласил: «как ево Бушукту-хан... велит у себя быть с листом, и ему, пришед, поздравствовать, после того подать лист»⁶.

Описанные случаи были и раньше и в рамках коммуникации с другими кочевыми народами. Так, принимая посольство М. Ремезова в 1640 г. джунгарский Эрдени Батур-хунтайджи спросил о здоровье сибирского воеводы и дьяков⁷. Не проводились (или

¹ РМО. 1636–1654. С. 109–110.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 308; РМО. 1654–1685. С. 149, 185, 186.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 254.

⁵ РКО в XVII в. Т. 2. С. 379.

⁶ Там же. С. 626.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 206. См. также: РМО. 1636–1654. С. 349.

крайне редко), судя по всему, «здравствования» и в русско-телеутских отношениях¹. Некоторые дипломаты сразу приступали к вычитыванию грамоты и наказной памяти или к принятию шерти². По всей видимости, аналогично происходили переговоры и с тюркоязычными орчаками³.

Некоторые дипломаты, которые пытались все же провести церемониал по русским правилам, стремились выйти из «церемониального тупика» тем, что сознательно упустили государеву титулатуру во время вычитки наказной памяти. Таким образом поступил красноярский пятидесятник Р. Кольцов в 1657 г., объясняя контрагенту свои действия тем, что «для тово пропускаю верхные строки, что в наказах пишется нашево государя царя <...> имя, а ты (алтын-хан. – *Д. П.*) не спросил, и я не прочитал». По той же причине он отказался спрашивать о здоровье отца Лубсана Саин Эринчини алтын-хана Омбо Эрдени⁴.

Анализ документов позволяет утверждать, что ритуал «здравствования» российского монарха, как бы его не стремилась использовать и отстаивать в ходе «церемониальных споров» российская сторона, все же на практике оставался вариативным. «Здравствование» (если оно предполагалось «инструкциями» – наказными памятьми) производилось лишь тогда, когда это пожелает сам контрагент, проводивший переговоры. Кроме того, вариативным было и «здравствование» воевод и прочих людей, являвшихся подданными русского царя. Так, джунгарский зайсан Батыр, находившийся в Киргизской земле во время посольства туда томского сына боярского И. Петрова в 1683 г., спросил про здоровье государя, воеводы и «про всех всякого чину служилых людей»⁵.

Вариант дипломатического церемониала, который отстаивала российская сторона, мог дополняться буддийскими ритуалами. Так, после ритуала «здравствования» в 1636 г. хотогойтский лама Даин-Мерген-ланзу «поклонился трожды в землю», а затем заверил, что «он де, лоба и богомолец великово и грозново государя, слыша ево государсково величества здоровью, обрадовался, что меня, лобу и богомольца своево, великий и грозный государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Русии самодержец и

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 3; Д. 32. Л. 4.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 6–7; РМО. 1636–1654. С. 283–284, 287.

³ РМО. 1636–1654. С. 285–286.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 26.

⁵ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 165.

многих государств государь и обладатель, выше моей меры своим царским жалованьем пожаловал»¹.

Вопрос о здоровье монарха в российской и европейской политических культурах XVI–XVII вв. означал не только физическое состояние самого монарха, но и состояние его государства в целом, которое он воплощал в себе². Задавая его, контрагент оказывал почтение «великому государю». Но в то же время, спрашивая первым о здоровье царя, он становился тем самым в подчиненное ему положение, поскольку в «посольском обычае» того периода очередность исполнения тех или иных ритуалов имела принципиальное значение. Не случайно русские дипломаты пытались добиться, чтобы контрагенты задавали вопрос первыми, ведь тем самым они становились ниже царя.

После названных ритуалов русские дипломаты доводили до контрагента «жалованное слово», обещая от имени монарха выгодные преференции, покровительство и защиту от врагов в обмен на «службу» кочевников «великому государю». В это время русские посланники зачитывали царскую грамоту и / или наказную память либо полностью («по статьям»), либо в форме пересказа: «и он, Дмитрей с товарищи, учал по наказной памяти говорити тайшам»³; «и Степан да подьячей Ондрей государеву грамоту розпечатали и перед Алтыном-царем прочли и по наказу ему, Алтыну-царю, про все статьи говорили, а толмач Ермаметко мугальским языком толмачил, а велел ему говорить»⁴; «а выговаривать ему, Василью, калмытцким тайшам Сенге и Кутухте все против сей наказной памети, не опасаяся ничево, помня великих государей кресное целованье, а толмачю велеть толмачить тихо по статьям»⁵; и т. д.⁶

В российско-кочевнических отношениях имел место и трехсторонний формат переговоров. Но в таких случаях отсутствуют упоминания о каких-то церемониальных (ритуальных) действий и процедур. Так, в 1701 г. на переговорах русских, джунгаров и киргизов, проходивших в урге зайсана Абы, красноярские служилые люди Р. Торгашин и К. Елисеев не совершали никаких ритуалов, а сразу перешли к чтению наказа, который

¹ РМО. 1636–1654. С. 52.

² Юзефович Л. А. Путь посла. С. 48.

³ РМО. 1607–1636. С. 121.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 34.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 185.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 163; РМО. 1607–1636. С. 135, 138, 144; РМО. 1636–1654. С. 19–20, 139, 142, 275; РМО. 1654–1685. С. 59–61, 107, 140, 150, 188, 209, 364, 375; РКО в XVII в. Т. 2. С. 415.

был прочтен дважды на самой первой аудиенции¹. На тех же переговорах, спустя некоторое время, по указу джунгарского зайсана, присутствовали дипломаты из Томска и Кузнецка. При этом протокольное «старшинство» было у красноярской делегации: именно они вычитывали наказ и проводили переговоры, но без использования каких-либо компонентов церемониала².

Огласив грамоту, русские дипломаты должны были передать ее контрагенту лично в руки. Тот же должен был встать и поклониться после ее получения: «и Кон де тайша, встав, лист у них принял»³; «и Лобжан-царевич противо великого государя грамоты встал, и ... жалованную грамоту ... принял и поцеловал, положил на голову, и великого государя жалованье на присылке бьет челом»⁴; «и Лоджан-царь грамоту выслушел ... и бьет челом на их великих государей жалованном милостивом слове»⁵.

В случае отсутствия грамоты кочевой правитель должен был «бить челом» (поклониться) после чтения дипломатом наказной памяти: «и тайши Манжи и Чегам, выслушав наказную память, на государьской милости били челом»⁶; «и тайши Сеньга, выслушав наказную память, на государьской милости бил челом»⁷.

После озвучивания грамоты и / или наказной памяти следовал ритуал дарообмена. Русские дипломаты должны были передать контрагенту «государево жалованье», а тогда, когда это было необходимо, вручить воеводские и собственные подарки⁸. Ритуал подразумевал, что акцептор должен был «честно» принять царские подарки и совершить поклон после получения даров: «и Кон де тайшины жены твое государево жалованье – сукна приняли у них честно»⁹; «и принимал великих государей жалованье перед собою чесно, и на милости великих государей, на жалованье – на подарках, бил челом»¹⁰;

¹ ПСИ. Кн. 1. С. 180. См. также: Сборник князя Хилкова. С. 305; РМО. 1654–1685. С. 237.

² ПСИ. Кн. 1. С. 181.

³ РМО. 1636–1654. С. 237.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 94.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 117. См. также: РМО. 1607–1636. С. 204; РМО. 1636–1654. С. 34, 139; РМО. 1654–1685. С. 94; РКО в XVII в. Т. 2. С. 371.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 106.

⁷ Там же. С. 107.

⁸ Там же. С. 336; МОЦА. С. 216; РКО в XVII в. Т. 2. С. 255.

⁹ РМО. 1636–1654. С. 237.

¹⁰ РМО. 1654–1685. С. 315.

и т. д.¹. На аудиенции могли присутствовать и послы из других государств, а также члены семьи контрагента, которых также одаривали царскими подарками².

Русские дипломаты во время приема у контрагента стояли. Однако после ритуала дарообмена по приглашению контрагента дипломаты могли сесть³. Исполнив все компоненты церемониала, стороны переходили к переговорам.

Окончание переговоров могло сопровождаться застольем, по завершению которого дипломаты возвращались к себе в юрту: «и тут для государсково величества от лабы была честь, питье довольное»⁴; «и после посольства нам, Степану с товарищи, Лоджан алтын-царь велел нам сесть и велел нас поить и кормить довольно, а напоя и накормя нас, велел нам Лоджан алтын-царь итти в свою юрту и прислал за нами корм: быка живова и питья»⁵; «и после посольства Очирой Сайн-ган и Кутухта и Сирисирей велели ему, Василью, и служилым людям давать корм и питье»⁶. На застолье могли пригласить и спустя несколько дней после аудиенции⁷. Некоторые монгольские правители вообще приглашали дипломатов к столу прямо во время переговоров⁸.

Обратим внимание, что в церемониале приема допускались некоторые вариации последовательности тех или иных действий. Так, процедура «здравствования» могла следовать после оглашения грамоты / наказа⁹, после оглашения «милостивого слова»¹⁰, «государево жалованье» дипломаты могли вручить после своего представления¹¹, после вопросов–ответов о здравии монарха¹², а иногда после переговоров¹³ или после процедуры шертования¹⁴. Грамоту могли сначала передать контрагенту, а затем изложить

¹ ДАИ. Т. 6. С. 296, 297, 298; РМО. 1607–1636. С. 65, 137, 138; РМО. 1636–1654. С. 34, 65, 139, 143, 168, 192, 218, 350, 353, 369, 399; РМО. 1654–1685. С. 22, 106–107, 108, 140, 220, 247, 336, 365.

² РМО. 1636–1654. С. 369.

³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 255, 414; РМО. 1607–1636. С. 169.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 34.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 338.

⁶ Там же. С. 379. См. также: РМО. 1607–1636. С. 63–64, 169–170; РМО. 1636–1654. С. 120, 125; РМО. 1654–1685. С. 107, 108, 152; МОЦА. С. 217.

⁷ РКО в XVII в. Т. 2. С. 256; РМО. 1636–1654. С. 114, 318.

⁸ СДИБ. С. 194; РМО. 1636–1654. С. 207, 390.

⁹ РМО. 1607–1636. С. 71.

¹⁰ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 1–2.

¹¹ РМО. 1636–1654. С. 369.

¹² Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 165; РМО. 1636–1654. С. 168, 218, 219–220, 227.

¹³ РМО. 1607–1636. С. 57, 63.

¹⁴ РМО. 1636–1654. С. 283, 284, 286.

ее содержание¹. В редких случаях некоторые ритуалы могли распределяться по нескольким аудиенциям: на первой дипломаты могли вручить грамоту, на второй – зачитать ее либо передать (если не вручили на первой)². Во время посольства томского сына боярского Б. Карташова к хотогойтскому ламе Даин-Мерген-ланзу в 1636 г. состоялось несколько аудиенций: на первой были заданы традиционные вопросы–ответы о здоровье монарха, на второй – изложена царская грамота, на третьей – вновь последовал ритуал «здравствования», вручение грамоты, «государева жалованья» и чтение грамоты³. В 1638 г. томский сын боярский С. Неверов во время исполнения дипломатического поручения в улусах того же ламы тоже посетил несколько аудиенций: на первой был произведен ритуал «здравствования» и объявление сути посольства, на второй – снова «здравствование», вручение «государева жалованья» и декларация «жалованного слова», на третьей – чтение грамоты⁴.

Отметим, что ритуал «здравствования» и изложение сути миссии могли вообще отсутствовать, как это было в 1688 г. во время посольства В. Перфильева: «а пришед в юрту, лист подал и подарки отдал ему, шанзабе. И он де, шанзаба, лист и подарки у него, Василья, принял. А принял лист и подарки, он, шанзаба, ему, Василью, ничего не говорил»⁵. Жилец И. Р. Качанов в том же году использовал следующую последовательность ритуалов: объявил о себе, вручил дары, не спрашивая о здоровье Очирдар-хутухты, при этом ответил на такой вопрос от контрагента о здоровье Ф. А. Головина⁶.

Кроме аудиенций у самого правителя, дипломаты могли встречаться с членами его семьи – матерью, женой, детьми, братьями⁷, а также с послами из других кочевых государств⁸. Иногда дипломаты переезжали в другие улусы к родственникам или вассалам контрагента, чтобы передать им присланные царские подарки⁹. Во время таких встреч церемониал в целом соблюдался, но был в несколько упрощенном виде¹⁰.

¹ Там же. С. 127.

² РМО. 1636–1654. С. 33–34, 127; МОЦА. С. 215–216.

³ РМО. 1636–1654. С. 52–54.

⁴ Там же. С. 137–139.

⁵ РКО в XVII в. Т. 2. С. 155.

⁶ РКО в XVII в. Т. 2. С. 411.

⁷ РМО. 1607–1636. С. 206, 208; РМО. 1636–1654. С. 57, 59–61, 112–114, 124, 193; РМО. 1654–1685. С. 61, 188, 314.

⁸ РМО. 1607–1636. С. 57–58; РМО. 1636–1654. С. 61.

⁹ РМО. 1636–1654. С. 121, 142.

¹⁰ См., например: РМО. 1636–1654. С. 121–122, 124–125.

После того, как переговорный процесс был завершен, следовала последняя аудиенция, на которой резюмировали итоги переговоров и, если требовала ситуация и были достигнуты договоренности, кочевники шертовали перед русскими дипломатами¹. После завершения аудиенции могло последовать застолье: «а отпуская их к государю Богатырь-тайша от себя, и на отпуске у него ели»², «на отпуске перед собою велел поити и кормити довольно»³.

Русские посольства зачастую возвращались в город, откуда они прибыли, в сопровождении ответной дипломатической миссии от кочевников. Вместе с дипломатами правитель и / или члены его окружения передавали подарки, адресованные «великому государю»⁴. Единожды зафиксирован случай, когда контрагент вернул подарки, ранее подаренные ему русскими дипломатами⁵. Кочевые правители или лица, уполномоченные проводить переговоры от их имени, обеспечивали посольство необходимым провиантом и средствами передвижения для возвращения их в сибирские города⁶.

В реальности все церемониальные и ритуальные действия в той или иной последовательности и с тем содержанием, которое вкладывала в них российская дипломатия, исполнялись крайне редко. На исполнение всех действий русского церемониала оказывали влияние факторы:

– во-первых, характер взаимоотношений между Российским государством и конкретным этнополитическим образованием кочевников в каждый конкретный момент времени. Во время конфронтации между сторонами кочевники нередко стремились пренебрегать теми или иными требованиями русских дипломатов;

– во-вторых, желание и стремление кочевого правителя продемонстрировать свой статус и доказать свою значимость, продемонстрировав пренебрежение требованиям посланников.

Нередко один и тот же контрагент, исходя из своих политических предубеждений, во время принятия посольства, относился к русскому варианту церемониала по-разному.

¹ ПСИ. Кн. 1. С. 183; РМО. 1636–1654. С. 59; РМО. 1654–1685. С. 338.

² РМО. 1607–1636. С. 71.

³ РМО. 1654–1685. С. 108. См. также: РМО. 1607–1636. С. 71; РМО. 1636–1654. С. 129; РМО. 1654–1685. С. 117, 152, 314, 338, 339.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 257; РМО. 1607–1636. С. 213; РМО. 1636–1654. С. 129.

⁵ РКО в XVII в. Т. 2. С. 257.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 52–53, 65, 71, 210–211, 213, 224, 250; РМО. 1636–1654. С. 46, 62, 127, 129, 146, 160, 161, 209, 219, 351, 352; РМО. 1654–1685. С. 65, 74, 80, 94, 95, 107, 108, 141, 152, 155, 189, 220, 339, 366; МОЦА С. 217; Сборник князя Хилкова. С. 307.

В связи с этим, отталкиваясь от своего настроения и отношения, правитель мог полностью соблюдать требования, частично соблюдать или вовсе отказаться от исполнения неудобного ему церемониала. Необходимо учитывать, что в ходе любой церемонии происходит легитимация власти монарха, организующего эту церемонию. Та сторона, которая больше предпримет мер и подберет больше аргументов для того, чтобы склонить другую сторону проводить церемониал по ее правилам, становится «победителем». Эта «победа», безусловно, возвышает статус одного монарха и, соответственно, понижает статус другого, который подчинился и согласился на изменение церемониальных (ритуальных) процедур в пользу другой стороны. Кочевники же, отказываясь от исполнения (полностью или хотя бы частично) русского варианта церемониала, демонстрировали свое равенство с «великим государем». На это обратил внимание енисейский сын боярский И. М. Перфильев, побывавший в улусах халхаского Дашихунтайджи в 1668 г.: «и во всем ево Кукона-кана и ево зайсанов к великому государю нераденье и неправда, и во всям чинятца быть в ровенстве, а не в подданстве»¹. Необходимо учесть и тот факт, что русские посольства находились вдали от Российского государства, будучи фактически в полной власти кочевников. Номады же, чувствуя свое превосходство, могли себе позволить самостоятельно определять церемониал и протокол, шантажируя полным отказом от проведения переговоров или угрожая членам посольства: «и вы де стоите тепере перед нами давно не живы, а ваши головы с плеч скатились, нашево повеленья не слушаете»².

В своих статейных списках, доездах и расспросных речах русские дипломаты с разной степенью детализации фиксировали факты нарушения кочевниками русского варианта церемониала. Эти нарушения, как правило, проявлялись в:

– отсутствии встречи русского посольства: «а на приезде встречи не было и чести никакой не было ж»³;

– непредоставлении подвод, «корма» и «питья», а также места проживания: «и в третей день нас от себя из улусов выслали, а подвод не дали ж»⁴; «корм приносили нужно и то с великою доукою»⁵;

¹ РМО. 1654–1685. С. 199.

² РМО. 1636–1654. С. 110.

³ РМО. 1636–1654. С. 121. См. также: Там же. С. 103.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 199.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 105.

– отказах кочевыми правителями вставать и снимать головные уборы при озвучивании государева «здоровья», задавать вопрос о здоровье «великого государя», «бить челом», а также в требованиях задавать вопрос о здравии контрагента наперед вопроса о здоровье царя: «хто ты, Елден-наян, про государское величества многолетное здоровье велишь спрашивать зятю своему Баахаю-Баатырю, а сам ты, Елден-наян, не встанешь и шапки не соймешь <...> только ты, Елден-наян, против государскова величества многолетново здоровья не встанешь и шапки не соймешь»¹;

– принятии грамот и подарков не лично правителем, а кем-то из присутствующих: «я де велю великих государей грамоту и жалованье принять у тебя, Павла, с товарищи ейзаном своим»², а также в принятии грамот сидя: «лист де он, Бушухту-хан, принял по своему обычаю, сидя в шапке»³;

– «бесчестии» грамот и подарков: «и, смяв государева жалованье, сукно и камку комав, и кинул середь юрты»⁴, «и ему, Даин-наяну, что государево жалованье послано, он же, лаба, хулил и розбивал и принимать не велел»⁵, «и великого государя грамоту из рук у него вырвали сильно»⁶, «и после тово с шумом и з бесчестьем из юрты выбили вон з государевою грамотою и з государевым жалованьем»⁷; «великого государя грамоте и жалованью не порадовались»⁸.

К нарушениям норм «посольского обычая» следует отнести и попытки заранее изъять у русских дипломатов царские грамоты и воеводские письма. Так поступили с находившимся в улусах Цыбдень-тайши жильцом И. Р. Качановым, следовавшим к Ундур-геген-хутухте в 1688 г. Тогда к русскому дипломату приехали некие Илденъ-табунан и Уз-зайсан и потребовали выдать грамоту для перевода на монгольский язык. В случае его отказа они угрожали тем, что Шидишири Батур-хунтайджи «ево, Ивана, х кутухте не пропустит»⁹.

¹ РМО. 1636–1654. С. 142. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 191; РМО. 1607–1636. С. 218; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. С. 74.

² РМО. 1654–1685. С. 148.

³ РМО. 1685–1691. С. 319–320. См. также: РМО. 1636–1654. С. 207, 281.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 186.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 124.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 293.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 110.

⁸ РМО. 1654–1685. С. 199.

⁹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 252. См. также: РМО. 1654–1685. С. 311.

Изъять могли не только грамоты, но и «государево жалованье», как это случилось в 1617 г. во время поездки тобольского атамана И. Савельева в улусы калмыцкого тайши Далай-Богатыря, когда возле входа в юрту (где происходила аудиенция) у русской делегации описали все подарки, а затем отобрали и положили их перед самым кочевым правителем¹. Но кочевники могли и просто досмотреть «жалованье», не применяя физическую силу и не отбирая дары². Вообще вымогательство подарков и даже угроза применения силы с целью принудить русских дипломатов отдать «государево жалованье» были достаточно распространенным явлением: «а казну де у вас возьмут и без вашей дачи»³; «государево царское жалованье, которое к нему прислано, велел у них на стану отнять сильно»⁴. Были случаи, когда посольство грабили: «часа с 4 ночью приехали к стану мунгальские воровские люди и отогнали конного табуна у него, Ивана, и служилых людей 30 лошадей, и по служилых людех, которые в табуне были на карауле, из луков стреляли»⁵; «и едучи на дороге, хотели нас мунгальские люди побить и ограбить, и в осаде мы сидели меж мунгальскими улусами 8 дней, никуда нас не выпускали и корм, покупаячи, ели»⁶; садили под арест: «посадили в тюрьму же в лесу от Очеревы урги»⁷; «посалил в земленую тюрьму»⁸; морили голодом: «ограбя их, морили голодом, и хотели побить до смерти»⁹, «тех послов обругали и обесчестили, и голодом морили, и держали болши полугода и ограбили»¹⁰; портили жилище, выделенное дипломатам: «Талай де тайша, осердяся на нево, Гаврила, велел у нево розметати избу»¹¹.

Крайне редко могли не допустить посольство до контрагента: «и ево де, Оську, Кегень-кутухта до алтына-хана-царя не допустил, и взял их к себе в неволю, и ограбил, и бил, и мучил, и всячески над ними ругался, и бороды выдрал»¹². Могли применить и

¹ РМО. 1607–1636. С. 71.

² РМО. 1636–1654. С. 107.

³ Там же. С. 112.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 314. См. также: РМО. 1607–1636. С. 205–207; РМО. 1636–1654. С. 205; РМО. 1654–1685. С. 208–209.

⁵ РКО в XVII в. Т. 2. С. 252.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 199. См. также: ПСИ. Кн. 1. С. 113.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 312.

⁸ Там же. С. 209.

⁹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 4. См. также: Там же. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ ПСИ. Кн. 1. С. 177. См. также: РМО. 1607–1636. С. 39; РМО. 1636–1654. С. 110; РМО. 1654–1685. С. 209, 312.

¹¹ РМО. 1636–1654. С. 175.

¹² РМО. 1685–1691. С. 283.

физическую силу: «выговоря де, государь, те речи Саин контайша осердился и велел у сына боярсково у Ивана Архипова наказную память за твоею великого государя красноярскою печатью отнять и его де, Ивана, тайши ростянули и наказную память из-за пазухи отняли сильно и велели вычитать томскому сыну боярскому Ивану Петрову и вычет де, государь, наказную память велел отдати Саин контайша сыну боярскому Ивану Архипову ту наказную память назад»¹. А один раз кочевники даже потребовали заменить дипломата: «ты ничего не знаешь ... пришлите из Томска знатного человека с подлинным указом»².

Русские дипломаты, как бы им не приходилось отстаивать приемлемый для российской власти формат церемониала, все же шли на уступки³. Нередко посланники в своих отчетных документах либо вообще не фиксировали факты совершения сторонами ритуалов⁴, либо упоминали очень кратко и фрагментарно⁵, либо давали лишь общую оценку («а как де они в Колмацкой земле были, и им де для царского величества была от них честь великая, и кормы были довольны, и отпустили их честно ж, и из земли своей провожали»⁶). Умалчивание в отчетах сведений о дипломатическом церемониале указывает на то, что для русских посланников его выполнение или невыполнение не имело принципиального значения.

Центральные органы власти, контролировавшие дипломатические отношения с центральноазиатскими номадами, не проявляли особой инициативы в том, чтобы заставить кочевников соблюдать российский вариант церемониала во время приема посольств. Изредка в наказных памятях и статейных списках содержалось требование («выговор»), чтобы контрагент перестал нарушать дипломатические ритуалы⁷. Но в

¹ Барахович П. Н. Служилое население... С. 382.

² ПСИ. Кн. 1. С. 72.

³ Факты нарушения кочевниками желаемого для русской стороны дипломатического протокола см.: РМО. 1607–1636. С. 38–39, 71, 121, 138, 139, 206, 212–213, 218, 221; РМО. 1636–1654. С. 33, 34, 44–46, 62, 106, 107–109, 110, 112–116, 120–127, 129, 130, 136, 142, 145, 146, 161, 175, 204–205, 207, 215, 275, 307–308, 314, 351; РМО. 1654–1685. С. 26, 50, 58–59, 68, 70, 118–119, 147, 149, 150, 151, 155, 185, 188, 189, 199, 208–209, 293, 310–315, 335, 377, 380; РМО. 1685–1691. С. 318–320.

⁴ Бутанаев В. Я., Абыдкалыков А. Материалы по истории... С. 72–84, 125–131; РМО. 1607–1636. С. 121–122; РМО. 1654–1685. С. 89–90; РМО. 1685–1691. С. 73–75.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 70–71, 137–138, 168–171; РМО. 1636–1654. С. 152, 191–194, 215–217, 226–228, 352–353, 399; РМО. 1654–1685. С. 25–28, 208–210, 375–380; РМО. 1685–1691. С. 318–322.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 52–53. См. также: РМО. 1607–1636. С. 135–136; РМО. 1636–1654. С. 230; РМО. 1654–1685. С. 71–74.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 184–185, 209, 305–306.

целом нормативно-распорядительная документация, исходящая из Москвы, не содержала четких и подробно расписанных элементов дипломатического церемониала. Такие «инструкции» (наказные памяти) по поручению центральной власти составляли воеводы, приказчики и уполномоченные лица (Ф. А. Головин)¹. Но и эти памяти не имели четких указаний по соблюдению всех компонентов церемониала.

Факты отсутствия в источниках полного и детализированного описания посольского церемониала могут наводить на мысль, что русские дипломаты не были знакомы со всеми тонкостями и нюансами дипломатической культуры и не знали всех компонентов церемониала. Однако отчетная документация, в которой зафиксированы случаи дискуссий и споров, возникавших по поводу церемониала, позволяет утверждать, что дипломаты были прекрасно осведомлены о наборе церемониально-ритуальных действий. Эти сведения, по всей видимости, они могли получать из устных наставлений воевод, которые в большинстве относились к элите Российского государства и могли знать, как следует оберегать «честь» монарха. Кроме того, ритуальные действия (снятие шапки, вопросы о здоровье, положение стоя), исполняемые в ходе церемоний приема, являлись отражением тех этикетных норм и правил, которые сформировались в русской культуре к тому времени².

Отметим, что со стороны центральной власти не следовало никаких санкций за то, что дипломаты во время переговоров с центральноазиатскими номадами не следовали церемониальным нормам, которые сложились в «посольском обычае» Российского государства. Даже тогда, когда вскрывались явные случаи нарушения дипломатического протокола и церемониала, явно приводившие к умалению «государевой чести», никаких наказаний и предписаний, указывающих на рефлексию по факту нарушений, не было³.

¹ РМО. 1607–1636. С. 168, 203, 215, 229, 279; РМО. 1636–1654. С. 18, 32, 50, 90–91, 103, 134, 142, 166, 203, 224, 226, 272, 283, 337, 345, 347, 368, 381, 386; РМО. 1654–1685. С. 25, 71, 89, 106, 183, 198, 209, 304, 333, 363, 377; РМО. 1685–1691. С. 73, 74, 101, 294.

² См., например: *Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Этнографические очерки.* Л., 1990. С. 72, 79, 80, 84, 88, 90.

³ Примером лояльности российских властей к вскрывшимся фактам нарушения дипломатического протокола и церемониала является следующий случай. В 1634 г. в ставки хотогойтского алтын-хана Омбо Эрдени было направлено посольство дворянина Я. Е. Тухачевского и подьячего Д. Агаркова. После возвращения в Томск оба дипломата подали статейные списки. Причем в статейном списке Я. Е. Тухачевского написано, что кочевники в основном соблюдали церемониальные требования русской стороны, а нарушения, совершенные самими русскими, объяснены настойчивостью контрагентов (РМО. 1607–1636. С. 203–214). Однако, согласно статейному списку Д. Агаркова, а также его расспросным речам, русская сторона не возражала на различные нарушения кочевниками «русского» варианта церемониала.

В свое время Н. Н. Оглоблин, впервые рассмотревший посольскую деятельность сибирских служилых людей, пришел к заключению, что они «соблюдали в точности все посольские обычаи и церемониалы того времени, словно заправские дипломаты»¹. Как было показано выше, дипломаты не соблюдали все компоненты церемониала, а только стремились соблюдать. Их действия были обусловлены рядом обстоятельств: начиная от сопротивления кочевых правителей следовать российскому варианту церемониала, заканчивая толерантностью и индифферентностью, характерных для служилых людей и выработанных в ходе постоянного тесного контакта с иноэтничным населением Сибири. Дипломаты, стремясь достичь поставленные перед ними цели, занимали гибкую позицию и смиряться с тем, что им приходилось отступать от тех правил, которые были предпочтительны для российской дипломатии.

Дипломатический церемониал должен был способствовать легитимации власти российского монарха над кочевым правителем. Я. Хеннингс отметил, что «борьба за церемонии была не меньшей, чем борьба за власть», а победа в этой «борьбе» закрепляла положение правителя в иерархических отношениях². В семиотическом пространстве все ритуальные действия, которые совершали (или должны были совершать) кочевые правители, были направлены на поддержание «чести» и статуса российского монарха. Факт их исполнения показывал смирение и покорность кочевников перед российской властью.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что несмотря на все попытки российской власти продемонстрировать низкий политический статус кочевых правителей как контрагентов, все же приоритет отдавался не соблюдению всех формальностей, а достижению конкретных результатов. Церемониал со всеми его компонентами и ритуалами, если и соблюдался, то с определенными отклонениями и нарушениями. И эти

Я. Е. Тухачевский, как показал Д. Агарков, даже проявлял собственную инициативу и сознательно шел на нарушения, чтобы достичь успеха посольства (Там же. С. 215–227, 262–266, 282–286; РМО. 1636–1654. С. 277–279). Однако со стороны властей не последовало никаких санкций в отношении Я. Е. Тухачевского. А вот Д. Агаркова, наоборот, подвергли наказанию. Только в 1646 г. Посольский приказ признал правоту Д. Агаркова, но никаким образом не наказал Я. Е. Тухачевского (РМО. 1636–1654. С. 281). См. также: *Каменецкий И. П.* Посольство дворянина Я. Тухачевского к Алтын-хану: старое и новое в русской посольской практике XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1. С. 165–172.

¹ Оглоблин Н. Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки»). С. 156.

² Hennings J. Russia and Courtly Europe. P. 18.

обстоятельства не препятствовали ведению диалога между российской властью и кочевыми сообществами севера Центральной Азии.

Кочевники, как и русские, стремились обосновать превосходство своих правителей либо продемонстрировать хотя бы равенство «великому государю», опираясь на собственные представления о политическом мироустройстве. Но и они действовали исходя из своей заинтересованности в продолжении мирного диалога с российским монархом. В результате поиска компромиссов дипломатические миссии достигали определенных результатов в ходе переговорного процесса.

3.2. Прием посольств от кочевников в сибирских городах

Формат посольской коммуникации между Российским государством и центральноазиатскими номадами был двусторонним. И российская, и кочевая стороны регулярно обменивались дипломатическими миссиями. Ответные посольства, которые приезжали в Сибирь из Центральной Азии, удостоивались приема воеводы или приказчика того города, куда они прибыли.

Посольства от кочевых правителей, как правило, приезжали в Сибирь вместе с русскими дипломатами, которые ранее находились в улусах конкретного контрагента, или с иными служилыми людьми, выполнявшими различные службы вдали от сибирских городов и следовавшими обратно¹. В тех случаях, когда посольства из центральноазиатских степей ехали в сопровождении русских посланников, они прибывали в тот сибирский город, из которого была снаряжена русская миссия. Однако были ситуации, когда миссии от кочевых правителей приезжали без сопровождения русских дипломатов². Такие посольства прибывали в тот в город, с которым уже были установлены контакты ранее или же в ближайший город, расположенный рядом с улусами номадов.

В течение XVII – начала XVIII в. дипломатические миссии от центральноазиатских кочевников с разной периодичностью и частотой приезжали на переговоры в какой-либо из сибирских городов: Тобольск, Тара, Тюмень, Томск, Кузнецк, Красноярск, Енисейск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Удинск. Переговоры проводили как «штатные» управленцы – воеводы или приказчики, так и лица, временно исполнявшие управленческие обязанности. Например, в 1685 г. джунгарских послов принимал иркутский сын боярский И. М. Перфильев, исполнявший на тот момент обязанности приказчика Иркутска³. Дипломатическая деятельность воевод и приказчиков

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 21; Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 3; 1658 г. Д. 2. Л. 5; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 14; РКО в XVII в. Т. 2. С. 251; МОЦА. С. 83, 102; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории... С. 66; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 443; РМО. 1607–1636. С. 24, 37, 44, 46, 69, 133, 184, 192–193, 253, 268, 279; РМО. 1636–1654. С. 62, 64, 161, 171, 190, 209, 212, 248, 276, 323, 335, 367, 370, 376; РМО. 1654–1685. С. 22, 44, 50, 51, 74, 81, 92, 121, 136, 146, 194, 195, 202, 220, 236, 240, 247, 251, 274, 339, 367, 379; РМО. 1685–1691. С. 101.

² РМО. 1607–1636. С. 22, 29, 32, 41, 100, 101, 134, 140, 143, 161; РМО. 1636–1654. С. 226, 305, 306; РМО. 1654–1685. С. 126, 160, 210, 237, 241, 243, 326, 387, 391.

³ РМО. 1654–1685. С. 439–441.

определялась нормативами, которые исходили от центральных органов власти, и в целом вписывались в ту парадигму отношений российской власти с иноэтничным населением, которая практиковалась в Сибири. Отметим, что представители российской власти могли и отказать в приеме посольств, прибывших из монгольских улусов, по всей видимости, из-за отсутствия полномочий проводить переговоры. В частности, так поступил ротмистр С. Коловский, когда в 1649 г. к нему в Покровский городок (будущий Нижнеудинск) прибыли монгольские послы, чтобы «договориться» о «мирном договоре»¹.

Полномочия принимать дипломатические миссии и проводить переговоры с контрагентами имели и специально уполномоченные лица. Таким лицом являлся Ф. А. Головин, направленный в Забайкалье в 1686 г. для проведения переговоров с маньчжурами². К уполномоченным лицам относятся и те, кто по распоряжению властей специально был назначен для проведения переговоров. В 1691 г. послов от джунгарского Галдана Бошокту-хана принимал капитан московских стрельцов О. Г. Булгаков, включенный в «полк» Ф. А. Головина в качестве сопровождения во время организации и проведения «посольского съезда» с маньчжурами³.

Реконструкция дипломатического церемониала, а также протокола, используемых сибирскими воеводами, приказчиками или уполномоченными лицами при организации и проведения встреч и аудиенций для делегаций от кочевых правителей, затрудняется из-за фрагментарности сведений в источниках (статейных списках, отписках). Воеводы и приказчики не всегда фиксировали с полной детализацией порядок компонентов, ритуалов и церемониальных действий, указывающих на применение протокольных норм в ходе переговорного процесса. Зачастую информация в источниках очень кратка и лишь констатирует факт приезда посланников в сибирский город и проведение переговоров с ними: «приезжали в Селенгиской острог от Саин Очирой кана посланцы и говорили...»⁴; «и что, приехав в Тоболск, кыргыские послы говорили и о чем их было ко государю челобитие прислано ис Тоболека ко государю к Москве»⁵.

Тем не менее это не означает, что при приеме делегаций, приезжавших из центральноазиатских степей, вообще не использовались нормы, ритуалы и церемониалы,

¹ РМО. 1636–1654. С. 359.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 233–236, 241–246, 284–289, 308–310, 364–371, 372–377, 422–425, 619–622.

³ Там же. С. 324–326.

⁴ СДИБ. С. 273.

⁵ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 69.

характерные для «посольского обычая» Российского государства XVII в. Наиболее полная информация, позволяющая их реконструировать, содержится в документации, имеющей отношение к переговорам представителей российской власти с хотогойтами (1631, 1632, 1635, 1637, 1639 гг.)¹, халхасцами (1684, 1687, 1688 гг.)², джунгарами (1685, 1688, 1689, 1691 гг.)³. Но малочисленность сведений, зафиксированных в источниках и касающихся дипломатического церемониала, все же наводит на мысль, что воеводы, а также приказчики и иные уполномоченные лица не всегда и не везде организовывали встречи «иноземных» посольств в соответствии с нормами принятого тогда «посольского обычая».

Центральные органы власти, контролировавшие дипломатические отношения с центральноазиатскими кочевниками, в своих нормативно-распорядительных документах, адресованных сибирским воеводам, как правило, не регламентировали порядок и проведение встреч делегаций, приезжавших из степей в Сибирь. Однако в тех случаях, когда направленные из Москвы грамоты содержали рекомендации «ссылаться» с кочевниками, то они предписывали «приимать чесно» дипломатов⁴. Правда, «честно» не означало, что воеводы должны были организовывать парадные встречи и пышные аудиенции. Это означало то, что сибирские воеводы и приказчики при проведении переговорного процесса не должны были каким-то образом притеснять посланников, «чинить» им обиды, а должны были обходиться с ними по правилам «посольского обычая». Иначе говоря, поступать с ними в соответствии с принципами «международной вежливости», которые имеют место и в современной дипломатии и подразумевают почтительное и уважительное отношение к участникам коммуникации⁵.

Удалось обнаружить лишь один документ (царский указ), регламентировавший церемониальную часть отношений между российской и кочевой сторонами. Он относится к сфере взаимодействия с хотогойтским алтын-ханом Омбо Эрдени и был послан в Томск в 1632 г. Царский указ предписывал томскому воеводе И. Ф. Татеву в случае приезда дипломатов от алтын-хана Омбо Эрдени встретить его, «чтоб та встреча была людна и

¹ РМО. 1607–1636. С. 161–166, 178–183, 253–266; РМО. 1636–1654. С. 78–88, 157–164.

² ДАИ. Т. 10. С. 245–251; РМО. 1685–1691. С. 84–95, 159–162.

³ РМО. 1654–1685. С. 439–441; РМО. 1685–1691. С. 213–217, 327–342; РКО в XVII в. Т. 2. С. 233–236.

⁴ См., например: РГАДА. Ф.119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 7.

⁵ О «международной вежливости» см.: Лядов П. Ф. Дипломатический протокол и протокольная служба // Право и управление. XXI век. 2012. № 2 (23). С. 126.

нарядна и стройна»¹. На встречу требовалось послать сына боярского, подьячего и толмача. Дипломатов рекомендовалось разместить на посаде за городом, приставив к ним служилых людей. Предписывалось также найти «пригожий» съезжий двор, заранее обустроить его, а после этого звать дипломатов на переговоры, на которых, согласно указу, требовалось соблюдать все ритуалы, характерные для «посольского обычая» Российского государства².

Организационные мероприятия по подготовке встречи и въезда «иноземного» посольства начинались после того, как сибирским управленцам становилось известно об этом. Информаторами, извещавшими воеводу или приказчика, были представители местного населения, которые сами узнавали о следовавшем посольстве, или члены русских дипломатических миссий, которые возвращались в сибирский город совместно с делегацией от кочевников. Так, в 1625 г. посланники от калмыков были задержаны в бухарских юртах («на Белом городище») под Тобольском. Сведения о посольстве воевода получил от бухарцев, обитавших в этих юртах³. В 1688 г. о прибытии посольства от Ундур-геген хутухты через гонцов уведомил русский дипломат И. Р. Качанов, возвращавшийся вместе с этим посольством из улусов в Селенгинск⁴. В 1690 г. посланники от джунгарского Галдана Бошокту-хана прибыли в Тункинский острог. Г. Богданов – приказчик этого острога – письменно уведомил иркутского воеводу Л. К. Кислянского о приехавшем из Джунгарии посольстве⁵; и т. д.⁶

Случалось, что делегациям от кочевых правителей приходилось посещать несколько сибирских городов. Так произошло с посольством от халхаского цэцэн-хана Шолоя в 1648 г., которое прибыло в Енисейск, а оттуда было перенаправлено в Тобольск с целью получения дальнейших разъяснений касательно поездки в Москву⁷. В том же году калмыцкие послы от тайши Дайчина, прибыв в Тюмень, просились для переговоров в Тобольск⁸. В 1654 г. в связи с запретом на прием дипломатических миссий от калмыков в Тюмени, прибывшее туда посольство от хошоутских тайши Аблая и тайджи Очирту

¹ РМО. 1607–1636. С. 174.

² Там же. С. 174–176.

³ Там же. С. 134.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 251.

⁵ РМО. 1685–1691. С. 256.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 161, 178, 253–254; РМО. 1636–1654. С. 79; РМО. 1654–1685. С. 104, 121, 400, 416; СДИБ. С. 260.

⁷ РМО. 1636–1654. С. 333.

⁸ Там же. С. 324.

(будущего – Очирту сэцэн-хана) было направлено в Тобольск¹. В 1682 г. дипломатов Шидишири Батур-хунтайджи из Тункинска перенаправили в Иркутск².

В ответ на известие о прибытии в пределы Российского государства посольства от кочевого правителя из сибирского города направляли пристава из числа детей боярских или «начальных людей»³. Если миссия ехала к Ф. А. Головину, то в качестве пристава могли послать кого-то из числа «посольских дворян» (служилых людей, зачисленных в «полк» Ф. А. Головина)⁴. Приставы получали наказ от воеводы, приказчика или уполномоченного лица. Вместе с ними направлялись служилые люди, по всей видимости, для выполнения охранных функций. Их численность не регламентировалась⁵. Вместе с русской делегацией направляли и «государево жалованье» – «корм» и алкоголь: «а корму и вина к послом послано, как им до Томского мочно сытым быть»⁶.

Встреча дипломатов от кочевников могла происходить либо вдали от города, т. е. там, где посольство было остановлено на пути следования, либо непосредственно вблизи или в самом городе. В дипломатической культуре Российского государства учитывалось расстояние, на котором происходила встреча: чем ближе к городу, тем менее «чести» оказывали дипломатическому представителю⁷. Так, посольства от алтын-хана Омбо Эрдени в 1631 и 1632 гг. встретили в полуверсте от Томска, т. е. максимально близко⁸. В Иркутске в 1689 г. монгольским дипломатам было велено после переправы через р. Ангарау «у верхнего посаду против креста» до «посольского двора» идти пешим ходом, т. е. также близко к территории города⁹.

При встрече пристава и дипломатическая миссия спешили. Учитывалось то, кто первый сойдет с лошади – русские приставы или дипломаты. Так, сыну боярскому П. Сабанскому и подьячему А. Глазунову на встрече хотогойтского Дурал-табуна было

¹ РМО. 1654–1685. С. 17. Титул «сэцэн-хан» хошоутский тайджи Очирту получил от тибетского далай-ламы в 1666 г. (Китинов Б. У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета... Т. 1. С. 212).

² Там же. С. 392.

³ РМО. 1607–1636. С. 134, 161, 178, 253; РМО. 1636–1654. С. 161, 333; РМО. 1654–1685. С. 17, 81, 82, 101, 104; ДАИ. Т. 10. С. 245; РМО. 1685–1691. С. 209–210, 214, 256, 327; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 168.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 233, 257, 261, 284, 364.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 161, 178.

⁶ Там же. С. 253; РМО. 1636–1654. С. 79.

⁷ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 76.

⁸ РМО. 1607–1636. С. 161, 178.

⁹ РМО. 1685–1691. С. 214.

предписано сидеть на лошадях до тех пор, пока дипломаты первые не сойдут с коня. Только после этого русские встречающие должны были спешиться и произнести приветственную речь¹. Очередность спешивания – то, за чем пристально следили в «посольском обычае» Российского государства XVI–XVII вв., поскольку, согласно нормам дипломатической культуры, кто первый спешится, тот становится в неравное положение по отношению к другой стороне².

После спешивания лицо, ответственное за прием и встречу, уведомляло прибывших посланцев о своих полномочиях: «великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца и многих государств государя и обладателя, его царского величества стольник и воеводы князь Иван Иванович Рамодановской, Ондрей Ондреевич Бунаков, дияк Анисим Трофимов велели вас встретить и быть мне, Степану, у вас в приставех»³.

Лица, встречавшие дипломатические миссии от кочевников, могли быть уполномочены брать от них грамоты и письма, которые те привезли с собой. Послы не всегда, но все же соглашались отдать привезенное с ними послания («листы»). Правда, иногда могли и упорствовать. Тогда русским приставам приходилось различными способами уговаривать их. В 1689 г. в ответ на уговоры иркутского сына боярского С. Шестакова отдать грамоту от джунгарского Галдана Бошокту-хана дипломаты вообще потребовали, чтобы иркутский воевода Л. К. Кислянский⁴ самостоятельно приехал и встретил их «для Бушухту-ханской чести». Однако в ответ они получили заявление о том, что «то де не збытное дело и впредь никогда не состоитца», что даже если бы «сам которой калмыцкой и мунгальской тайши пришли, и того б не состоялось», поскольку «нигде таких извычаев не повелось и не слыхано»⁵. Иркутский воевода Л. К. Кислянский,

¹ РМО. 1636–1654. С. 80.

² [Котошихин Г. К.] О России... С. 67; Байбурун А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. С. 75–76; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 71.

³ РМО. 1636–1654. С. 161. См. также: РМО. 1607–1636. С. 254; РМО. 1636–1654. С. 80.

⁴ Леонтий Константинович Кислянский дважды занимал управленческие должности в Иркутске. Впервые, будучи письменным головой, он был направлен в Иркутск в 1683 г. (фактически заступил в должность в начале 1684 г.), где управлял до 1685 г. Второй раз Л. К. Кислянский был послан в должности воеводы в 1688 г. В связи с этим в тех случаях, когда речь будет идти о дипломатической деятельности Кислянского во время его первого управления Иркутском, мы будем называть его «письменным головой». Соответственно, если речь будет касаться времени второго периода, то мы будем называть его «воеводой» (См. подробнее: Зуев А. С. Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650–1680-х годах // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 48–49).

⁵ РМО. 1685–1691. С. 210.

поставленный в известность об упрямстве джунгарских дипломатов, рекомендовал «розговаривать, чтоб поехал с листами», обещая принять письма и их самих в приказной избе. В случае, если дипломаты все равно пойдут на отказ, приставу следовало донести до них, что их могут лишить «государева жалованья» и «корма». Но джунгарские посланники все же согласили и отдали письма сыну боярскому С. Шестакову¹. Со стороны российской дипломатии требования заранее выдать грамоты (письма, «листы»), которые привозили с собой иностранные посольства, следует объяснять тем, что представители власти должны были заранее узнать о цели миссии и подготовиться к предстоящему переговорному процессу.

Встречающие приставы должны были разузнать цели посольства: «с каким делом они к великому и полномочному послу приехали...»². Опасаясь, что кочевники могут приезжать не с совсем благими намерениями, власти стремились всякими мерами выявлять отсутствие у них «злого» умысла. В 1654 г. тюменскому сыну боярскому П. Корнилову предписывалось «розведать подлинно, нет ли у них, калмытцких послов, какова дурна и лихова умышленья»³. Еще ранее, в 1625 г., сыну боярскому Д. Мартынову и подьячему М. Пешехонову, посланным на встречу калмыцких послов, вообще было предписано переписать калмыков и числившихся в их посольстве бухарцев⁴.

На усмотрение воевод, приказчиков и уполномоченных лиц, в зависимости от характера отношений между российской и кочевой сторонами, дипломатической миссии от кочевников могли организовать парадный въезд в город. В 1631 г. посольство от хотогойтов встретили в Томске в «нижнем остроге», где, «уредясь на конех в пансырех и в цветном платье», были расположены дети боярские и конные казаки. Делегация въехала в «средние ворота», от которых до месторасположения посольства стояли пешие казаки, жилецкие, торговые и гулящие люди (см. Прил 2, рис. 4). Всем им были выданы пищажи. После того, как сопровождавшие служилые люди вместе с посольством «пришли против верхнево острогу бугровых ворот», из «верхнего острога» был дан пушечный залп. Салютация объяснялась тем, что «алтынов посланник дальные земли, а царского

¹ РМО. 1685–1691. С. 210–211.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 233.

³ РМО. 1654–1685. С. 17.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 140–141.

величества в землю пришел впервые, вогненной стрельбы не знает»¹. Аналогичные встречи были проведены, правда, иногда в несколько упрощенном формате, дипломатам от хотогойтов и в 1632, 1635, 1639 гг.² В 1637 г. томский воевода И. И. Ромодановский вообще дал указание встретить хотогойтских послов за городом, что было вызвано важностью делегации: в ее составе присутствовал брат алтын-хана Омбо Эрдени Дурал-табун со своим сыном. На встрече должны были присутствовать служилые, жилецкие, оброчные, торговые и «приезжие» люди. Был устроен «наряд большой» и «затинной». Их расположили по пути следования Дурал-табуна и «иноземных» дипломатов³.

В Иркутске встреча посланников из Монголии происходила по следующему сценарию⁴. В 1684 г. посольство от тушету-хана Чихунь Доржи встретили казачий десятник Д. Уразов и толмач казак М. Елифанов, которые сопровождали посольство от «мелнишного луга» до двора служилого человека иркутского казака К. Могулева. Дипломаты ехали на своих лошадях, что указывает на то, что иркутский управленец не предоставил им казенных подвод. Доехав до р. Ангары, послы и сопровождавшие лица должны были перейти на дощаники, заготовленные для переправы. На этих дощаниках располагалось до 30 служилых людей, поставленных там, очевидно, для массовки. Перебравшись через реку, делегация далее двигалась до «верхнего острога» к посадку. Пристав Д. Уразов все время располагался с правой стороны, которая в представлении русского населения является почетной⁵. Служилые, торговые, посадские, промышленные и гулящие люди стояли «по обе стороны» «в цветном платье» с ружьем. В качестве парадной атрибутики использовались знамена и барабаны. Иркутский письменный голова Л. К. Кислянский распорядился задействовать значительное количество артиллерии: ее расположили на дощаниках, на которых происходила переправа с берега на берег, у «посольского двора», на городской площади. Пушкари, находясь в парадной одежде, держали в руках зажженные фитили. К пушкам приставили знамя, под которым были расположены 40 человек с пиками. В совокупности во встрече дипломатов от

¹ РМО. 1607–1636. С. 161. «Нижний острог» в Томске, в котором происходили встречи дипломатов, был построен в 1630 г. (*Бояришинова З. Я.* Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Вып. 3. С. 33, 34).

² РМО. 1607–1636. С. 178, 254; РМО. 1636–1654. С. 80, 161.

³ РМО. 1636–1654. С. 80.

⁴ См. также: *Попов Д. К.* Церемониал приема халхаских и джунгарских посланников в Иркутске в конце XVII века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 209–220. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-17.pdf>.

⁵ *Байбурун А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета. С. 30.

халхаского тушету-хана Чихунь Доржи было задействовано служилых, посадских, промышленных людей с ружьями – 95 человек, с пиками – 235, конных людей с сайдаками – 60 человек. Согласно статейному списку переговоров, «стойка» была организована в три ряда по обе стороны следования делегации¹. В 1685 г. в Иркутске при приеме джунгарских посланников использовали 500 человек, в том числе конных служилых людей. Все они также стояли с оружием (бердышами, пиками и ружьями)².

Схожая, но несколько усложненная, схема встречи была применена во время приезда в 1690 г. в Иркутск джунгарских дипломатов. Из Иркутска навстречу посланцу Дархан-зайсану, который ранее прибыл в Тункинский острог, были посланы казаки во главе пятидесятником К. Козьминым. Им было предписано встретить дипломатов и, не доехав до Иркутска, остановиться за р. Ангарой (точное место неизвестно). Сюда по распоряжению воеводы Л. К. Кислянского были направлены подьячие А. Курдюков и Я. Самойлов. Они должны были спросить о здоровье самого посланца Дархан-зайсана, узнать о давности поездки, а также выяснить, имеется ли при себе письмо от Галдана Бошокту-хана. Только после этого они должны были перевезти делегацию через Ангару³.

Полномочный посол Ф. А. Головин в 1688–1689 гг., судя по отчетной документации, задействовал служилых людей «полка», направленного вместе с ним в качестве сопровождения. Сведения, упоминаемые Головиным, порой носят краткий характер, но в то же время позволяют утверждать, что полномочный посол тогда, когда считал нужным, давал распоряжения использовать служилых людей для встреч «иноземных» делегаций: «а для приезду того посланца на стойке были московские стрельцы»⁴; «как посланец на розговорех был, и в то время стояли круг шатра на стойке московские стрельцы»⁵; «для приему их был на стойке полковник Павел Грабов с полком»⁶; «и в то время стойки не было, а стояли только стрельцов с ружьем малое число»⁷; и т. д.⁸

¹ ДАИ. Т. 10. С. 245–246; РМО. 1654–1685. С. 410–411.

² РМО. 1654–1685. С. 441.

³ РМО. 1685–1691. С. 256.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 287.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ Там же. С. 365.

⁷ РКО в XVII в. Т. 2. С. 289.

⁸ РМО. 1636–1654. С. 311; РМО. 1654–1685. С. 72, 418, 437; ДАИ. Т. 11. С. 236.

Отметим, что парадные «стойки» служилых людей и прочих жителей власти могли устраивать и перед аудиенцией, которая могла следовать спустя некоторое время после приезда дипломатов в сибирский город. Церемониал отличался лишь тем, что теперь всех людей (служилых и прочих) расставляли не от места встречи, а от места расположения посольства до места аудиенции. На аудиенцию посольство приглашал пристав, с которым делегация направлялась к месту переговоров¹. Пристав же заранее доносил воеводе о том, что посольство «бьет челом», чтобы тот «взял их перед себя», т. е. на аудиенцию².

Аудиенция у воеводы, приказчика или иного уполномоченного лица зависела от срочности вопроса в каждый конкретный момент времени. Некоторые дипломатические миссии были приняты в день прибытия посольства. Например, в 1684 г. дипломаты от халхаского тушету-хана Чихунь Доржи были сразу приняты письменным головой Л. К. Кислянским³. В 1688 г. Ф. А. Головин принимал посланцев от того же тушету-хана в день их прибытия⁴.

В остальных случаях дипломатам определяли временное место пребывания. Их располагали на специально подготовленном дворе какого-то служилого человека, «постоялом дворе» или «посольском дворе»⁵. Место временного пребывания должно было располагаться как можно дальше за городом, что объяснялось соображениями безопасности. В Иркутске дипломатов размещали за р. Ангарой⁶. В Таре в 1631 г. определили калмыцкого дипломата Елменко за городом, расположив его в крестьянской слободе⁷. В 1657 г. дипломатов от телеутских князцов Коки и Мачика разместили в Томске на аманатском дворе, превратив фактически в аманатов (заложников)⁸. Надо полагать, это было сделано специально, поскольку тогда же в телеутские улусы была послана миссия во главе с сыном боярским Д. Копыловым. Посланцы от телеутских князцов в таком случае становились гарантом того, что русское посольство доедет, проведет переговоры и благополучно вернется обратно.

¹ РМО. 1607–1636. С. 162; РМО. 1636–1654. С. 81.

² РМО. 1654–1685. С. 82, 92, 102.

³ ДАИ. Т. 10. С. 246.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 241–242.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 161, 162, 178; РМО. 1636–1654. С. 180, 199, 220, 333; ДАИ. Т. 10. С. 245; РКО в XVII в. Т. 2. С. 233, 257, 261, 364, 372.

⁶ ДАИ. Т. 11. С. 236; РМО. 1654–1685. С. 437; РМО. 1685–1691. С. 209–210.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 443.

⁸ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 6–7, 15–16. См. также: РМО. 1654–1685. С. 180, 182. См. также: РМО. 1654–1685. С. 179, 180.

В Тобольске даже имелся специальный «калмыцкий» или «посольский двор». Этот двор был построен, вероятно, в начале XVII в.¹ По всей видимости, «двор» неоднократно перестраивался или возводился заново из-за пожаров, случавшихся в Тобольске. В 1657 г. из Москвы в Тобольск был послан указ, предписывающий построить «калмыцкий двор» вне города, но «блиско посаду и жилецких русских людей и татарских юрт». Подразумевалось, что будет построены две или три избы, которые будут огорожены забором. «Двор» должен был стать временным пунктом размещения дипломатов во время их приездов в Тобольск. Правительство было обеспокоено тем, что в случае расположения калмыцких послов в татарских юртах может «учиниться» «дурно»². В 1686 г. в результате пожара, вспыхнувшего на нижнем посаде Тобольска, «посольский двор» сгорел³.

К посланникам приставлялся караул и пристава. Они следили за дипломатами, контролировали, чтобы те не имели никаких контактов с жителями города: «а у двора поставлен был караул Мартыновой роты Камоля с приезде ево, посланца, служилых людей 4 человека, и никого к нему на двор не пускали»⁴. Вся полученную информацию охрана и пристава докладывали воеводам⁵. Лицам, охранявшим посольство, предписывалось отвечать на вопросы, которые дипломаты могли задавать, «с вымыслом, чтоб государскому величеству было к повышению»⁶. После размещения на подворье пристава, если ранее во время встречи не удалось получить грамоту, привезенную от кочевого правителя, снова пытались получить ее, чтобы затем отдать воеводе или приказчику. Одновременно пристава могли конкретизировать и уточнять цели прибывшего посольства⁷.

Посольству выдавался «корм» и «питье»: «скляница вина, ведро пива, меду тож, мяса говяжья пол-пуда»⁸; «осьмину ведра вина горячево, оловяник пива, часть говяжья мяса мысовая, хлеб ржаной ситной, а на хлебе колач пшеничной, 2 сига да 2 ленка

¹ Кочедамов В. И. Тобольск: (Как рос и строился город). Тюмень, 1963. С. 10.

² РМО. 1654–1685. С. 42.

³ Кочедамов В. И. Тобольск: (Как рос и строился город). С. 21.

⁴ РКО в XVII в. Т. 2. С. 245. См. также: РКО в XVII в. Т. 2. С. 257; РМО. 1607–1636. С. 162; РМО. 1636–1654. С. 180; РМО. 1654–1685. С. 42, 81, 153, 402, 403.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 178–179; РМО. 1636–1654. С. 199, 325; РМО. 1654–1685. С. 81, 102, 220–221.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 162.

⁷ РКО в XVII в. Т. 2. С. 233–234, 261, 364, 372; РМО. 1685–1691. С. 209–211.

⁸ РКО в XVII в. Т. 2. С. 261.

жареных, да неваренные рыбы таймень весом в пуд. Им же, посланцом, дан на корм бык четырех годов»¹; и т. д.² При выдаче «корма» могли опираться на прежние случаи раздачи продовольствия: «корм им посланцом велел отвезть против прежних посланцов и против прошлого же 192 года»³. Процитированный фрагмент относится к эпизоду русско-джунгарских переговоров 1685 г. Согласно источнику, «корм» был выдан в том объеме, в каком он был выдан в прошлом, в 1684 г., когда приезжали халхаские дипломаты.

Случались, однако, и эксцессы во время нахождения посольств в сибирских городах. Так, в 1637 г. хотогойты и киргизы, употребив большое количество алкоголя, поссорились между собой. Следствием этого было то, что сопровождавший хотогойтское посольство киргизский «мужик» Иирек прострелил спящему Турал-табуна горло⁴.

В назначенный день (если аудиенция проходила не в день приезда) посольство приглашалось приставом на аудиенцию к воеводе, приказчику или иному уполномоченному на проведение переговоров лицу. Местом аудиенции являлись «съезжая изба» / «приказная палата / изба»⁵ или «посольский двор / изба», которые, по всей видимости, специально приготавливались для этих целей⁶. Однако не исключено, что под «съезжим» и «посольским» дворами подразумевалось одно и то же место: «на зъезжей на посольской двор»⁷. Полномочный посол Ф. А. Головин проводил аудиенции в специально поставленном шатре⁸.

Случалось, что дипломатическую миссию могли принять вообще в других местах, что было обусловлено соображениями безопасности. В 1623 г. в Тобольск была послана грамота из Казанского приказа, предписывавшая принимать посольства от калмыков и

¹ РМО. 1654–1685. С. 415.

² РМО. 1607–1636. С. 101, 143, 162, 178, 181; РМО. 1636–1654. С. 80, 161, 333; РМО. 1654–1685. С. 72, 81, 82, 102, 104, 220; РКО в XVII в. Т. 2. С. 284, 367, 373, 622.

³ РМО. 1654–1685. С. 437; ДАИ. Т. 11. С. 238.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 83.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 16, 72, 101; Стб. 455. Л. 12; АИ. Т. 4. С. 49; ДАИ. Т. 10. С. 373; СДИБ. С. 138, 232; МОЦА. С. 83, 84, 104; ПСИ. Кн. 1. С. 175, 184–185; РМО. 1607–1636. С. 158, 162, 179, 278; РМО. 1636–1654. С. 158, 258, 271, 327, 339, 344, 361, 366, 379; РМО. 1654–1685. С. 19, 34, 44, 68–69, 111, 160, 162, 237, 240, 241, 242, 251, 274, 275, 319, 330, 331, 345, 367, 402, 403; РМО. 1685–1691. С. 101, 118, 360.

⁶ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 1; 1673 г. Д. 2. Л. 126; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 194; ДАИ. Т. 10. С. 245; ДАИ. Т. 11. С. 236; РМО. 1607–1636. С. 254; РМО. 1636–1654. С. 217, 234, 271, 306, 311, 313; РМО. 1654–1685. С. 72, 202, 246, 262, 418, 437; РМО. 1685–1691. С. 211, 214, 327.

⁷ РМО. 1607–1636. С. 254, 279; РМО. 1636–1654. С. 65, 153, 199, 212, 234, 239, 250; РМО. 1654–1685. С. 122, 195, 211, 222, 247, 251.

⁸ РМО. 1685–1691. С. 85, 159; РКО в XVII в. Т. 2. С. 310.

хотогойтов «в шатре или где на дворе за городом»¹. В 1625 г. калмыцкое посольство было принято «под горою на Бессонкове дворе Жюкова»². В том же году посольство от енисейских киргизов было принято тобольским воеводой не в самом городе, а «за острогом, под горою, где бывает колмацкие послы»³. Вероятно, местом приема киргизских дипломатов был упомянутый ранее «калмыцкий» («посольский») двор. В 1631 г. калмыцкое посольство в Таре было принято на крестьянской слободе, т. е. там же, где и было размещено: «и мы, господине, велели их поставить под острогом, в крестьянской слободе... И октября в 16 день съехав мы в крестьянскую слободу и велели тех колматцких посланников на съезде дворе поставить перед собою»⁴. Неизвестно, на какой именно слободе было принято посольство.

В 1684 г. иркутский письменный голова Л. К. Кислянский принимал халхаских посланцев на «посольском дворе», который, по всей видимости, располагался где-то вне города: «а в острог де их взять не приказал для того, чтоб им про иркуцкие острожные крепости было неведомо»⁵. Действия письменного головы были обусловлены тем, что прибывшие дипломаты в составе 20 человек почему-то решили разделиться: часть ушла на р. Китой и Белую, а другая часть поехала дальше выполнять свою посольскую миссию. По указанию Л. К. Кислянского за монголами была послана погоня, в ходе которой их сыскали и направили в Иркутск⁶. В 1691 г., когда в Иркутск прибыло посольство во главе с тарханом Оеки Кашкой от джунгарского Галдана Бошокту-хана, он вновь принял делегацию за городом: «и тех посланцов велел я, холоп ваш, взять в Ыльинской слободе в учрежденную избу для посольских переговоров»⁷. В 1690 г. в виде «съезда», организованного за Иркутском, прошли переговоры с джунгарским зайсаном, представлявшим Галдана Бошокту-хана. Его встречали и принимали на заимке Смоленских, расположенной около Иркутска⁸.

¹ РМО. 1607–1636. С. 131.

² Там же. С. 134.

³ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 66.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 443.

⁵ РМО. 1654–1685. С. 418. См. также: РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 63. Л. 103–104; СДИБ. С. 262.

⁶ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 63. Л. 100–101; Д. 69. Л. 17. Описание поимки монголов см.: РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 69. Л. 17–23. См. также: РМО. 1654–1685. С. 404–405.

⁷ РМО. 1685–1691. С. 352. См. также: РМО. 1685–1691. С. 328.

⁸ РМО. 1685–1691. С. 247.

В 1688 г., посланцы от тушету-хана Чихунь Доржи заявили, что халхаский Шидишири Батур-хунтайджи желает провести «съезд» с Ф. А. Головиным: «хочет видеться и о всяких делах говорить с ним»¹. Полномочный посол уточнил у халхаских представителей, где именно Шидишири Батур-хунтайджи хочет провести «съезд» «для перемирных договоров». На это посланцы ответили, что место переговоров будет там, где сам Ф. А. Головин изволит. Русский представитель рекомендовал прийти халхаскому хунтайджи под Селенгинск, имея при себе небольшое количество человек (не больше 50), после чего уведомить его об этом². Однако подобного формата «съезд» не был осуществлен.

Сибирские воеводы и приказчики при необходимости проводили несколько аудиенций: первую – «на приезде», т. е. после прибытия посольства в город, последнюю – «на отпуске», т. е. перед отправкой делегации обратно в степь. Количество повторных аудиенций зависело от обстоятельств и хода переговорного процесса, характера отношений между сторонами, сложности вопросов, выносимых на обсуждение.

Один раз представитель местной власти организовал разные приемы участникам одной и той же делегации. В 1637 г. томский воевода И. И. Ромодановский принял членов посольства в следующем порядке: сначала брата алтын-хана Дурал-табуна и его сына – Есакту, затем дипломатов от самого алтын-хана, а после дипломатов от хотогойтского ламы³. И в этом надо видеть соблюдение конкретной субординации. Дурал-табун был братом хотогойтского алтын-хана Омбо Эрдени. Он выступал почетным гостем и был важной персоной в составе посольства. Именно поэтому его приняли первым. Затем следовали собственно дипломатические представители от алтын-хана, а после – от ламы Даин-Мерген-ланзы.

Делегации кочевников от места размещения до «съезжей избы», где проходила аудиенция, обычно шли пешком. Единожды зафиксировано, когда по случаю прибытия важной персоны воевода предоставил лошадей. Так было в 1637 г., когда брату алтын-хана Дурал-табуну и его сыну Есакту были выданы лошади воеводы И. И. Ромодановского⁴.

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 242.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 246. См. также: РКО в XVII в. Т. 2. С. 264–265.

³ РМО. 1636–1654. С. 81–83.

⁴ Там же. С. 81.

Делегацию, подошедшую к «приказной избе» и вошедшую в сени, встречали специальные люди – «встречники». Такая традиция практиковалась в Москве в XVI–XVII вв.¹ Нашла она свое применение и в Сибири при организации приема посольств от кочевников. В 1684 г. во время встречи посольства от тушету-хана Чихунь Доржи, как сказано в отчетной документации, «как посланец к посолской избе в сени будет, и его встретить в сенях у дверей дворянину Остафью Иванову сыну Перфирьеву да с ним подьячему и толмачю»². Затем «встречник» объявил дипломату: «царского пресветлого величества писменной голова Леонтей Костянтинович Кислянский велел тебя посланца *для почести* (курсив здесь и далее наш. – Д. П.) встретить мне царского величества дворянину»³. В 1689 г. «встречник» сын боярский В. Перфильев произнес следующую речь: «великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни, благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, их царского пресветлого величества стольник и воевода Леонтей Константинович Кислянский велел *для почести* царского величества сыну боярскому Василью Перфирьеву вас, посланцов, встретить»⁴. Сами современники событий указывали, что «встречники» задействовались для оказания почестей. Ведь чем больше лиц встречалось на пути следования посольства и оказывало ему знаки внимания, тем больше почета оказывалось «иноземной» делегации. Принимающая посольство сторона демонстрировала свое благожелательное отношение к миссии и правителю, приславшему эту делегацию. «Встречники» упоминаются при организации приема дипломатических миссий от хотогойтов и джунгаров⁵. После озвучивания своей речи «встречники» во главе делегации заходили в помещение, где находился воевода и задействованные для аудиенции лица.

Помещение избы, в которой проходила аудиенция, по желанию воеводы, приказчика или иного уполномоченного лица, принимавшего посольство, могли украсить и декорировать при помощи тканей и ковров, создавая парадную атмосферу⁶. Управленец

¹ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 94–95; *Он же*. Путь посла. С. 149–150.

² ДАИ. Т. 10. С. 246.

³ Там же. С. 246; РМО. 1654–1685. С. 411.

⁴ РМО. 1685–1691. С. 214.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 254, 257–258, 260; РМО. 1636–1654. С. 80, 82, 83, 162; РМО. 1685–1691. С. 214.

⁶ ДАИ. Т. 10. С. 247; РМО. 1654–1685. С. 411.

принимал дипломатов не один. Вместе с ним могли присутствовать приказные и «начальные» служилые люди¹. В 1684 г. вместе с письменным головой Л. К. Кислянским были дворяне, пятидесятники, «лучшие» «старые» казаки, подьячие, представитель гостиной сотни, таможенный голова, торговые люди². В 1689 г. тот же Л. К. Кислянский встречал монгольских послов в присутствии детей боярских, приказных подьячих, таможенного головы, а также приезжих торговых людей из разных городов³.

Дипломаты после входа в помещение, где проходила аудиенция, должны были снять головной убор. Некоторые посланники на свое усмотрение совершали поклон «по своему обычаю». Этим они, надо полагать, проявляли уважение к представителю «великого государя»⁴. Но были и те, кто отказался снимать свой головной убор, аргументируя религиозными соображениями. На переговорах в 1687 г. с дипломатами от хутухты гичул и лаба заявили полномочному послу Ф. А. Головину, что «им, гичюлу и лабе, послом кланяется, сняв малахай, невозможно для того, что они в своей вере законники»⁵.

После того, как послы зашли в помещение и предстали перед воеводой, приказчиком или уполномоченным лицом, следовал стандартный ритуал «здравствования» участников диалога. Дипломаты должны были первыми спросить о здоровье «великого государя», после чего от управленца им должен был поступить стандартный ответ: «государь царь и великий князь <...> всеа Руси самодержец и многих государств государь и облаадатель, на Москве на своем царском превысочайшем престоле, дал бог, здорово»⁶. Зафиксирован только один случай, когда дипломаты отказались «здравствовать» российского монарха, аргументируя тем, что они прибыли не к государю, а к воеводе («начальному человеку») и к тому же «им о том не заказано», т. е. нет соответствующего указания от их правителя. Такая ситуация возникла в 1689 г. во

¹ РМО. 1607–1636. С. 135.

² РМО. 1654–1685. С. 411.

³ РМО. 1685–1691. С. 214.

⁴ ДАИ. Т. 10. С. 247; ДАИ. Т. 11. С. 236; РКО в XVII в. Т. 2. С. 365, 373; РМО. 1654–1685. С. 411.

⁵ РМО. 1685–1691. С. 85.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 134. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 188; РМО. 1607–1636. С. 163, 179, 254, 258; РМО. 1636–1654. С. 81, 82, 83, 162, 212, 234, 240, 250, 290, 305–306, 313, 327, 411; РМО. 1654–1685. С. 434, 440; РМО. 1685–1691. С. 101, 118, 327, 352; ДАИ. Т. 10. С. 247; ДАИ. Т. 11. С. 236; МОЦА. С. 104–105.

время русско-джунгарских переговоров. Тогда иркутский воевода Л. К. Кислянский, проводивший переговоры, пошел на церемониальные уступки и продолжил аудиенцию¹.

Ответив на вопрос о российском монархе, воевода, приказчик или уполномоченное лицо задавали вопрос о «здравии» контрагента. Иногда управленцы указывали, что задали вопрос «от себя», т. е. лично². После этого шло «здравствование» сибирского воеводы (приказчика, уполномоченного лица), проводившего переговоры, на что посланники получали ответ: «Божией милостью, великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, на службе в Сибири в Иркутском дал Бог здоров»³.

Сибирские управленцы в качестве почтения задавали стандартные вопросы, указывающие на гостеприимство: «не было ль им по дороге от кого какой обиды?»⁴. Этими вопросами формально подчеркивался интерес к прибывшей стороне, устанавливался более доверительный контакт между участниками коммуникации.

Далее следовало преподнесение кочевниками подарков, которые были присланы к государю и / или управленцу (воеводе, приказчику, уполномоченному лицу). Дары русскому царю передавались с челобитной формулировкой. Неизвестно, действительно совершали кочевники поклон («челобитье») во время поднесения даров или нет. Подарки могли подносить все члены дипломатической миссии, явившиеся на аудиенцию⁵. И снова, уже во время принятия даров, могло звучать имя государя: «и воевода <...> тот конь велели принять, а калмыцким послом сказали, что государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси Чокура-тайшу пожаловал, подарки велел принять»⁶. В условиях отдаленности от Москвы – центра Российского государства – управленец, проводивший переговоры, действовал от имени «великого государя», являясь его представителем и, может быть, воплощением. Тем самым сибирские управленцы стремились создать эффект присутствия царской власти в отдаленных уголках

¹ РМО. 1685–1691. С. 214–215.

² РМО. 1607–1636. С. 163, 179, 254, 258; РМО. 1654–1685. С. 412, 434, 440; РМО. 1685–1691. С. 101; ДАИ. Т. 11. С. 236.

³ ДАИ. Т. 10. С. 247; ДАИ. Т. 11. С. 236; РМО. 1654–1685. С. 411, 434–435.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 412. См. также: РМО. 1607–1636. С. 254, 258; РМО. 1636–1654. С. 81, 82, 162; РМО. 1654–1685. С. 435, 440; ДАИ. Т. 11. С. 236.

⁵ См., например: РМО. 1607–1636. С. 179; РМО. 1636–1654. С. 212, 250, 290, 306; РМО. 1654–1685. С. 440; ДАИ. Т. 11. С. 236; МОЦА. С. 105.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 135.

Российского государства. Государь, физически находясь в столице, метафизически «присутствовал» во время аудиенции посольств от кочевых правителей в Сибири.

Приняв подарки, управленцы требовали грамоту (если не удалось приставам заполучить заранее), которую привезли с собой дипломаты от кочевого правителя. В грамотах обычно излагались послания, которые могли быть адресованы как государю, так и его представителям (воеводе, приказчику, уполномоченному лицу)¹. Если дипломаты имели две грамоты (к царю и к воеводе), то управленцы, проводившие переговоры, требовали отдать обе, аргументируя тем, что согласно государеву указу, они имеют полномочие принимать письменные послания². Некоторые дипломаты, однако, противились этому порядку, объясняя, что свои «листы» он должны передать лично государю в Москве³. Нередко управленцы следующим способом получали информацию, содержащуюся в письмах: «листы» зачитывались дипломатом, речь которого переводилась на русский язык присутствовавшим на аудиенции толмачом. Этот перевод записывался на бумагу⁴.

На аудиенциях посланники могли совершать свои, характерные для кочевой культуры, ритуальные действия во время передачи грамот представителям российской власти. Так, в 1689 г. джунгарские дипломаты, выговорив «речь», поднесли иркутскому сыну боярскому С. Шестакову письмо следующим образом: «калмыцкого Бушухту-хана лист на голове своей и, приложив тот же лист к головам и иных посланцов, подал мне, Сидору Шестакову»⁵.

Последовательность ритуалов, используемых во время аудиенции, могла быть и несколько иной. После «здравствования» и этикетных вопросов, уполномоченное лицо, проводившее переговоры, могло запросить грамоту, а дарообмен мог быть совершен позднее⁶. В 1625 г. во время русско-калмыцких переговоров в Тобольске воевода сначала ответил на вопрос о здоровье монарха, затем провел переговоры, а после принял подарки⁷.

¹ См., например: ДАИ. Т. 10. С. 373; ДАИ. Т. 11. С. 236; МОЦА. С. 105; РМО. 1607–1636. С. 254; РМО. 1636–1654. С. 81, 82, 250, 313, 327; РМО. 1654–1685. С. 34, 274; РМО. 1685–1691. С. 118, 148, 159.

² См., например: РМО. 1607–1636. С. 255, 258.

³ РМО. 1607–1636. С. 254–255.

⁴ Там же. С. 257–261, 274, 286. См. также: РМО. 1636–1654. С. 163, 258.

⁵ РМО. 1685–1691. С. 211.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 412, 415, 440; РМО. 1685–1691. С. 101, 352–353; РМО. 1636–1654. С. 240.

⁷ РМО. 1607–1636. С. 135.

В 1691 г. иркутский воевода Л. К. Кислянский сначала принял «лист», а затем спросил о здоровье джунгарского Галдана Бошокту-хана¹. Если дипломаты от кочевых правителей не имели с собой ни подарков, ни грамот, то тогда ритуалы принятия подарков и грамот упускались и начинались собственно переговоры².

Довольно часто менялась последовательность ритуалов в ходе переговоров полномочного посла Ф. А. Головина с халхаскими правителями и представителями буддийского культа – Ундур-геген хутухтой и Очирдар-хутухтой. На основе отчетной документации выявлены следующие варианты последовательности компонентов церемониала:

1) сначала принятие подарков, а затем вопросы от полномочного посла о здоровье контрагента³,

2) сначала преподнесение подарков от кочевников, а затем «здравствование» полномочного посла⁴,

3) «здравствование» Ф. А. Головина, поднесение даров, а после «здравствование» контрагента⁵.

Отметим, что ритуалы могли выполняться лишь частично или вовсе не упоминаться и, надо полагать, не использоваться в ходе переговоров⁶. Есть основание полагать, что Ф. А. Головин относился к различного рода компонентам и ритуалам «посольского обычая» как к формальностям и использовал их по своему усмотрению лишь тогда, когда считал нужным. Современный исследователь Е. В. Анисимов, анализируя преобразования в центральных органах власти, в частности в Посольском приказе, отметил, что трансформация посольской службы, проводимая в самом начале XVIII в., связана как раз с деятельностью Ф. А. Головина, который стоял во главе приказа в 1700–1706 гг. Именно при нем произошли кадровые изменения: на смену тем служащим, кто придерживался старых традиций, пришли новые лица, отвечавшие новым правительственным реалиям⁷.

¹ РМО. 1685–1691. С. 327.

² См., например: ДАИ. Т. 10. С. 247; РМО. 1636–1654. С. 313.

³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 236. См. также: Там же. С. 284, 422.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же. С. 308. См. также материал приема дипломатов от Очирдар-хутухты и Цеценноёна: РКО в XVII в. Т. 2. С. 365.

⁶ РКО в XVII в. Т. 2. С. 242, 373, 620.

⁷ Анисимов Е. В. Когда ушел последний «дипломатический караван». С. 82.

Не использовались ритуалы и в русско-киргизских отношениях на рубеже XVII–XVIII вв. Вероятно, конфронтация между сторонами заставила отказаться русских властей от различного рода церемониалов. На это указывают материалы переговоров между русскими, джунгарами и киргизами в 1701 г., которые проводил красноярский воевода П. С. Мусин-Пушкин. В них вообще не упоминались какие-либо компоненты дипломатического церемониала¹.

Во время аудиенции у русских властей дипломатические представители кочевников стояли. Но в качестве почтения им позволялось сесть на заранее заготовленную скамью. Такие дозволения со стороны управленцев зафиксированы в ходе переговоров с халхасцами в 1687, 1688 гг.² и джунгарами в 1690–1691 гг.³. Приглашение сесть на скамью следует расценивать как оказание почтения контрагентам⁴. На усмотрение лиц, проводивших переговоры, посланникам дозволялось во время аудиенции сидеть на коленях, т. е. в соответствии с обычаями, распространенными в кочевой культуре. В 1637 г. сидя на коленях «правил» посольство хотогойтский Дуралтабун⁵.

В заключительной части аудиенции воеводы, приказчики или уполномоченные лица могли (правда, не всегда) угостить дипломатов. В 1639 г. томский воевода И. И. Ромодановский дал послам от алтын-хана и лабы вино и мед⁶. В 1684 г. письменный голова Л. К. Кислянский, приняв дипломатов из Халхи, «велел потчивать их вином горячим и збитнем и пивом»⁷. В 1685 г. он таким же образом «потчивал» посланников от джунгарского Галдана Бошокту-хана⁸.

При необходимости по решению воеводы, приказчика или уполномоченного лица могло происходить несколько аудиенций. При организации повторных приемов могли также выстраивать служилых и прочих людей «в стойку»⁹. Прощальная аудиенция обычно состоялась спустя некоторое время. Но на усмотрение представителей

¹ ПСИ. Кн. 1. С. 175–177.

² РМО. 1685–1691. С. 85, 159; РКО в XVII в. Т. 2. С. 236, 264, 287, 308, 365.

³ РМО. 1685–1691. С. 328, 257, 256; РКО в XVII в. Т. 22. С. 620, 622.

⁴ Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. С. 75.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 81, 82.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 415.

⁸ ДАИ. Т. 11. С. 238. См. также: РМО. 1607–1636. С. 259, 261; РМО. 1636–1654. С. 271, 344.

⁹ РМО. 1607–1636. С. 165, 181; РМО. 1685–1691. С. 92; ДАИ. Т. 11. С. 238.

русской власти эта аудиенция могла произойти практически сразу после первой. Так поступил, например, Ф. А. Головин в 1688 г., организовав повторный прием послам от кутухты в тот же день: «для скорого отпуску велел быть у себя на розговорах»¹.

При Ф. А. Головине даже проводились переговоры «тайно», но только после того, как дипломат сам изъявит подобное желание. Подобное желание в 1688 г. возникло у посланца Эрдени-хунтайджи: «он де, посланец, желает быть у великого и полномочного посла сего числа один, кроме посланцов кутухты и тайшей, тайно». Предметом тайных переговоров были параметры подданства монгольского правителя русскому царю².

На прощальной аудиенции («на отпуске») представители русской власти резюмировали итоги переговоров, сообщали, если это требовалось, об отправке ответной русской дипломатической миссии. Тогда же могло происходить и одаривание «государевым жалованьем» (от имени царя) или «подарками» / «дарами» (от имени представителей власти)³. Подарки от имени государя могли вообще послать с «приставами» на постоянный двор к дипломату, т. е. не вручать в приказной избе⁴. На прощальной аудиенции могли вернуть дары, присланные от кочевников, аргументируя это «скудостью», «бедностью», т. е. плохим качеством, привезенных презентов⁵. Если посольство допускалось до Москвы, то местные власти могли на последней аудиенции провести учет подарков, адресованных государю⁶. Кроме того, на «отпуске», если были достигнуты определенные договоренности, могла быть совершена процедура шертования дипломатов перед представителями русской власти⁷.

Делегации от кочевых правителей на обратном пути в степь сопровождались приставами из числа служилых людей⁸. Сопровождение было обусловлено соображениями безопасности, ведь кочевники, возвращаясь в свои улусы, могли «чинить» противоправные действия в адрес русского и ясачного населения. Кроме того, как было уже сказано ранее, обратно «иноземные» посольства могли сопровождать и

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 287.

² РКО в XVII в. Т. 2. С. 376–377, 379.

³ РМО. 1607–1636. С. 166, 260; РМО. 1636–1654. С. 66, 89, 214–215; РКО в XVII в. Т. 2. С. 239, 272, 287, 310, 377, 423, 622; РМО. 1685–1691. С. 217.

⁴ ДАИ. Т. 10. С. 251; РКО в XVII в. Т. 2. С. 367.

⁵ ДАИ. Т. 10. С. 251; РМО. 1654–1685. С. 72, 415.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 86.

⁷ См., например: АИ. Т. 4. С. 49; РМО. 1607–1636. С. 183; РМО. 1654–1685. С. 327, 330.

⁸ РМО. 1607–1636. С. 140, 166, 183; РМО. 1636–1654. С. 88, 164, 395; РМО. 1654–1685. С. 135–136, 416; РМО. 1685–1691. С. 94; РКО в XVII в. Т. 2. С. 289–290, 367, 371, 377; ДАИ. Т. 11. С. 238.

русские дипломатические миссии, которые сибирские управленцы направляли в улусы для продолжения переговоров.

Власти могли задержать дипломатические миссии кочевников по разным причинам. В 1642 г. томский воевода С. В. Клубков-Мосальский писал в Сибирский приказ, что задержал в городе дипломатов от алтын-хана Омбо Эрдени, поскольку ждал от енисейских киргизов пока они «добьют челом» государю и пришлют в Томск своих аманатов¹. Ранее упомянутое посольство от телеутских князцов Коки и Мачика в 1657 г. было задержано и посажено в Томске на аманатский двор до возвращения русских дипломатов². Аналогично поступили в Тобольске в 1667 г. с посланником от орчаков³.

В иных ситуациях, когда имелась санкция от вышестоящих органов власти, посольство отправляли в Москву. Управленцы могли принимать решение о том, какое количество «иноземных» дипломатов поедет в столицу⁴. Это было связано с тем, что при отправке посольств в Москву российская сторона брала все расходы на снаряжение и сопровождение на себя. Поэтому в целях сокращения казенных растрат представители местной власти контролировали численность дипломатов.

Обратим внимание, что посольства, которые возвращались из Москвы в свои улусы, по всей видимости, снова должны были предстать перед управленцами того города, из которого они были перенаправлены в столицу. Это правило регламентировалось грамотами, посланными из органов центральной власти. Остается неизвестным, проводили сибирские воеводы какие-либо встречи или нет⁵.

Отметим, что парадные встречи, в которых власти задействовали большое количество служилых людей, организовывали калмыкам и в других городах, в частности в поволжских⁶. Более того, подобные встречи могли организовать и прочим «иноземцам», которые приезжали в сибирские города. Например, в 1647 г. в честь приезда в Красноярск братского князца Ойлана воевода П. Д. Протасьев организовал ему «встречу краснойским служилым и всяким людем и тотаром на конях в збруе и с оружием и велел учинить стрельбу из мелкова оружия и ис пушек»⁷. Как он объяснил в своей отписке, это

¹ РМО. 1636–1654. С. 221.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 6–7, 15–16.

³ РМО. 1654–1685. С. 179, 180.

⁴ РМО. 1636–1654. С. 86–87; РМО. 1654–1685. С. 221, 227.

⁵ См., например: РМО. 1654–1685. С. 173, 206–207.

⁶ См., например: РМО. 1607–1636. С. 102.

⁷ *Барахович П. Н.* Служилое население... С. 370.

было сделано из-за того, что братский князец «многим иноземцом киргиским и тубинским тотаром и твоим государвым ясачным людем был до сех мест страшен и они, многие иноземцы, из Киргиской земли съезжали ево, брацкого кнзца Ойланка, смотреть»¹.

Отношения с центральноазиатскими номадами, как известно, периодически переходили в открытую конфронтацию. Набеги на русские и ясачные волости, проводимые кочевниками, провоцировали ответные походы русских служилых людей, иницилируемые местной властью². В связи с этим кажется вполне оправданным и логичным, что в церемониале в визуальной форме делался упор на военный компонент. Дипломатический церемониал, применяемый воеводами, приказчиками или уполномоченными лицами при организации встреч посольств от центральноазиатских кочевников, визуализировал и демонстрировал мощь Российского государства и его правителя – «великого государя». В. В. Трепавлов справедливо отметил, что «в контактах с народами восточных территорий внешний антураж власти был чрезвычайно важен. Эта репрезентация выражалась, в том числе, в военном окружении главы местной российской администрации»³. Не случайно для поднятия престижа и демонстрации силы русского царя сибирские воеводы, приказчики или уполномоченные лица мобилизовали все население, которое было в каждый конкретный момент времени в городе. И служилым, и прочим людям выдавали оружие. В качестве парадной атрибутики, как было отмечено ранее, использовали и знамена. Ружейные и пушечные залпы, если они практиковались, демонстрировали военные возможности Российского государства. Все это в совокупности должно было создать впечатление безуспешности сопротивления «великому государю», неизбежности «государева гнева» в случае нарушения шерти (присяги) и совершения набега на русские и ясачные волости.

¹ Там же.

² См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 1–39; ДАИ. Т. 10. С. 391–393; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 444–450, 455, 462–464, 466–468, 475–476, 479–481, 484–489, и др.; Пузанов В. Д. Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 64–76; Кушнерик Р. А. Первые русско-ойратские официальные контакты и их особенности (конец XVI–XVII вв.) // Мир Евразии. 2009. № 2(5). С. 17–21; Матвеев А. В. Русско-джунгарская война в Среднем Прииртышье в XVII в. // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Тюмень, 2009. С. 113–117.

³ Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике. С. 89.

В XVIII в. в крупных административных центрах, расположенных на окраинах Российской империи, устанавливали атрибуты власти, которые могли бы визуализировать ее и создать эффект присутствия монарха на отдаленных местах. Как правило, это были троны, престолы, портреты правителей. Все они в совокупности или каждый по-отдельности способствовали созданию некоего физического присутствия монарха в помещении, где находился атрибут власти¹. В XVII в. такого не было, что было обусловлено уровнем развития русской политической культуры. Однако это не означало, что русские власти не стремились создать подобный эффект при общении с иноземными народами. Воеводы, приказчики или уполномоченные лица, действуя от имени русского царя, демонстрировали всю воинскую мощь, находящуюся под их контролем. Сила государя и его присутствие проявлялись как раз в этом. Не случайно в практике русско-аборигенных отношений на территории Сибири оружие (ружья, сабли) использовались в качестве визуальной демонстрации силы во время приведения в подданство российскому монарху, в том числе в процедуре присяги (шерти)².

Помимо прочего, сложные церемониалы приема должны были произвести определенное положительное впечатление на контрагентов (и их представителей) и тем самым сделать их несколько сговорчивее. Церемониальные действия, ритуалы и прочие протокольные процедуры несли определенную смысловую нагрузку. В завуалированной форме сибирские воеводы указывали, что они оказывали «честь» кочевому правителю, приславшему посольство. Это психологически должно было воздействовать на дипломатов, которые должны были понять, что им «здесь рады».

Однако дипломатический церемониал соблюдался не всегда и не всеми воеводами, приказчиками или уполномоченными лицами во время приема ими посольских миссий из центральноазиатских степей. Об этом свидетельствуют факты проведения местными властями переговоров с кочевниками без упоминания в документах каких-либо церемоний. При этом не исключено, что в ходе приездов посланников от тюрко- и монголоязычных номадов применялись отдельные элементы «посольского обычая» Российского государства.

¹ *Трепавлов В. В.* Дипломатия взаимного узнавания: общение администрации и «инородцев» в восточных регионах России // *Российская история*. 2018. № 2. С. 3–4; *Он же.* Символы и ритуалы в этнической политике. С. 92.

² См., например: *Зуев А. С., Слугина В. А.* Шерти-присяги... С. 109–110.

Конечно, можно предположить, что воеводы проводили встречу иностранных делегаций, прибывших из степи, с парадностью и пышностью, но не упоминали об этом в документах. Однако такое предположение будет неверным. Представители местной власти проводили организацию церемонии встречи дипломатических миссий тогда, когда этого требовала ситуация. В остальных же случаях, когда источники умалчивают об использовании церемониала, предпочтение отдавалось не формальностям, а достижению конкретных результатов в ходе переговорного процесса. Это, впрочем, не отменяет того факта, что низкий политический статус кочевых правителей позволял реагировать сибирским управленцам на приезд делегаций из центральноазиатских степей ситуативно, т. е. на свое усмотрение.

3.3. Прием посольств от кочевников в Москве

Переговоры между российской властью и кочевниками могли проходить на самом высоком уровне – в столице Российского государства – в Москве. В зависимости от характера отношений в каждый конкретный момент времени делегации из центральноазиатских степей допускались до столицы, чтобы видеть «государевы очи» или быть удостоенными «чести» общаться с представителями российской дипломатической службы.

Кочевые правители, направляя свои дипломатические миссии в Российское государство, выражали надежду, что они будут допущены в Москву, где их примет сам «великий государь». Там они надеялись урегулировать и решить насущные вопросы, получить царские подарки, провести торговые операции. Однако не все посольства и не всегда допускались в столицу. Сибирские управленцы, действуя на основании предписаний из Москвы (а иногда самостоятельно), могли принять прибывшую делегацию и направить ее обратно в степь, не пропуская дальше¹, или же принять и задержать ее в городе, ожидая конкретное решение по пропуску в столицу из Сибирского приказа². В случае наличия положительного решения, которое могло быть получено после прибытия делегации в сибирский город, а иногда и задолго до этого, посольство от кочевого правителя пропускалось в Москву³. Так, царский указ 1632 г., направленный в Томск, предписывал воеводе И. Ф. Татеву в случае, если дипломаты от алтын-хана Омбо Эрдени попросятся в Москву, не препятствовать их желанию и пропустить в столицу⁴. Отношения с хотогойтами находились в это время в мирной стадии и обе стороны пытались получить выгоды от взаимодействия: российская власть стремилась привести алтын-хана «под государеву высокую руку», а кочевники желали заручиться поддержкой «белого царя». Поэтому по указанию из Москвы дозволялся пропуск в столицу дипломатической миссии, отправленной хотогойтским правителем.

¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 127; РМО. 1636–1654. С. 154, 368; РМО. 1654–1685. С. 67, 212, 275; РМО. 1685–1691. С. 353.

² РМО. 1636–1654. С. 171, 184, 250, 335, 343; РМО. 1654–1685. С. 236, 247.

³ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 129; РМО. 1607–1636. С. 90, 274; РМО. 1636–1654. С. 165; РМО. 1654–1685. С. 82, 121–122, 136, 197, 216, 218–219, 240, 282, 283, 374.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 176. См. также: РМО. 1654–1685. С. 370–372; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 139, 161, 171.

В начале развития российско-кочевнических отношений в 1600-х – 1610-х гг. в грамотах, направленных из Казанского приказа в сибирские города, приветствовался призыв калмыков, а также хотогойтов в столицу: «ехали бы они, лутчие тайши, сами к нам, великому государю, к Москве, а подводы им и корм в дорогу дадут. И они сами увидят наши царские очи, а мы их пожалуем великим своим жалованьем»¹. Однако уже в 1623 г. последовал запрет пропускать в Москву без государева указа посланников от калмыцких тайшей и хотогойтского алтын-хана. Это распоряжение в течение XVII в. то отменялось, то возобновлялось и пополнялось списком кочевых правителей, посольства которых русские власти не желали видеть в столице. Сибирские воеводы или приказчики, принимавшие посольства, должны были донести до дипломатов, желавших проехать в Москву, что «путь до нашего государства до Москвы дальней и проезд нужной»². К обозначенной причине следует добавить и то, что российская сторона, принимая посольства и пропуская их дальше в Москву, тратила значительные средства на содержание и сопровождение, поэтому дипломатические миссии не направлялись в столицу, чтобы «государевой казне в прогоне и в корме лишних расходов не было»³. Центральные органы власти рекомендовали направлять в Москву только те посольства, которые объявят воеводам «надобные дела»⁴. Поэтому дипломатам отдельных контрагентов все же дозволялось ехать в Москву и видеть «государевы очи»⁵.

В течение XVII – начала XVIII в. в Москву приезжали с разной периодичностью посольства от монголоязычных ойратов (торгоутов, хошоутов, джунгаров), хотогойтов, халхасцев. Допускались, правда, эпизодически, и дипломатические миссии от енисейских киргизов и алтайских телеутов. Киргизы также посылали своих дипломатов в составе миссий от хотогойтов. Причем, как уже упоминалось ранее, дипломатов от киргизских

¹ РМО. 1607–1636. С. 27. См. также: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 2; РМО. 1607–1636. С. 33, 34, 36, 46, 69. См. также призыв в Москву представителей телеутов: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 1.

² РМО. 1607–1636. С. 131–132. См. также: РМО. 1636–1654. С. 154, 184, 336, 343; РМО. 1654–1685. С. 23, 236. См. также распоряжения о запрете пропускать послов без объяснения причин: РМО. 1654–1685. С. 174, 369–370.

³ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 129. См. также: Там же. Л. 153; РМО. 1636–1654. С. 335, 336; РМО. 1654–1685. С. 236, 269, 275.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 174. См. также: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 171.

⁵ См., например: РМО. 1636–1654. С. 173, 184, 199, 256, 290; РМО. 1654–1685. С. 45, 46, 52, 145, 197, 221, 251, 332.

князцов русские власти вообще могли называть «челобитчиками»: «оставить в Кыргызской земле служилого человека для того, чтобы их *челобитчикам* (курсив здесь и далее наш. – Д. П.) с тем служилым человеком ехать до Ачинского острогу и до Томского, которые у них выбраны от всех земель в *челобитчиках* к тебе, государю, к Москве»¹. Употребление подобных лексем в дипломатическом дискурсе применительно к представителям киргизских князцов демонстрирует невосприятие властями их в качестве послов (дипломатов). Ведь челобитчики – это те, кто обращался к власти с каким-то прошением, челобитьем. Если послы относятся к «внешней» сфере сношений государства, то челобитчики – к «внутренней». Складывается впечатление, что коммуникация с енисейскими киргизами происходила в рамках «внутренней» политической практики². Однако все же в отношении киргизских дипломатов применялись лексемы, указывающие на исполнение ими дипломатических поручений, а не челобитий³. Енисейские киргизы, несмотря на то, что никогда не находились под реальным контролем российской власти, в источниках довольно часто номинируются «государевыми изменниками»⁴. Это, с одной стороны, подчеркивает их независимость от российской власти, а с другой – указывает на то, что власть имела претензии на контроль над ними. Заметим, что и во взаимоотношениях Российского государства с иноэтничными сообществами, которые в той или иной степени находились под контролем «великого государя», практиковалась прямая коммуникация между центральной властью, в том числе самим монархом, и представителями от нерусских народов⁵. В этой связи прямой диалог между российской властью и енисейскими киргизами, который происходил на самом высоком уровне в Москве во время поездок их дипломатов, сближался с нормами

¹ Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 114. См. также: РМО. 1654–1685. С. 112.

² См.: Попов Д. К. Русские дипломатические миссии к тюркоязычным кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.: общая характеристика посольских практик // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов конференции от 17–20 сентября 2025 г. Новосибирск, 2025. С. 131–142.

³ См., например: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 4; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Л. 115; Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 166, 169.

⁴ См., например: РМО. 1607–1636. С. 196, 228, 229, 230, 231, 232, 248, 256, 267, 276; РМО. 1636–1654. С. 22, 31, 36, 37, 40, 41, 43, 55.

⁵ См., например: Демидова Н. Ф. Башкирские «посольства» в Москву в XVII веке // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 179–187; Иванов В. Н. Представители якутского народа на приеме у русского царя (1676 год) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 6–30; Борисов А. А. Мазары Бозеков: диалог с властью на державном пространстве. Иркутск, 2023. С. 71–88.

т. н. «внутренней дипломатии», подразумевавшей, во-первых, экстраполирование дипломатических практик, используемых в коммуникации с внешними контрагентами, на отношения с подданными, во-вторых, максимальное упрощение всех посольских атрибутов до той степени, чтобы они соответствовали статусу самого подданного¹.

Пропуская посольство из сибирского города в Москву, воеводы или приказчики предоставляли провожатых из числа служилых людей по отчеству или представителей командного состава служилых людей по прибору. Вместе с ними передавали отписки и другие материалы, имевшие отношение к предстоявшим переговорам в Москве. По возможности включались в состав сопровождавших и толмачи². Толмачи или лица, знавшие язык контрагента, которыми могли быть и служилые люди, и «иноземцы», были необходимы как для проезда по городам, так и для успешной коммуникации в Москве. Ведь в Посольском приказе в течение XVII в. не было лиц, которые могли бы осуществлять перевод с монгольского и калмыцкого языков. Лишь в 1680-х гг. там появились такие толмачи и переводчики, но и они были в единичном количестве³.

Посольству выдавались «корм» и «питье», а также деньги для покупки съестных припасов⁴. Управленцы предоставляли делегациям проезжие грамоты, с помощью которых посольства, следовавшие в столицу, имели право беспрепятственно проезжать по территории Российского государства и получать пропитание⁵. Были, однако, случаи, когда с дипломатов взымали «прогонные деньги», которые им приходилось платить из

¹ О возникновении «внутренней дипломатии» см.: История дипломатии. 2-е изд. Т. 1. М., 1959. С. 86–89. Организацию и принципы «внутренней дипломатии» в российской практике взаимоотношений с иноэтничными подданными обстоятельно рассмотрели О. Г. Агеева и В. В. Трепавлов. См.: Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. С. 438–440; Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. С. 43–105.

² РМО. 1607–1636. С. 274; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 12; 1620 г. Д. 1. Л. 2, 4–4а; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 10; 1658 г. Д. 2. Л. 36; 1673 г. Д. 2. Л. 129; РМО. 1607–1636. С. 24–25; РМО. 1636–1654. С. 165, 200, 256, 291, 333; РМО. 1654–1685. С. 49, 82, 131, 136, 137, 145, 146, 197, 219, 221, 240, 251, 282, 344, 352, 374.

³ Кулмаматов Д. С. Состав восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа в XVII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 76–77, 78.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 163–164; Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 25; 1673 г. Д. 2. Л. 129–130; РКО в XVII в. Т. 2. С. 424–425; РМО. 1636–1654. С. 256, 291, 333; РМО. 1654–1685. С. 49, 127, 198, 219, 221, 240, 282, 284, 352, 374.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 715–716. Л. 163–165; Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 6; РМО. 1654–1685. С. 221, 240, 263, 282, 284, 352. О проезжих грамотах см.: Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. С. 179.

своих собственных средств, о чем они потом жаловались в Посольском приказе, прося компенсацию из государственной казны¹.

Путь делегаций из центральноазиатских степей, допущенных в Москву был длительным и пролегал через многие сибирские города и остроги. Так, наказная память, данная в Томске провожатым дипломатической миссии от алтын-хана, содержит предписания следовать из Томска в Нарымск, далее – Сургут, Тобольск, Тюмень, Туринский острог, Верхотурье, Соль Камскую, Казань, затем в Переславль Залеский, Владимир, Коломну, после чего в Москву². Примечательно, что в 1679 г. красноярский воевода Д. Загрязский направил посланников от алтын-хана Лубсан Саин Эринчини не через Томск, а «по Обе-реке мимо Березов через Камень». Правда, посольство было все же остановлено по распоряжению томских властей, узнавших о таких действиях красноярского воеводы. Томские управленцы выразили недоумение, отметив, что «указу в Томском такова нет, что иноземцов мимо Березова черес Камень пропускать, опричь торговых людей»³. Путь до столицы мог занимать четыре и более месяцев⁴. Во время проезда по городам делегации для ночлега размещались на различных подворьях, в том числе на дворах посадских людей⁵.

Служилым людям, сопровождавшим посольства, предписывалось, чтобы делегации ехали «проездом, чтоб те послы городов не рассматривали», «не розговаривали» ни с русскими, ни с «иноземцами», а в случаях, если дипломаты начнут о чем-то спрашивать, то предписано было говорить «остерегательно, чтоб государеву царскому имени было к чести и к повышенью»⁶. При этом с послами необходимо было обходиться с «честью»: «а велели им, едучи в дороге к послом честь и береженье держати»⁷.

Проезжая города, провожатые должны были оповещать местных управленцев о едущей делегации: «к которым сибирским и к руским городом Василей Литасов с

¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 89–94, 98.

² Там же. 1635 г. Д. 1. Л. 56, 58. См. также: Там же. Л. 184; РМО. 1636–1654. С. 186, 291; РМО. 1654–1685. С. 49. О различных путях в XVI–XVII вв., связывающих Сибирь с «Русью», см.: Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 72–110.

³ РМО. 1654–1685. С. 344, 355.

⁴ См., например: РМО. 1607–1636. С. 290; РМО. 1636–1654. С. 186.

⁵ См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 10.

⁶ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 57; Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 2, 12; Д. 2. Л. 2; РМО. 1654–1685. С. 119–120.

⁷ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 2; РМО. 1654–1685. С. 48, 120, 127, 198, 374.

товарыщи с посланцы приедут, и Василью с товарыщи, не доезжая тех городов, и в те города наперед себя посылать к воеводам с вестью служилых людей Григорья Брескина да Саву Смокатнина, чтоб воеводам про то было ведомо»¹. По пути следования, приближаясь к столице, провожатые должны послать туда нарочного гонца с уведомлением о подъезжающем посольстве. Обычно гонцов посылали с Переславля Залесского, Ярославля, Владимира², могли посылать и с Устюга или Вологды³. О предстоящем посольстве могли заранее уведомить и сами управленцы, специально отправив в Москву служилого человека с вестью⁴. Дипломатическая культура того времени подразумевала уведомление властей о движении миссии к столице⁵. Это было необходимо для того, чтобы власти, во-первых, были в курсе о движении посольства, и, во-вторых, смогли вовремя подготовиться к приезду иностранной делегации.

На подступах к Москве лица, сопровождавшие делегацию, снова посылали гонца в Сибирский или Посольский приказ с вестью об их приезде. Причем воеводы, предписывали служилым людям, ехавшим вместе с посольством, чтобы делегация без «государева указа» даже не смела въезжать в столицу⁶. Расстояние и место, с которых должны были послать в Москву гонца, были разные. Иногда в источниках зафиксированы места, откуда происходило уведомление о посольстве (например, с р. Пехорки), но чаще документы не содержат конкретного места, ограничиваясь упоминанием лишь расстояния, с которого посылали гонца в столицу: за тридцать верст или с «подхожего стана» за пять верст⁷. В ответ на уведомление из Москвы направляли «корм» и «питье»⁸.

Приказные дьяки, руководившие церемонией встречи, могли давать четкие указания, куда должно подъехать посольство и где оно должно дожидаться встречи. Так, делегации от алтын-хана Омбо Эрдени, которая в 1635 г. подъехала к Москве, было предписано перед въездом в столицу остановиться в Рогожской слободе⁹.

¹ РМО. 1654–1685. С. 120.

² См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 56–58, 185–186; РМО. 1654–1685. С. 344.

³ РМО. 1654–1685. С. 82, 104, 136, 146.

⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 12. См. также: РМО. 1636–1654. С. 185–186.

⁵ См., например: Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М., 2000. С. 89.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 344.

⁷ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1620 г. Д. 1. Л. 3; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 12, 15, 17; РМО. 1636–1654. С. 291.

⁸ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 38.

⁹ Там же. Л. 17.

Парадные встречи и въезды в Москву, которые российская власть организовывала при приеме послов от европейских монархов, в дипломатических отношениях с центральноазиатскими кочевниками не проводились¹. Об этом писал еще подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин, указав, что крымским, ногайским и калмыцким послам «встречи не бывает»². Однако были и исключения. В 1635 г. посольству от алтын-хана Омбо Эрдени была организована встреча за Яузскими воротами около Земляного (Деревянного) города. Среди встречающих лиц были московские дворяне «меньших статей» и жильцы. Общая численность служилых людей по отечеству была 100 человек. Кроме того, в парадном въезде задействовали и «ездоков» (подробнее о них пойдет речь далее) из числа «дворовых людей» и конюхов, численность которых составляла 20 человек³. Посольству были предоставлены лошади и сани, которые были объявлены от имени приказных людей⁴.

Получив информацию о подъезде дипломатической миссии к столице, приказные служащие давали распоряжение о размещении посольства для временного проживания. Расположить делегацию могли где угодно. В дипломатической практике Российского государства в XVI–XVII вв. было нормой поселение посольств на постоянных дворах, в монастырских подворьях, дворах частных лиц⁵. Для ногайских и крымских миссий были построены отдельные подворья, что объяснялось как религиозными причинами, так и их частыми приездами в Российское государство⁶. Подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин писал, что калмыцкие дипломаты (поволжские калмыки) размещались там, «где их поставят», т. е. в дипломатической практике того времени не было определенного места размещения для них. Места, где размещали дипломатов, приезжавших из центральноазиатских улусов, установить достаточно сложно из-за недостатка информации. Но известно, что в 1647 г. джунгарское посольство определили

¹ См. организацию встреч европейским дипломатам: [Котошихин Г. К.] О России... С 66–68, 74–76; Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М., 2000. С. 90, 92–98.

² [Котошихин Г. К.] О России... С 76.

³ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 13, 14, 18, 39.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». С. 74–76; Он же. Путь посла. С. 95–98; Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 79; Семенов И. Н. Российский дипломатический протокол. С. 56–57.

⁶ Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 78–80; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». С. 75; Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... С. 79.

на монастырском подворье Спасского Ефимьего монастыря¹. Посольство от алтын-хана Шолоя Убаши-хунтайджи в 1617 г. было размещено на Сретенской улице. Там же в 1674 г. было помещено посольство от хошоутского Очирту сэцэн-хана². К прибывшим посольствам приставляли стрельцов, а также сторожей с Земского двора³.

Как и всем иностранным дипломатам, посланникам от монгольских и калмыцких правителей не разрешалось общаться с кем-либо. Это правило действовало на протяжении всего их пребывания в Российском государстве⁴. В 1635 г. монастырского слугу И. Гаврилова, который оказался крещеным монголом, проданным томскому воеводе М. Радилову и вывезенным в Москву, направили на дознание на Патриарший двор за то, что тот вел какие-то беседы с делегацией от алтын-хана⁵.

Приехав в Москву, служилые люди, которые сопровождали посольства из Центральной Азии, согласно предписаниям воевод, должны были «объявить» дипломатов в профильном органе власти – Сибирском приказе⁶. Однако некоторые воеводы сразу указывали на то, чтобы посланников «объявляли» в Посольском приказе⁷. Если же посольство прибыло сначала в Сибирский приказ, то по распоряжению руководителей этого органа власти оно перенаправлялось в ведение служащих Посольского приказа⁸. Дьяки Посольского приказа при необходимости запрашивали в Сибирском приказе конкретные сведения о контрагенте, состоянии отношений с ним, и прочие различные данные, необходимые для проведения переговоров⁹. Это позволяет утверждать, что центральноазиатские кочевники воспринимались «внешними» контрагентами, диалог с которыми, несмотря на их низкий политический статус, должен был вестись через специализированное дипломатическое ведомство, которым и являлся Посольский приказ.

¹ Сибирские переселения. Вып. 3. С. 28.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 35; 1673 г. Д. 2. Л. 122; РМО. 1654–1685. С. 261.

³ См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 27.

⁴ См. об этом: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 76–78; *Он же*. Путь посла. С. 98–103.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 291.

⁶ РМО. 1654–1685. С. 82, 92, 104, 122, 145, 146, 198, 203, 204, 240, 251, 268, 344, 352; РКО в XVII в. Т. 2. С. 634.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 120, 136, 221, 223, 282, 284.

⁸ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 23–24; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 121. РМО. 1636–1654. С. 368; РМО. 1654–1685. С. 50, 82, 92, 123, 126, 164, 165, 204, 258, 360; РКО в XVII в. Т. 2. С. 634.

⁹ РМО. 1654–1685. С. 205–206, 223–225, 252–253; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 171. См. ответную документацию из Сибирского приказа в Посольский приказ: РМО. 1654–1685. С. 225–226, 253–256, 262–264, 348–349, 360–362.

На обратном пути кочевников могли вновь передать в ведение Сибирского приказа, что сами современники объясняли тем, что «те мунгальские тайши кочуют блиско сибирских городов и ясак платят», а «дела тех тайшей» «ведомы в Сибирском приказе»¹.

Сразу после прибытия посольства в Москву начинались подготовительные процедуры. К приехавшей делегации могли направлять лиц, которые расспрашивали о целях и поручениях, с которыми их прислали кочевые правители². Дьяки и подьячие Посольского приказа выясняли: приезжали ли ранее в Москву подобные миссии от того же контрагента или от кого-то другого, сколько было дано им жалованья и что конкретно выдано: «что им дать государева жалованья, в чом им ехать ко государю, и что дать при государе, и о том выписано им например»³. В 1658 г. во время приезда телеутских дипломатов в Москву в качестве «примера» для подготовки «государева жалованья» были взяты сведения о царских пожалованиях посла Ирки Мулла, приезжавшего ранее от хошоутского тайши Аблая⁴. Российская дипломатическая практика всегда отталкивалась от прецедента. В ситуации, когда посольство приезжало в Москву впервые и дьякам Посольского приказа не с чем было его сопоставить, то сравнивали с ближайшим схожим случаем.

Аудиенция у царя следовала спустя несколько дней после прибытия посольства. Порядок и организация церемониала и переговорного процесса в дипломатической практике Российского государства в отношениях с кочевыми народами севера Центральной Азии отличались от тех правил, которые использовались в коммуникации с европейскими и некоторыми азиатскими государствами. Европейским дипломатам сначала давалась аудиенция у «великого государя», а затем наступали переговоры. Кроме того, могли даваться и повторные аудиенции, если прибывший посланник и его монарх имели определенную важность для российской власти. После завершения переговоров следовала прощальная аудиенция⁵.

¹ РКО в XVII в. Т. 2. С. 634. См. также: РМО. 1654–1685. С. 128–129, 161.

² Сибирские переселения. Вып. 3. С. 28. См. подготовительные процедуры в дипломатической практике: [Котошихин Г. К.] О России... С 67.

³ Сибирские переселения. Вып. 3. С. 29; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 21. См. также: РМО. 1654–1685. С. 259–260.

⁴ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 21–22, 25–26.

⁵ [Котошихин Г. К.] О России... С 68–72. См. также: ПДС. Т. 3. Стб. 370–375, 379–388, 396–419; ПДС. Т. 4. Стб. 98–104, 113–152.

В дипломатических отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками сначала происходила встреча делегации с посольским дьяком в Посольском приказе, а уже после следовала аудиенция в царском дворце: «и приехали оне наперед в Посольской приказ и дожидались государева выхода в посольской полате»¹. Здесь же, в стенах Посольского приказа, дьяки и подьячие проводили переговоры с послами от контрагентов: «а в те поры говорити с ними посольским дьяком о деле»². Проведя расспросы, посольские дьяки докладывали царю о сути дела, с которым прибыла делегация из центральноазиатских степей: «а говоря о делех, думной диак Федор Лихачев пошел ко государю, а послом велел дожидатись государева выхода в Посольском приказе»³.

Обозначив в общих чертах отличия в российских дипломатических практиках, перейдем к реконструкции протокольных, церемониальных и ритуальных действий, которые применяла российская власть в отношениях с центральноазиатскими номадами. Отметим, что в делопроизводственной документации имеются сведения (иногда слишком фрагментарные) об использовании ритуальных и протокольных действий как во время аудиенции у «великого государя», так и во время аудиенций у дьяков и руководителей в Посольском, Сибирском или Казанском приказах. Эти действия различались, что было обусловлено статусом лиц, дававших аудиенцию, их умонастроением в каждый конкретный момент времени. Но при этом церемониал, используемый при организации шествия делегаций в Посольский приказ (не важно, было ли принято затем посольство царем или нет), был практически одинаковым для всех. А вот, какой именно церемониал использовался (и использовался ли вообще) во время следования делегаций от места своего размещения до Сибирского или Казанского приказов – неизвестно. В связи с этим изложение материала будет построено следующим образом. Сначала мы проанализируем церемониал, используемый во время шествия дипломатов на переговоры в Посольский приказ, затем покажем, какие ритуальные и протокольные действия осуществлялись представителями российской власти на аудиенции у царя, и лишь после покажем, какие

¹ РМО. 1607–1636. С. 74. См. также: РМО. 1607–1636. С. 92, 171; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 34; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 73, 81а, 90, 169; 1658 г. Д. 2. Л. 28; 1673 г. Д. 2. Л. 44.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 91. См. также: Сибирские переселения. Вып. 3. С. 29–30; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 82.

³ РМО. 1636–1654. С. 94.

компоненты церемониала, ритуала и протокола использовались дьяками и руководителями Посольского, Сибирского и Казанского приказов.

На аудиенцию дипломатов приглашал пристав, которого приставляли к посольству. Приставами могли быть как служилый люди, посланные вместе с посольством из Сибири¹, так и служилые люди из других городов Российского государства, находившиеся по долгу «службы» в конкретный момент времени в столице². Перед отправкой на аудиенцию к «великому государю» дипломатам могли выдать взятую из Казенного приказа одежду (однорядку, кафтан, «шапку»)³.

В российской дипломатической практике существовало два типа аудиенций у русского царя: «на приезде», т. е. первый прием государем, и «на отпуске», т. е. финальная встреча делегации с царем, проводимая после переговоров. Во всех случаях церемониал проведения был одинаковым. Различались лишь порядок и «речи» думных (посольских) дьяков во время непосредственного пребывания посольства у царя. «На отпуске» представители власти резюмировали итоги переговорного процесса, давали ответ по проблеме, с которой прибыло посольство.

Перейдем к рассмотрению дипломатического церемониала. Способ и средства передвижения, маршрут, количество сопровождавших лиц, участие стрельцов (с оружием или без) определялись индивидуально думными (посольскими) дьяками в каждом конкретном случае в зависимости от посольства и контрагента. Кроме того, заранее определялось, от чьего имени будут посланы средства передвижения. Тип аудиенции (первая или последняя) практически не имел значение: в обоих случаях дьяки выстраивали церемониал в соответствии со статусом контрагента, приславшего посольство.

Средства передвижения – лошадей, а также сани (если посольство прибыло зимой) – выдавали с государственной конюшни. В одних случаях их направляли от имени конкретного дьяка: в 1636, 1638 гг. – от имени думного дьяка Ф. Лихачева, в 1663 г. –

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 33; Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 44; РМО. 1607–1636. С. 72, 148; РМО. 1636–1654. С. 92, 94; РМО. 1654–1685. С. 99; РКО в XVII в. Т. 2. С. 634.

² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 34, 39; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 72, 80, 90, 169; РМО. 1607–1636. С. 74, 108, 172; РМО. 1654–1685. С. 285.

³ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 33–34; Сибирские переселения. Вып. 3. С. 29; Сборник князя Хилкова. С. 303; РМО. 1654–1685. С. 98, 161.

думного дьяка А. Иванова, 1674, 1676 гг. – посольского дьяка Г. Богданова¹. В других случаях неизвестно, от чьего имени были предоставлены средства передвижения².

К посланникам, прибывшим из центральноазиатских степей, во время их следования на аудиенцию и / или переговоры приставляли «ездоков» – специальный эскорт из числа «дворовых людей», который сопровождал их в пути от подворья до места переговоров³. В «посольском обычае» Российского государства почетное сопровождение иностранной делегации во время ее въезда в Москву или следования к государю либо в Посольский приказ свидетельствовало об оказании «честь» с российской стороны.

Численность «ездоков» зависела от типа аудиенции. Обычно «на приезде» количество почетного эскорта было больше, чем «на отпуске». Обратим внимание, что практика использования «ездоков» в коммуникации с кочевниками севера Центральной Азии сложилась не сразу. В 1617 г. хотогойтская делегация ехала на аудиенцию без сопровождения «ездоков», но уже в 1620 г. посольство от хотогойтского алтын-хана Шолоя Убаши-хунтайджи сопровождали 20 дворовых людей и конюхов⁴. В 1635 г. «в цветном платье» перед хотогойтской делегацией ехало 20 «ездоков» в парадной одежде. Это же посольстве «на отпуске» в 1636 г. сопровождало 15 «ездоков»⁵. В 1637 г. перед хотогойтской делегацией ехали «ездоки», общая численность которых была 20 человек. На отпуске» в феврале 1638 г. это же посольство сопровождало 15 «ездоков»⁶. Посольство от алтын-хана Лубсан Саин Эринчини в 1663 г. ехало на аудиенцию без сопровождения почетного эскорта⁷. Нет упоминаний и о задействовании «ездоков» во время приездов посольств от хошоутов в 1674 г. и халхасцев в 1676 г.⁸

На пути следования посольств по распоряжению властей могли расставлять стрельцов⁹. При этом, на усмотрение дьяков Посольского приказа стрельцов расставляли

¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 169; 1673 г. Д. 2. Л. 44; РМО. 1636–1654. С. 94; РМО. 1654–1685. С. 99, 285.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 90; РМО. 1636–1654. С. 92.

³ В состав «дворовых людей» входили ключники, сокольники, конюхи и др. лица, несущие службу при государе. См.: *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 84–90.

⁴ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 72а, 73, 81, 81а.

⁵ Там же. Л. 90, 169.

⁶ РМО. 1636–1654. С. 92, 94.

⁷ РМО. 1654–1685. С. 99.

⁸ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 44; РМО. 1654–1685. С. 285.

⁹ Обычай задействовать стрельцов в ходе встреч иностранных посольств сформировался во второй половине XVI в. См.: *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется» С. 89–90; *Лисейцев Д. В.* Российский посольский обычай в начале XVII века по материалам

вдоль всего пути, по которому проезжало или проходило посольство, или же на определенных участках. Имело принципиальное значение следующее обстоятельство: с оружием стояли стрельцы или без. Если стрельцы расставлялись в полном вооружении, то это свидетельствовало о том, что российская власть оказывала почтение прибывшей из-за рубежа делегации. Но в тех случаях, когда стрельцы стояли вдоль следования посольства без оружия, означало, что российская власть демонстрировала обычный прием без оказания каких-то особых почестей. В 1617 г. во время следования посольства от алтын-хана Шолоя Убаши-хунтайджи стрельцы стояли «на площади» «бес пищалей в цветном платье», однако уже в 1620 г. стрельцы были расставлены с пищалями¹. Во время приемов хотогойтских делегаций в 1635, 1636, 1637, 1638 гг. стрельцы с пищалями были расставлены около подворья, где располагалось посольство, в городе и около Красного крыльца².

Принимая в 1663 г. посольство от алтын-хана Лубсан Саин Эринчини, в 1674 г. от хошоутского Очирту сэцэн-хана, а также в 1676 г. от халхаских тушету-хана Чихунь Доржи, Шидишири Батур-хунтайджи и Ундур-геген хутухты, посольские дьяки не задействовали стрельцов в ходе процессии следования дипломатов на аудиенцию к царю Алексею Михайловичу³. Примечательно, что в источниках отсутствуют упоминания о стрельцах и «ездоках» во время встречи посланников от алтын-хана, что, с одной стороны, может указывать на снижение роли «золотого царя» в церемониальной практике, а, с другой стороны, на некоторую «рационализацию» норм «посольского обычая», наблюдавшейся при царе Алексее Михайловиче⁴. «Рационализация» эта стала проявляться в попытках унификации посольских церемониалов, организованных представителями власти во время встречи центральноазиатских делегаций.

Несколько упрощенным выглядит церемония шествия на аудиенцию ойратских (калмыцких) представителей. Калмыцкое посольство, прибывшее в Москву в 1608 г., по-видимому, передвигалось по городу на лошадях. Но остается не проясненным, от чьего имени были посланы лошади – от царя Василия Ивановича или от посольского дьяка. Нет

делопроизводства Посольского приказа // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей. М., 2004. С. 224–225.

¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 72а, 73, 81, 81а.

² Там же. Л. 90, 94; РМО. 1636–1654. С. 92, 94.

³ РМО. 1654–1685. С. 99, 285; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 44.

⁴ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 127.

упоминаний и о задействовании стрельцов в церемонии встречи¹. По всей видимости, посланникам от калмыцких тайшей не уделяли должной «чести», т. к. уже в то время определился «правительственный курс», направленный на приведение их «под государеву руку». Послы от калмыцкого тайши Далая Богатыря в 1618 г. шли по городу на переговоры в Посольский приказ по Красной площади пешком, «потому что было сухо и стояли блиско – в Веденской улице»². По пути следования стояли стрельцы всех приказов, но без пищалей³. Калмыцкое посольство, прибывшее в столицу в 1630 г., также шло на аудиенцию пешком («и в город с ними шел пристав»). По пути их следования представители власти не расставили и стрельцов⁴. Калмыцкое посольство во главе с Мурзеем в 1632 г. также направлялось в Посольскую палату пешим ходом («шли послы в город пеши») ⁵. Весьма примечательно, что поволжским калмыкам, присылавшим свои посольства в Москву во второй половине XVII в., для следования на аудиенцию предоставляли лошадей от имени приказного служащего⁶.

Отметим, что по наблюдению Л. А. Юзефовича, во время следования делегаций ногайских и крымских татар к государеву дворцу власти не задействовали стрельцов⁷. Точно также не выстраивались стрельцы и во время приемов посольств от поволжских калмыков⁸. Однако, как было выше показано, при сопровождении посольств от центральноазиатских кочевников не всегда, но все же использовали построения стрельцов в качестве «почетной» декорации.

Посольствам, которые передвигались на лошадях, в конечном счете необходимо было спешиться. Место, где дипломаты переходили из верховой езды к пешему ходу, определялось сложившимися традициями, политическим весом и статусом иностранного монарха и прибывшей делегации. Русская дипломатическая культура подразумевала, что

¹ РМО. 1607–1636. С. 74.

² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 33, 38.

³ РМО. 1607–1636. С. 72.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 523; Она же. «Били челом в Посольский приказ...» (о пребывании калмыцких посланников в Москве во второй половине XVII в.) // Востоковедные исследования в Калмыкии: сборник научных трудов. Элиста, 2007. Вып. 3. С. 142.

⁷ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется» С. 90.

⁸ Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» С. 523; Она же. «Били челом в Посольский приказ...» С. 142.

чем раньше иностранный дипломат спешится и пройдет большее расстояние пешим ходом, тем меньше почета и уважения оказано ему¹. Центральноазиатские делегации (джунгарские, хотогойтские, халхаские) сначала ехали на переговоры в Посольский приказ, а уже после следовали на аудиенцию к царю. Спешивались они около здания Посольского приказа, расположенного рядом с Архангельским собором². Там же спешивались и дипломаты от поволжских калмыков³. Из помещения Посольского приказа (если предполагалась аудиенция у «великого государя») делегации следовали пешком до царского дворца⁴. Расстояние, которое они проходили, было длиннее, чем у дипломатических представителей, приезжавших из европейских стран. Последние обычно спешивались у Казенного двора, который располагался между Благовещенским и Архангельским соборами, и уже оттуда следовали в царский дворец⁵.

Организаторы церемонии для создания массовости и парадности могли расставить стрельцов даже в самом помещении Посольского приказа, где проходили переговоры с прибывшими послами. По крайней мере известно, что так было сделано во время переговоров с послами от калмыцкого тайши Далай-Богатыря в 1618 г.: «у посольские полаты на крыльце и в полате стрельцы всех приказов в цветном платье бес пищалей»⁶.

Получив приглашение на аудиенцию, делегации следовали в царский дворец. Пройдя «площадью» и подойдя к царскому дворцу, они поднимались по Средней лестнице: «и послом идти ис Посольского приказу площадью мимо Архангельские паперти да на Середнюю лесницу»⁷.

В «посольском обычае» Российского государства имело принципиальное значение то, через какую лестницу и как попадали иностранные дипломаты в царский дворец. Традиционно через Среднюю лестницу в царский дворец заходили посланники

¹ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется» С. 91.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 73, 81а, 90, 169; 1673 г. Д. 2. Л. 44; РМО. 1636–1654. С. 95; РМО. 1654–1685. С. 285.

³ Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» С. 524; Она же. «Били челом в Посольский приказ...» С. 142.

⁴ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 74.

⁵ Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 58; Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. Т. 1. М., 1895. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 70; Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется». С. 91.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 72.

⁷ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 91. См. также: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 34, 39; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 74, 82, 84; 1673 г. Д. 2. Л. 44; РМО. 1607–1636. С. 74; РМО. 1636–1654. С. 95; РМО. 1654–1685. С. 99, 285.

нехристианских монархов-контрагентов, которые в первой четверти XVI в., когда формировался этот обычай, были мусульманами. Объяснялось это правило тем, что Средняя лестница была короче, а Благовещенская лестница, по которой заходили дипломаты от христианских монархов, была длинной и использовалась она для того, чтобы показать продолжительность и пышность пути¹. И если в XVI в. в категорию нехристианских народов, с которыми контактировало Российское государство, входили мусульмане, то в XVII в. по мере расширения списка контрагентов туда попали и буддисты, которыми являлось подавляющее большинство монголоязычных кочевников. Их стали пропускать в царский дворец через Среднюю лестницу Красного крыльца, демонстрируя им краткий и, следовательно, менее торжественный путь.

По распоряжению посольских дьяков, организовавших церемонии, на Красном крыльце прибывших посланников встречали люди разных чинов, облаченные в парадные одежды: «по крыльцу стояли дворяне же из городов и подьячие и всякие приказные люди в чистом платье»².

Царский дворец в XVII в. был устроен таким образом, что по Средней лестнице через Красное крыльцо можно было попасть в палату (избу), которая в то время называлась то Средней, то Средней Золотой, но чаще всего Золотой, поскольку была расписана внутри золотыми красками. Пройдя Красное крыльцо, люди оказывались в сенях (помещение между комнатами, залами), через которые можно было пройти в тронный зал, а также в Столовую палату (избу), расположенную позади Золотой палаты³. В этих двух палатах проходили приемы иностранных делегаций в XVII в. Однако при царе Алексее Михайловиче дипломатов от монгольских правителей чаще принимали в Столовой избе⁴. На выбор места для приема дипломатов влияло личное желание государя, а не ранг и статус посольства⁵.

¹ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». С. 92, 93.

² РМО. 1636–1654. С. 95; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 92, 171.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. Т. 1. М., 1895. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 46, 69, 151. В середине XVIII в. Столовая палата была разобрана (Там же. С. 128) и на текущий момент не существует.

⁴ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 74, 82, 91, 170; 1673 г. Д. 2. Л. 44–45; РМО. 1636–1654. С. 95; РМО. 1654–1685. С. 99, 285; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII в.). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1984. С. 199.

⁵ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 98.

В сенях (помещении между комнатами, залами) дипломатов встречало скопление людей различных чинов: дворяне из городов, приказные дьяки и гости. Все они были парадно и богато одеты («в золоте»)¹.

Пройдя сени, делегация от кочевников провожалась «приставом» в тронный зал (палату), где присутствовали служилые люди думных и московских чинов (бояре, окольничие, стряпчие, «большие» дворяне). Придворная элита была одета «в золото», т. е. в богато украшенную одежду². Царь сидел «в своем царском месте» и был одет «в царском платье», «в диадеме», «с скифетром» в руке³. Под «местом» в источниках подразумевался царский трон, который в Золотой палате был серебряным, а в Столовой избе – золотым⁴. Весьма интересно, что дьяк, описавший аудиенцию хотогойтских дипломатов у «великого государя» в 1638 г., акцентировал внимание на том, что «место было новое серебряное»⁵. Ведь как раз в 1635–1636 гг. в Золотой палате был установлен новый серебряный трон⁶. Организаторы церемоний не упустили возможность при описании аудиенции подчеркнуть этот факт.

Рядом с царем, восседавшим на троне, располагались рынды – почетная стража, которая стояла по бокам. Обычно рынд было четыре человека, расставленных по два с каждой стороны. Во время аудиенций рынды стояли «в белом платье». Как правило, рындами назначались служилые люди по отчеству московских чинов⁷.

В тронном зале (палате) также присутствовали думный (посольский) дьяк и, по всей видимости, дьяк Казенного приказа. Они оба выполняли определенные роли в дипломатическом церемониале. Руководил церемонией думный (посольский) дьяк. Он в представлении русских людей XVI–XVII вв. в момент исполнения всех действий становился воплощением монарха и вел диалог от его лица⁸. Все переговоры, «ответные

¹ РМО. 1636–1654. С. 95; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 74, 83, 92, 170.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 74, 83, 91, 170; РМО. 1636–1654. С. 95.

³ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 73, 82, 91, 170; РМО. 1636–1654. С. 95; Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 264.

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа... С. 197, 199–200.

⁵ РМО. 1636–1654. С. 95.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа... С. 197.

⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 264, 436; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 74, 83, 91, 170; РМО. 1636–1654. С. 95. О рындах см.: Ульянов О. Г. Первый почетный караул на Руси: византийские истоки чина рынд // Война и оружие: новые исследования и материалы: труды Восьмой Международной научно-практической конференции, 17–19 мая 2017 года: [в 4 ч.]. СПб., 2017. Ч. 4. С. 323–340.

⁸ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 122.

речи» и прочие ритуальные действия озвучивал думный (посольский) дьяк. Это даже отразилось в посольской документации, фиксировавшей «чин» приема иностранцев: «государь велел посольскому дьяку сказать», «велел им сказать свое государево жалованье и ответ учинить дьяку», «говорил (дьяк. – *Д. П.*) от государя калмытцким послом речь»¹.

Царь все время сидел на троне, не вставал и тем более не снимал с головы «корону». В этом, отметим, проявлялась мощь и статус царской власти. Как отмечают исследователи, лицо, имеющее высокий статус, согласно архаичным представлениям, должно было сидеть неподвижно. В этой связи, как отмечают исследователи, «поведению царя была присуща ярко выраженная тенденция к статике. Неподвижность царя должна была символизировать устойчивость, незыблемость как царской власти, так и самого государства»².

Последовательность и комплекс ритуалов в дипломатической практике Российского государства в отношениях с центральноазиатскими кочевниками были иными, чем в отношениях с христианскими правителями. В частности, упускался во время приема дипломатов, прибывших из Центральной Азии, ритуал «здравствования», а сам государь молчал во время аудиенции. При этом во время приема иностранных делегаций от многих христианских монархов русский царь мог встать, снять «корону» («шапку») и спросить о здоровье правителя, приславшего посольство³. Даже принимая послов от крымского и бухарского ханов, «великие государи», хоть и сидя, но сами спрашивали о здоровье контрагентов⁴.

После того, как дипломаты от центральноазиатских кочевых правителей заходили в помещение, где находился царь, начинались вербально-коммуникативные и ритуальные действия. Как было отмечено ранее, они различались в зависимости от типа аудиенции – приветственной («на приезде») или прощальной («на отпуске»).

Думный (посольский) дьяк объявлял всем присутствующим, но прежде всего русскому царю: «великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель! Калмыцкие орды больших

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 35, 40; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 77, 95, 173; 1673 г. Д. 2. Л. 45; РМО. 1607–1636. С. 67, 74, 92–93; РМО. 1636–1654. С. 95, 262.

² Байбурун А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. С. 72.

³ СГГД. Ч. 4. С. 342–343; [Котошихин Г. К.] О России... С. 69.

⁴ СГГД. Ч. 4. С. 343.

князей Богатырь-тайша с товарищи послы Буга да Ковдан вашему царскому величеству челом ударили»¹; «великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичь и дедичь и наследник и государь и обладатель! Сибирских калмыцких тайшей Учюрты, да сына ево контайчи, да внука ево Лоузана, да тестя ево Чокур Убаши посланцы Чиченбек, Чурсун, Рохманкул, Аvezбак, Санчин вам, великому государю, челом бьют»²; и т. д.³ Речь думных дьяков была однотипна, добавлялись лишь формулы в титулатуру, указывающую на широкие властные амбиции российских монархов. Титулы контрагентов использовали такие же, как и в различных царских грамотах и воеводских отписках, добавляя лишь абстрактные понятия, указывающие на владетельный статус правителя: «восточные страны Мугальские земли алтына царя послы»⁴.

Затем дипломатов звали к руке государя. Этот ритуал широко практиковался в коммуникации со всеми контрагентами российского монарха. Однако он варьировался и применялся в зависимости от вероисповедания, а также отношения самого монарха к прибывшему посольству. Послы от христианских правителей целовали руку русского царя, что в XVII в. означало оказание «честь» самому дипломатическому представителю⁵. А вот дипломатам от нехристианских правителей запрещено было целовать руку государя. На них русский царь обычно клал свою ладонь⁶. Мусульмане, от практики отношений с которыми возник этот обычай, не могли прикасаться к руке православного монарха. С течением времени этот обычай был распространен и на отношения с кочевниками-буддистами: «государь пожалует колмацких послов к руке, кладет на них свою государеву руку»⁷.

Некоторые изменения посольского церемониала наблюдаются при царе Алексее Михайловиче. В 1673 г. он распорядился спросить о здоровье хошоутских правителей,

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 34–35.

² Там же. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 45.

³ Там же. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 74, 84, 92, 171; РМО. 1607–1636. С. 74, 92; РМО. 1654–1685. С. 285.

⁴ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 171.

⁵ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 115–117.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ РМО. 1607–1636. С. 93. См. также: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 35; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 75, 84, 92; РМО. 1607–1636. С. 74; РМО. 1636–1654. С. 262; РМО. 1654–1685. С. 99, 286.

приславших посольство в Москву: «великий государь, его царское величество, жалует, велят спросить калмыцких Учюрты, да сына ево контайчи, да внука ево Лоузана, да тестя ево Чокур убаша тайшей о здоровье»¹. После получения ответа, принятия грамоты посольским дьяком и «пожалования» «к руке» государь повелел спросить о здоровье самих послов: «посланцы, царское величество жалует вас, велел спросить о вашем здоровье»². Аналогично поступили и в 1676 г. во время приема халхаских послов³. Тот факт, что царь через дьяка задавал вопросы о здоровье контрагента и его представителей, не придавая значения тому, что политический статус их был низким, указывает на смягчение и пересмотр отдельных устоявшихся норм «посольского обычая» в пользу его унификации и стандартизации в соответствии с теми нормами и правилами, которые применялись в практике отношений с прочими правителями. Одновременно подобное поведение царя Алексея Михайловича можно связать с личностными характеристиками самого монарха, который проявлял живой интерес ко всему, в том числе к прибывшим посланникам из далеких улусов Центральной Азии⁴.

После обмена протокольными фразами дипломаты излагали суть своей миссии и, если с ними в момент аудиенции было письменное послание («лист», «челобитная»), то передавали его: «били челом государю от тайшей о том же, о чем в Посольском приказе дьяку Василью на приезде говорили»⁵; «а после того говорить послом речь и подати челобитную»⁶. Причем в документах Посольского приказа, которые были составлены после приема хотогойтов в 1635 г., четко было написано, что дипломаты говорили свои речи от алтын-хана Омбо Эрдени: «и говорили речь от алтына царя»⁷. Это указывает на то, что в представлении российской дипломатии диалог в ходе церемонии приема у «великого государя» велся как бы между двумя правителями. Причем российского монарха в этот момент представлял думный (посольский) дьяк, руководивший аудиенцией. Кроме того, в материалах, относящихся к приему этого же посольства, встречается любопытная деталь: дьяк, описавший церемонию, по всей видимости, по

¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 45–46. См. также: РМО. 1654–1685. С. 99.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 46.

³ РМО. 1654–1685. С. 285–286.

⁴ См., например, характеристику царя: Пресняков А. Е. Царь Алексей Михайлович // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 56–79.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 93. См. также: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 35–40; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 75–76, 85, 92–93.

⁶ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 92.

⁷ Там же. Л. 75.

инерции употребил слово «грамота» применительно к посланию от алтын-хана Омбо Эрдени, однако, вовремя заметив, исправил на слово «челобитье»¹. Эта поправка расставляла политические акценты: грамоты могли посылать те, кто имеет суверенную власть, а тот, кто находится в подданстве, может подавать только челобитные.

Дипломаты, находясь на аудиенции у царя, стояли. Но в 1635 г. дипломатическим представителям алтын-хана Омбо Эрдени позволили сесть на специально заготовленную скамью². Положение сидя являлось почетным. И тем более почетнее оно становилось во время аудиенции у «великого государя»³.

Изложив свои просьбы, дипломаты получали через думного (посольского) дьяка ответ от государя, который касался существа насущного вопроса и мог содержать «жалованное слово»⁴. Иногда ответ от думного дьяка следовал после того, как дипломаты «явили» «поминки», адресованные российскому монарху⁵.

«Поминки», «подарки» и «дань», привезенные из центральноазиатских степей, могли демонстрировать государю после того, как думный (посольский) дьяк даст ответ на речи послов. Принимал «поминки» от дипломатов присутствовавший на аудиенции дьяк Казенного приказа⁶. Одновременно думный (посольский) дьяк «являл» (объявлял) подарки, перечисляя их количество и от кого конкретно они посланы⁷. В 1635 г. во время приема посольства от алтын-хана Омбо Эрдени думный дьяк объявил о подаче не «поминок» или «даров», а «дани»: «вашего царского величества подданной с востоку алтын-царь прислал к вам, великому государю, с себя из земли своей дань, что у него, алтына-царя,лучилось»⁸. «Явление» на аудиенции подарков, присланных от кочевников, должно было в церемониальном плане возвысить положение русского царя, подданные (или потенциальные подданные) которого оказывают ему почтение в виде материально-символических атрибутов. Впрочем, случалось, что дипломаты вовсе не преподносили русскому царю⁹.

¹ Там же. Л. 92–93.

² Там же. Л. 85.

³ Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. С. 72.

⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 35–41; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 77; РМО. 1607–1636. С. 93.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 87, 95–96.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 93; РМО. 1654–1685. С. 286; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 94.

⁷ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 85, 93.

⁸ Там же. Л. 93.

⁹ См., например: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 36.

Раздача «государева жалованья» могла происходить как на первой, так и на последней аудиенции¹. По сведениям Г. К. Котошихина, дипломатам нехристианских монархов в качестве «жалованья» выдавали «платно» / «золотное платье»². Аналогичные подарки давались и посланникам от центральноазиатских кочевников³.

При царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче в качестве некоторого знака почтения дипломатам могли дать чаши с напитками: «и государь пожаловал послов, подавал в ковшех мед»⁴. Этот ритуал совершался не всегда и не со всеми центральноазиатскими контрагентами. Но в целом, как указал подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин, подобная практика использовалась во взаимоотношениях с азиатскими народами⁵. Распитие из кубка было хорошим знаком в архаичные времена, поскольку так скреплялись дружественные отношения. В символическом ключе подача ковша с медом означала подтверждение дружбы и мирных отношений.

Далее государь «жаловал» дипломатов едой: «государь велел сказать послом свое государево жалованье в стола место корм»⁶. Это означало посылку на подворье, где были размещены посланники, царского угощения. Практика посылки «корма» в качестве «государева жалованья» сложилась в конце XVI в. Она пришла на смену пышным застольям, которые устраивали московские государи после приема дипломатических миссий⁷. В XVII в. пышные застолья во время приемов делегаций из центральноазиатских степей не проводились. Однако было лишь одно исключение. В 1617 г. хотогойтские и киргизские дипломаты были приглашены на пир, где одним из главных гостей был английский посол Дж. Мерик⁸. Спустя некоторое время он пытался узнать у бояр, проводивших с ним переговоры в «ответной палате», как можно больше информации о

¹ См., например, одаривание «государевым жалованьем» «на приезде»: РМО. 1654–1685. С. 99.

² [Котошихин Г. К.] О России... С. 77.

³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 35–36, 42; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 87а; Исторические акты. Вып. 1. С. 26; РМО. 1654–1685. С. 286.

⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 36. См. также: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 49; РМО. 1607–1636. С. 74; РМО. 1636–1654. С. 263; РМО. 1654–1685. С. 99, 286.

⁵ [Котошихин Г. К.] О России... С. 77–78. См. также: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 126–127.

⁶ РГАДА. Ф. 119. 1618 г. Д. 2. Л. 36, 42; Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 78, 79, 96; РМО. 1607–1636. С. 74, 93; РМО. 1654–1685. С. 98, 286.

⁷ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 131. См. также: [Котошихин Г. К.] О России... С. 69–70.

⁸ Копков К. Г. Хакасско-русские посольские связи в XVII – начале XVIII веков // Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей. 1969. № 2. С. 91.

хотогойтах: «как он был у царского величества стола, и в те ж поры у царского величества у стола были алтына царя послы, а рожеем люди дикие, и сказывают про них, что они полатам и храмом дивятца, что то видят первые»¹.

Прощальная аудиенция («отпуск») проходила в несколько иной последовательности, чем первая («приезд»). Вошедших дипломатов также «объявлял» дьяк: «как послы вошли ко государю в полату и явил их государю челом ударить думной дьяк Федор Лихачев»². Затем следовала речь дьяка: «великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Руси самодержец и многих государств государь и облаадатель, восточные страны Мугальские земли вашего государства подданного алтына-царя и лабины и братьи ево послы Мерген Дега с товарищи вам, великому государю, челом ударили и на вашем царском жалованье челом бьют»³. Если царские подарки не были вручены делегации на первой аудиенции, то одаривание происходило «на отпуске». По указу царя вносили «государево жалованье» – «платье» / «платно», которое надевали на послов («платье положили») ⁴. Дьяк в то время «молил» (говорил): «великий государь ... жалует тебя своим государевым жалованьем»⁵.

Во время «пожалованья» ключевую роль играл казенный дьяк, который накладывал на дипломатов «платье» («платно»), взятое из хранилищ Казенного приказа⁶. «Платье» готовили заранее казенные дьяки на основании указных памятей⁷. Случалось, что некоторых членов посольства могли «пожаловать» не на аудиенции, а до нее: «кашевару их дано (жалованье. – *Д. П.*) в Посольской полате, а не при государе»⁸.

Далее, вновь по указу государя, думный дьяк излагал итоги переговоров и резюмировал пребывание дипломатов в столице⁹. «Ответные речи» могли включать параметры российско-кочевнических отношений, обещание «государевой милости», требования соблюдать кочевниками шерти и нести «службу» царю¹⁰. В конце аудиенции

¹ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 129.

² РМО. 1636–1654. С. 95.

³ Там же. С. 95. С. 95. См. также: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 171–172.

⁴ См., например: РМО. 1636–1654. С. 95, 263.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 172.

⁶ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 36, 42; Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 34, 49; РМО. 1607–1636. С. 74–75.

⁷ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 158, 161–163, 187 об.

⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 37.

⁹ РМО. 1636–1654. С. 95–96, 262–263.

¹⁰ РМО. 1607–1636. С. 67.

дипломатов могли позвать к государевой руке¹. В самом завершении дипломатов «жаловали» «в стола место корм», т. е. объявляли угощения, которое посылали на подворье².

Случалось, что в Москву одновременно прибывало несколько посольств из Центральной Азии. Тогда в зависимости от ситуации их принимали либо вместе, либо по раздельности. В 1617 г. на аудиенции у царя Михаила Федоровича совместно были приняты дипломаты от хотогойтов и енисейских киргизов³. Но были и такие случаи, когда принимали миссии отдельно друг от друга. На очередность приема оказывал статус контрагента и информированность московской дипломатии о нем. В 1620 г. в Москве оказалось одновременно два посольства: одно было послано хотогойтским алтын-ханом Шолоем Убаши-хунтайджи, другое – джунгарским (чоросским) тайшей Хара-Хулой. Сначала царь Михаил Федорович принял посольство от алтын-хана. В Посольском приказе даже был составлен отдельный «алтынов столп», содержащий информацию о хотогойтской миссии. После этого на аудиенцию пригласили посланников от тайши Хара-Хулы⁴. Для московской дипломатии алтын-хан был приоритетнее, чем джунгарский тайша⁵. Надо полагать, на принятие подобного решения повлияло то, что в документации того времени он упоминался с титулом «царь / золотой царь», который для московской дипломатии явно был более статусным и тем более знакомым и понятным, чем титул «тайша».

В течение XVII в. дипломатический церемониал, а также протокол в целом был неизменным. Изменения если и были, то не носили в целом кардинального характера. А вот в начале XVIII в. церемониал претерпел значительные изменения, которые были вызваны модернизацией, проводимой Петром I. Реформы, как известно, коснулись всех сфер, в том числе и дипломатической.

К сожалению, нам неизвестно, каким образом проводил Петр I прием джунгарских посланников в 1701 г. в Москве⁶. Но известно, что уже в 1698–1700 гг. начались

¹ См., например: РМО. 1636–1654. С. 97.

² Там же. С. 97, 263.

³ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 72. См. также: *Копкоев К. Г.* Хакасско-русские посольские... С. 91.

⁴ РМО. 1607–1636. С. 92–93.

⁵ *Кушнерик Р. А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения. С. 188.

⁶ *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 12; *Кушнерик Р. А.* Русско-джунгарские... С. 74.

некоторые перемены в дипломатическом церемониале в отношениях с европейскими монархами, вызванные тем, что русский царь побывал за границей в составе «Великого посольства» в 1697–1698 гг. и лично видел то, каким образом принимают иностранные делегации в европейских странах¹. Церемониал постепенно стал наполняться европейскими компонентами, которые в течение первой четверти XVIII в. вытеснили прежнюю практику приема дипломатов. Но в самых общих чертах новые порядки в целом были схожими с теми, что существовали в XVII в. Для сравнения приведем примеры приема Петром I посольств, присланных в 1721 и 1724 гг. из Джунгарии в Россию.

Дипломаты от джунгарского хунтайджи Цэвен-Рабдана, прибывшие в 1721 г. в Санкт-Петербург, были приняты уже по новому церемониалу². Прием Петром I джунгарского посольства проходил в Сенате, а не в царском дворце. Это уже указывает на некоторую формализацию и, может быть, бюрократизацию церемониала приема, которому придается более «рабочий» формат. Вообще принимать посольства вне тронного зала было распространенной практикой в европейских государствах³.

Во-вторых, сам Петр I находился не в положении сидя, обозначающем статику, как это было в XVII в., а стоял «под балдахином»⁴. Положение стоя было новшеством, которое было привнесено в российскую дипломатическую практику в самом конце XVII в., уже после того как царь вернулся из заграничной поездки в 1697–1698 гг.⁵. Новшеством являлся и упомянутый «балдахин», ранее не использовавшийся при оформлении тронного зала⁶.

Джунгарский посланник передал царю письмо от хунтайджи Цэвен-Рабдана. Это письмо принял канцлер и президент Коллегии иностранных дел Г. И. Головкин. Далее посланец сделал поклон Петру I, а затем объявил «словесное» послание, которое, как

¹ Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. С. 118–147.

² Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы: документы, изд. с предисл. и примеч. д. чл. Н. И. Веселовского. СПб., 1887. С. VIII–IX.

³ Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. С. 138. См., например, приемы иностранных дипломатов французским королем Людовиком XIV во второй половине XVII – начале XVIII в.: Шукло М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 87, 90, 201, 202–203, 205.

⁴ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану... С. VIII.

⁵ Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. С. 138–139.

⁶ См., например: Шукло М. И. Дипломатический церемониал... С. 201–202.

следует из отчетной документации, царь указал выслушать и дать ответ на это уже позже (после того, как будет переведено письмо). На аудиенции царю были преподнесены подарки, присланные из Джунгарии. На приеме присутствовали высшие должностные лица России первой четверти XVIII в.: Г. И. Головкин, А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, П. Шафиров, Д. К. Кантемир, Г. Ф. Долгоруков, и др. По завершению аудиенции посольство уехало обратно на подворье¹.

Другой посланец от того же Цэвен-Рабдана, прибывший в Россию в 1724 г., был принят императором Петром I в Москве в Коллегии иностранных дел². Ему была предоставлена коляска для проезда к зданию, где была расположена коллегия. На аудиенцию его пригласили лейб-гвардии капитан П. И. Вельяминов-Зернов и тобольский сержант П. Пospelов. После того, как посланник прибыл в Коллегию иностранных дел, он вошел в «публичную палату», где ожидал приема императором. Далее известно, что посланник «по докладу позван в министерскую полату и поднес Его Императорскому Величеству контайшин лист и в подарок золота 10 кусков да соболей 4 связки». Письмо было принято канцлером Г. И. Головкиным³. На этом аудиенция была завершена. Посланец, судя по документам, не был у монаршей руки⁴.

Из приведенных примеров видно, что при Петре I произошли изменения в дипломатическом церемониале. Церемониал стал более формальным и принял европейские черты.

Рассмотрев церемониал, используемый российской властью в ходе приема монархом дипломатических миссий в XVII – начале XVIII в., перейдем к анализу тех ритуальных и церемониальных действий, которые применялись представителями власти во время их встреч в столичных приказах. Итак, как было отмечено ранее, центральноазиатские посольства, прежде чем попасть на аудиенцию к «великому государю», сначала излагали суть своей миссии посольскому дьяку в стенах Посольского

¹ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану... С. IX.

² В Москве в 1722 г. был организован «филиал» Коллегии иностранных дел. В его основу лег прежний Посольский приказ, который находился там еще с XVI в. Собственно Коллегия иностранных дел возникла из Посольской походной канцелярии (1695 г.), которая претерпела трансформацию в Посольскую канцелярию (1709 г.), затем в Посольскую коллегию (1716 г.), а после – в Коллегию иностранных дел (1717–1721 гг.). См.: Турилова С. Л. Учреждение Коллегии иностранных дел и ее функционирование в эпоху петровских преобразований // История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2018. С. 241–243.

³ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану... С. XXIX.

⁴ Там же. С. XXIX–XXX.

приказа. В ходе таких приемов происходили переговоры между сторонами и обсуждались важные насущные вопросы¹. Некоторые дипломаты были даже расспрошены дьяками или руководителями Сибирского приказа², а также Казанского приказа³.

Во время приема посланников посольскими дьяками также осуществлялось несколько ритуалов. В качестве приветствия использовалось карашевание. Эта практика пришла из отношений с мусульманами⁴. В XVII в. карашевание стало использоваться во взаимоотношениях российской власти с буддистами. Известно, что карашевались дьяки в 1618 и 1621 гг. с калмыцкими и в 1658 г. телеутскими послами⁵.

После обмена приветствиями дьяки могли уточнять у прибывших на переговоры дипломатов об их здоровье и их поездке до Москвы: «как послы вошли в полату, и дияк Сава с послы корошевался, клал на них руку и спрашивал их о здоровье, здорово ль дорогою ехали»⁶. Причем дьяк С. Романчуков, проводивший переговоры в 1618 г., позволил дипломатам сесть на колени: «велел им стать на коленках»⁷. В 1637 г. дьяки в Посольском приказе поинтересовались у послов от алтын-хана и ламы: «спрашивали послов о здоровье, здорово ли они дорогою ехали и не было ли им какие нужи?». На что получили весьма интересный ответ: «дай господи, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец здрав был на многие лета, а они ево государским жалованьем, дал бог, здорово и сыти и пьяни и всем покойны»⁸. Спрашивал о здоровье и окольничий И. И. Чаадаев, который на момент приема джунгарских посланников Абдуллы Эрхе-зайсана и Надыра-Мергена в 1682 г. руководил Сибирским приказом⁹. Подобные вопросы были этикетным проявлением гостеприимства. Формулировка и употребление их во время переговоров зависели от личной инициативы дьяков, осуществлявших коммуникацию с дипломатами. После этикетных вопросов

¹ Исторические акты. Вып. 1. С. 25; РМО. 1654–1685. С. 83, 159, 168, 204–205, 212–215, 260–261, 323–325, 349–351.

² Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории... С. 179; РМО. 1654–1685. С. 388–391.

³ РМО. 1654–1685. С. 86.

⁴ Зайцев И. В. К происхождению русского жаргонного *кореш* (из истории золотоордынского дипломатического церемониала) // Altaica X: сб. статей. М., 2005. С. 61–65. См. также: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» С. 117. О различных видах карашевания см.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 93–94.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 24–25; МОЦА. С. 53, 54; РМО. 1607–1636. С. 72.

⁶ РМО. 1607–1636. С. 72. См. также: Там же. С. 148.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ РМО. 1636–1654. С. 93. См. также: РМО. 1654–1685. С. 95.

⁹ РМО. 1654–1685. С. 388.

начинались собственно переговоры, после проведения которых посольский дьяк имел право «сказать» «государево жалованье в стола место корм», т. е. «пожаловать» угощением с царского стола¹.

Таким образом, дьяки (а иногда и руководители) столичных приказов, проводившие переговоры в стенах учреждений, в которых они служили, также соблюдали нормы дипломатической культуры Российского государства XVII в.

Дипломатические миссии из Центральной Азии по приглашению российских властей могли наблюдать различные церковные празднества. В 1617 г. хотогойтские дипломаты после завершения аудиенции у царя Михаила Федоровича были отпущены не на подворье, а в Посольскую палату (приказ), откуда им было позволено смотреть празднование Вербного воскресенья. Перед их глазами была представлена процессия шествия государя вместе с Освященным собором и Боярской думой за вербой².

В 1676 г. халхаское посольство, находившееся в Москве, было допущено на праздник Богоявления (Крещения)³. Тогда для празднования были мобилизованы московские солдатские и стрелецкие полки. Эти полки, в частности их количество, вызвали удивление у халхасцев. Как их уверяли посольские дьяки, это было только малое количество. Убранство пушек, их золочение, а также украшенные знамена тоже вызвали удивление посольства. На празднике они увидели царя Алексея Михайловича, Боярскую думу («синклит»), патриарха Иоакима, Освященный собор. Удивлению халхасцев, как описали посольские дьяки, не было предела: «такое преизрядное урядство и во ум им не вмещаетца и выхвалить по достоинству им невозможно: не просто де слава у них о Белом царе, о его царском величестве, что под солнцем един великой и Былой царь, а ныне де они тому сами свидетели, что такова монарха под солнцем другаго равно ему в величества не обретаецца»⁴. На праздновании Богоявления была продемонстрирована вся мощь и величие Русского православного царства. Религиозная церемония произвела впечатление на зрителей. В 1676 г. один из участников посольства лама Манжит, посланный от главы

¹ МОЦА. С. 55; РМО. 1607–1636. С. 73.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 79. См. об организации празднования Вербного воскресенья: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа... С. 408–417.

³ *Попов Д. К.* Участие монгольских дипломатов в праздновании Крещения в 1676 году: репрезентация власти «Белого царя» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. [Электронный ресурс]. М., 2022. URL: https://confhub.ru/archive/Lomonosov_2022/data/25583/142992_uid325105_report.pdf.

⁴ РМО. 1654–1685. С. 285.

монгольской буддийской церкви Ундур-геген хутухты, будучи в Москве, пытался подать челобитную главе Посольского приказа А. С. Матвееву о том, что он желает перейти в православную веру. Руководитель посольской службы на этот запрос ответил, что лама приехал «посланцом», а не «собою», поэтому «крестить его, посланца, в православную христианскую веру невозможно». Второй раз Манжит подал прошение уже в Tobольске воеводе П. В. Большому Шереметеву, который переадресовал челобитье в Москву¹. В Посольском приказе, заслушав доклад по отписке тобольского воеводы, приняли решение, чтобы воевода в Tobольске допросил ламу о том, своей ли волей он хочет принять крещение и почему он не поехал в халхаские улусы обратно. В случае обнаружения «истинного желания» его необходимо было послать к митрополиту, который и должен был совершить обряд крещения².

Делегациям от центральноазиатских кочевников во время их нахождения в Москве помимо угощений выдавали стандартное пропитание (еду и питье), в состав которого мог входить и алкоголь³. Необходимые продукты и напитки запрашивали в Новой чети (Кабацкий приказ), Большом приходе, Казенном приказе⁴. Оттуда пропитание доставляли на подворье, где были размещены послы.

Отметим, что некоторые дипломаты могли подолгу находиться в России. Так, длительное пребывание вдали от своих улусов заставило в 1636 г. хотогойтских послов подать челобитную, в которой они просили государя отпустить их к себе в улусы: «на Москве мы живем 3 месяца, а показалось нам житие за 3 годы, потому что мы люди кочевные, а не сиделые»⁵. Просьба была удовлетворена, и их отправили обратно в центральноазиатские улусы.

Иногда дипломатические миссии, допущенные в Москву, не удавались «чести» быть принятыми русским царем. В 1639 г. по царскому указу прибывших в столицу послов от хотогойтского алтын-хана Омбо Эрдени сослали в Пермь Великую в Чердынь. Действия российской власти были обусловлены следующим обстоятельством.

¹ Там же. С. 300–303.

² Там же. С. 303.

³ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 26, 166–168, 218; 1673 г. Д. 2. Л. 28, 29, 30, 42.

⁴ Там же. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 40–46, 61–65; 1658 г. Д. 2. Л. 26–27, 39; 1673 г. Д. 2. Л. 29, 30, 42, 156, 157. Приказ Большого прихода (Большой приход) и Новая четь в XVII в. ведали различного рода фискальными сборами: таможенными, лавочными, кабацкими и др. См.: Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 47, 71.

⁵ РМО. 1607–1636. С. 290.

В Москве стало известно, что хотогойтский правитель в 1638 г. плохо принял русское посольство во главе с томским сыном боярским В. Старковым. В качестве наказания дипломатическую миссию выслали из Москвы, но предоставив, при этом, «государево жалованье», т. е. продовольствие¹. Не были на аудиенции у царя и телеутские посланники, прибывшие в 1659 г. в Москву². Почему не был проведен прием – неизвестно. Не исключено, что повлиял статус самого контрагента – телеутского князца, приславшего посольство.

Отправляя дипломатическую миссию обратно в центральноазиатские степи, руководители Посольского приказа подготавливали подводы, проезжие грамоты, а также документы, которые сопровождающие лица (проводатые, приставы) должны были передать сибирским воеводам³. По проезжей грамоте дипломаты и проводатые получали пропитание и подводы в городах, через которые они проезжали⁴. В сопровождении приставов, приехавших вместе с посольством в столицу, дипломатические миссии следовали из Москвы в Сибирь, откуда по распоряжению воеводы они проводались до кочевых улусов⁵. По указанию властей возвращавшуюся делегацию обратно в Сибирь могли сопровождать стрельцы⁶. В отдельных случаях приставы должны были сопровождать посольство от Москвы до «Мугальской» земли, как это предполагалось властями в 1676 г., когда по указу царя Федора Алексеевича татарину С. Кулмаметову было поручено ехать из столицы до халхаских тушету-хана Чихунь Доржи и Ундур-геген хутухты⁷. Однако этот указ не был выполнен.

Русские власти были осведомлены, что калмыцкие и монгольские посланники, побывавшие в Москве, могли приобретать «заповедные товары», к которым относились ружья, свинец и порох. Поэтому Сибирским приказом предписывалось досматривать в

¹ РМО. 1636–1654. С. 281, 314, 418. Факты ареста дипломатов в российской практике см.: Моисеев М. В. Лишение свободы дипломатических представителей в практике отношений Московского государства с восточными странами в XVI в. // Очерки истории уголовно-исполнительной системы: монография. Иваново, 2019. С. 220–228.

² РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 28–41.

³ РКО в XVII в. Т. 2. С. 634; РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 182, 184, 185, 208, 209; 1673 г. Д. 2. Л. 101, 152; 1676 г. Д. 1. Л. 1, 2, 10, 12, 16; РМО. 1654–1685. С. 206, 297.

⁴ См., например: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 47; РМО. 1636–1654. С. 267–268, 336; РМО. 1654–1685. С. 115, 172, 206, 297.

⁵ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 38; РМО. 1607–1636. С. 108–109; РМО. 1636–1654. С. 267, 336; РМО. 1654–1685. С. 101, 172, 267, 383.

⁶ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1673 г. Д. 2. Л. 160.

⁷ Там же. Оп. 1. 1676 г. Д. 12, 13, 15, 16; РМО. 1654–1685. С. 297–298.

Верхотурье возвращающиеся делегации из Москвы, чтобы калмыки или монголы не вывезли к себе в улусы запрещенные предметы, а в случае обнаружения таких требовалось отписать их в казну¹.

Дипломатический церемониал, используемый в Москве при принятии посольств от центральноазиатских кочевников, играл определенную роль в коммуникации с номадами. Во-первых, исполняя церемонии и различные ритуалы представители власти транслировали нормативы политической культуры и идеологемы, обосновывающие высокий статус царской власти. Внешний вид царских палат, где проводились аудиенции, их резьба, декорирование «травами», орнаментами и т. д., а также стенописи внутренних помещений, содержащие библейско-христианские мотивы, – все это должно было указывать на высокий и недостижимый статус российского монарха. Отметим, что в самой Золотой палате были изображены сюжеты библейской истории, которые были дополнены отдельными темами и лицами российской истории, в том числе связанными с распространением христианства на Руси и «получением» Владимиром Мономахом царских инсигний². Лишь в Столовой избе, которая была деревянной постройкой, а не каменной, какой являлась Золотая палата, стены были оббиты тканями, а на потолке изображена астрономическая тематика – движение небесных тел, двенадцать месяцев, «беги небесные»³.

Атмосфера, в которой оказывались дипломатические представители из Центральной Азии, предметы и изображения, окружавшие их, символизировали мощь «великого государя» и его государства. В свое время В. В. Трепавлов писал, что дипломатические церемонии в отношениях с восточными народами «были организованы так, чтобы те, во-первых, ощутили величие владыки “Третьего Рима”; во-вторых, прониклись его благосклонностью»⁴.

Церемониал в символической форме определял статус кочевников как контрагентов, указывал их место в политической иерархии правителей, с которыми русский царь поддерживал коммуникацию. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить проанализированный нами церемониал с церемониалом, применяемым в коммуникации

¹ АИ. Т. 5. С. 82–83, 427; РМО. 1654–1685. С. 301, 358. Руководство Сибирского приказа предписывало досматривать посланников, возвращавшихся из Москвы, и в Тобольске (РМО. 1654–1685. С. 359).

² Забелин И. Е. Домашний быт русского народа... С. 127–134, 153, 156, 157, 160–170.

³ Там же. С. 178–179.

⁴ Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике. С. 45.

с монархами, которые в представлении «великого государя» являлись равными ему или хотя бы имели высокий статус в его представлении¹. Дипломатический церемониал во время приема центральноазиатских кочевников был упрощен. В некоторых случаях это упрощение тяготело к т. н. «внутренней дипломатии», подразумевавшей использование определенных практик и атрибутов, применяемых в «посольском обычае» с внешними контрагентами, но в менее торжественной, парадной и пышной форме. Но, даже упрощая церемониал, российская власть все равно осуществляла коммуникацию через Посольский приказ (лишь за редким исключением через Сибирский приказ), что подчеркивало внешний статус кочевников как контрагентов.

Российская дипломатия все же стремилась оказывать послам из далеких степей Центральной Азии знаки почтения. Это проявлялась в предоставлении почетного сопровождения, задействовании стрелецких полков, расстановке в качестве массовки служилых людей различных придворных и московских чинов. Все названные компоненты имели символическое значение, указывающие на то, что российская власть пусть и в максимально упрощенном (в сравнении с европейскими посольствами) виде оказывала «честь» своим потенциальным подданным. Это, в свою очередь, должно было психологически воздействовать на кочевников и сделать их сговорчивей в вопросах установления подданнических (или протекторатно-вассальных отношений).

Кроме того, российская дипломатия при помощи церемониала ранжировала контрагентов. Это четко проявилось в различии приемов дипломатов от ойратских и хотогойтских правителей. Тем не менее во второй половине XVII в. наблюдается унификация дипломатического церемониала, подразумевавшая некоторое упрощение и приведение в соответствии с теми практиками, которые использовались в отношениях с другими кочевыми народами, находившимися в подчинении российской власти².

¹ См. реконструкцию церемониалов: *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» С. 66–73, 85–141; *Лисейцев Д. В.* Российский посольский обычай в начале XVII века по материалам делопроизводства Посольского приказа. С. 216–251; *Семенов И. Н.* Российский дипломатический протокол. С. 47–155; *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 259–268.

² Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить церемониал приема центрально-азиатских кочевников с церемониалом, применяемым в отношениях с поволжскими калмыками: *Кундакбаева Ж. Б.* «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // *Иноземцы в России XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* С. 520–532; *Она же.* «Били челом в Посольский приказ...» (о пребывании калмыцких посланников в Москве во второй половине

Со стороны центральноазиатских дипломатов не возникало никаких претензий, направленных на установления паритета, которые нередко случались в процессе приемов посольств от европейских правителей. Это можно объяснить тем, что центральноазиатские кочевники вполне были привыкшими совершать различные действия (нередко унижительные по «русским» меркам) в ходе исполнения дипломатических поручений, которые были характерны для восточных народов¹. К тому же, кочевникам, для которых отношения в парадигме «сюзерен–вассал» или «старший–младший» были вполне приемлемы, поскольку позволяли удовлетворить свои потребности и достичь конкретные цели², было безразлично, каким образом организованы церемонии, которые в символической и понятной (для русских) форме принижали их статус как контрагентов и не оказывали должной «чести» по сравнению с другими контрагентами.

* * *

Русские посольства, которые ездили в ставки кочевников, в целом пытались следовать тем обычаям и правилам, и, соответственно, выстраивать церемониал приема по тому формату, который был приемлем для российской дипломатии. Многочисленные факты нарушения кочевниками желаемого для русских церемониала, свидетельствуют о том, что представители русских властей, посланные в улусы центральноазиатских кочевников, знали основные принципы, правила и традиции «посольского обычая». Кочевники же время от времени, то следовали «русским» правилам, то частично выполняли их, то вообще отказывались выстраивать аудиенцию по тем правилам,

XVII в.) // Востоковедные исследования в Калмыкии: сборник научных трудов. Элиста, 2007. Вып. 3. С. 139–150.

¹ См., например: *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы, 1995. С. 101–102, 103. К. Ш. Хафизова предположила, что «джунгарские, монгольские, среднеазиатские и восточнотуркестанские послы, очевидно, более безболезненно совершали обряд коленопреклонения. Им было не так сложно исполнять его, так как в восточных странах коленопреклонение перед ханом было обычным делом» (Там же. С. 101).

² *Уманский А. П.* Телеуты и русские... С. 18, 20; *Почекаев Р. Ю.* Из вассалов в сюзерены... С. 45, 50; *Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб., 2017. С. 104, 182; *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским алтан-ханам... С. 25.

которые им навязывали дипломаты. В семиотическом пространстве «подчинение» контрагента в ходе церемониала русской стороне означала снижение его статуса.

При этом вариативность компонентов дипломатического церемониала, их разная комбинация, а нередко и вовсе их отсутствие свидетельствуют о том, что «посольский обычай» Российского государства XVII в. в коммуникации с центральноазиатскими кочевниками был гибким. Отсутствие отрефлексированных действий центральной и местной властей, разъяснявших необходимость заставить кочевников беспрекословно исполнять желаемые для российской дипломатии нормы, позволяют утверждать, что формальные аспекты церемониала и протокола не были приоритетными во взаимоотношениях с центральноазиатскими народами. Главным для российской власти было достижение целей.

Церемониал приема в сибирских городах делегаций, прибывших из улусов Центральной Азии, выстраивался по подобию того, что применялся в Москве, но только в упрощенном виде, а иногда и с определенной «местной» спецификой. Сибирские воеводы прежде всего в символической форме создавали эффект присутствия государственной власти на местах, что выражалось вербально (во время проговаривания отдельных «речей») и визуально (во время организации въездов и приемов дипломатов). Мобилизация служилых и прочих людей, находившихся в городе в момент приезда посольств, раздача им оружия должны были создать массовость и парадность мероприятия, а также продемонстрировать мощь Российского государства и его государя, сопротивлению которому бессмысленно. Но в то же время, как это ни парадоксально, такие парадные въезды, организованные воеводами, указывали на почтительное отношение к кочевникам, прибывшим из центральноазиатских улусов, что, в свою очередь, было направлено на достижение успеха в переговорном процессе.

При этом дипломатический церемониал не всегда применялся воеводами во всей его полноте. Источники нередко умалчивают факты подобных мероприятий. Это позволяет утверждать, что представители российской власти на местах действовали на свое усмотрение, сообразно ситуации и, возможно, статусу контрагента. Отсутствие четких указаний из органов центральной власти, касавшихся организации дипломатического церемониала в сибирских городах, свидетельствует о том, что российская власть не придавала этому сколько-нибудь принципиального значения.

Организация приема дипломатов в Москве была направлена на демонстрацию мощи Русского православного царства, высокого статуса «великого государя», репрезентацию его власти и благосклонности. Церемониал определял место кочевых правителей в политической иерархии контрагентов русского царя, что выражалось в упрощении его компонентов, ритуалов и прочей атрибутики. Отдельные элементы дипломатического церемониала указывали на почтительное отношение к прибывшей делегации.

Церемониал позволял ранжировать даже самих центральноазиатских кочевников, выделяя из них тех, кому оказывался более почетный прием (хотогойты), и тех, кому, наоборот, оказывали меньше «чести» (калмыки). При этом развитие дипломатических практик во второй половине XVII в. привело к тому, что отдельные церемониальные компоненты были модифицированы и уравнены. В первой четверти XVIII в. церемониал претерпел кардинальные изменения: в него были привнесены европейские концепты и практики, что было обусловлено начатыми Петром I процессами модернизации и вестернизации русской политической культуры.

Российская власть несмотря на свои устремления подчинить кочевников, установив хотя бы номинальный контроль, все же оказывала в протокольной части определенные знаки почтения даже в упрощенной форме. В ходе церемониальных, ритуальных и протокольных действий происходила трансляция русских политико-правовых концептов и идеологем, обосновывающих высокий статус российского монарха, легитимация власти царя. Во всех случаях трансляцию осуществлял представитель российской власти: в ставках кочевников – дипломат, в сибирских городах – воевода или иное особо уполномоченное лицо, в Москве – посольский (думный) дьяк.

Можно констатировать, что дипломатический церемониал, используемый в коммуникации с центральноазиатскими кочевниками в течение XVII в. в целом отвечал нормам и практикам «посольского обычая» Российского государства.

Заключение

Присоединение Сибири, начатое в конце XVI в., привело к установлению в начале XVII в. дипломатических отношений между Россией и кочевым тюрко- и монголоязычным населением, обитавшим на севере Центральной Азии. Отношения российской власти с кочевниками в течение всего XVII – начала XVIII в. развивались по-разному, что было обусловлено наличием факторов, как тормозящих развитие коммуникации, так и, наоборот, способствующих их активизации. В определенные промежутки времени эти отношения с каждым народом по-отдельности, в частности, с енисейскими киргизами, алтайскими телеутами, джунгарами, халхасцами, хотогойтами и калмыками, носили конфликтный характер. Тем не менее центральные органы российской власти – Казанский, Сибирский и Посольский приказы – задавали императивы мирного взаимодействия, которое осуществлялось путем взаимного обмена дипломатическими миссиями. Посольская коммуникация подразумевала выработку новых или использование старых и уже апробированных дипломатических практик, направленных на самопрезентацию власти российского монарха и определение (в понятных для себя символах) места контрагентов в политической иерархии иностранных монархов.

В качестве руководителей дипломатических миссий, которые ездили в ставки центральноазиатских кочевников, российские власти назначали лиц из числа местного населения. Это были представители как служилых людей по отечеству (дети боярские), так и служилых людей по прибору, среди которых были и «начальные люди», и рядовые казаки. Иногда же сибирские управленцы могли послать и тех, кто вообще не был зачислен на службу или, наоборот, уже выбыл с государственной службы. Кроме того, в качестве руководителей посольств назначались и служилые татары, и даже представители ясачного населения из числа потестарной элиты. Однако преимущественно руководящий состав русских дипломатических миссий был из числа представителей служилых людей по отечеству (дети боярские), а также служилых людей по прибору, в частности из числа «начальных людей», т. е. из командного состава.

Вспомогательный персонал русских посольств также, как и руководящие кадры, формировался из числа местного населения Сибири и даже Центральной Азии. Члены посольств выполняли важные функции: участвовали в переводческой деятельности,

охраняли дипломатические миссии, а также выступали в качестве писарей, кашеваров или провожатых.

Реальность дипломатических отношений заставила органы центральной власти (Посольский, Казанский, Сибирский приказы) и представителей местной власти наделять дипломатов (правда, изредка и непоследовательно) какими-либо посольскими рангами («посла», «посланника», «посланца», «посланного»). Неупорядоченное использование в делопроизводственной документации лексики для номинации и самоидентификации дипломатического ранга свидетельствует, во-первых, о том, что российская власть не придавала этому атрибуту большого значения, и, во-вторых, о низком политическом весе самих контрагентов, а также собственно вопросов, которые необходимо было урегулировать. При этом выявлена некоторая последовательность использования лексики для обозначения дипломатического ранга глав русских миссий в отношениях с отдельными монголоязычными кочевниками (хотогойтскими алтын-ханами, джунгарскими хунтайджи, ойратскими тайджи и тайшами). В то же время крайне редко использовалась лексика для номинации и самоидентификации русских дипломатов, задействованных в диалоге с енисейскими киргизами и алтайскими телеутами.

Полномочия русских посланников, направлявшихся в улусы кочевников, определялись руководящими органами, а также особо уполномоченным лицом (Ф. А. Головиным), и фиксировались в наказных памятях (наказах). Условно полномочия можно разделить на базовое (проведение переговоров) и вариативные (раздача «государева жалованья», приведение к шерти, передача грамот и писем, заключение «договоров», взятие аманатов и сбор ясака, сопровождение «государевых изменников»). Набор и сочетание полномочий, а также правомочность решения конкретных вопросов, стоявших на повестке переговоров, были обусловлены реалиями российско-кочевнических отношений в каждый момент времени.

Дипломатическая инициатива в отношениях Российского государства с центральноазиатскими номадами в XVII – начале XVIII в. проявлялась на нескольких уровнях. На «высоком» уровне инициатива исходила от представителей центральных органов власти – Казанского, а с 1637 г. – Сибирского, или Посольского приказов. «Средний» уровень предполагал участие в дипломатической деятельности представителей местной власти – сибирских управленцев, к которым относились воеводы или приказчики. К этому же уровню относятся и те посольства, которые были

инициированы великим и полномочным послом Ф. А. Головиным, ездившим на переговоры с маньчжурами и осуществлявшим взаимодействие с джунгарскими и халхаскими правителями в рамках своих обширных полномочий. На «низшем» уровне инициатива исходила от служилых людей, которые по своему усмотрению и без санкции органов власти ездили в улусы монголоязычных номадов. Однако посольства такого уровня являлись исключением.

Российская власть владела технологией дарообмена, поскольку имела опыт взаимодействия с номадами (крымскими и ногайскими татарами, башкирами), а также с прочими народами (сибирскими аборигенами), и успешно применяла дарообменные практики в отношениях с центральноазиатскими кочевниками. Кроме того, сам «посольский обычай» Российского государства в XVII в. подразумевал использование дарообмена при взаимодействии власти с различными контрагентами (христианскими и нехристианскими).

Для обозначения дипломатических подарков представители российской власти применялись те лексемы, которые имелись уже в русском лексиконе и задействовались не только в сфере внешнеполитических сношений, но и во внутривнутриполитических практиках. Использование конкретной лексики применительно к подаркам, которыми обменивались русские и кочевники, зависело от положения дарителя и акцептора, а также от характера отношений между ними. Если дарителем выступал российский монарх, то применялась «жалованная» лексика – «государево жалованье» и / или «государева милость» (в различных вариациях). Это обусловлено тем, что «великий государь», проявляя «милость» к своим потенциальным подданным, «жаловал» их своими подарками. Понятия «государево жалованье» и «государева милость» были базовыми концептами политической культуры Российского государства в XVII в. Если же российский монарх выступал акцептором (а дарителем, соответственно, кто-либо из кочевых правителей и / или буддийских священнослужителей), то подарки в делопроизводственной документации фиксировались с челобитной формулировкой, но при этом не было четкой лексической унификации для обозначения самих даров: их называли то «поминками», то «подарками», то «дарами». Такая лексика употреблялась по причине того, что кочевые правители (в понимании представителей российской власти) не обладали правом «жаловать» русского царя. Челобитная формулировка, применяемая в делопроизводственной документации при фиксации факта дарообмена, расставляла

акценты, указывая на приниженный статус контрагентов, которые обращаются с позиции «младших» к «старшему».

В тех случаях, когда дарителями и акцепторами выступали представители российской местной власти или русские дипломаты, лексика не была унифицирована. Однако ни управленцы, ни особо уполномоченное лицо (Ф. А. Головин), ни русские дипломаты не использовали понятие «жалованье» для обозначения даров, исходящих лично от них. Точно также не употреблялась в русском дискурсе данная лексема и для номинации подарков, адресованных им.

Представители местной и центральной власти регулярно обменивались сведениями о подарках, их стоимости и составе, давали распоряжения и рекомендации по применению подарков. Российская власть стремилась реагировать на «запросы» (просьбы) кочевых правителей прислать им конкретные вещи, предметы и даже людей. В принципе такая практика для нее не была новой, поскольку «запросы» активно использовались во взаимодействии с постордынскими государственными образованиями, с которыми Русское государство имело опыт общения еще с конца XV в. Подарки, предназначенные кочевникам, комплектовались за счет казны из местных (сибирских) запасов и / или из вещей, которые хранились в московских приказах. В зависимости от ситуации дары, привезенные от кочевников, либо доставляли в Москву, либо возвращали, либо находили им практическое применение в сибирских городах.

Дарообмен выполнял ряд функций – коммуникативную, репрезентативную, рекламную, символическую, смысловую, утилитарную, а также он закреплял договорные отношения. Для кочевников подарки играли важную роль, что было обусловлено их мировоззренческими установками. Это проявлялось в «запросах», а также в частых требованиях кочевниками подарков во время поездок к ним русских дипломатов. Реалии российско-кочевнических отношений обусловили то, что дары принимали разные формы: «жалованье», подкуп, откуп, почетный дар.

Обе стороны, направляя дары, ожидали получение чего-то в ответ. Российская власть тем самым надеялась заполучить лояльность кочевых правителей и последующий переход в подданство «великому государю». Кочевники же ожидали каких-то больших ответных даров, что было нормальной для них практикой, апробированной в ходе взаимоотношений с другими государствами Центрально-Азиатского региона, в частности с Китаем.

Русские посланники, ездившие в улусы кочевников, имели представление об основных компонентах дипломатического церемониала и протокола. Однако реалии российско-кочевнических отношений обусловили применение и соблюдение всех компонентов церемониала и протокола ситуативно. Эти обстоятельства, а также вариативность исполнения тех или иных церемониальных актов указывают на гибкость «посольского обычая» Российского государства. Тогда, когда это было нужно, российская власть снисходительно относилась к различного рода нарушениям контрагентами того варианта церемониала, который считала приемлемым для поддержания «чести» «великого государя». Основной целью российской власти на центральноазиатском направлении было достижение договоренностей по конкретным вопросам, стоявшим на повестке дня, т. е. практическая результативность, а не соблюдение всех тонкостей и нюансов «посольского обычая».

Церемониал приема дипломатических представителей от лидеров военно-политических объединений центральноазиатских номадов в сибирских городах был также вариативен и использовался по ситуации на усмотрение управленцев (воевод или приказчиков), а также уполномоченного лица – Ф. А. Головина. Однако тогда, когда он применялся, то был направлен на исполнение репрезентативных функций, демонстрирующих власть «великого государя», а также оказывал знаки почтения контрагентам.

Факт отсутствия жестких нормативных требований, исходивших от органов центральной власти и направленных на соблюдение всех церемониальных и протокольных норм во время приема посланников в сибирских городах, а также во время исполнения поручений русских дипломатов в ставках кочевников позволяет утверждать, что российская власть не придавала этому принципиального значения.

Церемониал приема дипломатов, допущенных в Москву видеть «государевы очи», был направлен на демонстрацию высокого статуса российского монарха и его государства, воплощением которого он являлся, его благосклонности к своим потенциальным подданным, прибывшим из далеких земель. Однако этот церемониал использовался в несколько упрощенном виде, что выражалось в отдельных моментах (задействовании или незадействовании почетного эскорта, использование «стойки» стрельцов). Некоторые аспекты дипломатического церемониала, в частности пропуск посланников во дворец через Среднюю лестницу, практика карашевания, запрет целовать

руку государя, были заимствованы из тех посольских практик, которые использовались в отношениях Российского государства с мусульманскими правителями. И все же факты применения церемониальных действий при приездах в Москву делегаций от центральноазиатских номадов свидетельствуют о том, что столичные власти оказывали знаки почтения прибывшим дипломатам.

Резюмируя вышесказанное, отметим роль дипломатических практик, которую они играли в коммуникации Российского государства с лидерами военно-политических объединений кочевников севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.:

- во-первых, дипломатические миссии, которые ездили в ставки кочевников, обеспечивали вербальную коммуникацию, с помощью которой осуществлялся диалог между сторонами. Русские посланники были реальными дипломатами и были полномочны проводить реальные переговоры, направленные на урегулирование конкретных вопросов, возникших в ходе взаимодействия двух сторон. Сами дипломаты в символической форме представляли власть российского монарха;

- во-вторых, дипломатический дарообмен, осуществлявшийся между русскими и кочевниками, в материально-символической форме обеспечивал поддержание коммуникации, ускорял ее (а порой и тормозил), репрезентовал власть российского монарха, формировал образ «великого государя» как «милостивого»;

- в-третьих, церемониал и протокол визуальным образом транслировали кочевникам закодированные в действиях и ритуалах смыслы и образы Российского государства и его правителя – государя, в частности: мощь и величие, благосклонность, высокий статус.

Все вышеперечисленное выступало каналами, передающими определенные смыслы и информацию, и было направлено на репрезентативные функции, легитимацию власти русского царя, трансляцию кочевникам русских политико-правовых нормативов, с помощью которых российская власть пыталась установить хотя бы номинальный контроль над значительной частью кочевых государств.

Дипломатические практики в семиотическом пространстве российского «посольского обычая» несли определенную смысловую нагрузку. Российская власть в виде символов в понятной для себя форме демонстрировала (прежде всего для себя) низкий статус кочевников как контрагентов царя среди всех остальных монархов. Это проявлялась в низком социальном (чиновном) статусе русских дипломатов, отсутствии у

них четко определенного дипломатического ранга, применении при описании ритуала дарообмена лексики, принижающей статус контрагента и возвышающей величие русского царя, упрощении дипломатического церемониала и протокола.

Специфика дипломатических практик заключалась в том, что отдельные из них сближались с «внутренней дипломатией», осуществляемой с подвластными народами, что указывало на восприятие контрагентов скорей «своими», и одновременно сближались с «настоящей» («внешней») дипломатией, которая осуществлялась с реальными контрагентами российского монарха, что указывало на их «внешний» статус.

Однако, как показал произведенный нами анализ делопроизводственной документации, российская дипломатия в общении с центральноазиатскими номадами стремилась проявлять гибкость и прагматичность, отодвигая зачастую на второй план соблюдения всех формальностей. Такой подход, с одной стороны, свидетельствует о приоритетности практических соображений, а с другой – указывает на то, что кочевые правители не занимали высокое место в политической иерархии контрагентов «великого государя» и, соответственно, не были «достойны» такой высокой «чести».

Список источников

Архивные документы

Российский государственный архив древних актов

Ф. 113. – Зюнгорские (контайшинские) дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии

Оп. 1. 1645 г. Д. 1.

Ф. 119. – Калмыцкие дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии

Оп. 1. 1618 г. Д. 1; Д. 2; 1620 г. Д. 1.

Ф. 126. – Мунгальские (монгольские) дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа

Оп. 1. 1633 г. Д. 1; 1635 г. Д. 1; 1657 г. Д. 1; 1658 г. Д. 1–2; 1673 г. Д. 2; 1676 г. Д. 1; 1680 г. Д. 1; 1692 г. Д. 1; 1701 г. Д. 1.

Ф. 199. – Миллер Гергард-Фридрих (1705–1783), историк, член Российской Академии наук, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел («Портфели Г. Ф. Миллера»)

Оп. 2. № 477. Ч. 1. Д. 1; № 478. Ч. 3. Д. 12, 14, 29, 32.

Ф. 210. – Разрядный приказ, г. Москва

Оп. 15. Д. 44.

Ф. 214. – Сибирский приказ, г. Москва

Оп. 3. Стб. 252, 455, 702; Ед. хр. 715–716.

Ф. 1121. – Иркутская приказная изба (Даурский разрядный шатер)

Оп. 1. Стб. 63; Д. 69.

Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук

Ф. 96. – Нерчинская воеводская изба

Оп. 1. Д. 20; 30.

Сборники документов

1. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подг.

Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун; [История Сибири. Первоисточники]. – Т. 1–2. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993–1995. – Т. 1. – Новосибирск, 1993. – 250 с.

2. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подг. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун; [История Сибири. Первоисточники]. – Т. 1–2. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993–1995. – Т. 2. – Новосибирск, 1995. – 305 с.

3. Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) / Под ред. Н.В. Рождественского. – М.: изд. Имп. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1918. – 328 с.

4. Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А. М. Гневушев. М.: изд. Имп. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1918. – 421 с.

5. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. – Т. 4: 1645–1676. – СПб., 1842. – 565 с.

6. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. – Т. 5: 1676–1700. – СПб., 1842. – 539 с.

7. Бутанаев, В. Я., Абдыкалыков, А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. / В. Я. Бутанаева, А. Абдыкалыков; Лаборатория этнографии НИС ХГУ им. Н. Ф. Катанова; отв. ред. Ю. С. Худяков. – Абакан: УПП Хакасия, 1995. – 258 с.

8. Добжанский, В. Н. Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) / В. Н. Добжанский // Из кузнецкой старины / Упр. культуры Администрации г. Новокузнецка, Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»; [под общ. ред. Ю. В. Ширина]. – Новокузнецк: Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», 2010–. Вып. 7. – Новокузнецк, 2017. – С. 114–137.

9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 12-ти т.]. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. – Т. 3. – СПб., 1848. – 574 с.

10. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 12-ти т.]. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. – Т. 4. – СПб., 1851. – 448 с.

11. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 12-ти т.]. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. – Т. 6. – СПб., 1857. – 514 с.
12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 12-ти т.]. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. – Т. 7. – СПб., 1859. – 398 с.
13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 12-ти т.]. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. – Т. 8. – СПб., 1862. – 372 с.
14. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 12-ти т.]. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. – Т. 10. – СПб., 1867. – 516 с.
15. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 12-ти т.]. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. – Т. 11. – СПб., 1869. – 328 с.
16. Исторические акты XVII столетия (1630–1699 гг.): материалы для истории Сибири. – Вып. 2 / собрал и издал И. П. Кузнецов-Красноярский. – Томск: типо-литография Кононова и Скулимовского, 1897. – 100 с.
17. Исторические акты XVII столетия (1633–1699 гг.): материалы для истории Сибири. [Вып. 1] / собрал и издал Инн. Кузнецов. – Томск: [б. и.], 1890. – 111 с.
18. Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: документы и материалы / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отд-ния Российской акад. наук; [авт.-сост.: О. В. Бураева, С. С. Бураева, М. Н. Балдано]. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 783 с.
19. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. [К 400-летию присоединения Кабарды к России] / Акад. наук СССР; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т. Глав. архивное упр. МВД СССР; Центр. гос. архив древних актов СССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 1: XVI–XVII вв. [Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов]. – М., 1957. – 478 с.
20. [Котошихин Г. К.] О России в царствование Алексея Михайловича / соврем. соч. Григория Котошихина. – изд. 3-е. – СПб.: издание Археогр. комис., 1884. – 196 с.

21. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Акад. наук СССР; [Труды Историко-археографического института и Института востоковедения. Материалы по истории народов СССР]. – Л.: изд. и тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1932. – Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. – Л., 1932. – 504 с.

22. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: Документы и материалы / АН СССР, Ин-т востоковедения, Акад. наук МНР, Ин-т востоковедия; [Сост. Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев]. – М.: Наука, 1989. – Кн. 1. М., 1989. – 373 с.

23. О том, как чествовать на Тюмени калмыцких послов. Письмо тобольского воеводы Ивана Андреевича Хилкова тюменскому воеводе Андрею Васиьевичу Кафтыреву 1659 г. / Сообщ. Словцов П. А. // Ежегодник Tobольского губернского музея. Вып. 1–29. Tobольск: Губ. Типография, 1893–1919. – Вып. 7. – Tobольск, 1897. – С. 79–80.

24. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изданы под ред. Н. И. Веселовского. – СПб.: Скоропечатня Яблонского и Перотт, 1890–1898. – Т. 3: Царствование Михаила Федоровича (продолжение). – СПб., 1898. – 731 с.

25. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: [в 10 т.]. – СПб.: В типографии II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1851–1871. – Т. 2: Памятники дипломатических сношений с Римской Империей: (с 1594 по 1621 год). – СПб., 1852. – 1542 стб.

26. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: [в 10 т.]. – СПб.: В типографии II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1851–1871. – Т. 3: Памятники дипломатических сношений с Римской Империей: (с 1632 по 1660 год). – СПб., 1854. – 1248 стб.

27. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: [в 10 т.]. – СПб.: В типографии II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1851–1871. – Т. 10: Памятники дипломатических сношений с папским двором и с Италианскими государствами: (с 1580 по 1699 год). – СПб., 1871. – 1850 стб.

28. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел Ф. Лашкова. – Симферополь: тип. газ. «Крым», 1891. – 206 с.

29. Памятники Сибирской истории XVIII века / [Ред. А. И. Тимофеев]. Кн. 1–2. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1882–1885. – Кн. 1: 1700–1713. – СПб., 1882. – 551 с.

30. Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета: [Сборник] / Том. гос. ун-т. Науч. б-ка [и др.]; [Сост. В. А. Есипов, Г. Н. Старикова]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 140 с.

31. Посольская книга по связям России с Англией. 1614–1617 гг. / Российская акад. наук, Ин-т российской истории; [сост. текста и указ., авт. вступ. ст. и коммент. Д. В. Лисейцев]. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2006. – 393 с.

32. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг.: [Сборник] / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук [и др.]; [Сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев]. – Науч. изд. – Элиста: АПП Джангар, 2003. – 315 с.

33. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы: документы, изд. с предисл. и примеч. д. чл. Н. И. Веселовского; [Записки Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 10, вып. 2]. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1887. – 277 с.

34. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / [Подгот. Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер]; [Отв. ред. Д. С. Лихачев]. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1954. – 491 с.

35. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией [в 40 т.]. – Т. 8. – СПб.: [б. и.], 1884. – 1292 с.

36. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.): документы и извлечения / Алтайский гос. ун-т, Каф. востоковедения, Томский гос. ун-т, Каф. отечественной истории, Алтайский центр востоковедных исслед. – Барнаул: Азбука, 2006. – 359 с.

37. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов / Главное архивное управление. Центральный Государственный архив древних актов, АН СССР. Институт востоковедения; Сост.: Т. Д. Лавренцова, Р. В. Овчинников, В. Н. Шумилов. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 452 с.

38. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. / [Сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова]; [АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Ин-т востоковедения. Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Центр. гос. архив древ. актов]. – М.: Наука, 1969–1972. – Т. 1: 1608–1683. – М., 1969. – 613 с.

39. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. / [Сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова]; [АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Ин-т востоковедения. Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Центр. гос. архив древ. актов]. – М.: Наука, 1969–1972. – Т. 2: 1686–1691. – М., 1972. – 835 с.

40. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / [АН СССР, Ин-т Дал. Востока и др.; Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников]. – М.: Наука, 1978–1990. – Т. 1: 1700–1725. – М., 1978. – 703 с.

41. Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов / Сост.: Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; Отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 352 с.

42. Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; Отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – М.: [Наука], 1974. – 469 с.

43. Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов / [Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения]; Сост. Г. И. Слесарчук; Отв. ред. Н. Ф. Демидова. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. – 559 с.

44. Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов / [Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения]; Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 488 с.

45. Сборник документов по истории Бурятии / Сост. Г. Н. Румянцевым и С. Б. Окунь; [Предисл. Г. Н. Румянцева]; Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. – Улан-Удэ: [б. и.], 1960. – Вып. 1: XVII век. – Улан-Удэ, 1960. – 493 с.

46. Сборник князя Хилкова: [документы по истории России XVI–XVII вв.] / [кн. Григорий Хилков]. – СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879. – 12, 580, 35 с.

47. Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. – М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1886. – 146 с.

48. Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: сб. док-тов / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2010. – 276 с.

49. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М.: в типографии Н.С. Всеволожского, 1813–1894. – Ч. 4. – М., 1828. – 656 с.

50. Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города, 30-х гг. XVII в. / сост. В. А. Есипов; Том. гос. ун-т, Науч. б-ка, Историч. фак., Юридич. ин-т. – Томск: Издательство Томского университета, 2005. – 184 с.

51. Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. – [СПб.: В. А. Горохов: Русская скоропечатня, 1911?]. – 169 с.

52. Уманский, А. П. Некоторые документы о «затейке» томского воеводы Ильи Бунакова против воеводы князя Осипа Щербатова в 1649 году / А. П. Уманский // Алтайский сборник / отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул: Алтай, 1997. – С. 159–177.

Список литературы

1. *Абдыкалыков, А.* Енисейские киргизы в XVII в.: (исторический очерк) / А. Абдыкалыков / АН Кирг. ССР. Отд. общей тюркологии и дунгановедения. – Фрунзе: Илим, 1968. – 138 с.
2. *Авляев, Г. О.* Происхождение калмыцкого народа / Г. О. Авляев; Калмыц. ин-т гуманитар. исслед. Рос. акад. наук.; 2-е изд., перераб. и исправл. – Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2002. – 326 с.
3. *Агеева, О. Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век / О. Г. Агеева; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – М.: Новый хронограф, 2012. – 891, [3] с.
4. *Акишин, М. О.* Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем в XVII веке / М. О. Акишин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. – № 2 (19). – С. 13–20.
5. *Александров, В. А.* Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – 2-е изд., доп. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 271 с.
6. *Александров, В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край) / В. А. Александров; [Труды Института этнографии имени Н. И. Миклухо-Маклая. Новая серия]. – М.: Наука, 1964. – 303 с.
7. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / [Дир. Иванов]. – М.: тип. С. Селивановского, 1853. – [6], VI, 501 с.
8. *Альтхоф, Г., Штольберг-Рилинген, Б.* Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени / Г. Альтхоф, Б. Штольберг-Рилинген // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», Фонд им. Макса Вебера, Германский исторический институт в Москве; отв. ред. Г. Альтхоф и М. [А.] Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 22–25.
9. *Ананьев, Д. А.* Взаимоотношения России и Джунгарии в XVII–XVIII вв. в оценках отечественной и зарубежной историографии / Д. А. Ананьев // Азиатская Россия и сопредельные государства: [сборник научных трудов] / Ин-т истории Сибирского отд-

ния Российской акад. наук, Ун-т Тохоку, Центр исслед. Северо-Восточной Азии (Япония); [под ред. С. Папкова, К. Тэраяма]. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 17–27.

10. *Ананьев, Д. А.* К вопросу о дипломатических функциях сибирских воевод в XVII – начале XVIII вв. (на примере российско-джунгарских отношений) / Д. А. Ананьев // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: национально-государственное и этнокультурное взаимодействие: сборник научных статей / Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, Семипалатинский гос. ун-т им. Шакарима; отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 5–11.

11. *Ананьев, Д. А.* Русско-джунгарские пограничные споры в первой половине XVIII в. / Д. А. Ананьев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – Вып. 2. – С. 18–23.

12. *Ананьев, Д. А.* Участие сибирских служилых людей в установлении и развитии русско-ойратских дипломатических отношений в первой половине XVII в. / Д. А. Ананьев // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2017. – №4. – С. 93–97.

13. *Андреев, И. Л.* Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях / И. Л. Андреев // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века и Новое время: [сборник] / Российская акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; [сост. М. А. Бойцов]; под ред.: М. [А.] Бойцова и О. Г. Эксле. – М.: Наука, 2008. – С. 254–274.

14. *Андриевич, В. К.* История Сибири / Сост. В.К. Андриевич. Ч. 1–2. – СПб.: тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. – Ч. 1: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – XVI, 220 с.; – Ч. 2: Период с 1660 года до воцарения императрицы Елисаветы Петровны: Сост. по данным, представляемым Полн. собр. законов и актам Петровского царствования... – XVI, 487 с.

15. *Андриевич, В. К.* Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года / В. К. Андриевич. – М.: Вече, 2013. – 284, [2] с.

16. *Анисимов, Е. В.* Когда ушел последний «дипломатический караван» / Е. В. Анисимов // Международная жизнь. – 2000. – № 1. – С. 76–86.

17. *Арзыматов, А. А.* Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. / А. А. Арзыматов. – [Фрунзе]: Кыргызстан, 1966. – 92 с.

18. *Арсеньев, Ю. В.* Очерки сношений России с Китаем через Сибирь и Монголию до 1675 года / Ю. В. Арсеньев // [Спафарий Н. Г.] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.: Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. – СПб.: тип. Киршбаума, 1882. – С. 9–18.

19. *Арутюнов, С. А.* Обычай, ритуал, традиция / С. А. Арутюнов // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 97–99.

20. *Базаров, Б. В.* Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв. / Б. В. Базаров // Российская история. – 2017. – № 1. – С. 49–55.

21. *Базаров, Б. В., Гомбожапов, А. Д.* Цин и Россия в XVII в.: геополитический передел монгольского мира / Б. В. Базаров, А. Д. Гомбожапов // Восток (Oriens). – 2016. – № 6. – С. 98–104.

22. *Базаров, Б. В., Ням-Осор, Н.* Из истории символики и атрибутики монгольской государственности / Б. В. Базаров, Н. Ням-Осор // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 2. – С. 62–68.

23. *Байбурин, А. К., Топорков, А. Л.* У истоков этикета: этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков; АН СССР. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. – 165 с.

24. *Банников, А. Г.* Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай: Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков / А. Г. Банников. – [2-е изд.]. – М.: Географгиз, 1954. – 55 с.

25. *Бантыш-Каменский, Н. Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год: Сост. по документам, хранящимся в моск. арх. Гос. коллегии иностр. дел, в 1792–1803 г. Николаем Бантыш-Каменским / Н. Н. Бантыш-Каменский / Изд. в память истекшего 300-летия Сибири В.Ф. Флоринским, с приб. издателя. – Казань: типография Императорского университета, 1882. – XII, 565 с.

26. *Бантыш-Каменский, Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): Сокращенное известие о взаимных между российскими монархами и европейскими дворами посольствах, переписках и договорах, хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в московском архиве с 1481 по 1801 год: Ч. 1–4 / Н. Н. Бантыш-Каменский. – М.: Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва

иностр. дел, 1894–1902. – Ч. 1. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). – М., 1894. – X, [6], 304 с.

27. *Барахович, П. Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Барахович Павел Николаевич. – Красноярск, 2016. – 438 с.

28. *Бартольд, В. В.* Киргизы: [Исторический очерк] / Акад. В. В. Бартольд. – Фрунзе: Киргизск. гос. изд-во, 1927. – 57 с.

29. *Бартольд, В. В.* Очерк истории Семиречья / В. В. Бартольд // Бартольд В. В. Сочинения: [В 9 т.]. – М.: Изд-во вост. лит., 1963–1968. Т. 2: Общие работы по истории Средней Азии. Ч. 1: Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / Предисл. В. Ромодина. – М., 1963. – С. 23–108.

30. *Батмаев, М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: в 2-х кн. / М. М. Батмаев. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 381 с.

31. *Бахрушин, С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. / С. В. Бахрушин // Бахрушин С. В. Научные труды; [редкол.: А. А. Зимин и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1959. [Т.] 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М., 1955. – С. 176–224.

32. *Бахрушин, С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. / С. В. Бахрушин // Бахрушин С. В. Научные труды; [редкол.: А. А. Зимин и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1959. [Т.] 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. – М., 1959. – С. 7–192.

33. *Бахрушин, С. В.* Сибирские служилые татары в XVII веке / С. В. Бахрушин // Бахрушин С. В. Научные труды; [редкол.: А. А. Зимин и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1959. [Т.] 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М., 1955. – С. 153–175.

34. *Бахрушин, С. В.* Ясак в Сибири / С. В. Бахрушин // Бахрушин С. В. Научные труды; [редкол.: А. А. Зимин и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1959. [Т.] 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М., 1955. – С. 49–85.

35. *Беловинский, Л. В.* Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. / Л. В. Беловинский. – М.: Эксмо, 2007. – 783 с.

36. *Белокуров, С. А.* О Посольском приказе / С. А. Белокуров. – М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1906. – [4], 170 с.

37. *Беляков, А. В.* Русское государство и тюркские политико-правовые традиции в системе организации власти / А. В. Беляков // *Летопись тюркской цивилизации*; [Ш. Алиев, С. К. Алымкулова, З. К. Аюпова и др.]; отв. ред. В. И. Молодин, С. В. Землюков; [Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет, Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»]. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2023–. Т. 2. Тюркский мир в XIII–XVII вв.: коллективная монография; отв. ред. И. В. Зайцев. – Барнаул, 2025. – С. 436–444.

38. *Бережная, Л. А.* Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII в. / Л. А. Бережная // *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг.* / Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», Фонд им. Макса Вебера, Германский исторический институт в Москве; отв. ред. Г. Альтхоф и М. [А.] Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 226–251.

39. *Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н.* Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании / М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. – 2014. – № 1 (1). – С. 62–69.

40. *Бичурин, Н. Я.* (Иакинф) Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом / Н. Я. Бичурин. – СПб.: Тип. Мед. департ. М-ва внутренних дел, 1834. – [4], 255, [13] с.

41. *Бобров, Д. С.* Тенденции формирования российской границы на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. / Д. С. Бобров // *350 лет со дня рождения Петра I (Барнаул, 22 мая 2022 г.): Материалы регионального научного симпозиума с международным участием / Российская академия народного хозяйства и государственной*

службы при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал; под ред. С. В. Цыба. – Барнаул: Издательство ООО «Пять плюс», 2023. – С. 6–12.

42. *Бобров, Д. С., Соболева, Т. Н.* Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. / Д. С. Бобров, Т. Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 3–2 (87). – С. 34–41.

43. *Бобровский, А. Ю.* «Осада» Кузнецка 18–25 сентября 1700 г. / А. Ю. Бобровский // Из кузнецкой старины / Упр. культуры Администрации г. Новокузнецка, Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»; [под общ. ред. Ю. В. Ширина]. – Новокузнецк: Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», 2010–. Вып. 3. – Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2012. – С. 45–65.

44. *Богданов, М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов; с доп. статьями Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина; под ред. проф. Н. Н. Козьмина; [Бурят-Монгол. науч. о-во им. Доржи Банзарова]. – Верхнеудинск: Бурят-Монгол. Изд-во, 1926. – 229 с.

45. *Богоявленский, С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века / С. К. Богоявленский // Исторические записки. – 1939. – № 5. – С. 48–101.

46. *Бойцов, М. А.* Неисчерпаемость дара / М. А. Бойцов // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», Фонд им. Макса Вебера, Германский исторический институт в Москве; отв. ред. Г. Альтхоф и М. [А.] Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 252–258.

47. *Бойцов, М. А.* Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начала XVI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Бойцов Михаил Анатольевич. – М., 2010. – 44 с.

48. *Бойцов, М. А.* Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Ин-т славяноведения РАН, Центр славяно-германских исслед.; отв. ред.: М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 5–37.

49. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

50. *Борисов, А. А.* Мазары Бозеков: диалог с властью на державном пространстве / А. А. Борисов; Российская академия наук, Сибирское отделение, Якутский научный центр. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2023. – 224 с.

51. *Бородаев, В. Б., Контев, А. В.* Картография Среднего и Верхнего Прииртышья в контексте российской колонизации региона (XVII – первая треть XVIII в.): документальная монография / В. Б. Бородаев, А. В. Контев; [Алтайский государственный педагогический университет, Лаборатория исторического краеведения, Алтайский государственный университет]. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2024. – 324, [3] с.

52. *Бородаев, В. Б., Контев, А. В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография / В. Б. Бородаев, А. В. Контев; [М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Алтайский гос. пед. ун-т», Лаб. ист. краеведения]. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – 415 с.

53. *Боронин, О. В.* Двоеданничество в Сибири XVII–60-е гг. XIX в. / О. В. Боронин; [Алтайский гос. ун-т, Каф. востоковедения, Алт. центр востоковед. исслед.]. – Барнаул: Азбука, 2002. – 217 с.

54. *Борунков, А. Ф.* Дипломатический протокол в России / А. Ф. Борунков. – 3-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2007. – 260, [2] с.

55. *Бояршинова, З. Я.* Основание города Томска / З. Я. Бояршинова // Вопросы географии Сибири. Сб. [Вып.] 3 / [Геогр. о-во Союза ССР, Томский отд.; Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева]; отв. ред. В. Т. Макаров; ред. вып. Н. А. Нагинский. – Томск: Издание Томского государственного университета, 1953. – С. 21–48.

56. *Бродников, А. А.* Подарки аборигенам как элемент механизма их вовлечения в ясачный платеж (на примере Ленского волока и прилегающей территории) / А. А. Бродников // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 23–26.

57. *Бродников, А. А.* Третье поколение Перфирьевых (из истории сибирской служилой династии XVII века) / А. А. Бродников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – № 8. – С. 27–34.

58. *Бурдье, П.* Практический смысл: [Пер. с фр.] / Пьер Бурдье; Общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2001. – 562 с.

59. *Бутанаев, В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России / В. Я. Бутанаев. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 295, [1] с.

60. *Бутанаев, В. Я.* Сказания о великом хакасском князе Еренаке / [авт.-сост. Бутанаев В. Я.]. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. – 154, [1] с.
61. *Бутанаев, В. Я.* Степные законы Хонгорая / В. Я. Бутанаев. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 278 с.
62. *Быконя, Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1981. – 248 с.
63. *Васьков, Д. А.* Отписка тобольских воевод о русских посольствах к сибирскому царевичу Девлет-Гирею в 1645–1646 годах / Д. А. Васьков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 1: История. – С. 158–166.
64. *Ватин, В. А.* Минусинский край в XVIII веке: этюд по истории Сибири / В. А. Ватин [В. А. Быстрянский]. – [Минус. гор. Мартьян. Музей]. – Минусинск: тип. А.Ф. Метелкина, 1913. – 212 с.
65. *Веселовский, Н. И.* Передовые калмыки на пути к Волге / Н. И. Веселовский // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества / под ред. В. Р. Розена. – Т. 3. – 1888. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1889. – С. 365–370.
66. *Веселовский, Н. И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях / Н. И. Веселовский // Журнал министерства народного просвещения. – Ч. ССXXXIV. – 1884. – № 7. – С. 68–105.
67. *Веселовский, Н. И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории / Н. И. Веселовский. – СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1911. – [2], 19 с.
68. *Викторова, Л. Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
69. *Вилков, О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке / О. Н. Вилков; [АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии]. – М.: Наука, 1967. – 324 с.
70. *Виноградов, А. В.* Государев двор и приказная бюрократия царя Михаила Федоровича в дипломатических «ссылках» с Крымом в 1613–1619 гг. / А. В. Виноградов // Российское государство в XVI – начале XVIII века: сборник статей к 70-летию А. П. Павлова / составитель: А. И. Раздорский; [Труды / Санкт-Петербургский

институт истории Российской академии наук. Вып. 7 (23)]. – СПб. [б. и.]; М.: Старая Басманная, 2022. – С. 136–166.

71. *Виноградов, А. В.* Посольский обычай в русско-крымских отношениях второй половины XVI в. / А. В. Виноградов // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время: (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге): материалы Международной научной конференции, 22–24 октября 2010 г. / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории славянских и балканских стран; [редкол.: А. И. Филюшкин (отв. ред.), А. С. Кибинь, С. С. Смирнова]. – СПб.: Любавич, 2010. – С. 53–57.

72. *Виноградов, А. В.* Русско-крымские отношения в период второго правления хана Гази-Гирея II 1597–1607 гг. / А. В. Виноградов // Средневековые тюрко-татарские государства: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, Отдел новой истории. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2011–. № 11. – Казань, 2019. – С. 16–42.

73. *Виноградов, А. В.* Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века / А. В. Виноградов // Средневековые тюрко-татарские государства: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, Отдел новой истории. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2011–. – № 8. – 2016. С. 84–91.

74. *Виноградов, В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ.; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. [Б. и.], 1999. – С. 5–38.

75. *Владимирцов, Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос / Б. Я. Владимирцов // Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов / Б. Я. Владимирцов; [сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина]. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 323–535.

76. *Владимирцов, Б. Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм / акад. Б. Я. Владимирцов; [предисл.: Л. Владимирцова]; Акад. наук СССР. – Л.: Акад. наук, 1934. – XI, 223 с.

77. *Владимирцов, Б. Я.* Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г. / Б. Я. Владимирцов // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – С. 68–91.

78. *Волков, С. С.* Лексика русских челобитных XVII века: Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С. С. Волков; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 164 с.

79. *Волкова, Т. А.* Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Волкова Татьяна Александровна. – Тюмень, 2007. – 23 с.

80. *Вуд, Дж., Серре, Ж.* Дипломатический церемониал и протокол: Принципы, процедура и практика [Пер. с англ.] / Дж. А. Вуд, Ж.-Ш. Серре; Вступ. статья д-ра юрид. наук, проф. М. И. Лазарева. – Изд. 2-е, испр. – М.: Прогресс, 1976. – 445 с.

81. *Вульпиус, Р.* Рождение Российской империи: концепции и практики политического господства в XVIII веке / Рикарда Вульпиус; перевод с нем. М. Богданович. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 712 с.

82. *Вяткина, К. В.* Культ коня у монгольских народов / К. В. Вяткина // Советская этнография. – 1968. – № 6. – С. 117–122.

83. *Газенвинкель, К. Б.* Государево жалованье послужникам сибирским: к истории Сибири XVII века / К. Б. Газенвинкель. – Tobolsk: Типография Губернского правления, 1892. – 22 с.

84. *Гарнье, К.* Дар, власть и честь. О формах и функциях обмена дарами в отношениях между монголами и европейцами в XIII в. / К. Гарнье // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», Фонд им. Макса Вебера, Германский исторический институт в Москве; отв. ред. Г. Альтхоф и М. [А.] Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 74–94.

85. Географический энциклопедический словарь: Географические названия / гл. ред. А. Ф. Трешников; ред. кол. Э. Б. Алаев и др. – изд. 2-е, доп. – М.: «Советская энциклопедия», 1989. – 592 с.

86. *Георги, И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Творение, за несколько лет пред сим на немецком языке

Иоганна Готтлиба Георги; В переводе на русский язык весьма во многом исправленное и в новь сочиненное; В 4-х частях / И. Г. Георги. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1799. – Ч. 3: О народах семаюдских. манджурских и восточных сибирских как о шаманском законе. – [3], 116 с.

87. Голиков, А. Г., Круглова, Т. А. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова; под ред. А. Г. Голикова; [Сер. Бакалавриат]. – 5-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с.

88. Голодяев, К. А. Русско-телеутские отношения на территории Верхнего Приобья в XVII – начале XVIII в. / К. А. Голодяев // Востоковедные исследования на Алтае: сб. статей; Алтайский государственный университет. – Вып. 13. – Барнаул, 2019. – С. 7–12.

89. Голодяев, К. А. Телеутская межа (история неизвестной столетней войны) / К. А. Голодяев // Развитие территорий. – 2017. – № 3 (9). – С. 13–20.

90. Гольман, М. И. Русские архивные документы по истории Монголии XVII в. / М. И. Гольман // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России: Докл. науч. конф. / Подгот.: И. А. Алимов [и др.]. – СПб.: Петербург. востоковедение (ПВ), 2000. – С. 94–101.

91. Гольман, М. И. Русские архивные документы по истории Монголии в середине 50-х – 80-е годы XVII века / М. И. Гольман // *Mongolica*: [Сб. ст.]: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова, 1884–1931 / АН СССР, Ин-т востоковедения; [Редкол.: А. Н. Кононов (пред.) и др.; Предисл. Е. И. Кычанова]. – М.: Наука, 1986. – С. 137–149.

92. Гольман, М. И. Русско-монгольские отношения во второй половине XVII в. / М. И. Гольман // Восток (Oriens). – 2020. – № 1. – С. 54–67.

93. Гольман, М. И., Слесарчук, Г. И. Русские архивные материалы о взаимоотношениях России и Монголии в 30–50 годах XVII в. / М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук // Краткие сообщения Института народов Азии: [сборник статей] / Академия наук СССР, Институт востоковедения. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1961–1965. Вып. 76: Материалы к хронике советского востоковедения. История Монголии и Китая / [ответственный редактор В. Н. Никифоров]. – М.: Наука, 1965. – С. 166–181.

94. Гомбожапов, А. Д. Мин и монголы: торгово-даннические отношения / А. Д. Гомбожапов // Вестник БНЦ СО РАН. – 2026. – № 1 (61). – С. 69–73.

95. *Грабарь, В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России. (1647–1917) / В. Э. Грабарь [Акад. наук СССР. Ин-т права им. А. Я. Вышинского]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 491 с.

96. *Граля, Х., Давтян, О. С.* Подарочный этикет / Х. Граля, О. С. Давтян; Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие по обслуживанию иностранных представительств «ИНПРЕДСЕРВИС». – СПб.: Коста, 2017. – 158, [1] с.

97. *Грум-Гржимайло, Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край / Сост. Г.Е. Грум-Гржимайло, почет. чл. Имп. Рус. и Корол. Нидерл. геогр. о-в. Т. 1–3. – СПб.: Нев. тип., 1914–1930. – Т. 2: исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии [Комитет Монгольской Народной Республики], Л., 1926. – 896 с.

98. *Грюнбарт, М.* Сила даров. Идеологический и материальный обмен между константинопольскими патриархами и русскими царями в XVII в. / М. Грюнбарт // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», Фонд им. Макса Вебера, Германский исторический институт в Москве; отв. ред. Г. Альтхоф и М. [А.] Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 155–170.

99. *Гузикова, М. О., Фофанова, П. Ю.* Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлениям подготовки 035700 «Лингвистика», 45.03.02 «Лингвистика» / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова; М-во образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, [Ин-т социальных и политических наук]. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. – 119 с.

100. *Гундова, О. Е.* Практики взаимодействия Российской империи и казахской политической элиты: 30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 5.6.1. / Гундова Ольга Евгеньевна. – Барнаул, 2025. – 224 с.

101. *Гуревич, А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А. Я. Гуревич [Учеб. пособие для ист. фак.]. – М.: Высш. школа, 1970. – 224 с.

102. *Гуревич, Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. / Б. П. Гуревич. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1983. – 309 с.

103. *Гурулев, С. А.* Первые иркутяне / С. А. Гурулев; Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры. – Иркутск: ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2011. – 412 с.
104. *Гурьянова, Н. С.* Описи копийных книг сибирских архивов, составленные под руководством Г. Ф. Миллера, как источник по истории России / Н. С. Гурьянова // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. / отв. ред. С. Г. Петров; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории; [Археография и источниковедение Сибири; вып. 42]. – Новосибирск: [б. и.], 2023. – С. 76–86.
105. *Данилевский, И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций / И. Н. Данилевский; Ред. совет: В. И. Бахмин и др. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 398 с.
106. *Дацышен, В. Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. / В. Г. Дацышен. – Томск: Scientific & technical translations (STT), 2005. – 250 с.
107. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – СПб.: в Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850–1912. – Т. 1: 1612–1628 гг. – СПб., 1850. – 1224 с.
108. *Демидова, Н. Ф.* Башкирские «посольства» в Москву в XVII веке / Н. Ф. Демидова // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич / Рос. акад. наук. Отд-ние ист.-филол. наук; [Сост. А. В. Юрасов]. – М.: Наука, 2003. – С. 179–187.
109. *Демидова, Н. Ф., Мясников, В. С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова) / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников; [Предисл. Л. И. Думана]; АН СССР. Ин-т народов Азии. Центр. гос. архив древних актов. – М.: Наука, 1966. – 159 с.
110. Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках; [Эпос народов СССР]. – М.: Главная ред. вост. лит-ры, 1990. – 475 с.
111. Дипломатический словарь: в 3-х томах / гл. ред. А. А. Громыко [и др.]. – 4-е перераб. и доп. изд. – М.: Наука, 1985–1986. – Т. 1: А–И. – М., 1985; Т. 2: К–Р. – М., 1985. – 502 с.

112. *Дмитриев, С. В.* Сульде: к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии / С. В. Дмитриев // *Mongolica-V: [сб. статей]; отв. ред. С. Г. Кляшторный; сост. И. В. Кульганек.* – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – С. 21–30.

113. *Добжанский, В. Н.* Яков Остафьевич Тухачевский в Сибири (1629–1647 годы) / В. Н. Добжанский // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница».* – 2019. – № 10. – С. 109–138.

114. *Доде, З. В.* «Халат власти» и «пояс покорности» – почетная одежда в монгольской имперской культуре: опыт семантической реконструкции / З. В. Доде // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13. Золотоордынское время. Сб. науч. работ / Гл. ред. А. В. Евглевский; Донецкий национальный ун-т.* – Донецк: ДонНУ, 2014. – С. 7–74.

115. *Дугарова, С. Ж.* Уголовное право монголов в период маньчжурского господства / С. Ж. Дугарова // *Вопросы российского и международного права.* – 2018. – Т. 8. – № 5А. – С. 32–41.

116. *Дэвис, Н. З.* Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI / Н. З. Дэвис // *Одиссей. Человек в истории.* 1992. – М.: Кругъ, 1994. – С. 193–203.

117. *Ерофеева, И. В.* Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в. как исторический источник / И. В. Ерофеева // *Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.: сборник исторических документов: в 2 т. – Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / Сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева.* – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. – С. 15–76.

118. *Ерусалимский, К. Ю.* Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского / К. Ю. Ерусалимский // *Золотоордынское обозрение.* – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 866–920.

119. *Жуковская, Н. Л.* «Подарок–отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов / Н. Л. Жуковская // *Mongolica: [Сб. ст.]: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова, 1884–1931 / АН СССР, Ин-т востоковедения; [Редкол.: А. Н. Кононов (пред.) и др.; Предисл. Е. И. Кычанова].* – М.: Наука, 1986. – С. 160–168.

120. *Жуковская, Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учеб. пособие / Н. Л. Жуковская; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Восточная литература, 2002. – 246, [1] с.

121. Жуковский, С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие / С. В. Жуковский. – Пг.: типо-лит. Н.И. Евстифеева, 1915. – XII, 215 с.
122. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / Соч. Ивана Забелина. – 3-е изд. с доп. Т. 1–. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895–1901. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. – М., 1895. – XXIV, 759 с.
123. Загородняя, И. А. Выставка «Во утверждение дружбы... Посольские дары русским царям» / И. А. Загородняя // Вестник архивиста. – 2006. – № 1. – С. 265–268.
124. Загородняя, И. А. Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов второй половины XVII в.) / И. А. Загородняя // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т Рос. истории; [Редкол.: Аксенов А. И. (отв. ред.), Тихонова Е. Ю. (отв. сост.)]. – М.: ИЦ Ин-та, 2003. – С. 71–98.
125. Загородняя, И. А. Типология дипломатических даров из европейских стран: общее и особенное / И. А. Загородняя // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII в.: материалы III Междунар. науч. конф. / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; Институт всеобщей истории; отв. ред. В. Д. Назаров. – М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2006. – С. 46–48.
126. Зайцев, И. В. К происхождению русского жаргонного *кореш* (из истории золотоордынского дипломатического церемониала) / И. В. Зайцев // Altaica X: сб. статей. – М.: ИВ РАН, 2005. – С. 61–65.
127. Закржевская, Ю. П. Новая дипломатическая история: истоки и перспективы / Ю. П. Закржевская // Средние века. – 2024. – № 85. – С. 166–184.
128. Залкинд, Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд [Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т.]. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 320 с.
129. Захаров, А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства / А. В. Захаров; ГОУ ВПО «Челябинский гос. ун-т», Ин-т гуманитарного образования, Лаб информ. систем в исторических науках. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2009. – 447 с.
130. Захарова, О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. / О. Ю. Захарова. – М.: Центрполиграф, 2003. – 349, [2] с.

131. *Зиновьев, В. П.* И. И. Тыжнов и его исследования по истории Сибири / В. П. Зиновьев // Мир Евразии. – 2014. – № 1(24). – С. 28–33.
132. *Зиновьев, В. П.* И. И. Тыжнов о характере отношений Джунгарии и России в XVII–XVIII вв. / В. П. Зиновьев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы XII международной научно-практической конференции, г. Ховд, Монголия, 18–21 сентября 2015 г. / М-во образования и науки Монголии, Ховдский гос. ун-т, М-во образования и науки Российской Федерации, Нац. исслед. Томский гос. ун-т; [редкол.: Галажинский Э. В. (сопред.), Янжмаа Ж. (сопред.) и др.]. – Ховд: Ховдский гос. ун-т; Томск: Изд. Дом Томского гос. ун-а, 2015–. Т. 2: Гуманитарные и социальные науки. – Томск, 2015. – С. 77–80.
133. *Златкин, И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758 / И. Я. Златкин. – 2-е изд. – М.: Наука, 1983. – 332 с.
134. *Златкин, И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин; Академия наук СССР, Институт востоковедения. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1957. – 300 с.
135. *Зуев, А. С.* Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650–1680 х годах / А. С. Зуев // *Universum Humanitarium*. – 2025. – № 2. – С. 26–62.
136. *Зуев, А. С.* Забайкальские служилые люди-толмачи на дипломатической службе во второй половине XVII – начале XVIII в. / А. С. Зуев // «Пограничье: где начало того конца?»: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Г. Х. Самигулова / под ред. Г. Х. Самигулова. – Челябинск: Общественный фонд «Южный Урал», 2025. – С. 81–108.
137. *Зуев, А. С.* Забайкальские толмачи во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.: персональный состав, численность и языковой потенциал / А. С. Зуев // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы 13 Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси», Москва, 9–12 сентября 2025 г. / Институт российской истории РАН. – Вып. 4. – М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2025. – С. 96–116.
138. *Зуев, А. С.* Ясак, подданство и договорной дарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX вв.) / А. С. Зуев // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2. – С. 84–92.
139. *Зуев, А. С., Игнаткин, П. С., Слугина, В. А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в.:

[монография] / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина [Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, Лаборатория гуманитарных исследований]. – Новосибирск: НГУ, 2017. – 444 с.

140. *Зуев, А. С., Попов, Д. К.* Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии / А. С. Зуев, Д. К. Попов // *Российская история*. – 2021. – № 6. – С. 79–89.

141. *Зуев, А. С., Попов, Д. К.* Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. / А. С. Зуев, Д. К. Попов // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования»: сборник памяти В. В. Трепавлова / Институт Российской истории Российской академии наук; отв. ред. Ю. А. Петров. – М.: ИРИ, 2024. – С. 400–418.

142. *Зуев, А. С., Попов, Д. К.* Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. / А. С. Зуев, Д. К. Попов // *Oriental Studies*. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 649–662.

143. *Зуев, А. С., Слугина, В. А.* Шерти-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследование и материалы / А. С. Зуев, В. А. Слугина; Министерство науки и высшего образования РФ, Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, Кафедра отечественной истории, Научно-образовательный центр «Наследие». – Новосибирск: НГУ, 2023. – 560 с.

144. *Зуев, А. С., Люцидарская, А. А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века / А. С. Зуев, А. А. Люцидарская // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. – 2010. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 52–69.

145. *Иванов В. Н.* Представители якутского народа на приеме у русского царя (1676 год) / В. Н. Иванов // *Новый исторический вестник*. – 2017. – № 1 (51). – С. 6–30.

146. *Иванов Вяч. Вс.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен / Вяч. Вс. Иванов // *Славянское и балканское языкознание: Сб. статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики*. – М.: Наука, 1975–. – [Вып. 1]: Проблемы интерференции и языковых контактов / Отв. ред. Г. П. Клепикова. – М., 1975. – С. 50–79.

147. *Индова Е. И.* Русская посольская служба в конце XV – первой половине XVI в. / Е. И. Индова // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; [редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1972. – С. 294–311.

148. История Бурятии: в 3 т. / [В. Б. Базаржапов и др.]; гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров; Правительство Респ. Бурятия, Учреждение Российской акад. наук Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отд-ния РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011–. – Т. 2: XVII – начало XX в. – 2011. – 624 с.

149. История Бурят-Монгольской АССР: В 2 т. / [Ред. коллегия: П. Т. Хаптаев (глав. ред.) и др.]; [Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры]. – Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1954–1957. – Т. 1. – Улан-Удэ, 1954. – 496 с.

150. История дипломатии / под ред. В. А. Зорина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госполитиздат, 1959–1965. – Т. 1. – М., 1959. – 896 с.

151. История казачества Азиатской России: в 3 т. / РАН, Урал. отд-ние, Институт истории и археологии; Гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1995. – Т. 1: XVI – первая половина XIX века / Редкол.: Н. А. Миненко (отв. ред.) и др. – Екатеринбург, 1995. – 316, [1] с.

152. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. РАН; редкол.: К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова (отв. ред.) [и др.]. – Элиста: Герел, 2009–. – Т. 1. – Элиста, 2009. – 845, [2] с.

153. История Монгольской Народной Республики / [Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; Гл. ред.: А. П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др.]. – М.: Наука, 1983. – 661 с.

154. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1969. – Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. – 1968. – 538 с.

155. История Сибири: в 4 т. / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Рос. акад. Наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, Ин-т археологии и этнографии; Рос. ист. о-во. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019–. – Т. 3: Новое время (конец XVI – начало XX века) / отв. редакторы А. Х. Элерт, М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2023. – 812 с.

156. История Тувы: [В 2 т.] / Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва; Под общ. ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. – 2. изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2001–. – Т. 1. – Новосибирск, 2001. – 363, [3] с.
157. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / [Л. Р. Кызласов, К. Г. Копкоев, Г. Ф. Быконя и др.; Отв. ред. Л. Р. Кызласов]; Хакас. НИИ яз., лит. и истории. – М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – 523, [1] с.
158. Источниковедение: теория, история, метод, источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; Российский государственный гуманитарный университет. – М.: РГГУ, 2004. – 701 с.
159. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова; [Серия: Бакалавр. Академический курс]. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 396 с.
160. Их Цааз («Великое Уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / Пер. С. Д. Далькова. – М.: Восточная литература, 1981. – 148 с.
161. *Каменецкий, И. П.* «Белорусцы» Аршинские на службе в Сибири в XVII веке / И. П. Каменецкий // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2015. – № 3(4). – С. 83–87.
162. *Каменецкий, И. П.* Выходцы из белорусских земель на службе в Сибири в XVII в. / И. П. Каменецкий // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – №1. – С. 12–16.
163. *Каменецкий, И. П.* «Посольские дела» томского казака Емельяна Вершинина в 1630–1640-е гг. / И. П. Каменецкий // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 483. – С. 108–113.
164. *Каменецкий, И. П.* Посольство дворянина Я. Тухачевского к Алтын-хану: старое и новое в русской посольской практике XVII в. / И. П. Каменецкий // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2018. – № 1(14). – С. 165–172.
165. *Каменецкий, И. П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.: (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири) / И. П. Каменецкий. – Омск: Типография ИП Долгов Р.Н., 2005. – 340 с.
166. *Каменецкий, И. П.* Служилые люди Сибири XVII – начало XVIII века: исторические портреты и очерки / И. П. Каменецкий. – Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2023. – 475 с.

167. *Каппелер, А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / А. Каппелер; Пер. с нем.: С. Червонная. – М.: Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. – 344 с.

168. *Катанаев, Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых сибирских людей / Г. Е. Катанаев // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Кн. 1–38. – Омск, 1879–1916. – Кн. 14, вып. 1. – Омск, 1893. – 72 с.

169. *Кежа, Ю. Н.* Княжеские дары в Древней Руси: символические формы коммуникации и репрезентации власти / Ю. Н. Кежа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2021. – № 1. – С. 6–25.

170. *Китинов, Б. У.* Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов: в 2 т. / Б. У. Китинов; Отв.ред. В. П. Андросов; Ин-т востоковедения РАН. – Т. 1 М.: ИВ РАН, 2021. – 280 с.

171. *Козляков, В. Н.* Московское и уездное дворянство поколения Смуты / В. Н. Козляков // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 64–81.

172. *Козодой, В. И.* Князь сибирских кыргызов Эренок / В. И. Козодой. – Новосибирск: [б. и.], 2023. – 160 с.

173. *Козьмин, Н. Н.* Князь Иренак. Эпизод сибирской истории / Н. Н. Козьмин // Сибирские записки: журнал литературный, научный и политический. – Красноярск. – 1916. – № 1. – С. 41–58.

174. *Козьмин, Н. Н.* Хакасы: Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края / Проф. Н. Н. Козьмин. – [Иркутск: Иркутск. секция науч. работников Рабпроса, 1925]. – X, 185 с.

175. *Колегов, С. С.* Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Колегов Святослав Сергеевич. – Екатеринбург, 2011. – 23 с.

176. *Коллманн, Н. Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801 / Коллманн Нэнси Шилдс; [пер. с англ. В. Петрова]. – СПб.: Academic Studies Press / Библиоросика, 2023. – 783 с.

177. *Конев, А. Ю.* Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // *Этнографическое обозрение*. – 2017. – № 1. – С. 43–56.

178. *Конев, А. Ю., Пузырев, И. Д.* Разведывательная деятельность и челночная дипломатия бухарцев на сибирском пограничье в конце XVI – XVII вв. / А. Ю. Конев, И. Д. Пузырев // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции, Курган, 30 октября 2020 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курганский государственный университет»*[и др.]; отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – С. 122–125.

179. *Копкоев, К. Г.* Добровольное присоединение Хакасии / К. Г. Копкоев // 250 лет вместе с великим русским народом: [Сборник статей] / Хакас. науч.-исслед. ин-т яз. литературы и истории [Редколлегия: К. Ф. Антошин, С. П. Ултургашев (отв. ред.)]. – Абакан: Хаккнигоиздат, 1959. – С. 19–37.

180. *Копкоев, К. Г.* Об уgone «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века / К. Г. Копкоев // *Ученые записки: сборник статей / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории*. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948–2018. – Вып. 11. – Абакан, 1965. – С. 65–85.

181. *Копкоев, К. Г.* Хакасско-русские посольские связи в XVII – начале XVIII веков / К. Г. Копкоев // *Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей*. – 1969. – № 2. – С. 90–95.

182. *Костюхина, Л. М.* Литературные и публицистические памятники (XI–XVII вв.) / Л. М. Костюхина // *Источниковедение истории СССР: [Учебник для ист. спец. ун-тов и пед. ин-тов / И. Д. Ковальченко, С. В. Воронкова, А. В. Муравьев и др.]*; Под ред. И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. школа, 1981. – С. 135–151.

183. *Котвич, В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. I) / В. Л. Котвич // *Азиатский сборник: Из Известий Российской Академии наук Новая серия*. – Пг.: [б. и.], [1921]. – С. 791–822.

184. *Котвич, В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. II) / В. Л. Котвич // Азиатский сборник: Из Известий Российской Академии наук Новая серия. – Пг.: [б. и.], [1921]. – С. 1071–1092.

185. *Котвич, В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. III) / В. Л. Котвич // Азиатский сборник: Из Известий Российской Академии наук Новая серия. – Пг.: [б. и.], [1921]. – С. 1199–1214.

186. *Кочегаров, К. А.* Свидетельства польских дипломатов о России в 80-е годы XVII века: посольский обычай, внутренняя политика, бытовые особенности / К. А. Кочегаров // Славяноведение. – 2014. – № 2. – С. 47–61.

187. *Кочедамов, В. И.* Тобольск: (Как рос и строился город) / В. И. Кочедамов. – Тюмень: Кн. изд-во, 1963. – 156 с.

188. *Кривцов, Д. Ю.* Легенда о происхождении крымских «поминков» / Д. Ю. Кривцов // Труды Института российской истории. Вып. 13 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; [отв. ред. Ю. А. Петров; ред.-координатор Т. М. Смирнова]. – М.: ИРИ РАН, 2015. – С. 70–86.

189. *Кузнецов-Красноярский, И. П.* Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии / И. П. Кузнецов-Красноярский. – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1902. – 38 с.

190. *Кулмаматов, Д. С.* Состав восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа в XVII в. / Д. С. Кулмаматов // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции, Москва, 29–30 сентября 2021 г. / Институт российской истории Российской академии наук; редакционная коллегия: Д. В. Лисейцев (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 2. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. – С. 75–82.

191. *Кундакбаева, Ж. Б.* «Били челом в Посольский приказ...» (о пребывании калмыцких посланников в Москве во второй половине XVII в.) / Ж. Б. Кундакбаева // Востоковедные исследования в Калмыкии: сборник научных трудов. – Вып. 3 / [редкол.: Цюрюмов А. В. (отв. ред.) и др.]. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. – С. 139–150.

192. *Кундакбаева, Ж. Б.* «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) / Ж. Б. Кундакбаева // Иноземцы в России XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. / Федеральное гос. учреждение культуры «Гос. историко-

культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; [редкол.: Ю. Н. Звездина, В. Р. Новоселов, С. П. Орленко (отв. ред.)]. – М.: Древлехранилище, 2006. – С. 520–532.

193. Курбанова, З. И., Октябрьская, И. В., Сураганова, З. К. Текстиль как товар и символ. Ритуальный дарообмен у каракалпаков и его центральноазиатские параллели / З. И. Курбанова, И. В. Октябрьская, З. К. Сураганова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52. – № 4. – С. 141–151.

194. Кушнерик, Р. А. Дипломатическое искусство России и Джунгарского ханства (XVII–XVIII вв.) / Р. А. Кушнерик // Мир Евразии. – 2014. – № 3 (26). – С. 49–55.

195. Кушнерик, Р. А. Некоторые особенности дипломатического искусства ойратов (на примере русско-джунгарских отношений) / Р. А. Кушнерик // Востокovedные исследования на Алтае: сб. науч. ст. / Алт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. востоковедения, Алт. центр востоковед. исслед.; [редкол.: В. А. Моисеев (отв. ред.) и др.]. – Вып. 5. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 7–16.

196. Кушнерик, Р. А. Первые русско-ойратские официальные контакты и их особенности (конец XVI–XVII вв.) / Р. А. Кушнерик // Мир Евразии. – 2009. – № 2(5). – С. 17–21.

197. Кушнерик, Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): монография / Р. А. Кушнерик; Федеральное агентство по образованию, Алтайский гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. – 267 с.

198. Кушнерик, Р. А., Моисеев, В. А. Дипломатия Китая и России в Центральной Азии: сходства и различие (XVII–XVIII вв.) / Р. А. Кушнерик, В. А. Моисеев // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: материалы VI Всерос. науч. конф., 22–24 марта 2006 г. / [редкол.: В. В. Моисеев (отв. ред.) и др.]. – Новосибирск: НГУЭУ, 2006. – С. 321–325.

199. Кызласов, Л. Р. О присоединении Хакасии к России / Л. Р. Кызласов; Сер. Страницы истории и современность. [ред. И. Л. Кызласов]. – Вып. 2. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 64 с.

200. Кычанов, Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошукту-хане / Е. И. Кычанов. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1980. – 190 с.

201. Лазарев, М. И. Вступительная статья / М. И. Лазарев // Вуд, Дж., Серре, Ж. Дипломатический церемониал и протокол: Принципы, процедура и практика [Пер. с

англ.] / Дж. А. Вуд, Ж.-Ш. Серре; Вступ. статья д-ра юрид. наук, проф. М. И. Лазарева. – Изд. 2-е, испр. – М.: Прогресс, 1976. – С. 5–16.

202. *Левшин, А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А. И. Левшин / Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Велиханова; под. общ. ред. М. К. Козыбаева. – Алматы: «Санат», 1996. – 656 с.

203. *Леонтьева, Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.: (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов) / Г. А. Леонтьева; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский пед. гос. ун-т. – М.: МПГУ, 2012. – 320 с.

204. *Лисейцев, Д. В.* Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI–XVII вв. / Д. В. Лисейцев // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 157–163.

205. *Лисейцев, Д. В.* Российский посольский обычай в начале XVII века по материалам делопроизводства Посольского приказа / Д. В. Лисейцев // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; [редкол.: П. Н. Зырянов (отв. ред.) и др.]. – М.: [ИРИ РАН], 2004. – С. 216–251.

206. *Лисейцев, Д. В., Рогожин, Н. М., Эскин, Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник / Д. В. Лисейцев, Н. М. Рогожин, Ю. М. Эскин; Ин-т российской истории Российской акад. наук, Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 301, [1] с.

207. *Лихачев, Д. С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе: [Сб. ст.] / Д. С. Лихачев; Отв. ред. и [авт. предисл.] О. В. Творогов; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. – С. 140–153.

208. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман; [Предисл. В. В. Иванова]; Тартус. ун-т. – М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. – XIV, 447 с.

209. *Лотман, Ю. М.* О семиосфере / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992–1993. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин, 1992. – С. 11–24.

210. *Лотман, Ю. М., Пятигорский, А. М.* Текст и функция / Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра,

1992–1993. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин, 1992. – С. 133–141.

211. *Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А.* О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992–1993. – Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. – Таллин, 1993. – С. 326–344.

212. *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи: («Золотое сказание») / Лубсан Данзан; пер. с монг., введ., коммент. и прилож. Н. П. Шастиной; [отв. ред. Г. Н. Румянцев]; Акад. наук СССР, Отд-ние истории, ин-т востоковедения; [Памятники письменности Востока]. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1973. – 438 с.

213. *Лукин, П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века / П. В. Лукин; Рос. акад. наук. Ин-т Рос. истории. – М.: Наука, 2000. – 292, [2] с.

214. *Люцидарская, А. А.* Дарообмен и практика взаимодействия Русского государства с народами Сибири / А. А. Люцидарская // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997–. – Т. 18: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 2012 года. – Новосибирск, 2012. – С. 366–369.

215. *Люцидарская, А. А.* Толмачи в Сибири. Период начала колонизации / А. А. Люцидарская // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 27–31.

216. *Люцидарская, А. А.* Толмачи-новокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири) / А. А. Люцидарская // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997–. – Т. 16: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 года. – Новосибирск, 2010. – С. 401–404.

217. *Лядов, П. Ф.* Дипломатический протокол и протокольная служба / П. Ф. Лядов // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 2 (23). – С. 125–138.

218. *Мазарчук, Д. В.* «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // Вес. Нац. акад. наук Буларусі. Сер. гуманіт. Навук. – 2021. – Т. 66. – № 3. – С. 283–292.

219. *Мазур, Л. Н.* Методы исторического исследования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Л. Н. Мазур; Федеральное агентство по образованию, Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. – 606, [1] с.

220. *Малахова-Полякова, О. В., Модоров, Н. С.* Закрепление Русского государства в Верхнем Приобье в XVII – первой половине XVIII века / О. В. Малахова-Полякова, Н. С. Модоров // Мир Евразии. – 2012. – № 2–4. – С. 116–126.

221. *Малов, А. В.* Выходцы-татары на русской службе в первой половине XVII в.: вопросы источниковедения и протопрографии / А. В. Малов // Средневековые тюрко-татарские государства: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, Отдел новой истории. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2011–. Вып. 4 / [редкол.: И. К. Загидуллин (отв. ред. и сост.) и др.]. – Казань, 2012. – С. 173–181.

222. *Матвеев, А. В.* Русско-джунгарская война в Среднем Прииртышье в XVII в. / А. В. Матвеев // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура): материалы Международной научно-практической конференции (31 октября 2009 г.) / ГОУ ВПО «Тюменский гос. ун-т», Ин-т гуманитарных исслед., Обско-Полярная казачья линия СКВ Союза казаков России (ЯНАО); [редкол.: Г. С. Зайцев (отв. ред.) и др.]. – Тюмень: Ин-т гуманитарных исслед. Тюменского гос. ун-та, 2009. – С. 113–117.

223. Международные отношения на Дальнем Востоке / ред. коллегия: акад. Е. М. Жуков (отв. ред.) [и др.]. Кн. 1–; АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. – М.: Мысль, 1973–1978. – Кн. 1: с конца XVI в. до 1917 г. – М., 1973. – 323 с.

224. *Мейер, М. С., Фаизов, С. Ф.* Взаимоотношения России и Османской империи в XVII в.: статистика обменом дипломатическими миссиями, процедурные нормы М. С. Мейер, С. Ф. Фаизов // Письма переводчика османских падишахов Зульф리카ра-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношений / М. С. Мейер, С. Ф. Фаизов; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Гуманитарий, 2008. – С. 3–11.

225. *Мельгунов, П. П.* Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. / П. П. Мельгунов. – Посмерт. изд. – М.: «Сотрудник школ» А.К. Залесской, 1905. – VI, [2], 279 с.

226. *Мерзанова, А. В.* Дипломатический церемониал в отношениях России и Священной Римской империи германской нации в январе–марте 1687 г. / А. В. Мерзанова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 2 (22). – С. 7–11.

227. *Миллер, Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – 2. изд., доп. – М.: «Вост. лит.» РАН, 1999–2000. – Т. 1. – М., 1999. – 630 с.; Т. 2. – М., 2000. – 796 с.

228. *Миллер, Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Вост. лит. РАН, 2005–. – Т. 3. – М., 2005. – 598 с.

229. *Милюков, А. Н.* Историографическая и источниковая база в проблеме изучения русско-монгольских дипломатических отношений XVII в. / А. Н. Милюков // Молодой ученый. – 2011. – № 7 (30). – Т. 2. – С. 41–44.

230. *Милюков, А. Н.* Посольство московского дворянина Якова Тухачевского в 1634 году / А. Н. Милюков // Молодой ученый. – 2011. – № 9 (32). – С. 167–170.

231. *Милюков, А. Н.* Русско-монгольские дипломатические отношения 1607–1679 гг. как фактор присоединения Сибири / А. Н. Милюков // Молодой ученый. – 2011. – № 5 (28). – Т. 2. – С. 79–80.

232. *Милюков, А. Н.* Специфика русско-монгольских отношений во второй половине XVII в. / А. Н. Милюков // История и археология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–23 ноября 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 16–21.

233. *Модоров, Н. С.* Из истории официальных отношений сибирских воевод в XVII веке с алтайскими князьями / Н. С. Модоров // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы / [редкол.: Е. Г. Мултуева (гл. ред.) и др.]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1969–. Вып. 9. – Барнаул, 1970. – С. 94–100.

234. *Модоров, Н. С.* Из истории русско-алтайских посольских связей в 40–90 годах XVII века / Н. С. Модоров // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы / [редкол.: Е. Г. Мултуева (гл. ред.) и др.]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1969–. Вып. 8. – Барнаул, 1969. – С. 63–69.

235. *Модоров, Н. С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.) / Н. С. Модоров; Ком.

образования и науки Респ. Алтай, Науч.-метод. центр, Горно-Алт. гос. ун-т. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1996. – 400 с.

236. *Модоров, Н. С.* Русско-телеутский договор 1609 года – начало политического, хозяйственно-экономического и социокультурного сотрудничества с русским государством / Н. С. Модоров // Мир Евразии. – 2014. – № 3 (26). – С. 61–66.

237. *Моисеев, В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: (Очерки внешнеполитических отношений) / В. А. Моисеев; Алт. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – 174 с.

238. *Моисеев, М. В.* Взаимоотношения России и Ногайской Орды: 1489–1563 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Моисеев Максим Владимирович. – М., 2007. – 27 с.

239. *Моисеев, М. В.* Лишение свободы дипломатических представителей в практике отношений Московского государства с восточными странами в XVI в. М. В. Моисеев // Очерки истории уголовно-исполнительной системы: монография / [Е. В. Акельев, А. Е. Барышникова, А. В. Беляков и др.]; под ред. С. С. Выхоря, А. В. Сумина; Федеральная служба исполнения наказаний, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Воронежский институт ФСИН России. – Иваново: ПресСто, 2019. – С. 220–228.

240. *Моисеев, М. В.* Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) / М. В. Моисеев // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы; Гос. учреждение образования «Респ. ин-т высш. шк.», Каф. ист.-культурного наследия Беларуси; [редкол. А. В. Мартынюк, отв. ред. и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008–. – Вып. 4. – Минск, 2011. – С. 192–201.

241. *Моисеев, М. В.* Московские послы в Бахчисараев и Сарайчуке: между требованиями русского протокола и реальностью (эпоха Ивана Грозного) / М. В. Моисеев // Церемония и ритуал в европейской истории: Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции (Москва, 14–15 мая 2019 г.); Российский государственный гуманитарный университет; [отв. ред. П. Н. Лебедев]. – М.: Изд-во РГГУ, 2019. – С. 143–153.

242. *Моисеев, М. В.* Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения / М. В. Моисеев // От

смуты к империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы научной конференции (Москва, 20–22 ноября 2013 г.) / Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т археологии, Ин-т российской истории; [отв. ред.: Л. А. Беляев, А. В. Юрасов]. – М.: [б. и.]; Вологда: Древности Севера, 2016. – С. 163–171.

243. *Моисеев, М. В.* Слон Ивана Грозного / М. В. Моисеев // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы; Гос. учреждение образования «Респ. ин-т высш. шк.», Каф. ист.-культурного наследия Беларуси; [редкол. А. В. Мартынюк, отв. ред. и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008–. – Вып. 3. – Минск, 2010. – С. 209–220.

244. *Моисеев, М. В.* Эволюция и содержания посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века / М. В. Моисеев // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. «История и политология». – 2011. – № 4. – С. 17–31.

245. *Молочков, Ф. Ф.* Дипломатический протокол и дипломатическая практика / Ф. Ф. Молочков. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 248 с.

246. Монгольская историческая энциклопедия / [авт.-сост. Гатапов А. С.]. – Улан-Удэ: [б. и.], 2015. – 687 с.

247. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / Сост. Н. В. Бочкарев. – М.: Крафт+, 2000. – 254 с.

248. *Мосс М.* Очерк о даре / М. Мосс // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по соц. антропологии / М. Мосс; [Пер. с фр., послесл., и коммент. А. Б. Гофмана; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. – С. 83–222.

249. *Муфтахутдинова, Д. Ш.* Служилые татары Волго-Уральского региона на дипломатической службе Российского государства (XVI–XVIII вв.) Д. Ш. Муфтахутдинова // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 2(51). – С. 136–142.

250. *Мясников, В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке / В. С. Мясников. – М.: Наука, 1980. – 312 с.

251. *Никитин, Н. И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. Начало казачества Сибири / Н. И. Никитин; Институт российской истории Российской академии наук. – М.: Академический проект, 2018. – 279 с.

252. *Никитин, Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века / Н. И. Никитин; Отв. ред. О. Н. Вилков, А. А. Преображенский; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988. – 255 с.
253. *Никонов, С. А.* «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV – начала XVI века // Вестн. Удмуртского ун-та. История. – 2006. – № 7. – С. 63–77.
254. *Оглоблин, Н. Н.* К истории Томского бунта 1648 года / Н. Н. Оглоблин. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. – 30 с.
255. *Оглоблин, Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н. Н. Оглоблин. Ч. 1–4. – М.: Унив. тип., 1895–1901. – Ч. 1: Документы воеводского управления. – М., 1895. – 430 с.; Ч. 3: Документы по сношениям местного управления с центральным. – М., 1900. – 394 с.
256. *Оглоблин, Н. Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») / Н. Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1891. – Т. 46. – № 10. – С. 156–171.
257. *Огородников, В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия / В. И. Огородников. – Иркутск: Тип. Штаба воен. окр., 1920–. – Ч. 1: Введение. История до-русской Сибири. – Иркутск, 1920. – 293 с.
258. *Окладников, А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников; Гос. акад. истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Гос. науч.-иссл. ин-т яз., лит-ры и истории при ЦИК БМАССР; Переплет и форзац: И. В. Варзар. – [Л.]: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1937. – 427 с.
259. Очерки истории Калмыцкой АССР / АН СССР. Ин-т истории. Калм. науч.-исслед. ин-т яз., литературы, истории; [Гл. ред. Н. В. Устюгов и др.]. – М.: Наука, 1967–1970. – [1]: Дооктябрьский период. – М., 1967. – 479 с.
260. *Павлов, А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) / А. П. Павлов; Рос. АН, Ин-т рос. истории, Санкт-Петербург. фил. - СПб.: Наука: С.-Петербург. отд-ние, 1992. – 279 с.
261. *Пайнс, Р.* Россия при старом режиме: [Пер. с англ.] / Ричард Пайнс. – М.: Независимая газ., 1993. – 421 с.

262. *Покровский, Ф. И.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Лычева в 1567 году) / Ф. И. Покровский. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1914. – 48 с.

263. *Попов, Д. К.* «Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века / Д. К. Попов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2026. – Т. 25, № 1: История. – С. 60–71.

264. *Попов, Д. К.* Визуальные методы презентации образа Московского государства в дипломатических отношениях с кочевниками Центральной Азии в XVII в. / Д. К. Попов // Международная научная студенческая конференция (58; 2020; Новосибирск). Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, 10–13 апреля 2020 г. [Секция] История / [науч. рук. секции Н. Н. Родигина; пред. секции Н. С. Гурьянова]. – Новосибирск: Издательско-полиграфический центр НГУ, 2020. – С. 62–63.

265. *Попов, Д. К.* Декларация «государевой милости» в дипломатии Московского государства с центрально-азиатскими кочевниками в XVII в. / Д. К. Попов // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции (12–14 октября 2020 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, Новосибирский государственный университет [и др.]; редкол.: Т. И. Морозова (отв. ред.) [и др.]. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. – С. 382–383.

266. *Попов, Д. К.* Полномочия русских дипломатов в отношении Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. / Д. К. Попов // Вестник БНЦ СО РАН. – 2025. – № 4 (60). – С. 30–35.

267. *Попов, Д. К.* Русские дипломатические миссии к тюркоязычным кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.: общая характеристика посольских практик / Д. К. Попов // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов конференции от 17–20 сентября 2025 г. / редкол. Д. О. Никулин (отв. ред.), О. В. Ильиных (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2025. – С. 131–142.

268. *Попов, Д. К.* Толмачи в русских посольствах к монгольским и тюркским кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. / Д. К. Попов //

Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы 13 Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси», Москва, 9–12 сентября 2025 г. / Институт российской истории РАН. – Вып. 4. – М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2025. – С. 212–221.

269. *Попов, Д. К.* Участие монгольских дипломатов в праздновании Крещения в 1676 году: репрезентация власти «Белого царя» / Д. К. Попов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2022. – URL: https://confhub.ru/archive/Lomonosov_2022/data/25583/142992_uid325105_report.pdf.

270. *Попов, Д. К.* Церемониал приема халхаских и джунгарских посланников в Иркутске в конце XVII века / Д. К. Попов // Исторический курьер. – 2026. – № 1 (45). – С. 209–220. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-17.pdf>.

271. *Потапов, Л. П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов. XVII–XIX вв. / Л. П. Потапов; Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. – Абакан: Хакоблгосиздат, 1952. – 218 с.

272. *Потапов, Л. П.* Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов; Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая. – [2-е изд., доп.]. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. – 444 с.

273. *Потапов, Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности / Л. П. Потапов; Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – 307 с.

274. *Почекаев Р. Ю.* Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. Российское государство и наследники Золотой Орды / Р. Ю. Почекаев. – СПб.: Евразия, 2017. – 413 с.

275. *Почекаев, Р. Ю.* Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников: Монголия XVII – начала XX века / Р. Ю. Почекаев; Высшая школа экономики национальный исследовательский университет. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. – 334 с.

276. *Почекаев, Р. Ю.* Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН

РТ, Отдел новой истории. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2011–. Вып. 4 / [редкол.: И. К. Загидуллин (отв. ред. и сост.) и др.]. – Казань, 2012. – С. 200–203.

277. *Почекаев, Р. Ю.* Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений в XVII в.) / Р. Ю. Почекаев // *Studia Culturae*. – 2013. – № 18. – С. 85–93.

278. *Пресняков, А. Е.* Царь Алексей Михайлович / А. Е. Пресняков // *Пресняков А. Е. Российские самодержцы* / А. Е. Пресняков; [сост., авт. предисл. и прил. А. Ф. Смирнов]. – М.: Книга, 1990. – С. 53–134.

279. *Прудовский, П. И.* Дипломатические отношения России и Бранденбургско-Прусского государства в середине XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 / Прудовский Петр Игоревич. – М., 2008. – 28 с.

280. *Пузанов, В. Д.* Русские и ойраты на юге Сибири в XVII в. / В. Д. Пузанов // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции, г. Курган, 22–23 апреля 2011 года* / М-во образования и науки Российской Федерации, Курганский гос. ун-т, Омский фил. Ин-та археологии и этнографии СО РАН; [отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров]. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 118–121.

281. *Пузанов, В. Д.* Русское государство, тюркское население и ойраты в Западной Сибири в первой трети XVII в. / В. Д. Пузанов // *Сибирский сборник: сборник статей* / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Курганский гос. ун-т», Фил. ФГБОУ ВПО «Тюменский гос. ун-т» в г. Тобольске, Центр по изучению историко-культурного наследия сибирских татар; [под ред. З. А. Тычинских]. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2015–. – Вып. 3. – Курган, 2015. – С. 121–135.

282. *Пузанов, В. Д.* Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. / В. Д. Пузанов // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. – 2010. – № 2 (76). – С. 64–76.

283. *Пузанов, В. Д.* Служба толмачей в Сибири в конце XVI–XVII в. / В. Д. Пузанов // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2020. – № 2 (80). – С. 46–59.

284. *Пузанов, В. Д.* Служба толмачей в Тобольске / В. Д. Пузанов // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2021. – № 4 (86). – С. 25–37.

285. *Пузырев, И. Д.* Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв. / И. Д. Пузырев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. – № 3. – С. 388–398.
286. *Пушкарев, Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1975. – 281 с.
287. *Рахимзянов, Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. / Б. Р. Рахимзянов. – СПб.: Евразия, 2017. – 396 с.
288. *Рерих, Ю. Н., Шастина, Н. П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель / Ю. Н. Рерих, Н. П. Шастина // Проблемы востоковедения. – 1960. – №. 4. – С. 140–150.
289. *Рогожин Н. М.* Наказы русским послам XVI века как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. статей. М., 1993. С. 44–70.
290. *Рогожин, Н. М.* Посольские книги и другие источники XVII в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613–1616 гг. / Н. М. Рогожин // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей / АН СССР, Ин-т истории СССР; [редкол.: В. И. Буганов (отв. ред.) и др.]. – М.: Ин-т истории СССР, 1982. – С. 51–69.
291. *Рогожин, Н. М.* Посольский приказ: колыбель российской дипломатии / Н. М. Рогожин; М-во иностр. дел Российской Федерации, Российская акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 432 с.
292. *Рогожин, Н. М.* У государевых дел быть указано... История Посольского приказа / Н. М. Рогожин. – 2-е изд., испр. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 304 с.
293. Российско-монгольские отношения. XVII – первая четверть XXI века: энциклопедический словарь: в 3-х т. / Институт востоковедения Российской академии наук, Институт международных исследований Академии наук Монголии; [редакционная коллегия: Е. В. Бойкова, А. Нямдолжин (ответственные редакторы) и др.]. – М.: ИВ РАН; Улан-Батор: ИМИ АН МНР, 2024–. – Т. 1: А–З. – М.; Улан-Батор, 2024. – 367 с.

294. *Савва, В. И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей / В. И. Савва. – Харьков: Тип. и литогр. М. Зильберберга и С-вья, 1901. – 408 с.
295. *Садохин, А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А. П. Садохин. – М.: КИОРУС, 2014. – 254 с.
296. *Самаев, Г. П.* Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России / Г. П. Самаев. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горн.-Алт. отд-ние, 1991. – 256 с.
297. *Самигулов, Г. Х.* Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории / Г. Х. Самигулов // Золотоордынское обозрение. – 2018. – Т. 6. – № 2. – С. 342–369.
298. *Санчилов, В. П.* Русские посланцы в ставке калмыцкого тайши Далай-Батыра во втором десятилетии XVII в. / В. П. Санчилов // Вестник СПбГУ. Сер. 13. – 2011. – Вып. 1. – С. 9–15.
299. *Седов, П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / П. В. Седов; Российская акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории. – [2-е изд., испр.]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 604 с.
300. *Седов, П. В.* Подношения в московских приказах XVII века / П. В. Седов // Отечественная история. 1996. – № 1. – С. 139–150.
301. *Селезнёв, Ю. В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках: монография / Ю. В. Селезнёв; ФГБОУ ВПО Воронежский гос. ун-т, Исторический фак. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2013. – 471 с.
302. *Семенов, И. Н.* Российский дипломатический протокол: история и современность / И. Н. Семенов. – М.: Белый город, 2011. – 240 с.
303. *Сень, Д. В.* Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) / Д. В. Сень // Magna adsurgit: historia studiorum. – 2019. – № 2. – С. 109–119.
304. *Сень, Д. В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.) Д. В. Сень // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции, Москва, 12–13 сентября 2019 г. / Институт российской истории

Российской академии наук; редакционная коллегия: Д. В. Лисейцев (отв. ред.) [и др.]. – Вып. 1. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2019. – С. 134–143.

305. *Сергеев, Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. А. Брицына; М-во нар. образования МССР. Кишинев. гос. пед. ин-т им. И. Крянгэ. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1971. – 219 с.

306. *Сергеев, Ф. П.* Русская терминология международного права XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев; / Отв. ред. д-р филол. наук, проф. М. А. Брицын; М-во нар. образования. Кишинев. гос. пед. ин-т им. И. Крянгэ. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1972. – 258 с.

307. *Сергеев, Ф. П.* Формирование русского дипломатического языка / Ф. П. Сергеев. – Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1978. – 223 с.

308. *Слесарчук, Г. И.* Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в. Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 8–14.

309. *Слесарчук, Г. И.* Из истории посольских отношений России с северомонгольскими ханами в 60–70-е годы XVII века / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 127–133.

310. *Слесарчук, Г. И.* Из истории русско-джунгарских отношений в начале XVIII века / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 209–212.

311. *Слесарчук, Г. И.* Новые данные о городках Джунгарского ханства / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 38–42.

312. *Слесарчук, Г. И.* О поездке тобольского сына боярского Ф.Е. Михалевского и подьячего Г. Шешукова в монгольские улусы / Г. И. Слесарчук / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 94–102.

313. *Слесарчук, Г. И.* Русские архивные документы о белых калмыках-теленгутах в XVII в. / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 134–141.

314. *Слесарчук, Г. И.* Русские архивные материалы о подданстве джунгарского тайджи Сенге / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 178–185.

315. *Слесарчук, Г. И.* Русские архивные материалы о хошоутских тайджи Аблае и Очирту Цецен-хане / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 87–93.

316. *Слесарчук, Г. И.* Русские архивы о Цецен-хане Шолое / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 204–208.

317. *Слесарчук, Г. И.* Русско-монгольские отношения в период нерчинских переговоров / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 103–109.

318. *Слесарчук, Г. И.* Тайджи Сенге и его связи с Русским государством / Г. И. Слесарчук // [Слесарчук Г. И.] Статьи разных лет / Г. И. Слесарчук; Ин-т истории Акад. наук, Ин-т востоковедения. – Улан-Батор: [б. и.], 2013. – С. 200–203.

319. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10-ти томах / Академия наук СССР, Институт русского языка; Гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1988–.* – Т. 7: (поклепань–працоурь) / гл. ред. В. Б. Крысько. – М., 2004. – 505 с.

320. *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. словарь. каб. им. проф. Б. А. Ларина, Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [С. Н. Варина и др.]; под ред. О. С. Мжельской. – СПб.: Наука, 2004–.* – Вып. 4: Гагара–Гуща. – СПб., 2011. – 310 с.

321. *Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. Ф. П. Филин], редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–.* – Вып. 4: (Г–Д) / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Г. П. Смолицкая [и др.]. – М., 1977. – 403 с.; Вып. 5: (Е – Зинутие) / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, В. Я. Дерягин [и др.]. – М., 1978. – 392 с.; Вып. 6: (Зипунь – Иянуарий) / сост. Г. А. Богатова [и др.]. – 1979. – 359 с.; Вып. 7: (К – Крагуярь) / сост. В. Я. Дерягин, О. И. Смирнова, Г. П. Смолицкая [и др.]. – М., 1980. – 403 с.; Вып. 9: (М) / сост. Г. А. Богатова [и др.]. – М., 1982. – 357 с; Вып. 17: (Помаранець – Поттишати) / [сост. М. А. Бобрик и др.]. – М., 1991. – 295 с.

322. *Словцов, П. А.* Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. – Кн. 1: С 1585 по 1742 год. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. – 350 с.

323. Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: библиографический словарь / отв. ред. И. П. Каменецкий; сост.: И. П. Каменецкий, Д. А. Ананьев, Е. В. Комлева, Е. Н. Туманик; [Институт истории СО РАН]. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 992 с.

324. *Смирнов, И. П.* Котошихин Григорий Карпов / И. П. Смирнов // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, ленингр. отд-ние, 1987–. – Вып. 3. Ч. 2: XVII век: И–О. – СПб., 1993. – С. 186–190.

325. *Смирнов, Н. Н.* Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / Смирнов Николай Николаевич. – Волгоград, 1995. – 22 с.

326. *Смоленский, Н. И.* Теория и методология истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. И. Смоленский. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 271 с.

327. *Соколовский, И. Р.* Чингис-городок: Караканское Порубежье XVII века на евразийской исторической сцене / И. Р. Соколовский. – Новосибирск: Параллель; Фонд защиты природы и окружающей среды «Зеленый стандарт», 2021. – 314 с.

328. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года под названием *Mongrol-un Niruša tobčiyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1 / С. А. Козин; отв. ред. А. П. Баранников; [Труды Института востоковедения Академии наук СССР]. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 619 с.

329. *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: [труд И. И. Срезневского]. – СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912. – Т. 1: А–К. – СПб., 1893. – IX, 1420 стб.; Т. 2: Л–П. СПб., 1902. – 1802 стб.; Т. 3: Р–Я [йотированный юс малый] и дополнения. СПб., 1912. – 1684 стб.

330. Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, Отдел новой истории. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2011–. Вып. 4 / [редкол.: И. К. Загидуллин (отв. ред. и сост.) и др.]. – Казань, 2012. – С. 186–197.

331. *Сураганова, З. К.* Традиционный обмен дарами у казахов: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Сураганова Зубайда Кабиевна. – Томск, 2007. – 23 с.
332. *Талина, Г. В.* Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века: монография / Г. В. Талина; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Московский пед. гос. ун-т». – М.: МПГУ: Прометей, 2012. – 229 с.
333. *Тарабасова, Н. И.* Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. / Н. И. Тарабасова // Исследования по лингвистическому источниковедению: [Сборник статей] / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; [Ред.: д-р филол. наук С. И. Котков, канд. филол. наук О. А. Князевская]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 144–155.
334. *Тепкеев, В. Т.* Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века / В. Т. Тепкеев // *Oriental Studies*. – 2011. – Т. 4 (2). – С. 11–16.
335. *Тепкеев, В. Т.* Русско-ойратские отношения в 1607–1608 гг. / В. Т. Тепкеев // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. – 2015. – № 4. – С. 8–15.
336. *Терентий, Л. М.* Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – № 1 (022). – 2010. – С. 47–56.
337. *Терентьев, В. И.* Бремя юбилея: почему российско-монгольские дипломатические отношения официально насчитывают только 100 лет? / В. И. Терентьев // *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. – 2021. – Вып. 14. – С. 171–177.
338. *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР: Учеб. пособие. М.: Соцэкгиз, 1962. Вып. 1: С древнейшего времени до конца XVIII века. – М., 1962. – 495 с.
339. *Тихомиров М. Н.* Приказное делопроизводство в XVII веке / М. Н. Тихомиров // *Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков*. – М.: Наука, 1973. – С. 348–383.
340. *Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 ч.] / [соч.] В. И. Даля*. – Ч. 1. А–З. – М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. – 627 с.

341. Толстиков, А. В. Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII в. / А. В. Толстиков // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 2002. – С. 294–310.

342. Трепавлов, В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. / В. В. Трепавлов; Российская академии наук, Институт российской истории. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. – 317 с.

343. Трепавлов, В. В. Дипломатия взаимного узнавания: общение администрации и «инородцев» в восточных регионах России / В. В. Трепалов // Российская история. – 2018. – № 2. – С. 3–12.

344. Трепавлов, В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов; отв. ред. М. А. Усманов. 2-е изд., испр. и доп. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.

345. Трепавлов, В. В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) / В. В. Трепавлов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 4. – С. 8–19.

346. Трепавлов, В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / В. В. Трепавлов; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – М.: Вост. лит., 2012. – 229 с.

347. Трепавлов, В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв.: монография / В. В. Трепавлов; Институт российской истории Российской академии наук. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. – 320 с.

348. Тубчинов, С. Д. Монгольские роды Южного Забайкалья и их отношения с русскими в XVII – нач. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тубчинов Сергей Дымбрылович. – Улан-Удэ, 2003. – 21 с.

349. Турилова, С. Л. Учреждение Коллегии иностранных дел и ее функционирование в эпоху петровских преобразований / С. Л. Турилова // История внешней политики России: В 5 т.; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: Академический проспект; Парадигма, 2018. – Т. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). – М., 2018. – С. 241–248.

350. Тыжнов, И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий / И. И. Тыжнов; Национальный исследовательский Томский государственный

университет; Томский областной государственный архив. – Томск: Изд-во Томского университета, 2013. – 256 с.

351. *Тэрнер, В.* Символ и ритуал: [Пер. с англ.] / В. Тэрнер; [Вступ. ст. В. А. Бейлиса]. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

352. *Ульянов, О. Г.* Первый почетный караул на Руси: византийские истоки чина рынд / О. Г. Ульянов // Война и оружие: новые исследования и материалы: труды Восьмой Международной научно-практической конференции, 17–19 мая 2017 года: [в 4 ч.] / Департамент культуры Минобороны России, Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи; [научный редактор С. В. Ефимов]. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. – Ч. 4. – С. 323–340.

353. *Ульяницкий, В. А.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв: По документам Московского главного архива М-ва ин. дел / В. А. Ульяницкий. – М.: Унив. тип., 1889. – 64 с.

354. *Уманский А. П.* 350 лет со времени шертоприводного посольства Петра Сабанского к телеутским князьям / А. П. Уманский // Страницы истории Алтая. 1996 г.: календарь памятных дат / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, Ком. адм. края по делам арх., Лаб. ист. краеведения; [Сост. Г. А. Каменева, Р. М. Сарапулова]. – Барнаул: Полиграфист, 1995. – С. 84–88.

355. *Уманский, А. П.* 300 лет со времени посольства Н. Прокофьева к телеутскому князю Табуну Кокину / А. П. Уманский // Страницы истории Алтая. 1996 г.: календарь памятных дат / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, Ком. адм. края по делам арх., Лаб. ист. краеведения; [Сост. Г. А. Каменева, Р. М. Сарапулова]. – Барнаул: Полиграфист, 1995. – С. 89–93.

356. *Уманский, А. П.* 340 лет со времени послования И. Петрова у телеутских князей Коки Абакова и Мачика Койшебунова / А. П. Уманский // Страницы истории Алтая. 1997 г.: календарь памятных дат / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова и др.; [Сост. Г. А. Каменева, Р. М. Сарапулова]. – Барнаул: Полиграфист, 1996. – С. 76–79.

357. *Уманский, А. П.* 340 лет со времени посольства Д. Вяткина и Д. Копылова в Телеутскую землю / А. П. Уманский // Страницы истории Алтая. 1998 г.: календарь памятных дат / Ком. по культуре и туризму адм. Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-

ка им. В. Я. Шишкова, Упр. арх. дела адм. Алт. края и др.; [Сост. Г. А. Каменева, Р. М. Сарапулова]. – Барнаул: Полиграфист, 1997. – С. 53–55.

358. *Уманский, А. П.* Миссия В. Бубенного в Джунгарию в 1665–1666 гг. / А. П. Уманский // Вторые Востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица: (тезисы докладов и сообщений, 21 апреля 1998 г.) / [редкол. В. С. Бойко, Л. Г. Семихатова]. – Барнаул, 1998. – С. 11–14.

359. *Уманский, А. П.* О посольстве Кульвинского в Джунгарию в 1667 году / А. П. Уманский // Первые Востоковедческие чтения, посвященные памяти С. Г. Лившица: (тезисы докладов и сообщений, 7 мая 1996 г.). Барнаул, 1996. – С. 47–53.

360. *Уманский, А. П.* Посольство Василия Литасова в Джунгарию в 1664–1665 гг. / А. П. Уманский // Россия, Сибирь, государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): материалы региональной конференции, 14 октября 1997 г. / Барнаул. гос. пед. ун-т; Лаб. «Россия и Восток»; [Редкол.: В. А. Бармин]. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – С. 64–70.

361. *Уманский, А. П.* Посольство телеутских князей в Москву (1658–1659 гг.) / А. П. Уманский // Алтай. – 1968. – № 2(45). – С. 115–125.

362. *Уманский, А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. / А. П. Уманский. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1980. – 296 с.

363. *Фаизов, С. Ф.* Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. – 1994. – № 3. – С. 49–55.

364. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем О. Н. Трубачев; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – изд. 2-е, стер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 2: (Е–Муж). – М., 1986. – 672 с.; Т. 3: (Муза–Сят). – М., 1987. – 831 с.

365. *Филюшкин, А. И.* Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. – 255 с.

366. *Фишер, И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1774. – 631 с.

367. *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / И. Я. Фроянов; Под ред. А. Я. Дегтярева; [С.-Петербург. гос. ун-т]. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 512 с.

368. *Хабаев, М. П.* Из истории русско-монгольских отношений конца 17 и первой четверти 18 века / М. П. Хабаев // Ученые записки Бурят-Монгольского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова / ред. М. П. Хабаев. – Улан-Удэ, 1958. – Вып. 14. – С. 51–78.

369. *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.) / К. Ш. Хафизова. – Алматы: Гылым, 1995. – 284 с.

370. *Хеннингс Я.* Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функциях и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. / Я. Хеннингс // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», Фонд им. Макса Вебера, Германский исторический институт в Москве; отв. ред. Г. Альтхоф и М. [А.] Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 201–225.

371. *Ходарковский, М.* И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771) / М. Ходарковский; перевод Т. Н. Богдановой; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук». – Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. – 375 с.

372. *Ходарковский, М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / М. Ходарковский; [пер. с англ. А. Терещенко]. – М.: Новое лит. обозрение, 2019. – 349 с.

373. *Хорошкевич, А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. / А. Л. Хорошкевич; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 333 с.

374. *Худяков, Ю. С.* Изображения доспехов Ермака на рисунках XVII века (по материалам Ремезовской летописи) / Ю. С. Худяков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. – С. 301–310.

375. *Худяков, Ю. С.* Копье и стрела как символы воинской и государственной власти у древних и средневековых кочевников Центральной Азии / Ю. С. Худяков // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 20–26.

376. Худяков, Ю. С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии / Ю. С. Худяков // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 102–111.

377. Цюрюмов, А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений / А. В. Цюрюмов; [Калмыцкий государственный университет]. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 464 с.

378. Цюрюмов, А. В. Русско-калмыцкие отношения во второй четверти XVII века / А. В. Цюрюмов // Вестник калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – 2007. – Т. 2. – № 2(15). – С. 118–125.

379. Чаптыкова, Н. Н. Борьба вокруг «Киргизской земли» в XVII веке / Н. Н. Чаптыкова. – СПб.: Нестор, 1999. – 22 с.

380. Черная, Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени: Филос.-антропол. анализ рус. культуры XVII – первой трети XVIII в. / Л. А. Черная. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 281 с.

381. Чертыков, В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии / В. К. Чертыков; Хакасский научно-исслед. ин-т яз., лит. и истории. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2007. – 334 с.

382. Чибилёв, А. А. Степная Евразия: региональный обзор природного разнообразия: [монография] / А. А. Чибилёв; Российская академия наук [и др.]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: РГО; Оренбург: Ин-т степи РАН, 2018. – 323 с.

383. Чимитдоржиев, Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев. – М.: Наука, 1978. – 216 с.

384. Чимитдоржиев, Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев; [АН СССР, Ин-т востоковедения]. – М.: Наука, 1987. – 233 с.

385. Чимитдоржиева, Л. Ш. Архивные документы о развитии русско-бурят-монгольских отношений в XVII–XIX вв. / Л. Ш. Чимитдоржиева // Россия – Монголия: 100 лет вместе: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений, Иркутск, 20 мая 2021 г. / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», Исторический факультет, Академия наук Монголии, Институт международных отношений; ред. кол.: К. Е. Кузьмин (ответственный редактор) [и др.]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 7–14.

386. *Чимитдоржиева, Л. Ш.* Основные вопросы, обсуждавшиеся на русско-алтан-хановских переговорах / Л. Ш. Чимитдоржиева // *Historia Mongolarum*. – 2005. – № 4. – С. 115–125.

387. *Чимитдоржиева, Л. Ш.* Проблема шерти на русско-алтан-хановских переговорах / Л. Ш. Чимитдоржиева // *ОЛОН УЛС СУДЛАЛ*. – 2004. – № 4. – С. 97–105.

388. *Чимитдоржиева, Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. / Л. Ш. Чимитдоржиева; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2006. – 154 с.

389. *Чирков, С. В.* Археографическая комиссия в XIX–XX веках: организационные формы и развитие научных методов / С. В. Чирков // Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН) / отв. ред. С. М. Каштанов; ред.-сост. Н. А. Кобяк, А. В. Мельников. – М.: ООО «Старая Басманная», 2017. – С. 22–37.

390. *Шаблей, П. С.* Подданство в азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация / П. С. Шаблей // *Вестник Евразии*. – 2008. – № 3. – С. 99–122.

391. *Шапиро, Б. Л.* «Россия в шубе». Русский мех как культурный код: постановка проблемы / Б. Л. Шапиро // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. – 2022. – № 2 (31). – С. 143–144.

392. *Шастина, Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. / Н. П. Шастина // *Советское востоковедение*. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – № 6. – С. 383–395.

393. *Шастина, Н. П.* Письма Лубсан-Тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в. / Н. П. Шастина // *Филология и история монгольских народов: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова: [Сборник статей]* / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения; [Ред. коллегия: Г. Д. Санжеев (отв. ред.) и др.]. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 275–278.

394. *Шастина, Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века / Н. П. Шастина; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 182 с.

395. *Шерстова, Л. И.* Русское государство и государственные образования Северной Евразии / Л. И. Шерстова // *Летопись тюркской цивилизации*; [Ш. Алиев, С. К. Алымкулова, З. К. Аюпова и др.]; отв. ред. В. И. Молодин, С. В. Землюков; [Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет, Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»]. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2023–. Т. 2. Тюркский мир в XIII–XVII вв.: коллективная монография; отв. ред. И. В. Зайцев. – Барнаул, 2025. – С. 412–436.

396. *Шерстова, Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века / Л. И. Шерстова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 311 с.

397. *Шикуло, М. И.* Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.03 / Шикуло Максим Игоревич. – М., 2016. – 277 с.

398. *Шкляева, О. В.* Торговые связи Средней Азии с Россией во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук 07.00.03 / Шкляева Ольга Владимировна. – Владимир, 2003. – 26 с.

399. *Шмидт, С. О.* «Московское государство» к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий / С. О. Шмидт // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного / С. О. Шмидт; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. Археогр. комис. – М.: Наука, 1999. – С. 255–301.

400. *Шунков, А. В.* Литературные приемы в документальном тексте переходного периода (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича») / А. В. Шунков // *Мир науки, культуры, образования*. – 2014. – № 3 (46). – С. 245–248.

401. *Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]: в 86 т. / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907. – Т. XIVА. СПб., 1895. – 495 с.; Т. XXXVII. СПб., 1903. – 499 с.*

402. *Эрдниев, У. Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки / У. Э. Эрдниев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. – 282 с.

403. *Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 2: Н–Я. – 2010. – 576 с.*

404. *Юзефович, Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. / Л. А. Юзефович. – М.: Междунар. отношения, 1988. – 214 с.
405. *Юзефович, Л. А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал / Л. А. Юзефович. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 340 с.
406. *Юлдашев, М. Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. / М. Ю. Юлдашев; Акад. наук УзССР. Ин-т востоковедения им. Абу Рейхана Бирун. – Ташкент: Наука, 1964. – 124 с.
407. *Юрганов, А. Л.* Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М.: Ин-т «Открытое о-во»: МИРОС, 1998. – 447 с.
408. *Яковлева, П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года / П. Т. Яковлева; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 235 с.
409. *Baddeley, J. F.* Russia, Mongolia, China: Being Some Record of the Relations between them from the Beginning of the 17th Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676 / J. F. Baddeley. – London, 1919. – Vol. 1. – CCCLXVIII p.; Vol. 2. 445 p.
410. *Bergholz, F. W.* The partition of the steppe: the struggle of the Russians, Manchus, and the Zunghar Mongols for empire in Central Asia, 1619–1758: a study in power politics / F. W. Bergholz. – New York: Lang, Cop., 1993. – 522 p.
411. *Cahen, G.* Les relations de la Russie avec la Chine et les peuplades limitrophes a la fin du XVIIe siècle et dans le premier quart du XVIIIe / G. Cahen // Revue Historique. – 1907. – T. 94. – pp. 45–62.
412. *Courant, M.* La Sibérie colonie Russe, jusqu'a la construction du Transsibérien / M. Courant // Revue Historique. – 1919. – T. 130. – pp. 209–251.
413. *Hennings, J.* Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725 / J. Hennings. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2016. – 297 p.
414. *Khodarkovsky, M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800 / M. Khodarkovsky. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2004. – 305 p.

415. *Khodarkovsky, M.* The white Tsar and his “unfaithful” subjects: intercultural diplomacies on Russia’s Asian frontier / M. Khodarkovsky // Журнал фронтальных исследований. – 2018. – № 1. – С. 68–90.
416. *Khodarkovsky, M.* Where two Worlds met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771 / M. Khodarkovsky. – Ithaca; L.: Cornell univ. press., Cop., 1992. – 278 p.
417. *Miyawaki J.* The Birth of the Oyirad Khanship / J. Miyawaki // Central Asiatic Journal. – 1997. – Vol. 41. – No. 1. – pp. 38–75.
418. *Sowerby, T. A.* Early Modern Diplomatic History / T. A. Sowerby // History Compass. – 2016. – Vol. 14/9. – pp. 441–456.
419. *Thiessen, H. von.* Diplomacy in a Changing Political Order: An Actor-Centred View of European Diplomats at the Time of the War of the Spanish Succession // The War of the Spanish Succession: New Perspectives. Matthias Pohlig and Michael Schaich (eds.). – Oxford, 2018. – pp. 63–84.
420. *Thiessen, H. von.* Gestaltungsspielräume und Handlungspraktiken frühneuzeitlicher Diplomaten // Praktiken der Frühen Neuzeit: Akteure, Handlungen, Artefakte. – Bd. 3. – Köln, Weimar, Wien, 2015. – S. 199–209.
421. *Vulpus, R.* Die Geburt des Russländischen Imperiums: Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert / R. Vulpus; Beiträge zur Geschichte Osteuropas. – Köln: Böhlau, cop. 2020. – 610 p.
422. *Watkins, J.* Toward a new diplomatic history of medieval and early modern Europe / J. Watkins // Journal of Medieval and Early Modern Studies. – 2008. – Vol. 38. – pp. 1–14.
423. *Windler, C.* Diplomatic History as a Field for Cultural Analysis: Muslim-Christian Relations in Tunis, 1700–1840 / C. Windler // The Historical Journal. – 2001. – Vol. 44. – No. 1. – pp. 79–106.

Список сокращений

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией

МОЦА – Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.

НИА СПбИИ РАН – Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук

ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

ПСИ – Памятники Сибирской истории XVIII века

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

РКО – Русско-китайские отношения

РМО – Русско-монгольские отношения

СДИБ – Сборник документов по истории Бурятии

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.

Реестр русских дипломатических миссий к монголо- и тюркоязычным кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
Хотогойтские алтын-ханы, в т. ч. члены его семьи, родственники, хотогойтский лама ⁹																
1	1608 г. Томск, воевода В.В. Волынский	М	Томский конный казак И. Белоголов (Белоголовый)		б/р											■
2	1616 г. Москва	Ц	Тарский атаман В. Тюменец, тюменский десятник литовский И. Текутьев	в послех, государев посол		б/р		■	■							
3	1631 г. Томск, воевода И.Ф. Татев	Ц	Томский сын боярский К. Карякин	б/р	б/р	б/р		■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
4	1634 г. Томск, воевода И.Ф. Татев	Ц	Выборный дворянин Я.Е. Тухачевский	государевы послы	государевы послы	послы		■	■	■	■	■				
5	1636 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Ц	Томский сын боярский С. Греченин	государевы послы	в послех, послы	послы		■	■	■	■	■				
6	1636 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Ц	Томский сын боярский Б. Карташев	государевы послы	Послы	послы		■	■		■	■				
7	1638 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Ц	Томский сын боярский В. Старков	государевы послы	государевы послы			■	■	■		■				
8	1638 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Ц	Томский сын боярский С. Неверов	государевы послы	государевы послы			■	■			■				

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
9	1652 г. Красноярск, воевода М.Ф. Скрыбин	М	Красноярский ротмистр С. Коловский		б/р			■								
10	1657 г. Красноярск, воевода М.Ф. Скрыбин	М	Пятидесятник красноярских конных казаков Р. Кольцов	б/р	б/р			■								
11	1657 г. Томск, воевода И.Н. Приимков-Ростовский	М	Томский сын боярский О. Протопопов		б/р			■								
12	1659 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	Ц	Томский сын боярский С. Греченин	великого государя послы	б/р			■		■	■					
13	1661 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	М	Томский пятидесятник С. Боборыкин	б/р	б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
14	1662 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	М	Томский сын боярский П. Лавров	б/р	б/р			■								
15	1663 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	Ц	Томский казачий голова З. Литосов	государевы послы	в приставех				■			■				
16	1664 г. Красноярск, воевода Г.П. Никитин	М	Красноярский пятидесятник Т. Еремеев				■	■								
17	1664 г. Красноярск, воевода Г.П. Никитин	М	Красноярский пятидесятник Я. Петров				■	■								
18	1664 г. Красноярск, воевода Г.П. Никитин	М	Красноярский сын боярский И. Архипов		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
19	1664 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	М	Томский сын боярский Лукьян			б/р		■								
20	1665 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	Ц	Томский сын боярский Р. Старков	б/р	в приставах, в проводящих			■	■			■				
21	1667 г. Томск, воевода И.Л. Салтыков	М	Томский сын боярский М. Ржицкий		б/р			■	■		■					
22	1675 г. Томск, воевода Д.А. Борятинский	М	Томский сын боярский И. Петров		б/р			■								
23	Конец 1670-х гг. Красноярск, воевода Д.Г. Загряжский	М	Красноярские конные казаки Т. Баранов, М. Чюрчин	послы												■
24	1679 г.	М	Красноярский конный казак, ссылный	посол				■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Красноярск, воевода Д.Г. Загряжский		человек А. Лекарев													
25	1679 г. Красноярск, воевода Д.Г. Загряжский	М	Томский сын боярский С. Тупальский	б/р	в посланцах			■	■	■						
26	1680 г. Томск, воевода И.М. Кольцов- Мосальский	Ц	Томский сын боярский Ф. Редров		в проводятых			■								
27	1699 г. Красноярск, воевода – неизвестно	Н	Красноярский пятидесятник И. Сиротинин				■	■								
28	1701 г. Красноярск, воевода	Н	Красноярский сын боярский А. Еремеев		б/р			■			■					

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	П.С. Мусин-Пушкин															
Халхаские ханы, хунтайджи, тайши, представители буддийской церкви (хутухты)																
29	1649 г. Тобольск, воевода В.Б. Шереметев	Ц	Тобольский сын боярский Е. Заблоцкий, подьячий В. Чаплин	государевы посланники	государевы посланники			■	■	■						
30	1665 г. Енисейск, воевода В.Е. Голохвастов	М	Селенгинский казачий десятник О. Васильев		б/р			■								
31	1665 г. Енисейск (?)	Н	Пятидесятник енисейских казаков Г. Ловцов		б/р			■								
32	1668 г. Енисейск, воевода К.А. Яковлев	Ц	Енисейский сын боярский И.М. Перфильев	б/р	б/р			■	■	■		■		■		

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
33	1673 г. Енисейск, воевода М.В. Приклонский	Ц	Енисейский сын боярский И.М. Перфильев		б/р			■	■			■				
34	1673 г. Нерчинск, приказчик П.Я. Шульгин	М	Служилый человек Б. Лошкин		б/р			■	■							
35	1675 г. Нерчинск, приказчик П.Я. Шульгин	М	Нерчинский десятник Ф. Свешников		б/р			■	■							
36	1676 г. Тобольск, воевода П.В. Большой Шереметев	Ц	Тобольский сын боярский Ф. Михалевский	в посланниках				■	■			■				
37	1681 г. Селенгинск, воевода И.Е. Власов	М	Сын боярский В. Турский	в посланниках	б/р			■		■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
38	1686 г. Красноярск, воевода Г.И. Шишков	М	Красноярский сын боярский С. Ходоногов	б/р				■								
39	1687 г. Иркутск, посол Ф.А. Головин	У	Иркутский сын боярский С.В. Шестаков		посланец			■				■				
40	1687 г. Селенгинск, посол Ф.А. Головин	У	Жилец И.Р. Качанов	нарочно посланный	посланный, посланец			■	■			■				
41	1687 г. Селенгинск, жилец С.Я. Коровин	У	Енисейский сын боярский В. Перфильев		посланец			■	■			■				
42	1688 г. Удинск, посол Ф.А. Головин	У	Табунгудий зайсан Тархан- ласа-лама		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
43	1688 г. Удинск, посол Ф.А. Головин	У	Толмач Т. Афанасьев		б/р			■				■				
44	1688 г. Удинск, посол Ф.А. Головин	У	Жилец И.Р. Качанов		нарочно посланный			■	■	■	■					
45	1689 г. Красноярск, воевода И.В. Башковский	М	Красноярский пятидесятник О. Мезенин		б/р			■	■							
46	1690 г. Селенгинск, посол Ф.А. Головин	У	Сын боярский Д. Многогрешный		б/р			■								
47	1690 г. Красноярск, воевода И.В. Башковский	М	Красноярский атаман Ф. Кольцов		б/р			■			■					

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
48	1694 г. Селенгинск	М	Городовой толмач П. Киргиз				■	■								
49	1694 г. или 1695 г. Селенгинск	Н	Городовой толмач П. Киргиз				■	■								
50	1697 г. Селенгинск	Н	Городовой толмач Г. Уразов				■	■								
51	1699 г. Иркутск	Н	Неизвестно				■	■								
52	1699 г. Иркутск	Н	[пятидесятник пеших казаков?] И. Михалев				■	■								
Джунгарские хунтайджи и тайши, в т. ч. члены их семьи и родственники																
53	1619 г. Тобольск, воевода И.С. Куракин	М	Тобольский служилый человек (литвин) Я. Куча			б/р										■

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
54	1635 г. Тара, воевода Ф.С. Бельский	М	Тарский десятник литовского списка О. Мартынов		б/р			■								
55	1636 г. Тобольск, воевода М.М. Темкин- Ростовский	М	Тобольский сын боярский Т. Петров			государев посланник		■	■							
56	1636 г. Тобольск, воевода М.М. Темкин- Ростовский	М	Тобольский атаман Г. Ильин		в посланниках			■								
57	1636 г. или 1637 г. Тара, воевода Ф.П. Борятинский	М	Тарский казак литовского списка Н. Григорьев		в посланниках			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
58	1637 г. Тобольск, воевода М.М. Темкин-Ростовский	М	Тобольский сын боярский Ф. Обольянин		в посланниках	в посланниках		■	■							
59	1638 г. Тобольск, воевод М.М. Темкин-Ростовский	М	Тобольский [конный казак] Д. Кулагин		в посланниках			■	■							
60	1638 г. Тара, воевода Ф.П. Борятинский	М	Тарский конный казак А. Кунавин		б/р			■								
61	1638 г. Тара, воевода Ф.П. Борятинский	М	Тарский десятник литовского списка О. Мартынов		в посланниках, тарские посланники			■								
62	1639 г.	М	Тобольский конный казак К. Абрамов		в посланниках,			■	■							

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Тобольск, воевода М.М. Темкин-Ростовский				тобольские посланники											
63	1640 г. Тобольск, воевода П.И. Пронский	М	Тобольский конный казак литовского списка П. Семенов		б/р			■								
64	1640 г. Тобольск, воевода П.И. Пронский	Ц	Тобольский сын боярский М. Ремезов	б/р	б/р			■	■							
65	1641 г. Тобольск, воевода П.И. Пронский	М	Тобольский конный казак С. Неустроев	б/р	посланники			■								
66	1641 г. Тобольск, воевода П.И. Пронский	М	Тобольский конный казак Л. Кызылов		в посланниках			■	■							

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
67	1641 г. Тобольск, воевода П.И. Пронский	М	Тобольский конный казак Л. Насонов	в посланниках	б/р			■	■							
68	1643 г. Тобольск, воевода Г.С. Куракин	М	Тобольский атаман пеших казаков Г. Ильин		в посланниках			■	■			■				
69	1644 г. Тобольск, воевода Г.С. Куракин	Ц	Тобольский стрелецкий сотник В. Клепиков		в посланниках			■	■							
70	1644 г. Тобольск, воевода Г.С. Куракин	М	Тобольский служилый человек, литвин С. Буткеев			в послан-никах		■								
71	1645 г. Тара, воевода П.И. Щетинин	М	Тарский сын боярский Г. Байгачев			б/р		■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
72	1646 г. Тобольск, воевода М.С. Гагарин	Ц	Тобольский сын боярский Д. Аршинский	в посланниках	государевы посланники			■	■							
73	1651 г. Тобольск, воевода В.Б. Шереметев	Н	Тобольский стрелецкий сотник В. Клепиков	посланник	царского величества посланник	государев посланник		■								
74	1651 г. Тобольск, воевода В.Б. Шереметев	М	Тобольский сын боярский И. Байгачев	в посланниках	государев посланник			■	■							
75	1657 г. Тобольск, воевода А.И. Буйносов-Ростовский	М	Тобольский сын боярский Т. Дмитриевых		государев посланник				■							
76	1657 г. Тобольск, воевода А.И. Буйносов-Ростовский	М	Тобольский казак А. Почекунин		великого государя посланник	великого государя послан-ник										■

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
77	1664 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	М	Томский сын боярский В. Литосов	б/р	б/р			■	■							
78	1665 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	Ц	Томский сын боярский В. Бубенной	б/р	б/р			■	■							
79	1666 г. Томск, воевода И.В. Бутурлин	Н	Томский сын боярский П. Кульвинский	б/р				■	■			■				
80	1667 г. Томск, воевода Н.А. Вельяминов	Ц	Томский сын боярский В. Былин	в послех	б/р			■	■							
81	1667 г. Красноярск, воевода А.И. Сумароков	М	Красноярский сын боярский С. Коловский	посланник				■								
82	1669 г. Томск, воевода Н.А. Вельяминов	М	Томский сын боярский М. Ржицкий	б/р				■	■							

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
83	1669 г. Тобольск, воевода И.Б. Репнин	М	Тобольский казак литовского списка П. Скибин		б/р			■	■							
84	1671 г. Тобольск, воевода И.Б. Репнин	Ц	Тобольский конный казак литовского списка А. Бурчеев		тобольские посланцы			■								
85	1671 г. Тобольск, воевода И.Б. Репнин	Ц	Тобольский сын боярский И. Карвацкий		б/р				■							
86	1677 г. Тобольск, воевода П.В. Большой Шереметев	Н	Тобольский казак литовского списка Ю. Трошин	в посланцах					■							
87	1678 г. Тобольск, воевода	Н	Тобольский сын боярский П. Иевлев			б/р			■							

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	П.В. Большой Шереметев (?)															
88	1678 г. Город – неизвестно	Н	Служилый человек литовского списка В. Салманов				■	■								
89	1678 г. (?) Тобольск, воевода П.В. Большой Шереметев (?)	Н	Тобольский сын боярский С. Каменский				■	■								
90	1680 г. Тобольск, воевода М.И. Глебов	Ц	Тобольский сын боярский Я. Неприпасов	посланник				■	■							
91	1680 г. Томск, воевода П.Л. Львов	Ц	Томский сын боярский Г. Пушин	б/р				■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
92	1690 г. Нерчинск, воевода Ф.И. Скрипицын	М	Нерчинский казак Я. Судейкин		б/р			■								
93	1690 г. Томск, воевода И.И. Дурново	Н	Томский сын боярский С. Лавров				■	■								
94	1690 г. Иркутск, посол Ф.А. Головин	У	Иркутский казачий десятник Г. Кибирев	б/р	посланный, нарочно посланный			■	■			■				
95	1691 г. Тобольск, воевода С.И. Салтыков	Ц	Тобольский сын боярский М. Юдин	б/р	б/р			■	■							
96	1691 г. или 1692 г. Тобольск, воевода С.И. Салтыков	Ц	Тобольский сын боярский Л. Крылов	б/р					■							
97	1696 г.	Н	[тобольский сын боярский]				■									■

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Вероятно, Тобольск, воевода – неизвестен		И. Суздальцев, [тобольский сын боярский] М. Городничий													
98	1696 г. Иркутск, воевода – неизвестен	Н	[чин неизвестен] М. Посельский				■									■
99	1702 г. Тобольск, воевода М.Я. Черкасский	Ц	Тобольский сын боярский М. Городничий				■	■				■				
100	1702 г. или 1703 г. Тобольск, воевода М.Я. Черкасский	Н	Тобольский казак П. Губанов				■									■
101	1707 г. Кузнецк, О.Р. Качанов	Н	Белый калмык А. Балаев				■									■
Торгоутские, дербетские и хошоутские тайджи и тайши, в т. ч. члены их семей и родственники																

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
102	1607 г. Тара, воевода С.И. Гагарин	М	Князьки ясачных татар Енобай, Куготай			б/р		■								
103	1607 г. Тара, воевода С.И. Гагарин	М	Тарский казачий голова Б. Бойгачев (Болкач)			б/р		■		■						
104	1607 г. Тара, воевода С.И. Гагарин	М	Тарский служилый человек Т. Алексеев			«наши послы»		■								
105	1609 г. Томск, воевода В.В. Волынский	Ц	Томский конный казак Б. Константинов		б/р			■								
106	1610 г. Тара, воевода И.В. Масальский	Ц	Тарский конный казак О. Чернов			б/р		■		■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
107	1610 г. Тара, воевода И.В. Масальский	М	Тарский казачий атаман П. Голубин			б/р		■								
108	1616 г. Тара, воевода П. Лухотин	М	Тарский атаман конных казаков В. Калашников			в посольстве		■		■						
109	1616 г. Тобольск, воевода И.С. Куракин	М	Тобольский служилый человек Т. Петров	в послах				■								
110	1617 г. Тара, воевода К. Вельяминов-Воронцов	Н	Тарский сын боярский Т. Харламов		б/р											■
111	1617 г. Тобольск, воевода И.С. Куракин	М	Тобольский атаман И. Савельев		б/р			■			■					

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
112	1620 Тобольск, воевода М.М. Годунов	М	Тобольский сын боярский Д. Черкасов		б/р			■								
113	1621 г. Томск, воевода И.Ф. Шаховской	М	Сын боярский М. Боржевицкий		посольством			■		■						
114	1622 г. Тобольск, воевода М.М. Годунов	М	Тобольский сын боярский Д. Черкасов		в посольстве			■								
115	1624 г. Тобольск, воевода Ю.Я. Сулешов	М	Тобольский конный казак А. Котин		б/р			■								
116	1625 г. Тобольск, воевода Ю.Я. Сулешов	М	Тобольский служилый человек новокрещенного списка Ф. Григорьев		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
117	1625 г. Тобольск, воевода Ю.Я. Сулешов	М	Юртовский жилец бухаретин М. Аджеев		б/р			■								
118	1626 г. Тара, воевода С.И. Исленьев	М	Конный казак литовского списка В. Константинов		б/р			■								
119	1631 г. Тара, воевода Н. Борятинский	М	Тарский атаман В. Калашников		б/р			■		■	■					
120	1632 г. Тюмень, воевода С.И. Жеребцов	Ц	Тюменский сын боярский С. Поскочин			б/р		■								
121	1632 г. Тюмень, воевода С.И. Жеребцов	М	Тюменский конный казак Н. Иванов			в послех										■
122	1634 г. Тобольск, воевода А.А. Голицын	М	Тобольский служилый		в посланниках											■

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
			человек Н. Тенибеков													
123	1636 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	М	Томский десятник С. Мезень			б/р		■	■							
124	1636 г. Тара, воевода Ф.П. Борятинский	Ц	Тарский атаман С. Скуратов		в посланниках, государев посланник			■								
125	1636 г. Тобольск, воевода М.М. Темкин- Ростовский	М	Тобольский конный казак Д. Рачковский		б/р			■								
126	1637 г. Тара, воевода Ф.П. Борятинский	М	Тарский казачий голова Н. Жадовской		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия									
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸	
127	1638 г. Тобольск, воевода М.М. Темкин- Ростовский	М	Тобольский конный казак Л. Выходец		государев посланник												■
128	1639 г. Тобольск, воевода М.М. Темкин- Ростовский	М	Тобольский конный казак П. Филиппов		государев посланник			■									
129	1642 г. Томск, воевода И. Кобыльский	М	Тарский (или томский) конный казак Е. Вершинин		б/р			■		■							
130	1644 г. Тара, воевода П.И. Щетинин	М	Тарский сын боярский Г. Багайчев		б/р	б/р		■									
131	1644 г. Тобольск, воевода Г.С. Куракин	М	Тобольский конный казак И. Мамеев		в посланниках			■	■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
132	1645 г. Тюмень, воевода И. Бобрищев-Пушкин	М	Тюменский служилый человек Т. Никитин		в посланниках, государевы посланники			■								
133	1649 г. Тобольск, воевода В.Б. Шереметев	Н	Тобольский служилый человек Ф. Иванов	в посланниках				■	■							
134	1652 г. Тобольск, воевода В.Б. Шереметев	М	Тобольский сын боярский С. Полозов			в посланниках										■
135	1653 г. Тобольск, воевода В.И. Хилков	Ц	Тобольский сын боярский Г. Ушаков		государев посланник, государев посол			■	■		■					
136	1657 г. Тобольск, воевода А.И. Буйносов-Ростовский	М	Тобольский сын боярский И. Дедков		в посланниках				■							

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
137	1660 г. Тобольск, воевода И.А. Хилков	Ц	Тобольский сын боярский С. Жемотин		посланник				■							
138	1660 г. Тобольск, воевода И.А. Хилков	Ц	Тобольский сын боярский П. Семенов		б/р				■							
139	1672 г. Красноярск, воевода А.И. Сумароков	М	Красноярский сын боярский Т. Саламатов		б/р			■								
140	1672 г. Тобольск, воевода И.Б. Репнин	М	Тобольский казак литовского списка Д. Гутков		б/р			■								
141	1673 г. Тобольск, воевода П.М. Салтыков	М	Тобольский служилый татарин А. Кулмаметов			б/р		■		■				■		
142	1674 г.	Н	Тобольский стрелецкий				■	■	■							

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Тобольск, воевода П.М. Салтыков		голова И. Аршинский													
143	1678 г. Тобольск, воевода П.В. Большой Шереметев	Н	Тобольский сын боярский И. Шишкин				■									■
Телеутские князцы																
144	1605 г. Томск, письменный голова Г.И. Писемский	Ц	Тобольский служилый человек (литвин) И. Поступинский		б/р			■								
145	1609 г. Томск, воевода В.В. Волынский	М	Томский юртовый татарин князь Тоян		б/р			■								
146	1621 г. Томск, воевода И.Ф. Шаховской	М	Томский юртовый		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
			татарин князь Тоян													
147	1621 г. Томск, воевода И.Ф. Шаховской	М	[Томский сын боярский] Б. Карташев				■	■		■						
148	1621 г. Кузнецк, воевода Т.С. Бобарыкин	Н	[чин неизвестен] Я. Захаров				■	■								
149	1624 г. Томск, воевода А.Ф. Гагарин	М	Томский атаман И. Белоголов		б/р			■								
150	1624 г. Томск, воевода А.Ф. Гагарин	М	[Конный казак] (казанский татарин, толмач) Я. Бегичев		б/р			■								
151	1630 г. Томск, воевода П.И. Пронский	М	Пятидесятник П. Афанасьев		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
152	1633 г. Томск, воевода Н.И. Егупов- Черкасский	М	Томский десятник В. Седельников		б/р			■								
153	1634 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Н	Томский казачий десятник Е. Степанов				■	■								
154	1634 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Н	Томский сын боярский Б. Карташев				■	■								
155	1634 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Н	Томский сын боярский О. Харламов				■	■								
156	1635 г.	М	Атаман З. Амосов			б/р		■		■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Томск, воевода И.И. Ромодановский															
157	1641 г. или 1642 г. Томск, воевода С.В. Клубков-Мосальский или И.С. Кобыльский	Н	Томский сын боярский С. Неверов				■	■								
158	1646 г. Томск, воевода О.И. Щербатов	М	Томские конные казаки С. и И. Матвеевы		б/р			■								
159	1646 г. Томск, воевода О.И. Щербатов	Ц	Томский сын боярский П. Сабанский	б/р	б/р			■	■	■						
160	1646 г. Томск, воевода О.И. Щербатов	Н	Томский сын боярский С. Греченин				■	■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
161	1648 г. Кузнецк, воевода А.Ф. Сытин	Н	[Кузнецкий десятник] Ш. Яковлев				■	■								
162	1648 г. Томск, воевода О.И. Щербатов	М	[Томский сын боярский] Н. Попов				■	■								
163	1649 г. Томск, воевода И.Н. Бунаков	М	Томский десятник конных казаков В. Бурнашев	послы государевы		б/р		■	■							
164	1649 г. Томск, воевода О.И. Щербатов	М	Письменный голова С.М. Скворцов				■									■
165	1649 г. Томск, воевода М.П. Волынский	М	Томский сын боярский С. Лавров				■	■								
166	1649 г. Кузнецк, воевода Г.К Засецкий	М	Кузнецкий таможенный		б/р			■		■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия									
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸	
			подьячий И. Васильев														
167	1650 г. Кузнецк, воевода Г.К Засецкий	М	Кузнецкий пятидесятник конных казаков П. Иванов	б/р				■		■							
168	1650 г. Томск, воевода М.П. Волынский	Ц	Томский сын боярский И. Петров				■	■	■	■							
169	1654 г. Томск, воевода Н.О. Нащокин	Ц	Томский сын боярский В. Былин				■	■	■								
170	1655 г. Томск, воевода Н.О. Нащокин	М	Служилый человек Я. Попов				■	■		■							
171	1656 г. Томск, воевода И.Н. Приимков- Ростовский	М	Томский конный казак А. Сартаков			б/р		■									

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
172	1657 г. Томск, воевода И.Н. Приимков- Ростовский	Н	Томский сын боярский И. Петров				■	■								
173	1657 г. Томск, воевода И.Н. Приимков- Ростовский	М	Томский служилый человек Т. Путимцев			б/р		■								
174	1658 г. Томск, воевода И.Н. Приимков- Ростовский	Ц	Томский пятидесятник Д. Вяткин	б/р				■								
175	1658 г. Томск, воевода И.Н. Приимков- Ростовский	Ц	Томский сын боярский Д. Копылов	б/р				■		■						
176	1672 г. Томск, воевода Д.А. Борятинский	М	Томский сын боярский М. Ржицкий				■	■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
177	1674–1675 гг. Томск, воевода Д.А. Борятинский	Н	Неизвестно				■	■		■						
178	1674–1675 гг. Томск, воевода Д.А. Борятинский	Н	Неизвестно				■	■		■						
179	1674–1675 гг. Томск, воевода Д.А. Борятинский	Н	[чин неизвестен] И. Кулугачев				■									■
180	1677 г. Томск, воевода П.Л. Львов	М	Отставной казак И. Данилов		б/р			■			■					
181	1677 г. Томск, воевода П.Л. Львов	М	Томский сын боярский В. Бубенной				■	■		■	■					
182	1679 г. Томск, воевода П.Л. Львов	М	Томский сын боярский В. Бубенной				■	■	■	■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
183	1683 г. Томск, воевода И.М. Кольцов- Мосальский	М	Томский сын боярский М. Ржицкий				■	■	■	■						
184	1684 г. Томск, воевода А.М. Кольцов- Мосальский	М	Томский сын боярский М. Ржицкий				■	■		■						
185	1684 г. Кузнецк, воевода И.М. Конищев	Ц	Кузнецкий казак М. Пойлов		б/р			■								
186	1684 г. Томск, воевода А.М. Кольцов- Мосальский	Н	Сын боярский О. Протопопов		томские послы			■								
187	1685 г. Томск, воевода А.М. Кольцов- Мосальский	М	Томский сын боярский И. Вербицкий				■	■		■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
188	1688 г. Томск, воевода С.П. Вяземский	Н	Томский сын боярский С. Лавров				■	■		■						
189	1688 г. Кузнецк, воевода И.М. Конищев	М	Кузнецкий конный казак А. Сметанников		б/р			■		■						
190	1690 г. Томск, воевода И.И. Дурново	Ц	Конный казак И. Рыбников		б/р			■								
191	1694 г. Томск, воевода В.А. Ржевский	Ц	Томский сын боярский М. Ржицкий	б/р				■								
192	1694 г. Вероятно, Томск, воевода В.А. Ржевский	Н	Толмач Шумилов				■									■
193	1694 г. Томск, воевода В.А. Ржевский	Ц	Сын боярский К. Греченин		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
194	1695 г. Томск, воевода В.А. Ржевский	М	Томский неверстанный сын боярский Н.В. Прокофьев	б/р				■		■						
195	1698 г. Томск, воевода В.А. Ржевский	Н	Томский неверстанный сын боярский Н.В. Прокофьев				■			■	■					
196	1699 г. Томск, воевода Г.М. Петрово- Соловово	М	Томский сын боярский И. Ядловский				■	■	■							
197	1701 г. Томск, воевода Г.М. Петрово- Соловово	М	Томский сын боярский Н.В. Прокофьев				■	■			■					
198	1703–1707 гг.	Н	Кузнецкий сын боярский Е. Кириллов				■									■

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Кузнецк, воевода Б.А. Сенявин (вероятно)															
199	1705 г. Томск, воевода Г.М. Петрово-Соловово	Н	Неизвестно				■	■								
200	1707 г. Кузнецк, воевода О.Р. Качанов	Н	Кузнецкий сын боярский Е. Кириллов				■									■
Орчакские князцы ¹⁰																
201	1635 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	М	Томский сын боярский С. Лавров			б/р		■		■						
202	1649 г. Томск, воевода – неизвестно	Н	Томский сын боярский Ю. Трапезонский				■	■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
203	1664 г. Тобольск, воевода И.А. Хилков	М	Тобольский татарский голова С. Турский		б/р			■		■	■					
Киргизские (езерские, алтырские, алтысарские, тубинские) князцы																
204	1609–1610 гг. Томск, воевода В.В. Волынский	Н	Неизвестно				■	■								
205	1616 г. Томск, воевода Г.Ю. Хрипунов	Ц	Томский конный казак В. Ананьин	б/р				■						■		
206	1623 г. Томск, воевода И.Ф. Шаховской	М	Томский казак В. Анисимов		б/р			■								
207	1625 г. Тобольск, воевода Ю.Я. Сулешов	М	Сын боярский П. Сабанский	в посольстве	б/р			■								
208	1627 г. Тобольск, воевода А.А. Хованский	Ц	Тобольский сын боярский Д. Черкасов	б/р	б/р			■		■	■		■			

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
209	1629 г. Красноярск, воевода А.Ф. Акинфиев (?)	Н	Красноярский десятник Н. Хохряков				■	■					■			
210	1630 г. Томск, воевода П.И. Пронский	Ц	Пятидесятник Д. Копылов		б/р			■								
211	1632 г. Томск, воевода И.Ф. Татев	Ц	Пятидесятник В. Синяжин		б/р			■								
212	1632 г. Томск, воевода Н.И. Егупов-Черкасский	Ц	Томский пятидесятник конных казаков А. Губа		б/р			■								
213	1635 г. Красноярск, воевода Ф.М. Мякинин	М	Красноярский служилый человек С. Самсонов		б/р			■			■					

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
214	1635 г. Красноярск, воевода Ф.М. Мякинин	М	Красноярский десятник П. Драчев		б/р			■								
215	1635 г. Томск, воевода Н.И. Егупов-Черкасский	Ц	Томский атаман пеших казаков Д. Копылов		б/р			■		■						
216	1638 г. Томск, воевода И.И. Ромодановский	Ц	Томский пятидесятник А. Губа		б/р			■								
217	1641 г. Томск, воевода С.В. Клубков-Мосальский	М	Конный казак И. Грызов		б/р			■								
218	1642 г.	М	Томский казак И. Павлов		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Ачинский острог, приказчик Я.Е. Тухачевский															
219	1642 г. Ачинский острог, приказчик Я.Е. Тухачевский	М	Сын боярский Ю. Ядловский				■	■								
220	1642 г. Томск, воевода С.В. Клубков-Масальский	М	Томские конные казаки Е. и С. Мезени	б/р				■							■	
221	1643 г. Кузнецк, воевода Д.В. Кафтырев	М	Кузнецкий служилый человек Г. Сидоров			б/р		■								
222	1643 г. Кузнецк, воевода Д.В. Кафтырев	М	Кузнецкий служилый человек [конный			б/р		■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
			казак] С. Васильев													
223	1643 г. Томск, воевода И.С. Кобыльский	М	Томский сын боярский С. Греченин			б/р		■								
224	1646 г. Томск, воевода О.И. Щербатов	Ц	Томский сын боярский П. Копылов	б/р				■	■	■			■		■	
225	1647 г. Кузнецк, воевода А. Зубов	М	[Кузнецкий десятник] Ш. Яковлев		б/р			■		■						
226	1648 г. (?) Томск, воевода О.И. Щербатов	М	Пятидесятник Д. Вяткин		б/р			■								
227	1648 г. Томск, воевода О.И. Щербатов	Н	Томский сын боярский С. Греченин				■			■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
228	1650 г. Кузнецк, воевода Г.К. Засецкий	Ц	Кузнецкий пятидесятник П. Иванов		б/р			■								
229	1669 г. Красноярск, воевода А.И. Сумароков	М	Красноярский служилый человек А. Сорокин		б/р			■								
230	1672 г. Красноярск, воевода А.И. Сумароков	Ц	Красноярский сын боярский И. Айкан		б/р			■			■					
231	1674 г. Кузнецк, воевода Г.В. Волков	М	Служилый человек Ф. Бызой		б/р			■								
232	1676 г. Кузнецк, воевода Г.В. Волков	М	Кузнецкий конный казак А. Сметанников		б/р			■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
233	1677 г. Кузнецк, воевода Г.В. Волков	М	Кузнецкий сын боярский М. Грожавский		б/р					■						
234	1677 г. Томск, воевода П.Л. Львов	М	Томский служилый человек (толмач) К. Капустин		б/р			■								
235	1677 г. Красноярск, воевода Д.Г. Загряжский	М	Красноярский атаман Р. Кольцов	б/р	б/р			■		■	■					
236	1677 г. Красноярск, воевода Д.Г. Загряжский	М	Красноярский пятидесятник П. Муруев	б/р	б/р			■					■			
237	1678 г. Томск, воевода П.Л. Львов	Ц	Томский сын боярский А. Ядловский		б/р	б/р				■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
238	1678 г. Кузнецк, воевода И.И. Давыдов	М	Конный казак М. Пойлов		б/р					■						
239	1678 г. Красноярск, воевода Д.Г. Загряжский	М	Десятник А. Чермнов		б/р			■								
240	1680 г. Томск, воевода П.Л. Львов	М	Томский сын боярский И. Гречанинов		б/р	в посланцах		■								
241	1682 г. Томск, воевода И.М. Кольцов- Мосальский	М	Служилый татарин К. Сайтуганов, мулла бухаретин			б/р		■								
242	1683 г. Томск, воевода И.М. Кольцов- Мосальский	М	Томский сын боярский И. Петров		б/р	б/р		■			■					

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
243	1683 г. Томск, воевода И.М. Кольцов-Мосальский	М	Томский неверстанный сын боярский П. Иванов		б/р	б/р		■						■		
244	1684 г. Томск, воевода А.М. Кольцов-Мосальский	М	Томский сын боярский И. Вербицкий		б/р	б/р		■								
245	1684 г. или 1685 г. Томск, воевода А.М. Кольцов-Мосальский	М	Томский сын боярский И. Петров		б/р			■						■		
246	1685 г. или 1686 г. Красноярск, воевода Г.И. Шишков	М	Красноярский десятник Р. Торгашин		б/р					■						
247	1687 г. Кузнецк, воевода И.М. Конищев	М	Кузнецкий десятник конных		б/р			■		■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
			казаков Ф. Тихонов													
248	1687 г. Томск, воевода С.П. Вяземский (?)	Н	Томский сын боярский П. Петров				■	■								
249	1687 г. Красноярск, воевода – неизвестно	Н	Красноярский пятидесятник И. Сиротинин				■	■								
250	1687 г. Красноярск, воевода – неизвестно	Н	Красноярский пятидесятник И. Сиротинин				■	■								
251	1688 г. Красноярск, воевода – неизвестно	Ц	Красноярский десятник Р. Торгашин	б/р				■		■						
252	1688 г.	Н	Неизвестно				■	■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Кузнецк, воевода И.М. Конищев															
253	1690 г. Томск, воевода И.И. Дурново	Н	Томский сын боярский А. Круглик	б/р				■		■						
254	1691 г. Томск, воевода И.И. Дурново	М	Томский сын боярский С. Тупальский	б/р				■								
255	1691 г. Красноярск, воевода Л.М. Поскочин	М	Красноярский десятник Т. Ковригин		б/р			■								
256	1692 г. Красноярск, воевода Л.М. Поскочин	М	Красноярский пятидесятник И. Сиротинин		б/р			■								
257	1692 г.	М	Красноярский атаман М. Злобин		б/р					■						

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерти	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
	Красноярск, воевода Л.М. Поскочин															
258	1696 г. Томск, воевода В.А. Ржевский	Н	Томский конный казак А. Легачев				■	■								
259	1700 г. Томск, воевода Г.М. Петрово-Соловово	М	Томский толмач А. Кожевников	б/р	б/р			■								
260	1701 г. Красноярск, воевода П.С. Мусин-Пушкин	М	Красноярский десятник Р. Торгашин	б/р обобщенно – «посланцы»				■		■						
261	1701 г. Томск, воевода Г.М. Петрово-Соловово	Н	Томский сын боярский П. Петров	томские посланцы				■			■					

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия								
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸
262	1701 г. Кузнецк, воевода Л.Я. Синявин	Н	Неизвестно	кузнецкие посланцы				■			■					
263	1702 г. Томск, воевода Г.М. Петрово- Соловово	Н	Томский сын боярский И. Сеченов				■	■								
264	1702 г. Кузнецк, воевода Л.Я. Синявин	Н	Кузнецкий десятник пеших казаков М. Калачиков				■				■					
265	1703 г. Кузнецк, воевода Б.А. Синявин	М	Кузнецкий атаман А. Попов		б/р			■								
266	1703 г. Томск, воевода Г.М. Петрово- Соловово	Н	Томский сын боярский П. Петров				■	■								

№	Год отправки, город, должностное лицо, снарядившее посольство	Инициатор ¹	Руководитель миссии (чин, имя и фамилия) ²	Дипломатический ранг ³				Полномочия									
				Посольская документация ⁴	Местная власть ⁵	Центральная власть ⁶	Нет данных ⁷	Проведение переговоров	Передача подарков	Приведение к шерги	Заключение «договора»	Передача писем и грамот	Взятие ясака	Взятие аманатов	Сопровождение	Нет данных ⁸	
267	1704 г. Красноярск, воевода И.С. Мусин-Пушкин	М	Красноярский сын боярский И. Злобин		б/р			■		■							

Примечания: ¹ Органы власти и уполномоченные лица, выступившие инициаторами отправки миссии: Ц – центральные органы власти (Казанский, Сибирский, Посольский приказы), М – местные органы власти (воеводы и приказчики), У – уполномоченное лицо – Ф. А. Головин, Н – неизвестно. ² Указан руководитель миссии – то лицо, которое в источниках при описании поездок упоминается на первом месте. В том случае, если чин установлен косвенно, он указан в квадратных скобках «[]». Если же чин человека установить не удалось, то указан следующий признак: [чин неизвестен]. ³ Лексика, используемая для обозначения дипломатического ранга служилых людей, посланных в центральноазиатские улусы. Если лицо упоминалось без ранга, то в столбцах указано значение – «б/р». ⁴ Дипломатический ранг, указанный в «посольской» документации (сказки, распросные речи, статейные списки, доезды), а также в челобитных, т. е. в документах, исходящих от участников дипломатических миссий (руководителей и членов посольств). ⁵ Дипломатический ранг, упоминаемый в документации, исходящей от представителей органов местной власти – воевод и приказчиков, а также в документации, относящейся к деятельности полномочного посла Ф. А. Головина. ⁶ Ранг, указанный в документации, исходящей от центральных органов власти – Посольского, Казанского, Сибирского приказов. ⁷ Поле «Нет данных» означает, что конкретных сведений о дипломатическом ранге установить не удалось. ⁸ Поле «Нет данных» означает, что полномочия русских дипломатов неизвестны. ⁹ Дипломатические миссии к хотогойтскому ламе Даин-Мерген-ланзу отнесены в один ряд к посольствам, которые ездили к алтын-ханам, поскольку тот находился в улусах хотогойтского правителя.

¹⁰ Дипломатическая миссия, возглавляемая сыном боярским П. Сабанским и посланная в 1646 г. к джунгарам, телеутам и орчакам, но по факту побывавшая только в улусах телеутов и орчаков, указана в списке тех посольств, которые ездили к телеутским князям.

Составлено по: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 3, 4; 1658 г. Д. 1. Л. 1, 5–7; 1701 г. Д. 1. Л. 1–8; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 10, 66, 69, 72; Стб. 455. Л. 13–16, 18–19; Стб. 702. Л. 3, 5–8, 9–10, 15, 16, 23, 24–25, 26, 29, 30, 44, 84; Ед. хр. 715–716. Л. 7, 182–183, 186, 271, 272; Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1–3; Д. 14. Л. 1–6; Д. 29. Л. 1–6; Д. 32. Л. 1–8; НИА СПбИИ РАН. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; РМО. 1607–1636. Сб. документов. М., 1959. С. 22, 24, 28–29, 31, 32–33, 37–38, 43–44, 51, 52, 56–57, 59, 61–63, 69, 101, 110–111, 113, 144, 166, 168–171, 176–177, 190, 191–195, 197–198, 206, 209–215, 229–230, 232, 239–241, 243, 245, 247, 257, 267, 268, 269, 294–295, 309; РМО. 1636–1654. Сб. документов. М., 1974. С. 24, 26, 29, 32–50, 51–60, 66, 70, 73, 76, 78–81, 89, 90, 93, 96, 99–100, 130–133, 134, 135, 140, 149–150, 151, 159–161, 169, 170, 174, 175, 176–177, 178, 179, 181, 191–192, 203–210, 211, 214, 215–216, 217, 219–220, 226, 228–229, 235, 236, 248, 251, 254, 271, 272, 275, 282–287, 345–346, 348–351, 352–353, 367, 369–370, 373, 374, 375, 376, 380, 381, 393, 395, 397; РМО. 1654–1685. Сб. документов. М., 1996. С. 22, 23, 25–26, 32, 34, 50, 51, 54, 59, 61, 62, 68, 69, 71–74, 81–82, 89–90, 91–92, 93–94, 101, 105–109, 115–119, 121, 136, 138–142, 144, 146, 147–157, 173, 185, 192–193, 198–200, 201, 202, 220, 221, 227, 237, 242, 243, 246–247, 248–249, 256–257, 277, 278, 279, 293, 304–305, 318, 324, 333–342, 343, 363, 375–376, 381, 383, 394; РМО. 1685–1691. Сб. документов. М., 2000. С. 73–75, 80, 84, 100, 108–109, 126, 128, 134, 182–183, 277, 283, 318; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 303–308; Исторические акты XVII столетия (1633–1699 гг.): материалы для истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1890. С. 8; Исторические акты XVII столетия (1630–1699 гг.): материалы для истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1897. С. 21–22; ДАИ. Т. 7. СПб., 1859. С. 342; ПСИ. Кн. 1. СПб., 1882. С. 69, 71, 174–186, 233–235; СДИБ. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 204, 381; МОЦА. Кн. 1. М., 1989. С. 57–58, 83, 215–218; РКО в XVII в. Т. 1. М., 1969. С. 47, 52; РКО в XVII в. Т. 2. М., 1972. С. 183, 184, 215, 217, 361–362, 371, 374, 377, 378, 380, 617, 624; РКО в XVIII в. Т. 1. М., 1978. С. 588–589; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.): документы и извлечения. Барнаул, 2006. С. 18–19; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подг. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун; [История Сибири. Первоисточники]. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 167, 172, 174, 184; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг / отв. ред. Н. Н. Покровский; изд. подг. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун; [История Сибири. Первоисточники]. Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 19, 21, 30, 32, 33, 34, 35, 37; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 415, 436; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 373, 429, 443, 471–473, 587–588; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. С. 241, 260; Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995. С. 39, 45, 46, 48, 69, 70, 71, 84, 86–87, 118–119, 126–128, 134, 136, 170, 180, 181, 182, 197; Сибирские переселения. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: сб. док-тов. Новосибирск, 2010. С. 17; Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М., 1886. С. 46; Оглоблин, Н. Н. К истории Томского бунта 1648 года. М., 1903. С. 20–21; Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. [СПб., 1911?]. С. 31, 33; Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. (Ч. II) // Азиатский сборник: Из Известий Российской Академии наук Новая серия. Пг., [1921]. С. 1087; Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926. С. 71; Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 191; Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957. С. 56, 63–64; Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 40;

Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 72; Арзыматов, А. А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. [Фрунзе], 1966. С. 51–52; Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в.: (исторический очерк). Фрунзе, 1968. С. 123; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 42–43, 57, 58, 70, 74, 75, 76, 79, 80, 89–91, 95–96, 126, 128, 132, 134, 161, 168, 171, 172; Уманский А. П. Некоторые документы о «затейке» томского воеводы Ильи Бунакова против воеводы князя Осипа Щербатова в 1649 году // Алтайский сборник / отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул, 1997. С. 160, 162, 163, 167, 170; Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 42, 54; Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 14; Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города, 30-х гг. XVII в. / сост. В. А. Есипов. Томск, 2005. С. 66; Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.: (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005. С. 81; Бутанаев, В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 59, 81–82; Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан, 2007. С. 98–99, 102, 111, 133–134, 194, 310–315; Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): монография. Барнаул, 2008. С. 174; Гурулев С. А. Первые иркутяне. Иркутск, 2011. С. 126; Бобровский, А. Ю. «Осада» Кузнецка 18–25 сентября 1700 г. // Из кузнецкой старины. Вып. 3. Новокузнецк, 2012. С. 61; Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... канд. ист. наук, Красноярск, 2016. С. 281, 360, 361, 382, 386, 394, 395, 396; Добжанский В. Н. Кузнецкий воевода Григорий Константинович Засецкий (по документам Сибирского приказа) // Из кузнецкой старины. Вып. 7. Новокузнецк, 2017. С. 123, 131; Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: библиографический словарь. М.; СПб., 2020. С. 146, 711, 739; Зуев А. С. Забайкальские служилые люди-толмачи на дипломатической службе во второй половине XVII – начале XVIII в. // «Пограничье: где начало того конца?»: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Г. Х. Самигулова. Челябинск, 2025. С. 95.